

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С93

С93 1941 год. Страна в огне : Сборник статей / под ред. Ю. А. Никифорова. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. — 504 с. — (Серия «Библиотека Российского военно-исторического общества»).

ISBN 978-5-4469-1911-6

ISBN 978-5-4469-1911-6

9 785446 919116

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Коллектив авторов, 2021

Содержание

В. А. Зубачевский

Начало германо-польского сближения и крушение
плана «Восточное Локарно» (1930–1935 гг.)..... 7

Ю. В. Тавровский

Китай — наш «второй фронт» Второй мировой войны..... 27

А. А. Кошкин

Легендарный разведчик не нуждается в преувеличении
заслуг. Что передавал из Токио в Москву Рихард Зорге
в мае-июне 1941 года..... 38

О. Г. Назаров

СССР и польское эмигрантское правительство в годы
Великой Отечественной войны 52

А. В. Исаев

Проблема борьбы с бронетехникой Германии
летом 1941 г.: тактика, техника и люди 71

Б. У. Серазетдинов

Эвакуационная экономика СССР в первые годы войны
(1941–1942 гг.). Правда и мифы..... 83

О. Ю. Репухова

К вопросу об эвакуационном планировании гражданского
населения в Советском государстве в межвоенный период
как основы эвакуации в начале Великой Отечественной
войны..... 100

В. В. Коровин

Проблемы организации партизанских формирований
и разведывательно-диверсионной сети на территории
прифронтовых регионов Центрального Черноземья
в 1941 году 114

<i>В. А. Иванов</i> Анализ действий советской дальней бомбардировочной авиации в боях на Черном море в 1941 г.	138
<i>Г. М. Курков</i> Казачья кавалерия Красной Армии накануне войны и в 1941 г.	150
<i>А. В. Ануфриев, С. В. Трофименко</i> «Вернуть из небытия» – 46-я стрелковая дивизия в Смоленском сражении 1941 г.	177
<i>Н. В. Чернышева</i> Влияние военной мобилизации на демографическую ситуацию в Волго-Вятском регионе в 1941 году	201
<i>А. В. Гайдашев</i> Сталинградская область и сталинградцы в первые месяцы Великой Отечественной войны	209
<i>Р. Н. Рахимов</i> Башкирия в начальный период Великой Отечественной: мобилизация, эвакуация, общественные настроения	219
<i>С. А. Жевалов</i> Заготовки сельскохозяйственных продуктов по СССР в 1941 г.	242
<i>Д. В. Колыхалов</i> Прокуратура СССР в 1941 г.	255
<i>Е. В. Суверов, С. Е. Суверов</i> Приоритетные направления деятельности НКВД СССР в начале Великой Отечественной войны (в Сибири и на Дальнем Востоке)	270
<i>Д. Н. Шкаревский</i> Структура военно-транспортных трибуналов в период Великой Отечественной войны	286

<i>К. Ю. Колесниченко</i> Укрепление обороноспособности советского Дальнего Востока в 1941 году	294
<i>Б. Б. Кондратенко</i> Охрана государственной границы СССР на Дальнем Востоке в 1941 г.	310
<i>Г. А. Ткачева</i> Дальневосточные рубежи в обеспечении обороноспособности СССР накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	317
<i>Т. И. Тарасенкова</i> Документы партизанских формирований о трагедии мирного населения в период оккупации Смоленской области, 1941-1943 гг.	333
<i>К. В. Купченко, Н. В. Никитина</i> Нацистская политика уничтожения в отношении жителей дорогобужского района Смоленской области в период оккупации 1941-1943 гг.	347
<i>В. В. Беспояско</i> Народная война на оккупированных территориях: население в партизанском движении	360
<i>В. А. Пискотина</i> Мир и война: настольные игры в СССР в 1941 году	382
<i>И. Б. Полуэктов, С. Н. Юсупова</i> Возрождение Куйбышевского государственного медицинского института (сентябрь 1942 года)	392
<i>А. М. Ермаков, М. Д. Кербиков</i> Немецкие военнопленные в Ярославской области: жизнь, труд и смерть в лагерях НКВД/МВД (1944-1949 гг.)	410

<i>А. В. Черепанов</i> С. С. Смирнов – певец народного подвига у истоков поискового движения	441
<i>А. В. Запортоженко, Н. Г. Федина</i> Битва под Москвой в образовательном пространстве современной России	449
<i>Р. Е. Жигун</i> «Сохрани мои письма...» О сборнике писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны	457
<i>Е. М. Мальшева</i> Основные тенденции и поиск общих подходов к освещению роли СССР в отражении японской агрессии и завершении Второй мировой войны на Дальнем Востоке	470
<i>В. Г. Кикнадзе</i> Нормативно-правовое обеспечение сохранения и защиты памяти о Великой Отечественной войне в России: направления совершенствования.....	482

*Виктор Александрович
Зубачевский*

Профессор, д. и. н., профессор кафедры
всеобщей истории, социологии и политологии Омского
государственного педагогического университета.

Начало германо-польского сближения и крушение плана «Восточное Локарно» (1930–1935 гг.)

Тема статьи актуальна в связи с территориальными изменениями на востоке Центральной Европы (Центрально-Восточной Европы – ЦВЕ) в конце XX века. Многие проблемы берут начало в геополитической трансформации региона в 1930-е годы. Но если в книге, изданной РОССПЭН в 1919 г.,¹ главное внимание уделялось советско-германо-польским отношениям в 1920-е гг., то стержнем статьи является германо-польское сотрудничество на фоне нацистской экспансии в ЦВЕ и политика СССР в регионе. Германия заключала двусторонние договоры с соседними государствами, которые использовались для подрыва усилий СССР, направленных на создание системы коллективной безопасности. В статье на примере ЦВЕ анализируется роль Политбюро ЦК ВКП(б) по руководству внешней политикой и действия Наркомата иностранных дел. Автор приходит к выводу,

¹ *Зубачевский В. А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитич. аспект. М.: Политическая энциклопедия, 2019.

что внешняя политика СССР имела в 1930-е гг. геополитическую направленность.

Сегодня идет полемика вокруг дефиниции «Центрально-Восточная Европа». Петербургский историк В. В. Носков считает ЦВЕ идеологической конструкцией, оставшейся в наследство современной историографии от времен холодной войны, и попыткой возродить миф о величии Речи Посполитой². Мнение, что термин пришел в российскую науку извне, разделяют и другие историки³. Автор настоящей статьи использует концепт ЦВЕ как аббревиатуру в утилитарных целях (для сокращения ее объема). Ментальные карты ЦВЕ — предмет дискуссии в Германии, Польше, Литве.

Для понимания предыстории Второй мировой войны важно осветить переговоры и подписание советско-польского пакта о ненападении в 1932 г. в свете германо-польских отношений. Еще 24 августа 1926 г. полпред СССР в Варшаве П. Л. Войков вручил советский проект договора о ненападении между СССР и Польшей министру иностранных дел Польши А. Залесскому. В ходе беседы с Войковым 14 декабря Ю. Пилсудский назначил своего друга С. Патека посланником в Москву для ведения переговоров. Но, как писал 26 февраля 1927 г. член коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоняков Войкову, польское правительство оттягивало переговоры⁴. Свою роль сыграло убийство 7 июня П. Л. Войкова белоэмигрантом Б. Ковердой.

Режим Пилсудского опирался на помещичье-буржуазные круги, имевшие экономические интересы в отошедших Польше по Рижскому миру украинских и белорусских землях, и не препятствовал усилению Германии.

² Носков В. В. Изобретая Центрально-Восточную Европу (к выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы») // Диалог со временем. Вып. 32. М., 2010. С. 323, 342.

³ См., напр.: Горизонтов Л. Е. Региональная терминология российского славяноведения // Славяноведение. 2019. № 3. С. 53.

⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее ДМИСПО). Т. V. М.: Наука, 1967. С. 45, 59–62, 88–89, 101.

Однако польская печать писала о необходимости солидарности политических партий в противовес «единству политических партий в Германии по вопросу границ с Польшей». К началу сентября 1930 г., констатировал немецкий историк Х. Роос, ссылаясь на приватное мнение дипломата А. Высоцкого, Пилсудский считал, что «гданьский вопрос может быть решен польским армейским корпусом»⁵.

Антипольская кампания лета 1930 г. повлияла на успех НСДАП на сентябрьских выборах в рейхстаг. Однако посланник Австрии в Польше Гейне заявил В. А. Антонову-Овсеенко: «Победу гитлеровцев в Германии не надо переоценивать, если бы Гитлер пришел к власти, то он сразу умерил бы свой тон»⁶. Правящие круги Польши недооценили угрозу для страны прихода нацистов к власти. Официальная *Gazeta Polska* опубликовала 9 сентября статью «От Штреземана к Гитлеру», в которой говорилось: «В победном марше Гитлера проблема восточных границ представляется сравнительно малозначимым вопросом в сравнении с обращенным против бывших союзников боевым фронтом. Гитлер — это скорее „Дранг нах Вестен“, чем „Дранг нах Остен“»⁷.

Но А. Высоцкий, назначенный посланником в январе 1931 г. в Берлин, констатировал рост реваншистских настроений в Германии⁸. Министр иностранных дел Ю. Курциус в письме 17 марта немецкому послу в Лондоне К. фон Нейрату детализировал германские предложения о ревизии границ. Он предложил предоставить Польше «привилегированный транзит» к морю, порт в данцигской бухте и «вольные гавани» в германских портах⁹. Г. Геринг

⁵ Цит. по: Roos H. Polen und Europa: Studien zur Polnischen Aussenpolitik 1931–1939. Tübingen, 1957. S. 39.

⁶ Дневник полпреда Антонова-Овсеенко. 13.10.30. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 4. Д. 75. Л. 8.

⁷ *Gazeta Polska*. 1930. 9 wrzesień.

⁸ Wysocki A. Tajemnice dyplomatycznego seifu. W., 1974. S. 76.

⁹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes. Ser. B: 1925–1933. Bd. XVII. Göttingen, 1982, S. 55–59.

10 мая заявил в рейхстаге, что Данциг не стал «добычей Польши» благодаря созданию там «сильного центра национал-социализма» и заявил, что державы не должны «доводить до крайности свои требования, иначе искра, вспыхнувшая» в городе, «охватит пожаром ... Европу»¹⁰.

К концу 1931 г. барометр германо-польских отношений, по словам посланника в Варшаве Х. фон Мольтке, «опустился до нулевой точки»: во-первых, обострилась «таможенная война», во-вторых, в Польше возникло беспокойство, что после снятия оков репараций и «под возрастающим влиянием идеологии Гитлера ревизия границ как единственный нерешенный внешнеполитический вопрос станет объектом, на который будет направлена вся энергия Германии»¹¹. Пилсудский в декабре 1931 г. назначил вице-министром иностранных дел Ю. Бека и выдвинул на первый план проблему Данцига¹². По словам немецкого историка Х. Хёлтге, «политическое и военное запугивание» Германией Пилсудским достигло в этот период высшей точки. Этому способствовало отвлечение внимания СССР на Дальний Восток в связи с оккупацией Маньчжурии Японией. Пилсудчики планировали овладение Данцигом и Восточной Пруссией, поскольку СССР не сможет занять активную позицию в случае германо-польской войны¹³.

Польские газеты обвинили в причастности к событиям вокруг Данцига СССР, который якобы был заинтересован в разжигании германо-польского конфликта. Однако И. В. Сталин подошел к делу прагматично. 30 августа 1931 г. генсек направил письмо Л. М. Кагановичу в Москву: «Почему не сообщаете ничего о польском проекте

¹⁰ Schulthess's Europäischer Geschichtskalender. Bd. 73. München, 1933. S. 77.

¹¹ Цит. по: Hóltje Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlokarne-Problem 1919–1934: Revision oder Garantie der deutschen Ostgrenze von 1919. Würzburg, 1958, S. 257, 258.

¹² Beck J. Pamietniki (Wybor). W., 1955. S. 39, 40.

¹³ Hóltje Ch. Op. cit. S. 193, 194.

пакта (о ненападении), переданном С. Патеком Литвинову? Дело это очень важное, почти решающее (на ближайшие 2–3 года) вопрос о мире, и я боюсь, что Литвинов сведет его к пустышке. Обратите на это дело серьезное внимание, пусть ПБ возьмет его под специальное наблюдение и постарается довести его до конца всеми допустимыми мерами. Было бы смешно, если бы мы поддались в этом деле общемецанскому поветрию „антиполонизма“, забыв хотя бы на минуту о коренных интересах революции и социалистического строительства»¹⁴.

В тот же день Политбюро выразило недовольство руководством НКВД по поводу опровержения сообщений о переговорах с поляками. С точки зрения Сталина позиция Польши была ключевой для внешнеполитического положения СССР: без участия Польши антисоветская военная акция со стороны Запада не могла быть организована. Думаю, особую антипатию Сталина к Польше видный ученый М. М. Наринский отрицает, хотя ряд историков приписывает «антиполонизм» вождю в связи с его участием в советско-польской войне 1920 года. Получив проект Патека, Сталин дал категорическое указание начать переговоры с Польшей. В письме Кагановичу от 7 сентября он обвинил Карахана и Литвинова в том, что они «допустили грубую ошибку, для ликвидации которой необходимо более или менее продолжительное время». 20 сентября, отвергнув точку зрения Литвинова, Политбюро приняло решение: добиваться заключения пакта о ненападении с Польшей¹⁵.

Пилсудский же все активнее делал ставку на Берлин. Роос отметил, что политика маршала в отношении Германии опиралась на «внутреннюю разобщенность рейха и тяжелое политическое положение кабинета Брюнинга».

¹⁴ Цит. по: Наринский М. М. Политика СССР в Европе и Польша. 1933–1938 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: сб. статей. М.: Наука, 2001. С. 28–29.

¹⁵ Там же.

Цель была в том, чтобы «парализовать дипломатически-пропагандистское наступление правительства Брюнинга» в вопросе ревизии германо-польской границы¹⁶. Для «санационного» режима советско-польские переговоры о пакте стали попыткой оказать давление на Германию и Францию, перестроив франко-польские отношения на равном партнерстве.

Переговоры проходили в нелегкой обстановке, но в январе 1932 г. советско-польский пакт о ненападении парафировали в Москве, хотя с его подписанием Пилсудский не спешил. Антисоветская истерия в Польше даже усилилась после убийства 7 мая французского президента П. Думера русским белоэмигрантом, которого объявили «агентом Коминтерна». Польские газеты публиковали сообщения французской прессы: Москва предлагает нацистам Данцига «перерезать охраняющих склады на Вестерплатте польских солдат» и, спровоцировав германо-польский конфликт, перебросить 30 дивизий на Дальний Восток¹⁷.

Ситуация, сложившаяся в германо-польских отношениях во второй половине 1932 г., обусловила близость интересов СССР и Польши, заинтересованных в противодействии плану германской экспансии и диктату западных держав в международных вопросах. В результате 25 июля 1932 г. договор о ненападении между СССР и Польшей был подписан. Пакт констатировал, что обе страны отказываются от войны как орудия национальной политики в их взаимоотношениях. Договор заключался на три года с автоматическим продлением на последующее двухлетие¹⁸. Однако решительного улучшения отношений между странами не произошло.

2 ноября 1932 г. франкофила А. Залесского на посту министра иностранных дел сменил Ю. Бек, ставший вто-

¹⁶ Цит. по: *Roos H.* Op. cit. S. 37–39.

¹⁷ *Kurier Warszawski.* 1932. 29, 31 maj.

¹⁸ Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. 15. М., 1969. С. 436–439.

рой после маршала фигурой в руководстве внешней политики. Это была не формальная перестановка, а попытка Пилсудского начать преодоление разногласий с Германией. Пилсудский, по словам Бека, «трактовал пакт о ненападении с СССР скорее как важную политическую декларацию, а не как юридический инструмент»¹⁹. Смысл пакта, по мнению Польши, состоял в тактическом укреплении ее позиций в отношениях с Германией и западными державами, содействуя решению и более важных, с точки зрения пилсудчиков, задач.

Высоцкий спросил у экс-канцлера Папена, «на каких условиях возможно ослабление напряженности германо-польских отношений». Папен считал необходимым предварительное урегулирование проблемы коридора, но добавил, что это вопрос «меньшего значения в сравнении с грозящей Европе опасностью социального переворота ... Большевизм грозит не только Германии, но и Польше». В Варшаве восприняли эти слова как заинтересованность лидеров Германии в урегулировании на антисоветской основе германо-польских разногласий. В ходе новой беседы Папен сказал Высоцкому, что во главе Германии и Польши стоят Гинденбург и Пилсудский, которые могут договориться «как солдат с солдатом», «без парламента, а может, даже вопреки ему». Встречи с Папеном, по мнению Пилсудского, показали, что окружение Гинденбурга не против германо-польского примирения²⁰.

Подводя итоги, заметим, что позиция Сталина обладала и советско-польские переговоры проходили на выдвинутых Польшей условиях. Согласовывая положения договора о ненападении с Варшавой, советское руководство пошло на ряд уступок. Так, Москва согласилась включить в договор положение о признании территориальной целостности и политической независимости другой стороны, определении их нарушения как акта

¹⁹ *Beck J.* Op. cit. S. 123.

²⁰ Цит. по: *Wojcechowski M.* Polska i Niemcy na przelomie lat 1932–1933 // *Roczniki Hist.* 1963. Roczn. XXIX. S. 122, 123.

агрессии. Текст договора включал в себя основные положения польского проекта Патека. Польская пресса считала, что советско-польский пакт заставит фюрера пойти на некоторые уступки. Было прервано советско-германское сотрудничество, начавшееся в Рапалло.

Частью советско-польского договора явилась согласительная конвенция от 23 ноября 1932 г., закрепившая процедуру мирного разрешения двусторонних споров. Только Польше удалось получить от СССР широкие обязательства о взаимоприемлемом разрешении споров²¹. О перспективах советско-германо-польских отношений шла речь на Всемирной конференции по сокращению и ограничению вооружений, созванной по решению Лиги наций в Женеве. Характерна беседа советского дипломата с немецким профессором Гетчем: «Совершенно невозможно думать, сказал Гетч, что Германия могла бы выступить одновременно против Польши и против СССР. Точно так же невозможно представить себе, чтобы Германия могла вместе с Польшей выступить против СССР или участвовать в каких-либо враждебных комбинациях. В особенности нынешний состав правительства и тот, который ему придет на смену, не допускает мысли о возможности соглашения с Польшей»²².

Не отрезвил правящие круги Польши и приход к власти Гитлера. Пилсудский полагал, что утверждение власти нацистов будет длительным процессом и в их интересах ослабление германо-польской напряженности. Газета *Express Pogannu* писала 24 ноября 1932 г.: «Польша, лишенная до сих пор соответствующих кредитных предложений на международном рынке, нашла бы их скорее в случае прихода к власти правительства Гитлера в Германии». Польша может «с полным спокойствием относиться к возможности триумфа Гитлера»²³.

²¹ ДВП. Т. 15. С. 622–625.

²² 9 августа 1932 г. Записка Штейна о беседе с профессором Гетч — Литвинову, Крестинскому // АВП РФ. Ф. 0415. Оп. 9. П. 7. Д. 12. Л. 5–6.

²³ Польская печать. Ноябрь — декабрь 1932 г. // АВП РФ. Ф. 122. Оп. 15а. П. 75а. Д. 9. Л. 63.

Эти взгляды отразил доклад 18 марта 1933 г. польского сенатора Т. Кательбаха, в котором он заявил, что в Германии на смену умирающему прусскому национализму идет новый национализм. Для австрийца Гитлера главной внешнеполитической задачей является аншлюс и, «может, в скором времени Берлин станет „пограничным городом“, а его место займет другой город, переименованный в „Гитлербург“?» «Гитлер, — заметил Кательбах, — понимает опасность агрессии против Польши и не пойдет на нее»²⁴. Установление нацистской диктатуры в Германии Пилсудский рассматривал как важную положительную перемену. Гитлер воспользовался взглядами польских политиков и после краткой антипольской кампании пошел на сближение с Польшей. В мае 1933 г. канцлер, беседуя с Г. Дирксеном, заметил: «Если бы только мы могли договориться с Польшей! Но Пилсудский — единственный человек, с которым это было бы возможно»²⁵.

Советские дипломаты обратили внимание на изменение политики Гитлера. Литвинов сказал 23 марта 1933 г. посланнику Польши в Москве Ю. Лукаевичу: «Движение на юг для Гитлера представляет меньшую опасность ... военного столкновения, чем на восток ... Сам Гитлер как австриец ... стремится ... скорее инкорпорировать Австрию, чтобы таким образом стать рейхсдейче». Стомоняков писал 19 июня Антонову-Овсенко: бросается «в глаза сдержанность Польши в отношении дальнейшего сближения с нами», еще более бросается «в глаза за последнее время смягчение отношений между Польшей и Германией и усиление тенденций в Польше договориться с Германией ... Тенденция к сближению с Германией питается в Польше из двух источников: из стремления авантюристических кругов пилсудчиков использовать возможную войну Японии с нами и поддержку гитлеровской

²⁴ *Katelbach T.* Niemcy na przelomie // *Straznica Zachodnia*. 1932. № 4. S. 409–413 (в печать номер вышел в апреле 1933 г.).

²⁵ *Дирксен Г.* Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. С. 163–164.

Германии, а с другой стороны, из классовых симпатий эндеков к гитлеровскому движению»²⁶.

Пилсудский после выхода 14 октября 1933 г. Германии из Лиги наций начал встречное движение. 18 октября бывший кайзеровский офицер Ю. Липский вручил верительные грамоты президенту Гинденбургу. 15 ноября Гитлер встретился с Липским, который поставил вопрос о последствиях выхода Германии из Лиги Наций для отношений с Польшей. Гитлер ответил: «Собственно „восточные границы“ Германии никогда не были вполне точно организованы, не были закреплены „Версалем“ и „Локарно“; оставлено место для того, чтобы самоустраиваться». Гитлер и Липский достигли соглашения о германо-польских переговорах²⁷.

Антонов-Овсеенко сообщил о беседе с Беком в НКВД 27 ноября. По его мнению, «Польша всегда учитывала, что единого противогерманского фронта не существовало и нет ... Изоляция фактически угрожала Польше, не Германии ... Выход Германии из Л[иги] Н[аций] и разрыв ее с конференцией по разоружению создал новое положение вещей ... официальных предварительных политических переговоров после выхода Германии из Лиги, до беседы польского посла с Гитлером (15 ноября), не велось ... Со слов Бека передается, что беседа была почти односторонней. Гитлер ... выразился — „я не пруссак“»²⁸. Учитывая обстоятельства, Политбюро ЦК ВКП(б) 1 декабря приняло решение, предусматривавшее вступление СССР в Лигу Наций и заключение соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

26 января 1934 г. глава МИД Германии Нейрат и Липский подписали «Декларацию о неприменении силы между Германией и Польшей», известную как «Пакт Пилсудский — Гитлер». По настоянию Гитлера пакт получил менее обязывающие, чем договор, название и форму —

²⁶ ДВП. Т. 16. М., 1970. С. 182–183, 355.

²⁷ ДМИСПО. Т. VI. М.: Наука, 1969. С. 107–108.

²⁸ ДВП. Т. 16. С. 762.

декларация. В тексте не содержалось признания Германией статус-кво восточной границы, было лишь зафиксировано обязательство решать спорные вопросы путем «непосредственных переговоров» и «не прибегать к применению силы», что на практике не исключало давления на Польшу. Была свернута таможенная война, прекратилась взаимная критика в прессе. В выигрыше от договора осталась Германия. Немецким дипломатам удалось обойти вопрос о германо-польской границе, внушив Польше, что пакт является основой ее безопасности²⁹.

Однако Стомоняков в письме 4 февраля Антонову-Овсеенко обратил внимание на отсутствие «в пакте обычной клаузулы об утере пактом силы ..., если другая сторона нападет на какое-нибудь третье государство»³⁰. Гитлер использовал пакт для перевооружения против Польши. Польша рассматривалась как прикрытие с тыла в случае интервенции западных стран и как барьер при нападении СССР. В перспективе Гитлер рассчитывал на более тесные отношения с Варшавой и на подчинение ее немецким интересам на международной арене. Нормализация отношений с Польшей являлась в расчетах Гитлера первым шагом к ее будущей зависимости от Германии.

7 февраля 1934 г. полпред в Праге С. С. Александровский сообщил о беседе с министром иностранных дел Э. Бенешем: «Польско-германский договор является не больше чем дипломатической игрой, происходящей на основе полного взаимного недоверия друг к другу партнеров. Раньше в Европе говорили, что вопрос польского коридора — это вопрос войны ... Во времена Штреземана последовательность острых вопросов между Германией и Европой была такая: 1) коридор, 2) аншлюс». Гитлер «перевернул эту последовательность:

²⁹ Германо-польская декларация о ненападении. URL: <https://www.prlib.ru>; см. также: Kalisch J. Zur Genesis der deutsch-polnischen Nichtangriffserklärung vom 26. Januar 1934 // Wiss. Ztschr. Rostock. 1976. Hf. 2. S. 171–180.

³⁰ ДВП. Т. 17. М., 1971. С. 108.

сначала аншлюс, потом коридор ... Меня последовательность этих вопросов, Гитлер забыл одно: вопрос аншлюса стал ... не германо-австрийским вопросом, а общеевропейским»³¹.

Декларация была лаконична, и появились заявления, что к ней имеется секретное приложение. Советская разведка получила сведения, что к пакту приложен секретный протокол: «В случае непосредственного или косвенного нападения на Германию, Польша соблюдает строгий нейтралитет и даже в том случае, если бы Германия вследствие провокации была вынуждена по своей инициативе начать войну для защиты своей чести и безопасности»³².

Историк В. В. Соколов заметил, что польское правительство никогда не придерживалось «принципа равноудаленности» или «принципа равновесия», которые отражали лозунг «ни шага ближе к Берлину, чем к Москве». Вспомним, сколько раз был Бек в Берлине и сколько раз он принимал германских гостей в Варшаве. В Москве Бек был с визитом в феврале 1934 г. и не дождался возвращения в столицу Сталина, что явилось ошибкой Бека³³.

Характерна беседа Литвинова с Бекем, проходившая 13–15 февраля в Москве. Нарком сделал следующие выводы: «Сотрудничество с Польшей в отношении Германии надо считать на ближайшее время отпавшим ... Польша считает полезным для себя свою новую ориентацию или даже новые планы маскировать поддержанием внешне хороших отношений с нами или даже улучшением». Результатом визита Бека явилась договоренность о возве-

³¹ ДВП. Т. 17. С. 122.

³² Секреты польской политики 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации / сост. Л. Ф. Соцков. М., 2010. С. 28.

³³ Соколов В. В. Польский внешнеполитический узел в преддверии Второй мировой войны // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. С. 88–89.

дении миссий «в ранг посольств» и продление срока действия Договора о ненападении между СССР и Польшей до 31 декабря 1945 года³⁴.

24 февраля 1934 г. в Варшаве германо-польская декларация была ратифицирована и стороны подписали германо-польский протокол о прессе, по которому средства массовой информации должны были помогать новому курсу на сближение Германии и Польши. 27 февраля телеграфные агентства двух стран опубликовали комюнике, в котором декларировали решимость использовать прессу, образование, радио, кинематограф, искусство в интересах «дружественной атмосферы». Ликвидировали запрет на ввоз нацистских газет. Особое значение это имело для Германии: немцы, живущие в Польше, могли беспрепятственно получать фашистские издания. Польша заверила, что будет препятствовать распространению антифашистской прессы, выпускаемой немецкими эмигрантами³⁵.

Колебания в правящих кругах Польши были. На совещании бывших премьеров польского правительства 7 марта 1934 г. Пилсудский заявил, что «не верит и предостерегает от того, чтобы считать, будто подобное состояние мирных отношений между Польшей и обоими соседями будет длиться вечно», «добрые отношения между Польшей и Германией могут продолжаться еще года четыре». За «большее количество лет» он «ручаться» не может. Но маршал считал, что германо-польское сближение вызовет изменения в психологии немцев и позволит преодолеть прусскую антипольскую традицию³⁶.

³⁴ ДВП. Т. 17. С. 139, 149–150, 315–317.

³⁵ Kalisch J. Wirksamkeit und Grenzen des deutsch-polnischen Presseprokolls vom 24. Februar 1934 // Wiss. Ztschr. Rostock. 1976. Hf. 9. S. 1009, 1010.

³⁶ См.: Корнат М. Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков: науч. изд. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 353, 352.

12 апреля 1934 г. Пилсудский в Главном инспекторате вооруженных сил собрал совещание высших военных и дипломатов. Маршал заявил: самое важное в международном плане — «это довольно дружественные отношения с Россией и Германией. Настоящее положение не является чем-то постоянным». Маршал потребовал от военных под угрозой дисквалификации представить в течение месяца в письменном виде ответ на вопрос: «Которое из этих государств является наиболее опасным для Польши и может стать опасным в первую очередь?» Большинство генералов ответили, что более опасен Третий рейх, или предлагали выиграть время, как говорил 17 марта 1935 г. премьер-министр Л. Козловский новому советскому полпреду Я. Х. Давтяну, чтобы больше укрепить военный потенциал Польши³⁷.

Временный поверенный в делах СССР в Германии Бессонов писал о беседе 27 июля 1934 г. с заведующим IV отделом МИД Германии Мейером. По словам Мейера, пакт превращает Германию «в проходной двор для французской, польской, чешской и русской армий ... Западные границы Германии защищены Локарнским договором и гарантированы итальянцами и англичанами. Что касается восточной границы Германии, то она защищена 10-летним договором с Польшей, а с Советским Союзом Германия не имеет общих границ». Восточный пакт — это «новый способ подтверждения французской гегемонии в Европе при помощи русских штыков». НКВД считал, что курс польской политики на сотрудничество с Германией диктуется спекуляцией пилсудчиков на японо-советской войне. Стомоныков писал 4 ноября 1934 г. Давтяну: «Растет близость «между Польшей и Японией», идет подготовка «заключения союзного договора»³⁸.

По мнению генерала А. И. Деникина³⁹, «те круги, которые питают надежду на сотрудничество Германии в „вос-

³⁷ ДМИСПО. Т. VI. С. 192–193, 259–260.

³⁸ ДВП. Т. 17. С. 508, 665.

³⁹ Деникин А. И. Кто спас Советскую власть от гибели // Деникин А. И., Лампе А. А. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 12.

точных делах“, могут жестоко обмануться. Данцигский коридор, Поморье, Верхняя Силезия... это реальность. Украина же — иллюзия». Генерал полагал, что «стратегическому маршала Пилсудского» Гитлер использует «в отношении Польши так, как Пилсудский применял ее некогда в отношении России».

Чтобы не допустить ревизии версальских границ на востоке Центральной Европы, советские дипломаты стали разрабатывать проект «коллективной безопасности». Идею Восточного пакта (на Западе назвали его «Восточное Локарно») выдвинул в декабре 1933 г. Литвинов в беседе с французским министром иностранных дел Ж. Поль-Бонкурором. Однако Сталин занял промежуточную позицию. В отчетном докладе на XVII съезде ВКП(б) вожьд разоблачал германский фашизм и его реваншистскую политику, но отнесся скептически к созданию системы «коллективной безопасности»⁴⁰. С февраля 1934 г. переговоры о «Восточном Локарно» вел новый министр Луи Барту.

Отношение Польши к «Восточному Локарно» наглядно показал визит Барту в апреле в Варшаву. 23 апреля, по словам Ж. Табуи, в ходе беседы с Барту Пилсудский старался «быть настолько неприятным, насколько это возможно». Диктатор заявил: «Мы восхищены нашими первыми соглашениями с Гитлером, и мы убеждены, что... французы никогда не испытывали достаточного уважения к польской нации». Польское правительство отказывается от «участия в Восточном Локарно, если в нем будет участвовать Россия». Показательны слова Бека, сказанные Барту в Кракове: «франко-польский союз больше не интересует Польшу... Что касается России, то я не нахожу достаточно эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, какую у нас питают по отношению к ней!»⁴¹ В мае

⁴⁰ Сталин И. В. Отчетный доклад на XVII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 26 января 1934 года // Сочинения. Т. 13. М., 1953. С. 301–303.

⁴¹ Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 224–225, 227.

Барту предложил включить в систему Восточного пакта Германию, для того чтобы лишить ее повода заявлять, что Франция и СССР проводят «политику окружения» рейха. Но пакт не был подписан из-за отказа от участия в нем Германии 11 сентября и Польши 27 сентября.

Немалую роль сыграл трагический фактор — убийство Л. Барту 9 октября в Марселе при встрече югославского короля Александра I. Террористический акт против Барту был подготовлен с личной санкции Гитлера и при активном участии Геринга (шеф гестапо). Теракт получил кодовое название «Тевтонский меч». Советский историк В. К. Волков отметил, что гитлеровцы осуществили свой замысел «руками македонских террористов, прикрыв покушение усташским плащом»⁴² (усташа — хорватские боевики). После кончины Барту его преемник П. Лаваль переориентировал политику Франции на сотрудничество с Германией.

Германо-польский пакт о ненападении прорвал усилившуюся после выхода Германии из Лиги наций внешнеполитическую изоляцию Третьего рейха, ослабил систему французских союзов на востоке Европы и положил начало заключению Германией двусторонних договоров с соседними государствами, которые она использовала для подрыва усилий СССР и миролюбивых сил Запада, направленных на создание системы коллективной безопасности. Таким образом, Гитлер продолжил веймарскую политику маневрирования в отношении Польши и официально выдвинул притязания на Данциг и Польский коридор в октябре 1938 года. Именно этот субрегион стал поводом ко Второй мировой войне.

В 1934 г. выявилось отрицательное отношение Германии и Польши к заключению «Восточного Локарно» при двусмысленном отношении к проекту со стороны Англии. В июне 1934 г. СССР был признан Чехословакией и Ру-

⁴² Волков В. К. Операция «Тевтонский меч». М., 1966. С. 143; Малафеев К. А. Луи Барту — политик и дипломат. М., 1988. С. 151–158.

мынией, в сентябре принят в Лигу наций и стал постоянным членом ее Совета. Вопросы сближения с Францией и заключения Восточного пакта занимали важное место в европейской политике СССР в 1933–1935 гг. Но советское руководство исходило при этом не из идеологии антифашизма и приверженности идее коллективной безопасности, а из национально-государственных интересов СССР.

27–31 января 1935 г. под предлогом участия в охоте в Польше находился Геринг. В советско-польских отношениях на фоне германо-польского сближения, по мнению историка А. В. Ревякина, своего рода моментом истины стала беседа Литвинова с Лукасевичем 10 февраля. Беседа привела к размолвке между СССР и Польшей, последствия которой ощущались долго. Посол обвинил СССР в том, что он «придает большее значение союзу с Францией, чем своим добрососедским отношениям с Польшей». Литвинова поразило заявление Лукасевича, что раз СССР не имеет «общей границы» с Германией, полякам приходится «подозревать, что его энергичное стремление к Восточному пакту имеет совершенно иное содержание». Нарком сказал послу, что тот «наивничает, когда просит нас не беспокоиться относительно Германии». Неужели Лукасевич не понимает, что литовская или латвийская «армии могут быть опрокинуты в 3 дня даже нынешним рейхсвером. Но допустим, что немцы останутся у наших границ, захватив лишь Прибалтику. Разве Польша с этим готова мириться?» В итоге Литвинов сказал: мерилом польско-советских отношений «является реакция Польши на предложение о Восточном пакте»⁴³.

Невнятность политики Польши подтвердил полпред Давтян в письме 24 февраля Стомоныкову. «Все иностранные дипломаты (кроме, конечно, немцев) постоянно в разговорах твердят о том, что польская внешняя политика непонятна ... известное беспокойство по этому вопросу

⁴³ ДВП. Т. 18. М., 1973. С. 80, 81.

испытывают и сами немцы. Мольтке всегда очень настойчиво воспринимает всякие намеки на возможные колебания и перемены в польской политике ... Говорят, что Геринг косвенно предлагал Пилсудскому военный союз, но тот это вежливо отклонил. Геринг будто бы сказал Пилсудскому, что в случае опасности Польша всегда может рассчитывать на помощь немецкой армии. Зашедшая далеко игра поляков с немцами, очевидно, предусматривает и возможность крутого поворота, если обстоятельства этого потребуют ... Но пока Польша еще твердо держится прогерманской позиции во всех европейских вопросах ... целью польской внешней политики является — помешать нашему сближению с Францией и вообще изолировать нас от Европы». Даже отказ Германии от военных статей Версальского договора не вызвал беспокойства польских официальных лиц. 17 марта Давтян в неформальной беседе с премьер-министром Л. Козловским прямо спросил его мнение. «Козловский с обычной своей „солдатской откровенностью“ сказал: „Я имею 30 дивизий, и неплохих дивизий, и я спокоен за Польшу“»⁴⁴.

Польский источник послал агентурное сообщение ИНО ГУГБ НКВД, сообщившее 1 апреля Сталину об отношении к Польше в Англии: «Официальные круги Лондона ... считают, что польское правительство ведет детскую политику престижа, мешающую упрочению мира в Европе и не соответствующую ни политическому, ни военному и ни финансовому значению Польши ... Бека все влиятельные люди в Англии считают как опасного авантюриста, нисколько не подготовленного для занимаемого им поста и готового на все для собственных целей ... Английское правительство понимает невыгодность для Польши французского проекта пакта о взаимной помощи ... оно считает, что негативная тактика Польши лишь путает и парализует переговоры, так как Польша во всем отказывается и ничего со своей стороны не предлагает, что бы

⁴⁴ ДВП. Т. 18. М., 1973. С. 136, 187.

могло облегчить реализацию желаемого Англией успокоения в Европе ... Англичане уверены, что между Польшей и Германией существует какой-то тайный договор, связывающий их в европейской политике и обязывающий их к взаимной помощи»⁴⁵.

В политике режима после кончины 12 мая Пилсудского усилились кризисные тенденции. «Санация» потеряла лидера, что сказалось на единстве пилсудчиков. Президент И. Мосьцицкий, нарушив конституцию, поделился частью полномочий с новым генеральным инспектором вооруженных сил Э. Рыдз-Смиглы. В польском руководстве возникли разногласия и в сфере внешней политики, хотя Бека критике еще не подвергали. Для советско-польских отношений в 1935–1937 гг. были характерны недоверие, мелкие столкновения, отсутствие продолжения линии 1932 года.

Польский источник отправил сообщение замначальника ИНО ГУГБ НКВД Слуцкому: «1. Бек информировал Лавала, что Польша откажется подписать Восточный пакт ... 2. Во время визита Геринга в Варшаву никакого соглашения подписано не было, но достигнуто устное джентльменское соглашение о том, что: а) Польша поддерживает требования Германии о равноправии вооружений, а также относительно аншлюса; б) Германия, в свою очередь, поддержит Польшу в ее требованиях в отношении договора о нацменьшинствах; в) Обсуждался вопрос о совместном противодействии усилению влияния СССР на европейские дела. 3. По мнению поляков, срок военного столкновения между СССР и Японией откладывается с весны на осень 1935 года»⁴⁶.

Поскольку объем статьи ограничен, не буду выходить за ее рамки после кончины Пилсудского (1936–1939 гг. — отдельная тема), но позволю себе подвести некоторые

⁴⁵ Секреты польской политики 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / сост. Л. Соцков. М.: РИПОЛ-классик, 2010.

⁴⁶ Там же.

итоги. Иллюзорное представление Бека о совпадении долгосрочных интересов Польши и Германии на Востоке оказалось роковым для польского народа. Варшава заняла позицию, исключавшую возможность заключения военного соглашения между СССР, Англией и Францией при участии польской стороны. Вряд ли всю политическую ответственность можно возлагать на Польшу, но именно ее руководство отвергло создание в 1939 г. антигитлеровского фронта. Для Германии важно было не просто изолировать СССР, но и сделать из него дружественную державу. Советско-германский пакт о ненападении и секретный протокол от 23 августа позволили СССР сохранить формальный нейтралитет с началом Второй мировой войны.

Оценка политики Советского Союза, Германии и Польши на востоке Центральной Европы в 1930–1939 гг. идеологизируется историками и политикой как «дальнего» и «ближнего» Запада, так и Российской Федерации. Условно их можно назвать «критики» и «традиционалисты». Для «критиков» действия сталинского руководства связаны с вопросом об оценке советско-германского пакта о ненападении и секретных советско-германских протоколов, которые остаются предметом ожесточенной полемики.

«Традиционалисты» отвечают, что секретные соглашения о возможном разделе чужих территорий не новость в международной практике: достаточно вспомнить события Первой и Второй мировых войн. Они подчеркивают, что после Мюнхена, когда Англия и Франция отказались от политики коллективной безопасности, СССР должен был защищать чужие национальные интересы. Соглашение с Германией позволило СССР вернуть территории, принадлежавшие Российской империи, и расширить свои геополитические пределы. На Нюрнбергском процессе было установлено, что 11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил план нападения на Польшу, а 3 апреля наметил его дату — «не позднее 1.09.1939 г.».

*Юрий Вадимович
Тавровский*

Председатель экспертного совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития.

Китай — наш «второй фронт» Второй мировой войны

Неизбежность войны и с Германией, и с Японией была очевидна Кремлю еще до начала Второй мировой войны. Главной задачей советского стратегического планирования было отдалить каждое из этих столкновений и не допустить одновременного нападения и с Запада, и с Востока, войны на два фронта. Именно этим объясняются ключевые военные, экономические и дипломатические решения предвоенного времени. Синхронизация антисоветской стратегии Берлина и Токио стала очевидной уже в 1936 году, когда был заключен «Антикоминтерновский пакт». Вскоре последовало секретное соглашение между разведслужбами Германии и Японии. Ведение разведки против Советского Союза на Востоке возлагалось на японскую разведку кэмпэйтэй, на Западе — на абвер. В последующие годы германские и японские руководители, их военные и спецслужбы постоянно обменивались планами согласованного нападения на Советский Союз, расчленения его территории.

Ответом на угрозу безопасности и самому существованию СССР была ускоренная индустриализация, создание современной военной промышленности, укрепление

Вооруженных сил, приоритетное развитие Дальнего Востока. Предупреждением возможным агрессорам стали стратегические операции «Х» и «У», призванные продемонстрировать не только военный потенциал Москвы, но и решимость отстаивать свои интересы¹.

Участие СССР в гражданской войне в Испании началось вскоре после того, как она разразилась в июле 1936 года, и продолжалось до первых чисел апреля 1939 года. В рамках операции «Х» республиканцы получили из СССР кредиты на 85 млн долларов, 648 самолетов, 347 танков, 1 186 орудий, 500 тысяч винтовок и иную технику. В боях участвовали 2 065 советских добровольцев, среди них были как боевые офицеры, так и военачальники, крупные разведчики.

Операция «У» превосходила по масштабам и длительности операцию «Х», стала более результативной. Она готовилась заранее, но развернулась сразу после начала тотального наступления японской армии на Китай. Сталин считал помощь Китайской Республике столь же важной, сколь и поддержку республиканской Испании. 7 июля 1937 года японские войска спровоцировали столкновение на линии соприкосновения с китайскими частями в пригороде Пекина. Вскоре, как всегда без объявления войны, японцы развернули стратегическое наступление. К концу 1937 года они заняли Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин и десятки других городов в многонаселенных и экономически развитых районах Центрального и Восточного Китая.

В то время западные державы рассматривали правительство Китайской Республики во главе с Чан Кайши как второсортное. Они даже не осудили японскую агрессию в Лиге Наций. Прорвать дипломатическую блокаду, а затем и получить реальную помощь в борьбе с агрессора-

¹ Мясников В. С. Вторая мировая война: трагедия от пролога на Дальнем Востоке до эпилога на Дальнем Востоке // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М.: Вече, 2019. С. 87.

ми китайские власти смогли только от Советского Союза. Уже 21 августа, всего через 6 недель после начала тотальной фазы Войны китайского народа против японской агрессии (официальное название в КНР), в Нанкине был подписан Советско-китайский договор о ненападении.

СССР сразу выделил Китаю кредит в объеме 50 млн долларов США, вместе с последовавшими траншами кредиты составили 450 млн долларов. 14 сентября в Москве встретились советские и китайские военные эксперты, были согласованы перечень и сроки поставок техники. С учетом участия китайских коммунистов в борьбе с Японией было принято решение, что им будет выделяться четвертая-пятая часть поставок. Уже осенью 1937-го через советскую Среднюю Азию и китайский Синьцзян пошли караваны с оружием, были построены отсутствовавшие до того автодороги, аэродромы, сборочные заводы. За первые четыре года войны Китай получил от нас 1 285 самолетов, 1 600 артиллерийских орудий, 82 танка, 14 000 пулеметов, 110 000 винтовок, а также другое оружие и снаряжение. С весны 1938 года в боевых действиях и разработке планов участвовали советские военные. Среди них были будущие маршалы Чуйков, Рыбалко, Батицкий, Жигарев. Китайская авиация была почти уничтожена уже в первых боях, и с японскими пилотами сражались 3 665 советских летчиков-добровольцев, 211 из них погибли. 14 асов стали Героями Советского Союза².

Неоценимой помощью Китаю и фактическим участием СССР в войне стали стратегические операции Красной армии в районе озера Хасан в 1938 году и реки Халхин-Гол в 1939 году. По существу, Советский Союз уже тогда служил для Китая вторым фронтом, оттягивая японские силы. Характерно, что заключительное сражение на Халхин-Голе в конце августа практически совпало с заключением Договора о ненападении между Германией

² Сотникова И. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 126, 128.

и СССР 23 августа 1939 года. Демонстрируя жесткость на восточном фланге, Москва проявляла дипломатическую тонкость на западном. Такая тактика произвела впечатление на японское руководство, сеяла семена недоверия к союзнику, которым суждено было прорасти уже в скором будущем. В свою очередь, Токио, даже несмотря на советские поставки Китаю, стал проявлять больше гибкости в контактах с Москвой, и 13 апреля 1941 года был подписан Договор о нейтралитете между СССР и Японией. К тому времени на фронтах китайско-японской войны наступил период «стратегического равновесия», японцы «переваривали» уже захваченные территории. У китайцев тоже не было ресурсов и решимости перейти к активным действиям. С учетом всех этих обстоятельств и стремления активизировать дипломатическую игру с Токио еще к сентябрю 1940 г. объем нашей военной помощи, а также прямое участие советских «добровольцев» постепенно сократились³.

Следует подчеркнуть неопределимую роль помощи СССР на первом, самом трудном этапе антияпонской войны (1937–1941). Она позволила китайскому правительству остановить панику и удержать ситуацию под контролем, навязать японцам череду изматывающих сражений, затянуть их вглубь огромной территории. Но главное — Китай поверил в возможность сопротивляться и не капитулировал, как это сделала Франция. Такой вариант развития событий был вполне возможным. На фоне поражений первых месяцев войны в руководстве правившей партии Гоминьдан и среди военачальников усилились никогда не исчезавшие капитулянтские, прояпонские, антикоммунистические настроения. Москве пришлось использовать финансовые и иные рычаги воздействия на правительство Чан Кайши, капитуляция не состоялась.

Вскоре после подписания Договора с СССР под давлением Москвы как на Гоминьдан, так и на компартию

³ Сотникова И. Указ. соч. С. 129, 130.

был создан Единый национальный фронт. 23 сентября 1937 года было опубликовано заявление Чан Кайши об установлении сотрудничества Гоминьдана и Гунчандана (компартии). Отряды коммунистов еще недавно под ударами гоминьдановцев отступали через весь Китай во время Великого похода. Теперь же они получили статус соединений НРА (Народно-революционной армии, правительственных войск). Представители КПК прибыли в распоряжение военного командования, принимали участие в планировании операций. Коммунистические 8-я и Новая 4-я армии одержали ряд побед в боях с японцами⁴.

Руководство компартии в советские времена не без оснований критиковали за то, что Мао Цзэдун не откликнулся на просьбы Москвы активизировать антияпонские действия в самые тяжелые месяцы 1941–1942 годов. По свидетельству Ван Мина, уехавшего в Советский Союз соперника Мао Цзэдуна в борьбе за власть в КПК, при обсуждении стратегии коммунистических войск Мао говорил: «Сталин не может одолеть Гитлера». «Стратегические планы Сталина оборонять Москву, Ленинград и Сталинград являются совершенно ошибочными... Надо отвести советские войска на Восток, за Урал и ждать открытия Америкой, Англией и Францией второго фронта». Позиция Мао Цзэдуна изменилась только после нашей победы под Сталинградом. Но и в последующие годы Мао стремился не столько воевать с Императорской армией, сколько накапливать силы для неизбежной в будущем гражданской войны⁵. Однако сам факт существования компартии, провозглашавшей патриотические и антияпонские лозунги, сделал ее популярной в народе и даже в войсках Гоминьдана. Компартия стала альтернативой Гоминьдану. Никто не забыл

⁴ История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 529–530.

⁵ Крушинский А. С. СССР. Коминтерн и «китайский фактор» Второй мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 109.

т. н. «сианьский инцидент», когда еще в декабре 1936 года неподконтрольные нанкинскому правительству генералы Чжан Сюэлян и Ян Хучэн арестовали прибывшего в Сиань главу Гоминьдана и Центрального правительства Чан Кайши⁶. В то время из более чем 2 млн солдат и офицеров главнокомандующему НРА Чан Кайши подчинялось только 300 тысяч⁷. Патриотически настроенные генералы-«милитаристы» потребовали от него прекратить воевать с коммунистами и объединить все силы нации на борьбу с японской оккупацией. Японофилы в Нанкине потребовали провести карательный поход, не исключалось даже подключение японцев. Только посредничество представителей Коминтерна и ВКП(б) позволило предотвратить казнь Чан Кайши и неминуемое в этом случае обострение гражданской войны. Само собой разумеется, такое развитие событий не укладывалось в планы Кремля в отношении сдерживания Японии.

Но и после создания Антияпонского фронта капитулянтские силы в правящей партии Гоминьдан не успокоились. Сначала усилили свои позиции сторонники пассивного сопротивления японцам и активной борьбы с коммунистами. Все чаще происходили «случайные» столкновения с «красными» войсками Восьмой и Четвертой армий. Вскоре в Гоминьдане произошел раскол. Еще недавно входившие в Политбюро Гоминьдана Ван Цзинвэй и Чжоу Фохай в конце мая 1939 года побывали с секретным визитом в Токио и согласились возглавить марионеточный режим со столицей в Нанкине. 30 марта 1940 года было создано Национальное правительство Китая, под номинальный контроль которого японцы отдали практически все оккупированные китайские земли, за исключением Маньчжоу-Го⁸.

Ценой сложных переговоров и под давлением из Москвы единый Антияпонский фронт удалось сохранить,

⁶ История Китая... С. 524.

⁷ Там же. С. 527.

⁸ Там же. С. 533.

но ему теперь противостояла не только почти двухмиллионная японская армия, но и 800-тысячные китайские войска прояпонского Национального правительства. Оно чувствовало себя весьма уверенно, вело контрпартизанскую войну в сельской местности и справлялось с городскими ячейками сопротивления. Впоследствии оно даже объявило войну Америке и Англии. Если бы вслед за этими «власовцами» из Нанкина на сторону Японии перешли гоминьдановцы из Чунцина, то последствия были бы катастрофическими для Китая, для Советского Союза, для всего восточного театра Второй мировой войны.

Стратегический замысел Кремля за счет помощи сражающемуся Китаю и подписания в 1937 году Советско-китайского договора о ненападении и в 1941 году Советско-японского пакта о нейтралитете блестяще удался. Агрессию Японии удалось предотвратить, Советскому Союзу не пришлось воевать на два фронта. У Москвы не было иллюзий в отношении готовности Токио соблюдать условия Пакта о нейтралитете. Кремль все время ожидал японского удара и держал в зоне соприкосновения с Квантунской армией силы, превосходившие ее по численности личного состава и основным видам вооружений⁹.

Никаких иллюзий относительно верности договору не было и у японских военных. Уже через три дня после нападения Германии на СССР генеральный штаб Императорской армии разработал, а Ставка утвердила план «Кантокуэн». Он предусматривал последовательность шагов в преддверии нападения на наш Дальний Восток: мобилизацию, переброску войск, концентрацию сил на направлениях трех главных ударов. Начало военных действий было запланировано на 29 августа¹⁰. На Токийском процессе

⁹ Шагов А. Е. Группировка советских войск на Дальнем Востоке // 75 лет Победы. Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке / отв. ред. Ю. А. Никифоров. М.: СПб.: Нестор-История, 2020. С. 393.

¹⁰ Кошкин А. А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. М.: Вече, 2011. С. 159.

было документально установлено, что в 1941 году для нападения на Советский Союз было стянуто около миллиона штыков. Вдобавок к переброшенным с Японских островов 6 дополнительным дивизиям поначалу намеревались снять с китайских фронтов еще 14 дивизий. Однако командование войск на китайском театре выступило категорически против, опасаясь перехода китайской армии в контрнаступление. Ставка решила не оголять разбросанные по просторам Поднебесной гарнизоны и растянутые коммуникации¹¹.

Фактически сопротивление наших восточных союзников, армии Китайской Республики и действовавших в ее составе и сепаратно войск компартии Китая, сразу стало для Москвы «вторым фронтом», которого мы еще не один год ждали от западных союзников. Отсутствие решающих успехов немцев под Москвой, распыление сил на китайском театре военных действий, а также память о поражениях Квантунской армии в необъявленной войне с Советским Союзом в 1938 и 1939 годах убедили токийскую Ставку в нецелесообразности нанесения ударов по Сибири и Дальнему Востоку. Так, на заседании Императорского совещания 2 июля 1941 года председатель Тайного Совета Хара заявил: «Война между Германией и СССР действительно является историческим шансом Японии... Мы будем рано или поздно вынуждены напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на СССР, как бы этого ни хотелось»¹². 29 августа 1941 года нас не атаковали, как было предусмотрено планом «Кантокуэн». Обещанное Берлину нападение на СССР и далее откладывалось под разными предложениями. Трудно даже представить развитие событий в начале

¹¹ Кошкин А. А. День «Х» — 29 августа 41-го. Почему Япония не напала на СССР? Выступление на Круглом столе РВИО «К 80-летию подписания Советско-японского пакта о нейтралитете: история и современность». М., 2021.

¹² Крушинский А. Указ. соч. С. 107.

Великой Отечественной войны при наличии сразу двух фронтов...

Первые опыты советско-китайского стратегического партнерства дали свои плоды. Недаром зимой 1941–1942 годов совпали две первые победы Второй мировой: разгром немцев под Москвой и успешная оборона крупного города Чанша с последующим контрнаступлением. Сыгравшие важнейшую роль под Москвой и Ленинградом кадровые сибирские дивизии отправились на Запад после получения Кремлем информации об отсрочке японского нападения «до окончательного решения китайского инцидента». Китайские войска под Чанша воевали советским оружием по плану, подготовленному главным военным советником В. И. Чуйковым. Вместе с тем нам всю войну приходилось держать наготове почти миллионную группировку, пополняя ее по мере отправки на Запад местными призывниками и освобожденными из ГУЛАГа¹³.

«Вторым фронтом» Китай стал также для американцев и англичан после атаки на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года. «В начале Тихоокеанской войны у Японии было 2,1 миллиона солдат, из них 1,4 миллиона находились на китайском театре и 400 тысяч воевали на просторах тихоокеанского театра», — узнают посетители Музея антияпонской войны в Пекине. Этим 400 тысяч хватило для блицкрига в странах Южных морей. С 8 по 25 декабря длилась блокада Гонконга, завершившаяся сдачей в плен крупного английского гарнизона. Несколько дней ушло на разгром британских войск в Малайе. За шесть дней пал «неприступный» Сингапур, где в плен сдались 70 тыс. британцев и австралийцев. На островных просторах Голландской Ост-Индии (Индонезии) сопротивление японцам продолжалось около двух месяцев. Около четырех месяцев потребовалось для разгрома американских войск на Филиппинах, являвшихся тогда колонией США, и зачистки сотен больших и малых

¹³ Рубцов Ю. В. Выступление на Круглом столе РВИО «К 80-летию подписания Советско-японского пакта о нейтралитете: история и современность». М., 2021.

островов. 8 марта 1942 года десант японцев захватил столицу британской Бирмы Рангун, а к маю они контролировали почти всю колонию. Ни одно из владений западных держав не смогло продержаться дольше, чем Шанхай (три месяца), Ухань (четыре месяца), Чанша и некоторые другие китайские города¹⁴.

Неожиданная стойкость китайских войск и стремление сбалансировать влияние Москвы привели страны Запада к активизации контактов с Чунцином, где после сдачи Нанкина обосновалось правительство Чан Кайши. Оно объявило войну Германии вскоре после ее нападения на Советский Союз. Война Японии была объявлена только после атаки на Пёрл-Харбор. С июля 1937 года, в течение почти пяти лет, масштабные боевые действия китайцев и японцев велись без формального объявления войны и назывались просто «инцидентом». Китай официально стал участником Второй мировой войны и участником Объединенных Наций. Весной 1942 года союзники сформировали Объединенное командование Китайской военной зоны, куда кроме Китая входили Вьетнам, Бирма и Таиланд. Главнокомандующим назначили Чан Кайши. Равный с великими державами новый статус Китая был закреплен участием Чан Кайши в Каирской конференции в ноябре 1943 года, где обсуждался ход войны и послевоенное устройство Тихоокеанского бассейна, а также в Потсдамской конференции в июле 1945 года. На Сан-Францисской конференции работала делегация Китая, представленная администрацией Гоминьдана, побежденной компартией в ходе гражданской войны и укрывшегося на Тайване. Хотя Китай и стал постоянным членом Совета Безопасности ООН, он явно недополучил всех преимуществ, на которые мог рассчитывать как активный участник Второй мировой войны, понесший огромные человеческие и материальные жертвы¹⁵.

¹⁴ Тавровский Ю. В. Америка против Китая. Поднебесная сосредотачивается на фоне пандемии. М. Книжный мир, 2020. С. 245–246.

¹⁵ Тавровский Ю. В. Указ. соч. С. 249–252.

По официальным данным, китайские потери в антияпонской войне с 1931 по 1945 год составили свыше 35 млн человек, включая военных и мирное население. Эти потери могли быть больше, а война продолжаться дольше. Японцы и после окончания войны в Европе продолжали контролировать важнейшие и наиболее развитые районы Китая. В Маньчжоу-Го стояла почти миллионная Квантунская группа армий, в ее распоряжении была мощная экономическая база с развитой промышленностью и сельским хозяйством, с мобилизационным потенциалом в десятки тысяч человек из числа японцев — переселенцев из метрополии. Даже после поражения на Японских островах «вторая Япония» могла долго продолжать сопротивление китайцам и западным союзникам. Такая перспектива была устранена только благодаря Советскому Союзу. Наш блицкриг осенью 1945 года вынудил Токио капитулировать, а весьма автономное командование Квантунских армий выполнить приказ Ставки.

Советский Союз блистательно совершил военную операцию на Дальнем Востоке. Одновременно была завершена и историческая миссия помощи китайскому народу. Советский Союз достойно сыграл роль второго фронта для китайских патриотов и предотвратил капитуляцию, которая имела бы самые страшные последствия для будущего Поднебесной. Была завершена и многолетняя стратегическая комбинация Сталина: Советскому Союзу не пришлось вести Отечественную войну одновременно на Западе и на Востоке. Китай сыграл для нас роль «второго фронта».

*Анатолий Аркадьевич
Кошкин*

Д. и. н., профессор Института стран Востока, приглашенный профессор Осацкого университета экономики и права, председатель научного совета Российского военно-исторического общества, член Исполнительного совета Российской ассоциации историков Второй мировой войны

Легендарный разведчик не нуждается в преувеличении заслуг. Что передавал из Токио в Москву Рихард Зорге в мае — июне 1941 года

Наступает трагическая для нашего народа дата нападения на СССР гитлеровской Германии 22 июня, начала невиданной ранее в истории кровопролитной бойни, унесшей около 27 миллионов жизней советских людей.

Зная, что в своих научных и публицистических работах я, исследуя предвоенную ситуацию в мире, в том числе на Дальнем Востоке, широко обращаюсь к поступавшей в Москву от резидента советской военной разведки Рихарда Зорге информации, мои читатели вот уже много лет задают один и тот же вопрос. А именно: «Почему, имея подробную информацию о планах Гитлера в отношении нашей страны, Сталин не использовал ее должным образом и германское нападение застало его врасплох? Ведь если верить литературе о Зорге, этот незаурядный разведчик заблаговременно сообщил не только точную дату нападения, но и состав немецкой группировки, выделенной для войны против СССР, и даже направления основных ударов?» К этому можно до-

бавить еще появившуюся недавно в телефильме о Зорге абсурдную «информацию» о том, что наш разведчик в Японии якобы переслал в Москву из Токио... и сам план войны Германии с Советским Союзом «Барбаросса».

Приступая к ответу на этот до сих пор волнующий людей вопрос, замечу, что следует с особым вниманием отнестись к словам: «если верить литературе о Зорге». В том-то и дело, что далеко не всякой «литературе о Зорге» можно доверять. Ибо при раскрытии подвигов выдающегося разведчика во времена правления в СССР Никиты Хрущева не без прямого участия этого деятеля была создана легенда, а вернее, сознательно искажавший действительность миф о якобы полном раскрытии Зорге планов и замыслов Гитлера и его генералов по поводу разгрома Советского Союза в молниеносной войне. Вплоть до даты начала вероломного вторжения — воскресного утра 22 июня 1941 года. Делал это ненавидевший И. В. Сталина первый секретарь ЦК КПСС Хрущев для создания в народе о представления о нем как о никому и ничему не верящем мрачном мизантропе, по вине которого гитлеровские войска, нанося в первом периоде войны мощные удары по плохо подготовленной и застигнутой врасплох Красной армии, дошли до стен Москвы.

И лишь в постхрущевский период советские, а ныне российские исследователи, а также японские зоргеведы, основываясь не на выдумках, а на подлинных документах, смогли дать реальную картину того, что в действительности удавалось советскому разведчику узнавать в Токио и передавать в Москву о германском нападении на СССР. Приписываемых Зорге сообщений о нападении Германии «на рассвете 22 июня», конечно же, не было, да и не могло быть, ибо Гитлер из соображений обеспечения внезапности не стал бы сообщать о дате своему послу в далеком Токио, через которого наш разведчик получал важные сведения. Однако предупреждения Зорге о скором вероломном вторжении вермахта на территорию Советского Союза были обоснованны и подтвердились другими

источниками. И, безусловно, учитывались, хотя и подвергались тщательной проверке на предмет возможности дезинформационной деятельности противника.

Итак, что же удавалось Зорге и его группе передавать из Токио в разведуправление Генштаба Красной армии о приближении нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, а через Генштаб высшему руководству страны, включая И. В. Сталина?

Первая серьезная информация по этому поводу поступила от Зорге 11 апреля 1941 года. Резидент советской военной разведки Рамзай (Рихард Зорге) сообщал:

«Я узнал относительно щекотливых германо-советских отношений следующее: к человеку Гимmlера, по фамилии Губер, работающему в германском посольстве в Токио, приехал заместитель, который сказал Губеру, чтобы он выехал в Германию немедленно, так как новый человек полагает, что война между СССР и Германией может начаться в любой момент после возвращения Мацуока (министр иностранных дел Японии. — А. К.) в Токио.

Германский морской атташе сообщил мне, что неожиданно получил приказание отправить сырье не через Сибирь, а на пароходах, оперирующих в южной части Тихого океана в качестве рейдеров. Но впоследствии от этого отказались, и он полагает, что напряженность между Германией и Советским Союзом уменьшилась.

Германское посольство получило от Риббентропа телеграмму, в которой заявляется, что Германия не начнет войны против СССР, если она не будет спровоцирована Советским Союзом. Но, если она окажется спровоцированной, то война будет короткой и закончится жестоким поражением СССР. Немецкий генштаб закончил всю подготовку.

В кругах Гимmlера и генштаба имеется сильное течение за то, чтобы начать войну против СССР, но это течение еще не имеет превосходства.

Рамзай»¹.

¹ «Дело Зорге». Телеграммы и письма (1930–1945). М., 2019. С. 333.

Напомним, что окончательное решение о проведении войны против СССР Гитлер принял к началу августа 1940 года. «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года», — сказал фюрер 31 июля 1940 года на совещании руководящего состава вооруженных сил Германии². Для достижения внезапности нападения была разработана целая программа дезинформации, введения противника в заблуждение по поводу намерений Берлина и сроков возможной войны, что объясняло противоречивость разведдонесений в Кремль из различных стран, включая Японию.

Хотя 13 апреля 1941 года в Москве был заключен Советско-японский пакт о нейтралитете, уверенности в Кремле в том, что японское руководство будет его соблюдать в случае нападения ее союзника Германии на СССР, не было. 16 апреля начальник разведуправления Генштаба Красной армии ставит перед Зорге задачу:

«В связи с заключением пакта о нейтралитете между СССР и Японией, следите за внешнеполитическим курсом и военными мероприятиями японского правительства и командования. Сообщите конкретные мероприятия по экспансии Японии на Юг и по завершению войны с Китаем. Общественное мнение Японии. Взаимоотношения Японии с США и Англией.

Что Вам известно о погрузке японских частей на корабли в Сибиаура. Жду от Вас информации. Д.»³.

Вполне очевидно, что в Кремле был определенный расчет на то, что Токио, имея пакт о нейтралитете с СССР, с большей свободой действий сосредоточит свои военные усилия на завершении войны в Китае и противостоянии англосаксонским государствам. И хотя бы в первое время не будет допускать чреватых большой войной провокаций на советско-маньчжурской границе.

² Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 80.

³ «Дело Зорге»... С. 335.

По поводу реакции в Токио на заключение пакта о нейтралитете Зорге 16 апреля сообщал:

«Отто (Одзаки Хоцуми. — А. К.) посетил Коноэ в тот момент, когда последний получил от Мацуока телеграмму относительно заключения пакта о нейтралитете. Все присутствовавшие, в том числе Коноэ, были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ немедленно позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни радости, ни гнева, но согласился с мнением Коноэ, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление в отношении нового пакта.

Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта, вопрос о Сингапуре даже не поднимался.

Главное внимание всех присутствовавших было сосредоточено на вопросе о том, как использовать пакт для ликвидации войны в Китае. Если Чан Кайши будет продолжать опираться на Америку, тогда было бы полезно обратиться еще раз к Америке с предложением достигнуть дружественного взаимопонимания с Японией в отношении Китая.

Отто полагает, что вышеупомянутые пункты лягут в основу будущей внешней политики Японии.

Коноэ заявил Отто, что он полагает, что между Мацуока и Осима (посол Японии в Германии. — А. К.) имела место стычка в Берлине, так как Осима прислал телеграмму, в которой выражает недовольство поведением Мацуока в Берлине.

Когда Отто впоследствии спросил Коноэ прямо, как в отношении Сингапура, Коноэ ответил, что этим вопросом очень интересуются германский посол и другие люди.

Как бы то ни было, Отто полагает, что в случае, если Англия будет терпеть дальнейшие поражения, как сейчас, то вопрос об атаке Сингапура снова встанет очень остро, и если не сейчас, то через некоторое время.

Рамзай»⁴.

⁴ «Дело Зорге»... С. 335–336.

Добавим, что — в отличие от политиков — негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом японские военные круги не придавали Пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» Генштаба армии 14 апреля была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»⁵.

Понимая стратегическую важность «переключения» японской агрессии с северного на южное направление, Зорге, имевший возможность через близкого к премьеру Коноэ члена своей разведывательной группы Одзаки влиять на японскую политику и стратегию, предлагал «подталкивать» японцев к экспансии на юге, что объективно затрудняло одновременное выступление на севере, против СССР. 18 апреля 1941 года он пишет в Центр:

«Отто имеет некоторое влияние на Коноэ и других людей, и он может поднимать вопрос о Сингапуре как острую проблему. Поэтому я запрашиваю Вас — заинтересованы ли Вы, чтобы толкать Японию на выступление против Сингапура или нет.

Я имею некоторое влияние на германского посла Отто и могу подталкивать или не побуждать его к оказанию давления на Японию в вопросе ее выступления против Сингапура.

Если вы заинтересованы, то сделайте мне указания, как можно быстрее, относительно Ваших желаний.

Рамзай»⁶.

Можно лишь недоумевать по поводу того, что Центр отверг это предположение Зорге. Кстати, это лишний раз опровергает распространявшиеся в 1990-е годы в российских

⁵ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Путь к войне на Тихом океане). Т. 5. Токио, 1963. С. 66.

⁶ «Дело Зорге»... С. 336.

СМИ абсурдные выдумки о том, что якобы японо-американскую войну «организовал» Сталин и его спецслужбы. Шифровка в адрес Зорге из Москвы гласила:

«Вашей основной задачей является своевременно и достоверно сообщать обо всех конкретных мероприятиях японского правительства и командования в связи с заключением пакта с СССР, что конкретно ими делается по передислокации войск, откуда и какие части переводятся и куда сосредотачиваются.

Влиять и подталкивать Коноэ и других влиятельных лиц в Вашу задачу не входит, и заниматься этим не следует»⁷.

Следующую важную информацию о приближавшемся нападении Германии на СССР Зорге направляет в Москву 2 мая 1941 года:

«Я беседовал с германским послом Отто и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отто заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой.

Оба, посол и атташе, согласились с тем, что после поражения Югославии во взаимоотношениях Германии с СССР приближаются две критические даты.

Первая дата — время окончания сева в СССР. После окончания сева война против СССР может начаться в любой момент, так что Германии останется только собрать урожай.

Вторым критическим моментом являются переговоры между Германией и Турцией. Если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна.

Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии.

⁷ «Дело Зорге»... С. 337.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба.

Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией...

Рамзай»⁸.

Как видно из этого донесения, допускалась возможность начала военных действий против СССР «после войны с Англией». Можно ли было на основе такой взаимоисключающей информации делать окончательные выводы? Конечно, нет! Однако была ли в этом какая-то «вина» Зорге? Опять-таки нет. Как и подобает серьезному разведчику, он передавал всю информацию, которую добывал, в том числе противоречивую. Выводы должны были делать в Москве.

Однако выводы было делать крайне трудно. Ведь в разведдонесениях, в частности от советской разведывательной сети в Европе «Красная капелла», содержался целый ряд дат предстоящего нападения Германии на СССР: 15 апреля, 1 мая, 20 мая и т. д. Существует немало оснований считать, что эти даты запускались в целях дезинформации германскими спецслужбами. Похоже, в Берлине действовали по известной притче о мальчишке-пастушонке, который из шалости часто кричал: «Волки, волки!» Ему спешили на помощь, но никаких волков не было. Когда же волки действительно напали, взрослые, подумав, что мальчик опять балуется, на выручку не побежали.

Последовавшие сообщения от Зорге о сроках нападения Германии на СССР также не отличались определенностью. Допускалось, что война может и не начаться. Вот шифровка из Токио от 19 мая 1941 года:

⁸ Там же. С. 338–339.

«Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени.

Но они также заявили, что и в этом году опасность может и миновать.

Они заявили, что Германия имеет против СССР 9 армейских корпусов, состоящих из 150 дивизий. Один армейский корпус находится под командованием известного Райхенау. Стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши.

Рамзай»⁹.

В этот же день Зорге передает:

«...Отто узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет, по меньшей мере, в течение первых недель. Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока.

Япония и германский ВАТ (военные атташе. — А. К.) следят за перебросками советских войск с востока на запад.

Рамзай»¹⁰.

30 мая Зорге передал:

«Берлин информировал Отто, что немецкое наступление против СССР начнется во второй половине июня. Отто на 95% уверен, что война начнется... Причины для германского выступления: существование мощной Красной Армии не дает возможности Германии расширить войну в Африке, потому что Германия должна держать крупную армию в Восточной Европе. Для того, чтобы ликвидировать полностью всякую опасность со стороны СССР, Красная Армия должна быть отогнана возможно скорее. Так заявил Отто.

Рамзай»¹¹.

⁹ «Дело Зорге»... С. 342–343.

¹⁰ Там же. С. 343.

¹¹ Там же. С. 350–351.

Сообщение Зорге об информировании Берлином своего посла в Японии о времени нападения на СССР вызывает определенные сомнения. Гитлер, запретив строго-настрого сообщать японцам что-либо о плане «Барбаросса», едва ли мог доверить своим дипломатам в Токио в высшей степени важную информацию без опасения ее утечки. Дату нападения на СССР Гитлер скрывал даже от своего ближайшего союзника — Муссолини. Последний узнал о вторжении германских войск на территорию СССР лишь утром 22 июня, еще находясь в постели.

Хотя сообщение Зорге о вероятности германского наступления «во второй половине июня» было верным, могли ли в Кремле полностью полагаться на мнение германского посла в Токио? Тем более что незадолго до этого, 19 мая, Зорге передавал, что «в этом году опасность может и миновать».

О том, что посол Отто черпал информацию о войне Германии против СССР не из официальных источников из Берлина, а у посещавших Токио немцев, свидетельствует шифровка Зорге от 1 июня 1941 года. Текст сообщения гласил:

«Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл(ь) привез с собой из Берлина, откуда он выехал 3 мая в Бангкок. В Бангкоке он займет пост военного атташе.

Отто заявил, что он не мог получить информацию по этому поводу (о начале советско-германской войны. — А. К.) непосредственно из Берлина, а имеет только информацию Шолла.

В беседе с Шоллом я установил, что немцев в вопросе о выступлении против Красной Армии привлекает факт большой тактической ошибки, которую по заявлению Шолла сделал СССР.

Согласно немецкой точки зрения, тот факт, что оборонительная линия СССР расположена, в основном, против немецких линий без больших ответвлений, составляет

величайшую ошибку. Он поможет разбить Красную Армию в первом большом сражении. Шолл заявил, что наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии.

Рамзай»¹².

Едва ли нужно разъяснять, что в Москве не могли полагаться на информацию немецкого подполковника, тем более военного дипломата, связанного с разведкой, причем в третьеразрядной стране, а не с разработкой оперативно-стратегических планов. Тем не менее сведения привлекли внимание Центра. У Зорге запросили разъяснений, а именно ему надлежало раскрыть «более понятно сущность большой тактической ошибки, о которой Вы сообщаете и Ваше собственное мнение о правдивости Шолла насчет левого фланга»¹³.

Резидент советской разведки телеграфирует 15 июня 1941 года в Центр:

«Германский курьер ... сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает — будет война или нет.

Я видел начало сообщения в Германию, что в случае возникновения германо-советской войны Японии потребуется около 6 недель, чтобы начать наступление на советский Дальний Восток, но немцы считают, что японцы потребуют больше времени потому, что это будет война на суше и море (конец фразы искажен).

Рамзай»¹⁴.

Наиболее определенными были сведения, которые Зорге направил в Москву за два дня до нападения, 20 июня. Он сообщал:

«Германский посол в Токио Отто сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна... Германское во-

енное превосходство дает возможность разгрома последней большой европейской армии, так же хорошо, как это было сделано в самом начале... (искажение) потому, что стратегические оборонительные позиции СССР до сих пор еще более небоеспособны, чем это было в обороне Польши.

Инвест (Одзакки Хоцуми. — А. К.) сказал мне, что японский генштаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны.

Предложения о японо-американских переговорах и вопросы внутренней борьбы между Мацуока, с одной стороны, и Хиранума — с другой, застопорились потому, что все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии.

Рамзай»¹⁵.

Недооценивать важность этого сообщения нельзя, но ведь дата нападения, как это ошибочно принято считать, названа не была. Следует иметь в виду, что из Токио поступала и другая информация. Так, например, советской разведкой была перехвачена телеграмма военного атташе посольства Франции (Виши) в Японии, который сообщал:

«Снова ходят настойчивые слухи о скором нападении Германии на Россию. Многие японские дипломаты, известные своей сдержанностью, дают понять, что некие события, последствия которых будут очень важными для будущей войны, произойдут примерно 20 июня 1941 г.»¹⁶.

Здесь срок указывается, но тут же допускается, что речь может идти «либо о нападении на Англию, либо о нападении на Россию».

Тщательно изучивший поступавшую накануне войны в Москву разнообразную информацию известный советский историк профессор Вилнис Сиполс приходит

¹⁵ Там же. С. 355.

¹⁶ Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 182.

¹² «Дело Зорге»... С. 351–352.

¹³ Там же. С. 352.

¹⁴ Там же. С. 353–354.

к выводу: «Даже к середине июня 1941 г. в СССР, как и в других странах, не было точной и достаточно полной информации о намерениях Германии. Вплоть до 21 июня поступали сведения, дававшие основания для надежд, что нападение все еще можно предотвратить. Встает вопрос: не выглядела ли та дезинформация, которая поступала в Москву, гораздо веселее, убедительнее, чем те отчасти правильные, но неполные, чаще всего отрывочные и противоречивые сведения, которые были собраны нашими органами, добывавшими информацию о германских планах?»¹⁷

Однако, хотя точная дата нападения и не была известна, даже на основе имевшейся информации Кремль должен был привести войска в полную боевую готовность все же раньше, чем это было сделано. Тем более что, как справедливо указывал активный участник войны генерал армии Валентин Варенников, Сталин еще за месяц до войны предупредил: «Мы можем подвергнуться внезапному нападению». Так что вопросы остаются...

Небезынтересную версию событий дал германский историк Ф. Фабри, который, касаясь известного сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г., пишет: «Советская историография во времена „десталинизации“ подвергла Сталина из-за этого сообщения резкой критике: она усмотрела в нем свидетельство доверчивости и наивности Сталина, который якобы серьезно рассчитывал на то, чтобы этим доказательством своей доброй воли удержать Гитлера от поспешных мер. Но если изучить этот документ обстоятельно, то видны совсем иные расчеты. Ведь Кремль открыто дал Гитлеру понять, что он имеет сведения о развертывании германских войск, что он принял контрмеры, но что он, если Германия пожелает, согласен начать переговоры, которые, естественно, имели бы единственную цель — выиграть время». О том, что Сталин отнюдь не был наивным, свидетельствовали его враги. Так, например,

¹⁷ Советская Россия. 2003. 15 июля.

Геббельс записал в своем дневнике: «Сталин — реалист до мозга костей»¹⁸.

Но вернемся к Зорге и его подвигу разведчика. Как известно, после германского вторжения для Кремля критически важной становилась информация о том, какую позицию займет союзница Германии — милитаристская Япония.

После подтверждения подлинности сообщений Зорге о приближении германского нападения в Москве доверие к своему резиденту в Японии возросло. Уже 26 июня он посылает радиограмму:

«Выражаем наши лучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу.

Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнений, что после некоторого времени Япония выступит против СССР.

Рамзай»¹⁹.

Хотя усилиями стремившихся угодить Хрущеву журналистов и публицистов в основную заслугу Зорге записывались именно предупреждения о надвигавшемся вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, в действительности же его главным подвигом было своевременное вскрытие японских стратегических планов и информирование Кремля о переносе японского нападения на СССР с лета-осени 1941 года на весну следующего года. Что, как известно, позволило советскому верховному командованию высвободить часть группировки на Дальнем Востоке и в Сибири для участия в битве под Москвой, а затем в контрнаступлении.

¹⁸ Независимое военное обозрение. 2002. 8 февр.

¹⁹ «Дело Зорге»... С. 359.

*Олег Геннадьевич
Назаров*

Доктор исторических наук,
обозреватель журнала «Историк»

СССР и польское эмигрантское правительство в годы Великой Отечественной войны

Отношения Советского Союза и польского правительства в изгнании были установлены в самом начале Великой Отечественной войны. В это время польское эмигрантское правительство находилось на берегах туманного Альбиона, под «крылом» правительства Великобритании. Нелестные для польских руководителей сравнения с гиеной и кроликом принадлежат известным британским политикам.

Гиена Европы

«Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства», — констатировал симпатизировавший полякам Уинстон Черчилль. И с ним нельзя не согласиться. Более того, неоспоримым является и то, что руководство Польши первым еще в январе 1934 года заключило соглашение с гитлеровской Германией и сотрудничало с Берлином в разных областях¹, внося огромный вклад в развязывание Второй мировой войны.

¹ *Зубачевский В.А.* Германо-польское сотрудничество в сфере образования и пропаганды (1934–1938 гг.) как фактор подготовки к войне с Польшей // 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй

В отличие от Варшавы, которая стремилась в 1938 году стать союзницей Германии в деле раздела Чехословакии, захватив Тешинскую область и Яворину на Ораве (226 кв. км на севере Словакии), только Советский Союз был готов прийти на помощь Праге. Но СССР не имел с ЧСР общих границы, а Польша и Румыния не согласились пропустить части Красной армии в Чехословакию. Руководство ЧСР, по дипломатическим каналам убедившееся в готовности Советского Союза оказать «согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии»², с официальной просьбой о военной помощи к Москве не обратилось. В ситуации, когда Великобритания, Франция и Италия дали согласие на отторжение в пользу Германии части территории Чехословакии, президент ЧСР Эдвард Бенеш предпочел капитулировать³. 22 сентября

мировой войны на Дальнем Востоке / отв. ред. Ю.А. Никифоров. М.: СПб.: Нестор-История, 2020. С. 29–37; *Матвеев Г.Ф.* Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 году // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 134–156; *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: Изд-во МГУ, 2004; Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О.Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2018; *Назаров О.* Пакт Гитлера — Пилсудского // Историк. 2021. № 1 (73). С. 62–65 и др.

² Документы по истории Мюнхенского соглашения. 1937–1939. М.: Политиздат, 1979. С. 240.

³ См. подр.: *Иванов А.Г.* Имелись ли шансы спасти Чехословакию в 1938 г.? // Славянские народы и их соседи во Второй мировой войне. Вклад в победу над фашизмом (1939–1945): материалы Межд. научно-практической конференции / науч. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев. Краснодар: Традиция, 2020. С. 145–158; *Карлей М. Дж.* (Канада) «Только СССР имеет... чистые руки»: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934–1938 годы) // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 44–81; *Марвина В.В.* Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа / отв. ред. М.Ю. Мягков, Ю.А. Никифоров. М., 2008. С. 19–50; *Мельтохов М.И.* Красная армия и Чехословацкий кризис 1938 г. // Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О.Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2018; *Назария С.М.* Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология. Кишинев, 2012;

в радиообращении он призвал граждан ЧСР «при всех обстоятельствах сохранять спокойствие и рассудительность, и особенно единство народа»⁴. В итоге рассудительное население ЧСР и столь же рассудительная чехословацкая армия воевать с немцами не стали⁵.

Назаров О. На поводу у фюрера // Историк. 2018. № 9 (45). С. 6–12; *Шубин А. В.* СССР и Мюнхенский договор 1938 года // Новая и новейшая история. 2018. № 4 и др.

⁴ *Марыина В. В.* Мюнхенский кризис 1938 г.: вызревание и развязка (по чехословацким документам и мемуарам Э. Бенеша) // Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2018. С. 58.

⁵ В марте 1939 года Германия захватила Чехию и Моравию, сделав из них протекторат в составе Третьего рейха. До 5 мая 1945 года чехи старательно работали на Германию, производя для вермахта боеприпасы и оружие, из которого потом немцы убивали советских солдат и мирное население. Артиллерийские орудия чешского производства помогли гитлеровцам взломать оборону Севастополя летом 1942 года. В современной Чехии вспоминать о позорных страницах своей истории не хотят, а российские политики, историки и журналисты крайне редко чехам о них напоминают. А делать это необходимо. Сегодня российско-чешские отношения радикально испорчены по вине Праги. Чехия в вопросах внешней политики столь же «самостоятельна», как Протекторат Богемия и Моравия в составе Третьего рейха. По большому счету, Чехия сегодня является протекторатом США. Впрочем, жить в протекторате для чехов — дело привычное. По команде заокеанских кукловодов Чехия осуществляет провокации против России. 3 апреля 2020 года группа граждан Чехии во главе со старостой 6-го района Праги Ондржея Коларжа снесла памятник освободителю Праги Маршалу Советского Союза Ивану Коневу. Примечательно и то, что Ондржея Коларж — сын бывшего Чрезвычайного и Полномочного Посла Чешской Республики в России Петра Коларжа. 20 октября 2011 года Коларж-старший на привокзальной площади Челябинска торжественно открыл памятник legionерам Чехословацкого корпуса, которые в годы Гражданской войны грабили и убивали население России. Весной 2021 года официальные лица Чехии выдвинули против российских спецслужб клеветнические обвинения в поджоге склада боеприпасов в 2014 году в Врбетице. Ответом на провокации чешских и прочих сателлитов США могло бы стать создание в России Музея европейского коллаборационизма (см. подробнее: *Назаров О. Г.* Музей европейского коллаборационизма и экспонаты его чешских залов // Политическое просвещение. 2020. № 6 (119). С. 131–137).

Успех Германии и трусость руководства Чехословакии подтолкнули Варшаву к захвату Тешинской области ЧСР, которую Прага безропотно отдала Польше. В августе 1939 года Варшава внесла существенный вклад в срыв трехсторонних англо-франко-советских переговоров военных миссий в Москве⁶. Польша категорически отказалась пропустить через свою территорию части Красной армии навстречу готовым к нападению на Польшу гитлеровским войскам. В беседе с министром иностранных дел Франции Жоржем Бонне посол Польши в Париже Юлиуш Лукасевич в ответ на замечание, что угроза войны с Германией делает для Польши необходимой помощь СССР, пообещал: «Не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!»⁷

Странные заявления накануне войны делали не только польские дипломаты, но и военные. Некоторые их утверждения анализировать должны не историки, а представители совсем других профессий. Например, маршал Польши Эдвард Рызд-Смиглы с пафосом заявил: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу»⁸. Оккупационная политика Германии на территории Польши в годы Второй мировой войны показала, сколь далекой от реальности была демагогия польского маршала⁹.

⁶ См. подр.: Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала. Сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2019.

⁷ *Мельтохов М. И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М.: Вече, 2009. С. 242; *Прудникова Е., Чигирин И.* Катень. Ложь, ставшая правдой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 334.

⁸ Цит. по: *Шубин А. В.* На пути к пакту 1939 года: сложности и противоречия // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 145.

⁹ *Григорьянц Т. Ю.* Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939–1944). М.: Наука, 1979; *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией 1939–1944. М.: Наука, 1971; Советские военнопленные во время Второй мировой войны на польских землях: сб. ст. / науч. ред. Я. Войтковяк; пер. М. А. Крисань; науч. конс. В. А. Невежин. СПб.: Алетей, 2018.

В сентябре 1939 года вопреки прогнозам посла Лукаевича гитлеровцы за две недели разгромили польскую армию. Уже в первые дни сентября Варшаву оставили президент Польши Игнаци Мосьцицкий, правительство и Верховный главнокомандующий, маршал Польши Эдвард Рызд-Смиглы. Вермахт быстро взломал польскую оборону и устремился вглубь страны. К концу второй недели войны польский фронт окончательно развалился. Оставались отдельные очаги сопротивления, которые немцы быстро ликвидировали. Утратив веру в собственные силы, поляки надеялись на то, что западные союзники придут на помощь и спасут Вторую Речь Посполитую. Однако англичане и французы, объявив Германии войну, воевать не стали¹⁰.

После распада Второй Речи Посполитой и Освободительного похода Красной армии произошло воссоединение украинского и белорусского народов. Территории Западной Белоруссии и Западной Украины вошли в состав СССР не по соглашениям с Германией, а в порядке волеизъявления населения¹¹. Поляки ни в 1920 году, ни позже

¹⁰ См. подробнее: *Мельтохов М.И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М.: Вече, 2009; *Назаров О.* Судьба Польши и «странная война» // Историк. 2019. № 9 (57). С. 6–11.

¹¹ 22 октября 1939 года состоялись выборы в Народное собрание Западной Белоруссии (территории бывших Новогрудского, Виленского, Белостокского и Полесского воеводств Польши). Из 2 763 191 избирателей проголосовали 2 672 280 (96,71%). Из них 2 409 522 (90,67%) — за кандидатов от власти. Против объединения высказались 247 245 человек, еще 14 932 бланка для голосования были признаны недействительными. На 929 участках были избраны 927 делегатов Народного Собрания, двое не набрали необходимого порога в более половины голосов. 28 октября в Большом театре г. Белостока начало свою работу Народное Собрание Западной Белоруссии. Его открыл старейший из делегатов, 68-летний Степан Францевич Струг из д. Мосевичи Волковыского уезда. 29 октября был принят проект декларации о государственной власти, где отмечалось: «Белорусское Народное Собрание, выражая непреклонную волю и желание народов Западной Белоруссии, провозглашает на всей территории Западной Белоруссии установление Советской власти». В тот же день был принят проект декларации о вхождении Западной Белоруссии в состав БССР. Народное Собрание провозгласило

плебисцитов на территории Западной Белоруссии и Западной Украины не проводили¹².

Восстановление дипломатических отношений

Вскоре после того, как Вторая Речь Посполитая исчезла с политической карты мира, во Франции было сформировано правительство Польши в изгнании. Его возглавил генерал Владислав Сикорский. В 1940-м, после разгрома Франции Германией, правительство Польши переехало в Лондон. Главными своими задачами оно считало: приход к власти в освобожденной от нацистов Польше; подтверждение довоенной советско-польской границы; присоединение к Польше германских земель до рек Одер и Нейсе (Ныса-Лужицкая), побережья Балтики, включая Щецин и всю Восточную Пруссию с Кёнигсбергом. Отказываться от Тешинской области «лондонские» поляки также не собирались.

17 сентября Днем освобождения трудящихся Западной Белоруссии от гнета польских панов и приняло решение о сооружении в Белостоке «памятника павшим товарищам за дело освобождения Западной Белоруссии». 2 ноября Внеочередная V сессия Верховного Совета СССР приняла Закон СССР «О включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской ССР». 14 ноября на внеочередной сессии Верховного Совета БССР был принят закон «О принятии Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики», пункт 2 которого гласил: «Принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики и воссоединить тем самым великий белорусский народ в едином белорусском государстве». (см. подр.: *Герасимчик В.* «Ярмо Польши» и граммофоны на участках. Как белорусы снова стали единым народом». URL: <https://belhistory.by/2020/11/19/jarmo-polshi-i-grammofony-na-uchastkah-kak-belorusy-snova-stali-edinym-narodom/>). По аналогичной схеме произошло и воссоединение украинского народа.

¹² Профессор МГУ Г. Ф. Матвеев привел показательный факт: «В годы Второй мировой войны была издана книга для солдат американской армии с объяснением ситуации во всем мире, в том числе и на польско-советском отрезке границы. Американцы писали в этой книге о том, что территория Западной Украины и Западной Белоруссии является советской территорией по той простой причине, что здесь в 1939 году был проведен плебисцит среди населения, и США этот плебисцит признают...» (*Матвеев Г.* Армия Крайова: пути и перепутья // Родина. 2013. № 8. С. 18.).

Вплоть до начала Великой Отечественной войны польское правительство считало себя находящимся в состоянии войны с СССР. После нападения Германии на Советский Союз 23 июня 1941 года в выступлении по радио Сикорский признал возможность сотрудничества его правительства с СССР. 5 июля при посредничестве Великобритании в Лондоне начались советско-польские переговоры¹³. Чтобы русским не пришлось ехать к полякам, а полякам к русским, первую встречу договорились провести в кабинете замминистра иностранных дел Великобритании Александра Кадогана. Сикорский, желая подчеркнуть свой более высокий статус, заранее через Кадогана предупредил советского посла в Великобритании Ивана Майского о том, что опоздает на три минуты...

Затем, по воспоминаниям Майского, начались «очень трудные переговоры». Они несколько раз «находились на грани срыва». 30 июля Сикорский и Майский подписали Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики. Хотя советское правительство по ст. 1 признало «советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»¹⁴, вопрос о принадлежности Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского края был отложен на будущее.

По ст. 4 правительство СССР дало «согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным польским правительством с согласия Советского правительства», которая «будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии»¹⁵. Командо-

¹³ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: В 3 т. Т. 1. Апрель 1943 г. — август 1944 г. Ч. 1: Апрель 1943 г. — март 1944 г. / под ред. А. Н. Артизова. М.: МФД, 2018. С. 712.

¹⁴ Там же. С. 701.

¹⁵ Там же.

вать ею польское правительство назначило генерала Владислава Андерса¹⁶.

К соглашению прилагался протокол, по которому СССР обязался амнистировать находившихся в заключении польских граждан. Андерса освободили еще до того, как 12 августа 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, а Президиум Верховного Совета СССР издал указ, по которому были освобождены из тюрем, лагерей, мест ссылки и высылки около 390 тысяч граждан Польши. Каждому бывшему военнопленному при освобождении выдали единовременное безвозмездное денежное пособие¹⁷.

14 августа правительства СССР и Польши заключили военное соглашение, которое было продолжением политического договора. По ст. 2 военного соглашения на территории СССР должна была «в кратчайший срок» организована польская армия, части которой, согласно ст. 7, «будут двинуты на фронт по достижении полной боевой готовности. Они будут выступать, как правило, соединениями не меньше дивизии и будут использованы в соответствии с оперативными планами Верховного Командования СССР». По ст. 10: «Жалование, продовольствие, снабжение и иные дела внутреннего порядка будут урегулированы согласно воинским правилам СССР»¹⁸. Наконец, ст. 13 гласила: «Расходы, связанные с формированием, снабжением и содержанием Польской армии на территории СССР, будут кредитованы правительством СССР, и подлежат возмещению польским правительством по окончании войны»¹⁹.

¹⁶ Об армии Андерса см. подробнее: Дюков А. Главная тайна армии Андерса. URL: http://www.plam.ru/hist/zagadochnaja_otchestvennaja_voina/p4.php.

¹⁷ Климковский Е. «Гнуснейшие из гнусных». Записки адъютанта генерала Андерса. М.: Вече, 2011. С. 132–133.

¹⁸ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: В 3 т. Т. 1. ... С. 702.

¹⁹ Там же. С. 703.

Армия Андерса и обещания Сикорского

22 августа на совещании в Генеральном штабе РККА были определены пункты формирования польских воинских соединений общей численностью 30 тысяч человек. Ими стали г. Татищево Саратовской области, село Тоцкое и г. Бузулук Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Польский штаб в Бузулуке, по свидетельству адъютанта Андерса Ежи Климовского, «получил в свое распоряжение красивый дом, гостиницу для офицеров, пятикомнатный особняк для командующего армией и ряд других помещений, где разместились сборный пункт для вновь прибывающих, комендатура гарнизона, отделы штаба и отдел социальной опеки»²⁰.

Питание, обмундирование и вооружение армии Андерса осуществлялось за счет предоставленного эмигрантскому правительству кредита. В критические дни 1941-го, когда защищавшие Москву и Ленинград части Красной армии испытывали острый недостаток в вооружении и боеприпасах, а офицеры вермахта готовились пройти парадом по Красной площади, СССР делал все, чтобы вооружить, одеть и накормить поляков. Посол Польши в СССР Станислав Кот сообщил в Лондон, что советские власти «засчитывают продовольствие, вооружение и снаряжение, ими поставляемые, по чрезвычайно низким ценам» и «целиком идут по линии удовлетворения польских требований».

Срок готовности польской армии был определен 1 октября 1941 года. При первоначально установленной численности в 30 тыс. человек 25 октября польская армия насчитывала уже 41 561 человек (из них 2 630 офицеров)²¹. В это время после киевского, брянского и вязем-

²⁰ *Климовский Е.* «Гнуснейшие из гнусных». Записки адъютанта генерала Андерса. М.: Вече, 2011. С. 142.

²¹ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: В 3 т. Т. 1. С. 134–135; *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М.: Политиздат, 1989. С. 105.

ского «котлов» Красной армии катастрофически не хватало солдат²², однако поляки на фронт не спешили.

14 ноября, когда немцы стояли на подступах к Москве, посол Кот был принят Иосифом Сталиным. Кот заявил, что счастлив, что руководитель СССР нашел время для беседы с ним. Сталин поинтересовался личностью Сикорского, и Кот дал тому чрезвычайно лестную характеристику, сказав, что «Сикорский будет принадлежать к группе, состоящей из Сталина, Черчилля и Рузвельта, которая определит послевоенную организацию мира». Если бы грезы польского посла сбылись, судьбы послевоенного мира решала бы не «Большая тройка», а «Большая четверка». Так высоко оценивали поляки свой вклад в борьбу с нацистами.

Далее Кот, призвав к установлению дружеской атмосферы в двусторонних отношениях, посетовал: «Поляки начиная с XVI века страдали от русских. Поэтому нужно, чтобы по отношению к ним в СССР проявлялось немного теплоты и сердечности». В ответ Сталин заметил, что «в интересах исторической правды нужно сказать, что начиная с XVI века не только русские обижали поляков, но и поляки русских. За это время поляки дважды брали Москву. Мы должны отбросить вражду и понять друг друга. Нужно кончить с обидами».

Затем Сталин поинтересовался, «когда и где польские части думают действовать с русскими войсками против немцев». Кот сказал, что «ответ на этот вопрос может дать Сикорский по приезду в СССР. Он, посол, может только заявить, что польская армия намерена драться с немцами и создать братство по оружию с Красной Армией»²³.

Переговоры Верховного главнокомандующего РККА Сталина с прилетевшим из Лондона Сикорским (с ним пришли Андерс и Кот) состоялись 3–4 декабря — накануне

²² *Быков К.В.* Киевский «котел». Крупнейшее поражение Красной армии. М., 2006; *Исаев А.В.* Пять кругов ада. Красная Армия в «котлах». М.: Яуза, Эксмо, 2008 и др.

²³ Цит. по: *Прудникова Е., Чигирин И.* Катынь. Ложь, ставшая правдой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 409.

контрнаступления советских войск под Москвой. Сикорский сначала поднял вопрос о переводе летчиков-поляков в Великобританию, затем — о выводе всех польских военнослужащих в Иран, пообещав в будущем вернуть их в СССР для участия в боевых действиях на советско-германском фронте. Мотивируя свое предложение, Сикорский жаловался на то, что в СССР «польские дивизии расположены в местностях с очень суровым климатом» и что «они перемрут, не принеся никакой пользы делу войны с Германией». Далее он сообщил, что уже говорил с Черчиллем по вопросу о переводе польских военнослужащих в Иран, где польские дивизии «могли бы быть окончательно сформированы и через 4 месяца они вернулись бы в СССР, — возможно, в сопровождении английских войск, и были бы переброшены на определенный участок германо-советского фронта, чтобы бороться бок о бок с Красной Армией».

Слова Сикорского убедили Сталина в обратном: меньше всего польский премьер-министр хотел бы того, чтобы его войска сражались «бок о бок с Красной Армией». Сталин заметил, что, если польская армия «пойдет в Иран, сюда больше не возвратится»: «У Англии на фронтах много работы». В ответ Сикорский, все еще рассчитывавший ввести в заблуждение Генерального секретаря ЦК ВКП(б), заявил: «У нас работа здесь». Сикорский стал уверять Сталина в том, что «знает Черчилля и уверен, что с ним не возникнет никаких трудностей по вопросу о возвращении польских частей в СССР из Ирана. Можно подписать для этого договор, который подпишет и Черчилль».

Сталин, которого утомила демагогия Сикорского, дал на нее резкий ответ: «Если поляки не хотят здесь воевать, то пусть прямо и скажут: да или нет... Я знаю, где войско формируется, так там оно и останется... Обойдемся без вас. Можем всех отдать. Сами справимся. Отвоюем Польшу и тогда вам ее отдадим. Но что на это люди скажут...»²⁴.

²⁴ Запись беседы И. В. Сталина и В. М. Молотова с председателем Совета Министров Польши В. Сикорским и командующим польской ар-

Далее Сталин прямо сказал: «Хотите посылать свои войска в Иран — посылайте. Однако было бы хорошо для вас и для общего дела сформировать 3 дивизии здесь. Остальных можете посылать в Иран, если Англии нужны войска. Мы ей и сами скоро поможем войсками». И добавил, что «русские были в Берлине два раза, будут там и в третий раз». Андерс, признав, что поляки в Берлине не были, заявил, что за то они были под Грюнвальдом. В ответ Сталин напомнил, что Грюнвальдская битва была в XV веке, и с тех пор прошло уже более пятисот лет.

Несмотря на все разногласия и препирательства, переговоры имели позитивный результат. Стороны договорились об увеличении численности армии Андерса до 96 тысяч. Андерс обещал, что 1 июня она вся будет готова принять участие в боях с гитлеровцами²⁵. 4 декабря была подписана Декларация правительства Советского Союза и правительства Польской Республики о дружбе и взаимной помощи. В ней говорилось, что «войска Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками»²⁶.

Сталин предложил польскому руководству урегулировать территориальные разногласия путем компенсации включенных в состав СССР Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского края восточными территориями Германии до Одера, балтийским побережьем и большей частью Восточной Пруссии. Сикорский на это не пошел²⁷.

мией на территории СССР генералом В. Андерсом, 3 декабря 1941 г. // Международная жизнь. 1990. № 12. С. 134–140. URL: http://www.katyn-books.ru/archive/1940_2000/doc/176doc.html.

²⁵ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: В 3 т. Т. 1. С. 135.

²⁶ Там же. С. 712.

²⁷ Там же. С. 752.

Армия Андерса покидает СССР

После переговоров в Москве позиция Сикорского не изменилась: воевать на территории СССР он не хотел. 7 февраля 1942 года Сикорский дал Андерсу такую установку: «Польская армия в СССР может быть использована только как целое под личным оперативным командованием господина генерала. Ее минимальный состав: 4 дивизии пехоты плюс соответствующие штабы, войска и службы армии... Прошу господина генерала от моего имени сообщить Советскому Правительству, что я очень хочу как можно быстрее готовности армии в СССР, но ни в коем, однако, случае не могу допустить того, чтобы эту армию послать в бой с таким противником, как немцы, в состоянии недостаточной организации, вооружения и обучения. От борьбы не уклоняемся — боевая деятельность, проводимая в Польше, об этом свидетельствует лучше всего — должны, однако, видеть, что польский удар по немцам с востока должен быть как можно сильнейшим и направленным в наиболее болезненное для них место».

Зиму и весну 1942 года поляки продолжали готовиться воевать. По просьбе Сикорского, они были перемещены в Среднюю Азию. «С наступлением жары на польские части навалился тиф, дизентерия и малярия, которые вызвали весьма высокую смертность. Так, к июню 1942 г. от эпидемии скончались около 3 500 человек... Но, видно, погибель в неравной схватке с диареей в армии Андерса считали более достойной настоящего война, чем смерть от немецкой пули под Сталинградом в одном окопе с русским солдатом»²⁸, — констатировала историк Е. В. Яковлева.

Еще в марте с разрешения Сталина и советского правительства территорию СССР покинули 31 488 польских военнослужащих и 12 455 членов их семей. В августе за ними последовали 44 тыс. польских военнослужащих

²⁸ Яковлева Е. В. Польша против СССР 1939–1950. М.: Вече, 2007. С. 91.

и более 30 тыс. членов их семей²⁹. Всего же из СССР в 1942 году выехал 75 491 польский военнослужащий и более 37 756 членов их семей³⁰. Стоя на причале в Красноводске, «борцы с диареей» выразили свое отношение к приютившему их народу. Они порвали оставшиеся советские деньги и бросили их в Каспийское море...³¹

В Советском Союзе остались те поляки, которые не на словах, а на деле желали бить немцев плечом к плечу с красноармейцами. 26 октября 1943 года на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании Молотов сказал, что созданная в СССР 1-я польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко «очень хорошо, героически дерется против немцев». В ответ министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден пообещал: «В скором времени другие польские дивизии будут также драться против немцев... Если в этом была задержка, то это было по нашей вине, так как мы считали, что польские войска еще недостаточно обучены»³².

Шел третий год Великой Отечественной войны, а армия Андерса все еще не была готова воевать с немцами! Хотя первоначальный срок готовности польской армии в 30 тыс. человек был определен 1 октября 1941 года. Зато командующий Армии Крайовой генерал Тадеуш Бур-Коморовский, не считавший СССР военным союзником Польши³³, в октябре 1943 года обсуждал с подчиненными планы захвата власти в Польше после изгнания гитлеровцев³⁴.

²⁹ Ржевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М.: Наука, 2004. С. 329–333; Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: в 3 т. Т. 1. С. 136, 713.

³⁰ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... С. 136.

³¹ Яковлева Е. В. Польша против СССР 1939–1950. М.: Вече, 2007. С. 88.

³² Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: В 3 т. Т. 1. С. 280.

³³ Там. С. 263.

³⁴ Там же. С. 251–267.

Аппетит польской гиены

1942 год был очень тяжелым для антигитлеровской коалиции. Германия и ее сателлиты оказались на Дону и под Сталинградом. Гитлеровцы рвались на Кавказ, удерживали Ржевский выступ и продолжали блокаду Ленинграда. Япония развивала наступление в Тихом океане и Юго-Восточной Азии. На этом фоне бросается в глаза позиция правительства Польши. По его решению, в разгар Сталинградской битвы армия Андерса ретировалась из СССР, а Армия Крайова придерживалась установки стоять «с оружием у ноги» — не воевать, а копить силы и собирать информацию.

Занявший такую уклончивую позицию Сикорский все-речь рассчитывал на то, что после войны можно будет сохранить в составе Польши Восточные крессы и Тешинскую Силезию, а еще присоединить германские земли до рек Одер и Нейсе (Ныса-Лужицкая), побережье Балтики, включая Щецин, и всю Восточную Пруссию с Кёнигсбергом. Эти требования были зафиксированы в Меморандуме, который в начале декабря 1942 года прилетевший в Соединенные Штаты Сикорский передал правительству США. В Меморандуме было зафиксировано пожелание, чтобы западная граница Польши была «выпрямлена и укорочена путем необходимых смещений ее в западном направлении с целью обеспечить Польше заслуженную безопасность»³⁵. Далее говорилось о том, что «с территорий, которые должны быть объединены с Польшей, будет необходимо переселить некоторую группу немцев в Германию»³⁶.

Считаться с интересами СССР Сикорский не соби-рался. Он рассчитывал на то, что Советский Союз и Германия в ходе долгого и тяжелого противостояния настолько ослабят друг друга, что не смогут помешать польскому вооруженному подполью в конце войны захватить власть

³⁵ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: В 3 т. Т. 1. С. 39.

³⁶ Там же. С. 41.

на всей территории бывшей Второй Речи Посполитой. Данный сценарий, по мнению ряда историков, был нереалистичным, поскольку «строился на опыте Первой мировой войны и был ошибочен в главных своих положениях: Германия капитулировала только после падения Берлина, а Советский Союз не истощал, а наращивал свою мощь на всем протяжении войны»³⁷.

26 февраля 1943 года, вскоре после впечатлившего весь мир разгрома войск гитлеровской Германии и ее сателлитов под Сталинградом, новый посол Польши в СССР Тадеуш Ромер заявил Сталину, что «нет и не будет такого польского правительства, которое согласилось бы на изменение границ с СССР, предлагаемое Советским правительством»³⁸.

Развивая наступление, в апреле 1943 года польское правительство поддержало геббельсовскую провокацию по Катыни³⁹. В ответ на это 25 апреля 1943 года СССР

³⁷ Матвеев Г. Ф., Матвеева Е. Ю. До и после Победы: польский вопрос в политике правительства в изгнании в 1944–1945 годах // Итоги Второй мировой войны 1939–1945 гг. и народы Центральной и Восточной Европы: историческая память и современность: монография / под ред. Ю. А. Борисенка, А. Ю. Полунова, К. В. Шевченко. Минск: Колорград, 2020. С. 64.

³⁸ Там же. С. 65.

³⁹ См.: Василек В. Уничтожать пленных поляков было бы политическим самоубийством. URL: [https://ruskline.ru/news_rl/2020/03/07/unichtozhat_plennyh_polyakov_bylo_by_politicheskim_samoubiistvom](https://ruskline.ru/news_rl/2020/03/07/unichtozhat_plennyh_polyakov_bylo_by_politicheskim_samoubiistvom;); Корнилова О. «Катынь» и «Медное». О чем говорит польский мемориальный символизм? URL: <https://gazeta-vся-тверь.рф/news/obshchestvo/katyn-i-mednoe-o-chem-govorit-polskiy-memorialnyy-simvolizm-/>; Немцы в Катыни. Документы о расстреле польских военнопленных осенью 1941 года. М.: Издательство ИТРК, 2010; Прудникова Е., Чигирин И. Катынь. Ложь, ставшая правдой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011; Стрыгин С. Кто организовал Катынский расстрел? URL: <http://www.km.ru/science-tech/2016/09/09/istoriya-khkh-veka/783927-cto-organizoval-katynskii-rasstrel>; «Катынское дело — инструмент гибридной войны». Интервью Алексея Плотникова Игорю Шишкину. URL: https://zavtra.ru/blogs/protiv_fal_shivok (дата обращения: 5.07.2021); Тайны Катынской трагедии. Материалы «круглого стола», проведенного 19 апреля 2010 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации / отв. за вып. В. И. Илюхин. М., 2010; Швед В. Н. Катынское преступ-

заявил о разрыве дипломатических отношений с польским правительством в изгнании. В ноте Молотова послу Польши Ромеру назвал главную причину такого шага: «Советскому правительству известно, что эта враждебная кампания против Советского Союза предпринята Польским правительством для того, чтобы путем использования гитлеровской клеветнической фальшивки произвести нажим на Советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет интересов советской Украины, советской Белоруссии и советской Литвы»⁴⁰.

Известный российский специалист по истории советско-польских отношений, д. и. н. А. Ф. Носкова справедливо заметила, что «разрыв дипломатических отношений между СССР и польским правительством в Лондоне лишь способствовал тому, что находившееся в эмиграции польское правительство постепенно потеряло роль субъекта международной политики»⁴¹.

Посол Керр о поляках и кроликах

Со временем недальновидная политика «лондонских» поляков стала утомлять не только Сталина, но и руководство Великобритании и США. За год до Ялты, 2 февраля 1944 года, посол Великобритании в СССР Арчибальд

ление: современное состояние проблемы // На пороге войны. 1939 год. М.: Яуза-Каталог, 2020. С. 382–409; *Швед В. Н.* Открытое письмо директору Государственного архива РФ Мироненко С. В. // Наш современник. 2010. № 3; *Швед В. Н.* Тайна Катъни. М.: Алгоритм, 2007 и др.

⁴⁰ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: в 3 т. Т. 1. С. 71–72.

⁴¹ Там же. С. 136. «Линия правительства Сикорского в апреле 1943 г. в итоге оказалась важнейшей геополитической ошибкой „лондонских“ поляков, которая в итоге стоила им утраты власти в своей стране, освобожденной от гитлеровцев Красной армией», — считает Ю. А. Борисёнок (*Борисёнок Ю. А.* Польское военно-политическое подполье и перспективы победы Красной Армии на советско-германском фронте // Итоги Второй мировой войны 1939–1945 гг. и народы Центральной и Восточной Европы: историческая память и современность: монография / под ред. Ю. А. Борисёнка, А. Ю. Полунова, К. В. Шевченко. Минск: Колорград, 2020. С. 46).

Кларк Керр в беседе со Сталиным выразил уверенность в том, что польское эмигрантское правительство в итоге согласится с решением Тегеранской конференции о том, что восточная граница Польши пройдет по линии Керзона. Далее этот родившийся в Австралии шотландец поведал Сталину о том, что «провел свое детство в деревне, и будучи мальчиком, занимался ловлей кроликов. Кролики, будучи пойманными, всегда отбивались, несмотря на то, что знали, что попадут в мешок. То же самое можно сказать о теперешнем польском правительстве. Оно знает, что будет в мешке, но тем не менее оно отбивается»⁴².

Отбиваясь, польские «кролики» совершали ошибку за ошибкой. Самой крупной из них стало инициированное эмигрантским правительством и командованием Армии Крайовой Варшавское восстание. Оно было начато 1 августа 1944 года с целью захвата власти в Варшаве до освобождения ее Красной армией. Взяв власть в столице, «лондонские» поляки рассчитывали распространить ее на всю страну. Авантюра с плохо подготовленным восстанием завершилась 2 октября полным провалом. Она стоила польскому народу больших жертв⁴³.

⁴² Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г.: в 3 т. Т. 1. С. 469; *Борисёнок Ю. А.* Указ. соч. С. 47.

⁴³ *Егоров И., Макаров В.* Восстание обреченных. Новые документы из архивов ФСБ проливают свет на причины поражения польских повстанцев в Варшаве в августе-сентябре 1944 года // Российская газета — Федеральный выпуск № 169(8223). URL: <https://rg.ru/2020/08/02/pochemu-polskie-povstancy-poterpeeli-porazhenie-v-varshave-v-1944-godu.html>; *Макаров В. Г.* Варшавское восстание 1944 г. в оценках польских и российских историков // Россия и Польша. История общая и разобщенная / под ред. Е. И. Пивовара, О. В. Павленко. М.: Аспект Пресс, 2015; *Мельтохов М. И.* Операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944 года // Вопросы истории. 2004. № 11; *Назаревич Р.* Варшавское восстание. 1944 год: политические аспекты. М.: Прогресс, 1989; *Назаров О.* Варшавская правда // Литературная газета. 2014. 6 августа. Спецпроект «Настоящее Прошлое». Выпуск № 9. URL: <http://lgz.ru/article/-31-6474-6-08-2014/varshavskaya-pravda/>; *Назаров О.* Варшавское восстание // Историк. 2019. № 10 (58). С. 56–61; Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь

В феврале 1945 года на конференции «Большой тройки» в Ялте вопрос о послевоенных границах Польши был окончательно решен в соответствии с предложением Советского Союза⁴⁴.

Подведем итоги. В начале Великой Отечественной войны советское правительство пошло на сотрудничество с польским правительством в изгнании, амнистировало польских военнослужащих и оказывало полякам всемерную поддержку. Однако Сикорский и его министры, пользуясь материальной поддержкой СССР, не стремились к честному сотрудничеству с Москвой. Созданная на территории СССР армия Андерса в разгар Сталинградской битвы ушла в Иран, вопреки изначально взятому и многократно подтвержденному обязательству воевать с немцами на территории СССР плечом к плечу с Красной армией. В апреле 1943 году «лондонские» поляки поддержали геббельсовскую провокацию по Катыни, а в 1944 году подняли авантюрное Варшавское восстание.

Не удивительно, что прийти к власти в Польше после ее освобождения Красной армией «лондонские» поляки так и не смогли. Что закономерно и справедливо. Провальный итог их политического курса представляется закономерным и справедливым.

1945 г.: в 3 т. Т. 2. Ч. 1: Варшавское восстание. Июль — ноябрь 1944 г. / под ред. А. Н. Артизова. М.: МФД, 2016.

⁴⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М.: Издательство политической литературы, 1984. С. 251; Назаров О. Большая тройка и польский вопрос. URL: <https://gia.ru/20150205/1046060409.html> (дата обращения: 26.05.2021); Носкова А. Ф. Проблема международного признания и границ Польши (август 1944 — август 1945 гг.) // Великая Отечественная война. 1945 год. М., 2015. Примечательно, что в недавнем интервью заведующий кафедрой истории XIX и XX века Исторического факультета Университета имени кардинала Стефана Вышиньского в Варшаве профессор Веслав Высоцкий обвинил президента США Франклина Делано Рузвельта в том, что тот «вместе со Сталиным плел интриги против Польши». URL: <https://inosmi.ru/politic/20210616/249921294.html> (дата обращения: 16.06.2021).

*Алексей Валерьевич
Исаев*

К. и. н., старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ

Проблема борьбы с бронетехникой Германии летом 1941 г.: тактика, техника и люди

Катастрофическое развитие событий летом 1941 г. в настоящее время имеет ряд убедительных объяснений. Однако касаются эти объяснения в основном стратегического, оперативного и реже тактического уровня. В некоторой степени затрагиваются технические вопросы и проблемы подготовки личного состава. Ситуацию с отражением в отечественной историографии вопроса наличия и эффективности противотанковых средств в Красной армии в 1941 г. приходится назвать достаточно противоречивой. В советский период было не принято упрекать отечественный военно-промышленный комплекс в серьезных просчетах. Так, В. А. Анфилов, признанный в то время исследователь начального периода войны, писал следующее: «Основным орудием для борьбы с вражескими танками была 45-мм пушка. Однако ее пробивная способность оказалась недостаточной для уничтожения средних танков, имеющих толщину брони до 70 мм»¹.

¹ Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1962. С. 24.

Как следовало из опубликованных тактико-технических характеристик немецких танков, наиболее защищенные немецкие боевые машины в 1941 г. имели лобовую броню 50 мм.² То есть оснований сомневаться в приемлемой эффективности 45-мм орудий вроде бы не было. Позднее В. А. Анфилов даже несколько заострил свое утверждение: «Эффективным еще против состоявших в то время на вооружении немецких танков было и 45-миллиметровое орудие»³. Больше внимания В. А. Анфиловым уделялось таким факторам, как прекращение производства 45-мм орудий в ожидании появления более тяжелых немецких машин. Акцент же делался в духе эпохи на нетехнические проблемы вооруженных сил, такие как роль репрессий в трагедии 1941 г.

В обобщающей работе «Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», изданной в 1960 г. под грифом «Секретно», критика противотанковых средств Красной армии была достаточно осторожной: «45-мм противотанковая пушка обр. 1937 г. оказалась маломощной, особенно при ведении огня по танкам на дальности более 500 м»⁴. Тем самым подразумевалось, что до 500 м каких-либо трудностей с поражением техники противника у противотанкистов не возникало. В фундаментальной работе «Отечественная артиллерия: 600 лет», изданной большим тиражом в 1986 г. под редакцией маршала артиллерии Г. Е. Передельского, сомнения в дееспособности отечественных противотанковых средств безапелляционно отменялись: «Если учесть, что немецкие танки в рассматриваемый отрезок времени имели броневую защиту толщиной до 30–50 мм, то они успешно по-

² См.: Танковый музей «ТМ»: Средние лучше легких // Техника-молодежи. № 09. 1980. С. 47; Танковый музей «ТМ»: Основной противник // Техника-молодежи. 1980. № 12. С. 26–27.

³ Анфилов В. А. Дорога к трагедии сорок первого года. М.: Акопов, 1997. С. 99.

⁴ Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 12.

ражались при стрельбе бронебойными снарядами из всех орудий, состоявших на вооружении советской противотанковой артиллерии»⁵. Причем подчеркивалось, что 45-мм пушки могли уверенно поражать бронетехнику противника: «Сомнения же о возможностях батальонной 45-мм пушки безосновательны. 45-мм пушка обр. 1937 г. была способна на дальности с 800 м и ближе пробивать броню до 30–45 мм соответственно при углах встречи 60° или 90°. Она не всегда пробивала лишь лобовую броню танка Т-IV, но эти боевые машины в то время составляли менее 10% танкового парка противника и в массовом масштабе еще не применялись»⁶.

Однако отрывочные сведения о серьезных проблемах с противотанковой артиллерией все же становились достоянием общестественности. Так, в допросе генерала армии Д. Г. Павлова, арестованного после поражения Западного фронта в Белоруссии в июне 1941 г., есть такие строки: «На правом фланге против Кузнецова, в направлении на Сапоцкин введены тяжелые танки противника, которые не пробиваются 45 мм артиллерией, и что противник за этими танками ввел свою пехоту, поломав нашу оборону»⁷. Возникал вопрос: о каких тяжелых танках идет речь? В лучшем случае выдвигались версии об использовании вермахтом трофейных французских танков В1bis.

С другой стороны, в издававшихся уже без цензурной обработки в постсоветский период мемуарах участников Великой Отечественной войны упоминалось неслестное наименование советской 45-мм противотанковой пушки — «Прощай Родина!». Например: «бьем из ружей всей ротой да еще из трех пушек „Прощай, Родина“ — так сорокапятки называли»⁸. Есть и воспоминания, прямо

⁵ Отечественная артиллерия: 600 лет. М.: Воениздат, 1986. С. 206.

⁶ Там же.

⁷ 1941 год: в 2 кн. Кн. 2. / сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 460.

⁸ Помни войну. Воспоминания фронтовиков Зауралья. Курган: Парус-М, 2001. С. 188.

отсылающие к событиям лета 1941 г.: «Валентин служил в артиллерийском подразделении, был командиром 45-мм пушки. Иначе эти пушки назывались „Прощай, Родина!“»⁹. В данном случае речь шла о боях в Прибалтике в начале войны. Наименование так или иначе имело негативную коннотацию.

Если обратиться к официальным данным, то в таблицах стрельбы 45-мм пушек¹⁰ приводились технические характеристики, формально отвечавшие требованиям времени. Снарядом БР-240 «сорокапятки» должны были пробивать 52 мм брони на 100 м при угле встречи 90 и 48 мм брони на 250 м. При этом уточнялось, что это расчетные данные: «Бронепробиваемость рассчитана по формуле Жакоб-де-Марра для цементированной брони с коэффициентом $K = 2400$ ».

На этом фоне практически единодушным было мнение о высокой эффективности советских 76-мм танковых и дивизионных пушек. Встречавшиеся в литературе упоминания о неудачных эпизодах воспринимались с удивлением. Так, известный советский военный деятель Н. К. Попель писал в своих мемуарах о боях в районе Дубно в июне 1941 г.: «Немецкие машины остановились. Мы бьем опять и опять. Но явственно, совершенно явственно я вижу, как наш снаряд чиркнул по лобовому щиту, подобно спичке об отсыревший коробок, высек искру, и только. Значит, и наши пушки бессильны против лобовой брони»¹¹. В комментариях к изданию мемуаров это высказывание расценивалось как ошибка.

Открытие доступа к первичным источникам позволило посмотреть на проблему с другой стороны. В ходе боевых действий летом и осенью 1941 г. были захвачены танки вермахта разных марок, что позволило их деталь-

⁹ Чирков Б. Т. Гибель второй батареи. Екатеринбург, 2004. С. 15.

¹⁰ Полные таблицы стрельбы 45-мм противотанковой пушки обр. 1932 г. и 1937 г. (№ 105). 4-е изд., доп. М., 1942.

¹¹ Попель Н. К. В тяжкую пору. М. — СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 83.

но изучить, в том числе с испытанием обстрелом. Соответствующий отчет («Изучение броневой защиты танков немецкой армии») был подготовлен наркоматом танковой промышленности, а точнее профильным НИИ-48, в 1942 г. в Свердловске. НИИ-48 был создан на базе Центральной броневой лаборатории Ижорского завода в 1939 г. и отвечал за работы по созданию и совершенствованию броневых сталей в СССР.

Относительно бронезащиты толщиной 50 мм и 60 мм (30 мм + 30 мм экран) танков Т-III, Т-IV и проходившей как «Средний артиллерийский безбашенный танк „Артштурм“» САУ «Штурмгешюц» в отчете рефреном звучало: «Лобовые детали танка 45 мм броневой снарядом не пробиваются»¹². В отношении танка чехословацкого производства TNHС-38Т (чаще проходящего в справочной литературе как PzKpfw38(t)) также указывалось: «Лобовые детали танка 45 мм броневой снарядом не пробиваются»¹³. Чешская машина защищалась в лобовой части корпуса и башни двухслойной броней из 25-мм листов. Как отмечалось в отчете НИИ-48, двухслойная броня обладала меньшей стойкостью, чем монолитная плита той же толщины, но для 45-мм снарядов двух 25-мм листов оказывалось достаточно. На тактических диаграммах, прилагавшихся к отчету, также указывалось в отношении Pz. III: «Лоб башни, верхняя лобовая деталь корпуса, верхняя и средняя кормовые детали корпуса не пробиваются», по танку Pz. 38(t), Pz. IV и САУ «Штурмгешюц»: «Лобовые детали не пробиваются»¹⁴.

Все это позволяет объяснить нелестное прозвище в войсках 45-мм противотанковой пушки. Стала ли эта проблема сюрпризом для советского командования? Документы позволяют сделать однозначный вывод: не стала. В записке, адресованной заместителю народного

¹² Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 38. Оп. 11355. Д. 778. Л. 22 об, 23 об, 24.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11355. Д. 778. Л. 21 об.

¹⁴ Там же. Л. 30, 30 об.

комиссара обороны СССР Маршалу Советского Союза г. Г. И. Кулик от 26 октября 1940 г. указывалось:

«1. 45-мм танковая и противотанковая пушка обр. 37 г. броней снарядом весом $p = 1,435$ кг при начальной скорости $V_0 = 760$ м/с пробивает броню современного качества по углом 30° от нормали:

30-мм броню ($K = 2400$) с дистанции 1000 м и

40-мм броню ($K = 2600$) только с дистанции 150 м»¹⁵.

Коэффициент, как мы видим, отличался от указанного в «Таблицах стрельбы 45-мм пушки» издания 1942 г. Фактически в 1940 г. произошел качественный скачок в уровне защиты германской бронетехники, радикально изменивший баланс «щита» и «меча» в борьбе с танками. Экспериментальные данные обстрелов трофейных немецких машин только подтвердили эти оценки. Пробытие 50-мм брони 45-мм пушкой было возможно лишь на предельно малой дистанции в 50 м, смертельно опасной для расчета противотанкового орудия. При этом, разумеется, сохранялась возможность поражения танков противника в борт, что, впрочем, далеко не всегда позволяло сделать тактическая обстановка.

Учитывая донесения разведки в марте 1941 г. о новых немецких танках¹⁶ (впоследствии не подтвердившиеся), советское руководство пыталось улучшить противотанковую оборону советских войск. Одной из таких мер должны были стать противотанковые бригады, формирование которых было начато в апреле 1941 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1112–459СС от 23 апреля 1941 г.¹⁷ Эти бригады должны были вооружаться 76-мм дивизионными, 85-мм зенитными и 107-мм пушками. По факту десять бригад вооружались 76-мм и 85-мм орудиями, но их формирование далеко не было закончено к началу войны.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12104. Д. 9. Л. 288.

¹⁶ 1941 год: в 2 кн. Кн. 1. / сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 752.

¹⁷ 1941 год: в 2 кн. Кн. 2. / сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 104.

Что же можно сказать о 76-мм артиллерии? В упомянутом выше докладе в адрес Г. И. Кулика также указывалось:

«2. 76-мм пушка обр. 02/30 г. со стволом в 30 кал., 76-мм танковая пушка Л-11 и 76-мм танковая пушка Ф-32 броней снарядом весом $p = 6,5$ кг при начальной скорости $V_0 = 612$ м/с пробивает броню современного качества под углом 30° от нормали:

40-мм броню ($K = 2500$) с дистанции 900 м и

50-мм броню ($K = 2500$) только с дистанции 300 м»¹⁸.

Эти данные подтверждают процитированные выше мемуары Н. К. Попеля. Танки Т-34 ранних серий вооружались 76,2-мм пушкой Л-11, танки КВ ранних серий — 76,2-мм пушками Л-11 и Ф-32. Такая машина могла быть у Н. К. Попеля в бою, в котором не удалось поразить танк противника. Более поздние серии танков Т-34 вооружались 76-мм пушкой в 41 калибр. Производившиеся в тот момент серийно 76,2-мм дивизионные орудия Красной армии Ф-22УСВ также имели длину ствола в 41 калибр и позволяли уверенно поражать бронетехнику вермахта в 1941 г. броней снарядом. Здесь имелись другие проблемы, о которых будет сказано ниже.

Технические аспекты вооруженной борьбы неразрывно связаны с тактикой. Насколько адекватными были теоретические представления советских Вооруженных сил в отношении противотанковой обороны? Поражения лета 1941 г. и отсутствие сомнений в эффективности орудий заставляли критически оценивать тактические воззрения Красной армии на ведение противотанковой обороны. При этом критика получалась противоречивой, в одном случае критиковалась линейность¹⁹, в другом —

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. Козлов Л. Совершенствование противотанковой обороны стрелковых соединений // Военно-исторический журнал. 1971. № 3. С. 33; Гусев А. С. Развитие тактики оборонительного боя в первом и втором периодах Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 16–17.

излишнее эшелонирование. В целом, однако, признавалось, что тактические воззрения Красной армии отвечали требованиям времени. Проблемой была обстановка, в которой приходилось применять эти постулаты на практике. Стрелковым соединениям летом и осенью 1941 г. чаще всего приходилось вести оборону на широком фронте, в разы превосходившем уставные требования. Именно это мешало реализовать адекватные времени теоретические установки предвоенного времени. Эти соображения были достаточно очевидны профессионалам. Так, еще в работе 1967 г. признавалось: «В начальный период Великой Отечественной войны наши войска вынуждены были вести оборону на широком фронте, а следовательно, строить линейный боевой порядок при незначительной глубине обороны и незначительной противотанковой плотности артиллерии»²⁰.

Нельзя не отметить, что по предвоенным рекомендациям противотанковые районы входили в систему второго и третьего противотанковых рубежей соединения и должны были стать надежным прикрытием для командных пунктов, узлов связи и, главное, позиционного района основной группировки артиллерии²¹. Это было в высшей степени разумное соображение. В ставшем советским трофеем летом 1941 г. секретном немецком наставлении по боевому применению танковой дивизии декабря 1940 г. указывалось: «132. Цель атаки — прорыв через оборонительную полосу противника. Эта цель достигнута, если артиллерия противника уничтожена и сопротивление в полосе главного сопротивления противника сломлено настолько, что стрелки могут следовать за танками на автомашинах»²². Действительно, разгром артиллерии

²⁰ Бирюков Г. Ф., Мельников Г. В. Борьба с танками. М.: Воениздат, 1967. Л. 58.

²¹ Савушкин Р. А. Развитие советского военного искусства в период между гражданской и Великой Отечественной войнами. М.: ВПА, 1980. С. 91.

²² Оригинал именовался D66. Richtlinien für Führung und Einsatz der Panzer-Division vom 3. Dezember 1940. (Прим. автора).

обороняющегося соединения лишал оборону наиболее эффективного средства воздействия на противника.

Изучение германской бронетехники заставляет задаться вопросом о доле боевых машин, обладавших усиленной защитой по состоянию на июнь 1941 г. В нападении на Советский Союз приняли участие боевые машины разных серий выпуска. Ставшие трофеями и исследованные обстрелом боевые машины противника также принадлежали к определенным модификациям и сериям выпуска и не охватывали всего спектра использованной вермахтом бронетехники. Фотоматериалы 1941 г. показывают, что в составе танковых соединений имелись даже машины ранних серий выпуска, полученные вермахтом еще до начала Второй мировой войны. Одновременно в учетных документах в войсках конкретные модификации не указывались.

«Рабочей лошадкой» германских танковых войск в 1941 г. являлись танки Pz. III разных модификаций. Танки Pz. III с 37-мм орудием, насколько можно судить по имеющимся в литературе и документах данных, не экранировались и оставались с лобовой броней 30 мм. Запущенные в производство в 1940 г. танки Pz. III с 50-мм орудием модификаций (в немецкой терминологии Ausfuehrung, сокращенно «Ausf») E, F, G, H имели лобовую броню 30 мм, которая экранировалась 30-мм листом²³. Модель J изначально выпускалась с лобовой броней толщиной 50 мм.²⁴ Данная модификация была запущена в серию с марта 1941 г. Таким образом, из 1090 танков Pz. III с 50-мм орудием в войсках к началу войны с СССР броней 50 мм и более обладали около 800–850 единиц, или 70–75%.

²³ Jentz T., Doyle H. Panzer Tracts No. 3–2. Panzerkampfwagen III Ausf. E, F, G, und H development and production from 1938 to 1941. Boyds: Panzer Tracts. Pp. 70,71.

²⁴ Jentz T., Doyle H. Panzer Tracts No. 3–3. Panzerkampfwagen III Ausf. J, L, M, und N development and production from 1941 to 1943. Boyds: Panzer Tracts. P. 3.

Несмотря на утверждения в отечественной литературе о лучшей защите немецких танков Pz. IV, только модель F получила лобовую броню корпуса и башни 50 мм. Она выпускалась с апреля 1941 г., выпущено к июню было не более 45 машин. Картина с более ранними модификациями несколько замысловатая. Последние 68 танков Pz. IV модели D (из 232 выпущенных с октября 1939 г. по октябрь 1940 г.) получили монолитную 50-мм нижнюю лобовую деталь и дополнительное бронирование 30 мм на лоб подбашенной коробки²⁵. Танки модели E получили 50-мм нижнюю лобовую деталь и 30-мм экраны на подбашенную коробку (суммарная толщина 30 + 30 т. е. 60 мм брони)²⁶. Всего было выпущено около 200 машин Pz. IV Ausf. E с октября 1940 г. по апрель 1941 г. Однако имеются снимки танков этой модификации в СССР 1941 г. без 30-мм экранов. Лобовая броня башни и маски орудия на этих двух модификациях «четверки» оставалась 30 мм толщины. Таким образом, поражение Pz. IV становилось вопросом вероятности попадания в те или иные фрагменты лобовой проекции. Из общего количества в войсках 517 Pz. IV броней 50 мм или равнопрочной ей 30 мм с 30-мм экраном обладали 50–60% машин. Проще была ситуация с штурмовыми орудиями: все 377 машин в войсках имели лобовую броню 50 мм толщиной²⁷. Именно штурмовые орудия, дивизионы которых подчинялись армейским корпусам, вероятно, стали причиной доклада Д. Г. Павлову о «тяжелых танках», не поражаемых 45-мм орудиями.

Практически одновременно с немецким танками был модернизирован танк Pz. 38(t), выпускавшийся для вермахта в Чехии. 50-мм лобовой лист корпуса и башни получила модель E, запущенная в производство в ноябре

²⁵ Jentz T., Doyle H. Panzer Tracts No. 4. Panzerkampfwagen IV Gross-traktor to Panzerbefehlswagen IV. Boyds: Panzer Tracts. 1997. P. 29.

²⁶ Ibid. P. 38.

²⁷ Jentz T., Doyle H. Panzer Tracts No. 8. Sturmgeschuetz. s. Pak to Sturm-moerser. Darlington: Darlington Productions Inc. 2000. Pp. 6, 10.

1940 г.²⁸ В мае 1941 г. ее сменила модификация F также с 50-мм лбом корпуса и башни²⁹. Из 746 танков чешского производства Pz. 38(t) количество машин с броней 50-мм (25 + 25) можно оценить в 45–60%.

Таким образом, качественный скачок, произошедший в 1940 г. в развитии германской бронетехники, существенно сужал возможности 45-мм пушек по поражению танков противника. Надежда оставалась на 76-мм орудия. Однако здесь главной проблемой стал выпуск бронебойных снарядов. Из 930 тыс. снарядов, заказанных Главным артиллерийским управлением с 1936 г. по первое полугодие 1941 г., промышленностью было изготовлено 192,7 тыс. штук, т. е. план был выполнен лишь на 20,7%³⁰. Жалобы на нехватку бронебойных снарядов рефреном звучат в документах 1941 г. Ввиду утраты документов частей и соединений нет целостной картины, но, например, в июльском 1941 г. донесении штаба 9-й противотанковой бригады было прямо сказано: «Бронебойных снарядов для 76-мм пушек образца 1936 г. за все время действий не было»³¹. Бригада действовала в Прибалтике, в районе Шауляя, в полосе наступления 4-й танковой группы вермахта.

Значительные потери вооружения приграничных армий, а затем и армий резерва Ставки в боях июля и августа 1941 г. привели к усугублению кризиса противотанковой обороны. В этих условиях советское командование вынуждено было идти на меры чрезвычайного характера с передачей в противотанковые полки и дивизионы 85-мм зенитных орудий обр. 1939 г. Так, уже в июле 1941 г. началось формирование противотанковых артиллерийских полков по 3685-мм пушек каждый³². Зенитные орудия могли уверенно поражать германскую бронетехнику с больших дистанций как бронебойным снарядом, так

²⁸ Калинин А. Panzerkampfwagen 38(t). М.: Тактикал Пресс, 2013. С. 35.

²⁹ Там же. С. 38.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12104. Д. 759. Л. 142.

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1353. Д. 79. Л. 3 об.

³² ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 11569. Д. 434 Л. 45.

и стальной осколочно-фугасной гранатой. Однако зенитные орудия были громоздкими, и маскировка их на позициях представляла немалые трудности. Кроме того, штатный тягач для орудий этого типа — трактор СТЗ-5 — обладал невысокой скоростью и затруднял маневр противотанковыми средствами. Тем не менее значение 85-мм орудий в боях осени 1941 г. трудно переоценить, особенно на фоне резкого снижения количества 45-мм орудий.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. К лету 1941 г. значительная доля немецкой бронетехники получила бронирование, не пробиваемое в лобовой проекции основным противотанковым средством Красной армии — 45-мм пушкой обр. 1937 г. Дополнительные возможности, которые давало Красной армии наличие 76-мм танковых и дивизионных орудий, в значительной степени нивелировалось нехваткой броневой снарядов.

Одновременно следует признать, что советские тактические воззрения относительно противотанковой обороны соответствовали времени. Ограниченная реализация этих тактических принципов обуславливалась общей обстановкой. Возникший летом 1941 г. кризис противотанковой обороны потребовал чрезвычайных мер, с одной стороны, и усугублялся нехваткой штатных противотанковых средств после летних потерь, с другой.

В целом проблемы, возникшие с противотанковыми средствами в Красной армии вследствие модернизации техники противника и промахов в военном производстве в СССР, можно назвать в ряду значимых причин катастрофы 1941 г. Это частный фактор, но усугублявший общую неблагоприятную для нашей страны обстановку.

*Борис Узбекович
Серазетдинов*

К. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, ученый секретарь
секции по проблемам военной истории Научного совета РАН
по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Эвакуационная экономика СССР в первые годы войны (1941–1942 гг.). Правда и мифы

Эвакуация в СССР во время Великой Отечественной войны (1941–1945) — крупномасштабное перемещение в начальный период войны с нацистской Германией из угрожаемой зоны в восточные регионы страны населения, промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и других материальных ресурсов. Эвакуация позволила сохранить основную экономическую базу и промышленный потенциал страны и стала одним из факторов, обеспечивших победу в войне.

Эвакуационная экономика — это экономика по обеспечению логистической и организационной операции регламентированного и интенсивного типа в мобилизационный период, нацеленная на быстрое перемещение из угрожаемой зоны в безопасные регионы страны населения, промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и других материальных ресурсов и уже по прибытии в глубокий тыл быструю синхронизацию ввода в эксплуатацию.

Закономерность военной экономики СССР связана с крупномасштабным перемещением хозяйственной жизнедеятельности в пространстве из обжитых мест в места вынужденного размещения вследствие угрозы военного уничтожения. Цель эвакуации — сохранение экономического потенциала страны и его использование в производстве средств ведения боевых действий. С июня по декабрь 1941 г. из районов, которым угрожала оккупация, была эвакуирована практически целая индустриальная держава. По своим масштабам и эффективности эта работа не имеет аналогов в мировой истории. Под прицельным огнем наступавшего противника, порой с опозданием и с неизбежными при этом потерями и жертвами, эта держава численностью 12 млн человек, 2593 предприятия, 2,4 млн голов крупного рогатого скота, 5,1 млн овец и коз, 0,2 млн свиней, 0,8 млн лошадей, с резервными запасами зерна, мяса железнодорожным составом длиной от Атлантики до Тихого океана — 15 тыс. км (1,5 млн вагонов, 10 м — один вагон) — была перемещена за тысячи километров и «с колес» начала производство вооружений, боеприпасов, танков, самолетов¹.

Из общего числа эвакуированных крупных предприятий 226 было направлено в Поволжье, 667 — на Урал, 310 — в Западную Сибирь, 78 — в Восточную Сибирь, 308 — в Казахстан и Среднюю Азию.

Известный английский публицист Александр Верт, корреспондент «Би-би-си» и газеты «Санди таймс», всю войну живший в СССР, написал: «Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года — это, прежде всего, повесть о невероятной человеческой стойкости». Он особо подчеркивал,

¹ Попов Д. А. Военная экономика СССР 1941–1945 гг.: закономерность победы // Вестник ХГАЭП. 2015. № 2 (76). С. 9.

что «эту эвакуацию промышленности во второй половине 1941 г. и начале 1942 г. и ее „расселение“ на востоке следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны». Он также отмечает, что «перемещение промышленности на восток в разгар немецкого вторжения в 1941 г. было, конечно, единственным в своем роде достижением. В то же время было бы наивным предполагать, что все сколько-нибудь значительные промышленные предприятия были вовремя эвакуированы или приведены в негодность»².

В своей работе «Великая Отечественная: битва экономик и оружие победы» Н. И. Рыжков четко подметил, что «сложность эвакуации состояла прежде всего в том, что она осуществлялась в ограниченное время из очень широкой фронтовой и прифронтовой полосы, из крупных индустриальных районов страны на большие расстояния и зачастую проходила под огнем противника»³.

На территории, которая попала под удар германского наступления, до войны проживало 40% населения и было сосредоточено 33% промышленного потенциала страны, в том числе оборонных предприятий. Общее количество промышленных предприятий составляло 31 850, из них 37 заводов черной металлургии, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения, 1 135 шахт, свыше 3 тыс. нефтяных скважин, 61 крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых и других предприятий⁴.

² Верт А. Россия в войне 1941–1945. Авторизованный перевод с английского. М.: Воениздат, 2001. С. 11.

³ Рыжков Н. И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы / Н. И. Рыжков. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. С. 51–52.

⁴ Вознесенский Н. А. Эшелоны идут на Восток // Избранные произведения. 1917–1947. М.: Изд-во политической литературы, 1979. С. 6, 504, 582.

При подготовке плана эвакуации был учтен опыт Первой мировой войны, когда Россия в 1915 г. вывезла заводы Варшавского и Прибалтийского промышленных узлов в тыл, однако так и не запустила их на новых местах на полную мощность, и эвакуации в период Гражданской войны и иностранной интервенции⁵. Советское руководство создавало, что эвакуация предприятий — комплексная задача: для ее решения требовалось не только создать заранее готовые площадки для разворачиваемых на Урале и в Сибири предприятий, предусмотреть резервы электрической мощности, построить помещения заводского и бытового характера, но и предусмотреть бытовое обеспечение, питание прибывающего на новые места персонала предприятий, обучение детей в школах.

Е. Тюрина, директор РГАЭ, пишет: «Уже в первые дни войны Совет по эвакуации вместе с Государственным комитетом обороны организовал инвентаризацию всех запасов сырья и оборудования, находящихся на военных заводах оборонительных отраслей промышленности, а также гражданских предприятиях, перестраивающихся на производство военной продукции»⁶.

Первый список предприятий для эвакуации был готов 29 июля 1941 г. Сейчас он хранится в РГАЭ, долгое время на нем стоял гриф «Совершенно секретно». Этот план выполнить было невозможно: события на фронте разворачивались быстрее, чем можно было ожидать. Многие предприятия, намеченные к эвакуации, оказались в широкой фронтовой и прифронтовой зоне, и зачастую эвакуация проходила под огнем противника.

30 августа появился новый эвакуационный список. В нем титульная страница и приложение — книга

⁵ Мелия А.А. Становление эвакуационного планирования как элемента мобилизационной подготовки экономики (1921–1928 гг.) // Экономика и финансы. 2002. № 2. С. 38–41.

⁶ Тушин А. Эвакуация как индустриализация. Александр Трушин — о беспрецедентном // Огонек № 12 (5365) от 30.03.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2692858> (дата обращения: 20.07.2021).

на 385 листах, где расписано, какие предприятия и куда должны переехать⁷.

В соответствии с этим планом Наркомат путей сообщения выделял эшелоны, организовывал их движение, а в местах приема готовились к встрече людей и оборудования. С этого момента и начинается создание новой военно-промышленной базы на востоке.

На самом деле это не было полной неожиданностью ни для руководителей наркоматов оборонной промышленности, ни для Госплана. Елена Тюрина рассказывает, что «перевод военных заводов на Урал и в Сибирь планировался еще в середине 30-х годов. Ведь вся оборонка была сосредоточена в западных областях страны. Но мы просто не успели, не приступили к развертыванию новой базы»⁸. А.А. Мелия в статье «Становление эвакуационного планирования как элемента мобилизационной подготовки экономики (1921–1928 гг.)» писал: «Подводя итоги работы по эвакуационной подготовке, проводившейся в нашей стране до 1929 г., можно отметить, что, несмотря на значительные недостатки, был накоплен значительный опыт составления эвакуационных планов, отработано взаимодействие различных ведомств, создана нормативная база. Большое значение имели практические мероприятия по увязке эвакуационного планирования и развития производительных сил угрожаемых районов. Главным недостатком эвакуационной работы являлось отсутствие планов возобновления работы эвакуированных предприятий на новом месте, но данный недостаток хорошо осознавался и должен был быть исправлен при составлении новых планов»⁹.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 93. Д. 266.

⁸ Там же.

⁹ Мелия А.А. Становления эвакуационного планирования как элемента мобилизационной подготовки экономики. (1921–1928 гг.) // Экономика и финансы. 2002. № 2. С. 59–60.

Ярким подтверждением является пример подготовки эвакуации Государственного Эрмитажа. Помимо промышленности, планом эвакуации был предусмотрен вывоз культурных ценностей. Так, коллекция Государственного Эрмитажа должна была уехать в Молотов и Свердловск, где перед войной побывали сотрудники музея, чтобы осмотреть предназначенные для хранения здания. В 1939 году Эрмитажу в Ленинграде было отведено отдельное здание, где начали собирать ящики и упаковочный материал, которые к началу Великой Отечественной войны были наготове¹⁰. Елена Соломаха, заместитель заведующего отделом рукописей и документального фонда, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, отметила, что «оставалось только доставить это в Эрмитаж и начать упаковку. Руководил подготовкой и отправкой экспонатов директор Эрмитажа Иосиф Орбели. Именно ему мы обязаны тем, что подготовка к эвакуации была проведена заранее, а сама эвакуация прошла в невероятно короткие сроки. Несмотря на то, что в то время только за разговоры о предполагаемой войне с Германией могли посадить, он не боялся готовиться к эвакуации. Упаковкой шедевров занимался весь коллектив музея, помогали добровольцы, солдаты и курсанты ленинградских училищ. 1 июля был отправлен первый состав с эрмитажными коллекциями. Это были предметы из экспозиции. Их сопровождали 16 сотрудников во главе с хранителем картинной галереи Владимиром Левинсоном-Лессингом. Он один знал, что местом назначения эшелона будет Свердловск. Левинсон-Лессинг и стал директором филиала Эрмитажа в Свердловске. 23 июля ушел второй эшелон. С ним также уехали 16 сотрудников Эрмитажа. Третий эшелон отправить не успели, кольцо блокады замкнулось»¹¹.

¹⁰ Соломаха Е. «Вывозили коллекцию на поезде с пулеметами»: [беседа с заместителем заведующего отделом рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа Е. Соломахой] / Е. Соломаха; беседа с Вал. Башмакова // Огонек. 2017. № 36 (11 сент.). С. 34–35.

¹¹ Там же.

В СССР официально не существовало плана эвакуации производительных сил на случай войны. Однако, согласно некоторым источникам¹², начиная с 1920-х годов в СССР разрабатывались оборонительные планы, включавшие эвакуационные мероприятия, призванные не допустить повторения событий Гражданской войны, когда нахождение населения в зоне боевых действий затрудняло передвижение войск, способствовало распространению эпидемий и деморализации военнослужащих. Прежде всего, это Высший совет народного хозяйства СССР (ВСНХ)¹³.

Разработкой плана эвакуации занимался Центральный мобилизационный отдел Народного комиссариата путей сообщения СССР (НКПС). В основу эвакуационного плана легли заявки наркоматов об объемах и направлениях перевозок, которые корректировались в НКПС исходя из транспортных возможностей. Первый эвакуационный план, разработанный Центральным мобилизационным отделом НКПС, был утвержден 7 мая 1926 г. на заседании Центрального междуведомственного мобилизационного комитета (ЦММК). С 1927 г. вопросами эвакуации занималось распорядительное заседание Совета труда и обороны СССР¹⁴. Таким образом, в основе этих планов лежал опыт, полученный во время недавних событий¹⁵.

Предвоенная политика способствовала более рациональному размещению производительных сил, в том

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 1. Д. 73 Л. 6.

¹³ Вольпе А. Современная война и роль экономической подготовки. М., 1926. С. 23; Шигалин Г. Подготовка промышленности к войне. М. — Л., 1928. С. 128.

¹⁴ Мелия А. А. Становление эвакуационного планирования как элемента мобилизационной подготовки экономики (1921–1928 гг.) // Экономика и финансы. 2002. № 2. С. 50.

¹⁵ Москва прифронтовая. 1941–1942: Архив. док. и материалы / Москов. гор. об-ние архивов; Сост. М. М. Горинов, В. Н. Пархачев, А. Н. Пономарев. М.: Изд-во об-ния «Мосторархив»; Московские учебники, 2001. С. 254.

числе и из геополитических соображений. В ходе третьей пятилетки (1938–1942 гг.) на Урале, в Сибири и других восточных районах было начато строительство оборонных промышленных предприятий. Их площадки, фундаменты, коммуникации и возведенные корпуса в первые годы войны послужили базой для развертывания значительной части эвакуированных заводов.

И. Б. Мощанский утверждает, что «каких-либо заблаговременно разработанных эвакуационных планов практически не существовало, хотя черновые наброски подобных документов составляла Военно-промышленная комиссия при СНК СССР в 1939–1940 годах и в начале 1941-го. Собственно, не имелось и органов, призванных непосредственно руководить перебазируванием производительных сил страны вглубь территории Советского Союза. Все эти проблемы решались в ходе разразившейся войны, зачастую в спешке, иногда без учета конкретной обстановки»¹⁶.

Такая же точка зрения у А. Трофимова. Он утверждает, что «никаких общегосударственных планов эвакуации предприятий и населения на случай войны с Германией в Советском Союзе не было. Специальный орган — тот самый Совет по эвакуации, который должен был заниматься этим вопросом, был создан постановлением Центрального комитета ВКП(б) и Совнаркома на третий день войны, 24 июня. Через три дня появился и документ, определявший, как, куда и кого вывозить и в каком порядке это необходимо делать. Это было постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». А 5 июля появилось специальное постановление «О порядке эвакуации населения в военное время»¹⁷.

¹⁶ Мощанский И. В тылу борьбы: как эвакуировали промышленность в начале войны // Известия. 5 мая 2021. URL: www.iz.ru/1156440/ilia-moshchanskii/v-tylu-borby-kak-evakuirovali-promyshlennost-v-nachale-voiny (дата обращения: 20 июня 2021).

¹⁷ Трофимов А. Эвакуировать Советский Союз: как спасли промышленность. URL: [www.hitsrf.ru](http://hitsrf.ru) (дата обращения: 20 июня 2021).

Каких-либо заблаговременно подготовленных эвакуационных планов фактически не существовало, хотя перед войной некоторая работа в этом направлении проводилась. Черновые варианты таких документов составлялись, например, Военно-промышленной комиссией при СНК СССР в 1939–1940 гг. и в начале 1941 г.¹⁸ Более того, когда 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы», была создана специальная Комиссия по эвакуации из г. Москвы населения в военное время во главе с председателем Моссовета В. П. Прониным. 3 июня она представила И. В. Сталину план и проект постановления Совнаркома СССР «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время». 5 июня на докладную записку председателя комиссии Сталин наложил широко известную резолюцию: «Т-щу Пронину. Ваше предложение о „частичной“ эвакуации населения Москвы в „военное время“ считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию — ЦК и СНК уведомят Вас»¹⁹. Из этого видно, что И. В. Сталин боялся провокационных действий в этот период.

11 октября 1941 г. на партсобрании Наркомата авиационной промышленности СССР выступил заместитель наркома авиационной промышленности СССР М. В. Хруничев с докладом «О задачах эвакуации авиазаводов и налаживания выпуска самолетов на новых местах». Он подчеркнул: «Как следует рассматривать эвакуацию и что от нас требуется, чтобы возглавить это дело и не оказаться в хвосте всех этих обывательских суждений? Почему это происходит? Мне кажется, что каждый

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8518. Оп. 27. Д. 244; Оп. 23. Д. 224; Оп. 25. Д. 120.

¹⁹ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 424. Л. 1–3.

здравомыслящий человек может дать один ответ: было бы глупо рисковать такой мощной базой авиационной промышленности в условиях приближения фронта. Если мы раньше эвакуировали наши предприятия, чтобы создавать дублиеры, чтобы избежать бомбардировок, то сейчас, при создавшейся тяжелой обстановке, мы должны подумать о сохранении всей авиационной базы, создать более нормальные условия работы, при которых можно было бы удовлетворять нужды фронта в боевых современных самолетах. Такой ответ, по-моему, должен давать каждый агитатор, если только он вникнет в смысл эвакуации заводов. Рисковать заводами, чтобы потом парализовать выпуск самолетов, было бы преступно». И он четко поставил задачи по эвакуации заводов: «Заканчивая, я должен повторить еще раз, что практическое решение задачи сводится к тому, чтобы организованно перебазировать заводы — раз. Во-вторых, связаться со всей системой народного хозяйства, которая в кооперации обеспечила бы выпуск авиационных изделий, чтобы перебазировка наших заводов не проходила оторванно от наших баз, чтобы непрерывность производства была обеспечена, смелость в решении вопросов и в техническом риске, бояться нечего — время военное, больше личного примера, меньше бюрократизма, чтобы организованно решить задачу, преодолеть трудности, а их преодолеть можно. Мы имеем много имущества и оборудования, и иногда при эвакуации мы его даже оставляем. Если будет организованность, мы избежим всех трудностей, а для этого надо иметь план, помочь заводам при всех условиях обеспечить непрерывность работы и в кратчайшее время овладеть производством в новой обстановке, на новом месте. Наконец, задача всех сотрудников, начиная от рядового работника и кончая зам. наркома, — удвоить выпуск продукции заводов, находящихся в глубинных пунктах страны, заводов № 292, 124, 126, 125, 381, Куйбышевского и других заводов, поставить их на ноги и потребовать от них в течение 12–15

дней удвоить продукцию, чтобы не сказалась перебазировка московских заводов»²⁰.

Эвакуация сопровождалась всеми ошибками, присущими системе управления того времени. В руководстве процессом присутствовала излишняя степень централизации. Без указаний Государственного Комитета Оборона (ГКО) и Совета по эвакуации местные органы не имели права принимать решения о вывозе оборудования заводов.

Обстановка же в прифронтовой полосе в первые месяцы войны так быстро менялась, что директивы из Москвы запаздывали. Так, решение о перебазировании предприятий Донецкого бассейна состоялось лишь 9 октября 1941 года, когда начались бои в районе Донбасса. Случалось, работа велась в уже заминированных на случай вражеского прорыва цехах. Эвакуация зачастую шла под огнем.

Так, например, при демонтаже «Запорожстали» с противоположного берега завод обстреливался, были раненые и убитые. Тем не менее ежедневно уходило до 900 вагонов. 3 октября 1941 года, когда сдали Запорожье, «оставалось только подмести цехи металлургических заводов, больше там было нечего делать». Заместитель наркома черной металлургии В.С. Бычков вспоминал: «В один из дней ноября звонит директор Солнечногорского завода

²⁰ Москва прифронтовая. 1941–1942: Архив. док. и материалы... М., 2001. С. 254; Российское историческое общество. Электронная библиотека исторических документов. Из стенограммы выступления зам. наркома авиационной промышленности СССР М.В. Хруничева на партсобрании наркомата авиационной промышленности СССР — О задачах эвакуации авиазаводов и налаживания выпуска самолетов на новых местах. 11 октября 1941 г. // ЦАОДМ. Ф. 1590. Оп. 1. Д. 3. Л. 18–30. URL.: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/180519-iz-stenogrammy-vystupleniya-zam-narkoma-aviatsionnoy-promyshlennosti-sssr-m-v-hrunicheva-na-partsobranii-narkomata-aviatsionnoy-promyshlennosti-sssr-o-zadachah-evakuatsii-aviazavodov-i-nalazhivaniya-vypuska-samoletov-na-novyh-mestah-11-oktyabrya-1941-g> (дата обращения: 20 июня 2021).

Савельев, взволнованно кричит в телефон: в Солнечногорск вошли немецкие танки. Под обстрелом нам удалось вывезти заводским паровозом последние десять вагонов с оборудованием». Тем не менее задержки удавалось компенсировать мобилизацией всех людских и транспортных ресурсов, а также жестким контролем. По решению Совета по эвакуации были использованы имевшиеся в областях «аппарат по переселению и переселенческие отделы», как официально назывались репрессивные органы, в предшествующие годы, проводившие выселение раскулаченных и прочих «антисоциальных элементов». У них имелся обширный опыт быстрой отправки больших масс людей на дальние расстояния.

«Конечно, в первые месяцы у нас было много ошибок и трудностей, — вспоминает член Совета по эвакуации Н. Ф. Дубровин. — Значительное число вагонов с эвакуируемым имуществом не имело адресов назначения, вагоны часто отправлялись на чрезмерно большие расстояния, грузилось много малоценного имущества. Желание увезти все приводило к тому, что вагоны загружались домашней мебелью, канцелярскими шкапами, столами, личными вещами в ущерб ценному оборудованию»²¹.

Так, например, Омский обком ВКП(б) отмечал, что выгрузка предприятиями прибывающих грузов по Омской железной дороге велась неудовлетворительно, как указано в постановлении ГКО № 938 по Рязано-Уральской железной дороге от 22 ноября 1941 г.²²

Некоторые предприятия области плохо организовали работу по грузовым операциям, в результате чего происходило большое скопление грузов на станциях и подъездных путях. Например, для завода № 173 на станциях

²¹ Антонова И. Эвакуация промышленности в 1941–42 гг.: Промышленность и успехи. Часть I // Военно-промышленный курьер: общерос. еженед. газ. 18 декабря 2018 г. URL: <https://vpk-news.ru/articles/47199> (дата обращения: 20 июня 2021).

²² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 151–152.

и подъездных путях скопились свыше 400 вагонов. Поступившие 63 вагона оборудования и материалов Ярославскому автошинному заводу разгружаются недопустимо медленно. Аналогичное положение сложилось и по ряду других предприятий. Только по этой причине непроизводительный простой вагонов по клиентуре Омской области исчислялся свыше 25 000 вагоночасов. Из-за несвоевременной вывозки предприятиями выгруженного оборудования и материалов на станциях и товарных дворах Омского узла скопилось свыше 300 вагонов, в том числе около 150 вагонов Сибзаводу.

Разгрузка эшелонов с эвакуированным населением из-за несвоевременной подготовленности жилья проходила с большими перебоями, и, как следствие этого, отдельные вагоны простаивали под разгрузкой до 10 суток²³.

В первые месяцы войны неразбериха, царившая в советских органах управления экономикой, сказалась и на деятельности эвакуированных предприятий.

Не согласовав между собой проекты эвакуационных планов, Совет по эвакуации и ГКО порой направляли на территории одного предприятия по нескольку заводов. Все это вкупе с другими причинами (в том числе и из-за элементарной потери оборудования по многочисленным тупикам и разъездам советских железных дорог) затягивало процесс восстановления эвакуированных предприятий. Основная причина задержки ввода в действие оборудования состояла и в остром недостатке квалифицированных рабочих.

Если оценивать ситуацию в целом, то, по неполным данным НКПС, в течение второго полугодия 1941 года из прифронтовой зоны на восток было вывезено 2 593 промышленных предприятия. С учетом того, что значительная часть производительных сил перебрасывалась в тыловые районы по решению местных органов с использованием различных видов транспорта (причем имелось

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1988. Л. 54.

значительное количество так называемых бездокументных грузов), то указанная цифра была еще больше. Однако часть предприятий так и не удалось эвакуировать. Ведь на захваченной противником территории Советского Союза перед войной размещалось 31 850 заводов и фабрик, в том числе 7 500 крупных, не считая мелких предприятий и мастерских.

Колхозы и совхозы восточных районов страны во втором полугодии 1941 года приняли 2 393,3 тыс. голов скота из прифронтовой зоны. Все эвакуоперевозки потребовали чуть больше 1,5 млн железнодорожных вагонов. Однако в 20 занятых противником районах осталось 20–22% крупного и 18–20% мелкого скота, ранее принадлежащего коллективным хозяйствам.

А между тем на новом месте предстояло возвести производственные корпуса, смонтировать оборудование, подключить коммуникации, наладить быт рабочих и их семей. Все это необходимо было сделать в кратчайшие сроки, чтобы как можно быстрее начать выпуск продукции для фронта.

Нередко предприятия, особенно эвакуированные в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, оказывались едва ли не в чистом поле. Неизбежными были хищения и порча оборудования. Но предприятия вводились в эксплуатацию ударными темпами. Стройка шла круглосуточно. Заводы начинали работу до окончательного завершения строительства. Еще продолжалось возведение стен и перекрытий, а с конвейеров уже сходили первые снаряды, танки, самолеты. Ночные работы проводились при свете факелов и костров. Электроэнергии едва хватало на то, чтоб пустить смонтированные под открытым небом станки. Осветительная аппаратура прикреплялась к деревьям. Эвакуированные рабочие трудились по 13–14 часов в сутки, при этом ютились в землянках или наспех сколоченных бараках. Не столько страх перед наказанием, сколько осознание того, что от их работы зависит судьба страны, помогло труженикам тыла преодолеть многочисленные трудности, решить организационные и техноло-

гические проблемы и дать армии достаточное количество качественного вооружения.

Важным фактором преодоления постоянного напряжения и диспропорций военной экономики стал массовый характер нововведений и рационализации. Нужда заставляла искать и находить нестандартные решения как на уровне народного хозяйства, так и в рамках отдельных предприятий и рабочих мест. Не хватало ферросплавов — научились варить их в доменных печах. Потребовалось много броневых листа — начали катать его на блюмингах. Нужно было увеличить поставки фронту самолетов и танков — наладили их массовый выпуск: танки собирали на конвейере, самолеты — поточным методом. Острый дефицит алюминия заставил создать и использовать для обшивки самолетов специальную клееную фанеру. Одним из наиболее сложных и ответственных направлений организации военно-промышленного производства с первых месяцев войны явилось налаживание системы производственных связей: между предприятиями данного наркомата, между предприятиями разных наркоматов при комплектации «готового изделия», между предприятиями разной ведомственной принадлежности в пределах данного экономического района, области или края.

Беспримерный подвиг советских людей приблизил победу над фашизмом. В этом и огромная заслуга директоров и технологов предприятий наркоматов оборонной промышленности, сумевших в сжатые сроки организовать по единому техническому плану поточное производство основных предметов вооружения и боевой техники, внедрить в производственный процесс передовые технологии.

Примечательно, что на тот момент страна мобилизовала все ресурсы государственного сектора. Широкое использование финансовых рычагов (внедрение программ по снижению себестоимости, повышение качества выпускаемой продукции, освобождение продукции военного назначения от налога с оборота, гибкая ценовая политика в отношении

товаров «непервой» необходимости и др.), более характерных для рыночной экономики, и жесткая система распределения и контроля высвобождающихся ресурсов командной экономики позволили финансовой системе не только не рухнуть, но и внести существенный вклад в победу.

СССР дал миру уникальный опыт формирования и использования мобилизационной экономики. Политические деятели и эксперты как стран — союзников СССР, так и сателлитов фашистской Германии считали, что прочность Советского Союза в годы войны зависит от дееспособности тыловых регионов страны и их социально-экономической управляемости. Уже в конце мая 1942 года абвер и комиссариат рейха по восточным территориям были вынуждены признать: «Советским властям, во-первых, удалось переправить в неоккупированные районы значительную часть промышленности и других экономических мощностей, а также научно-технические и гуманитарные кадры. Эти мощности и кадры уже к концу 1941 года стали быстро восполнять ущерб 1941 года.

Во-вторых, неофициально разрешено восстановление прежних и создание новых частных предприятий в сельском, рыбном хозяйстве, охотничьем промысле, торговле многими сельхозпродуктами и мелких бытовых услугах. Хотя под жестким государственным контролем. Причем такие предприятия были созданы даже в Ленинграде. Это всколыхнуло частную инициативу именно на пользу советского государства.

В-третьих, в кратчайшие сроки в Закавказье, Средней Азии и в азиатской части РСФСР созданы многие отрасли промышленности, особенно военной, которые уже к весне 1942 года более чем наполовину возместили экономический ущерб от потери европейских промышленных территорий СССР. Эти факторы не позволяют рассчитывать на военный и экономический крах СССР...»²⁴.

²⁴ Мобилизационная модель. URL.: [sb.by>articles/mobilizatsionnaya-model.html](http://sb.by/articles/mobilizatsionnaya-model.html) (дата обращения: 8 июля 2021).

Кстати, именно советский опыт эвакуации промышленности из оккупированных регионов и быстрого налаживания ее работы в безопасных местах был успешно использован при участии специалистов из СССР, например, в Китае, Великобритании, Канаде, в зарубежных владениях Франции и Нидерландов.

Ван Клеффенс, премьер-министр Нидерландов в 1940-х годах, отметил: «СССР продемонстрировал в годы войны свои беспрецедентные возможности по переустройству экономики ввиду внешней агрессии. Прежде всего проявился успешный механизм государственного управления в стране в чрезвычайной ситуации. Всего лишь за 25 лет советской власти удалось создать комплексную систему государственного политического и экономического управления, адаптированную к географическим, национальным условиям новой России. При эвакуации предприятий из Голландской Индии в 1942 году мы использовали аналогичный опыт СССР»²⁵.

²⁵ Мобилизационная модель. URL.: [sb.by>articles/mobilizatsionnaya-model.html](http://sb.by/articles/mobilizatsionnaya-model.html) (дата обращения: 8 июля 2021).

*Оксана Юрьевна
Ренухова*

К. и. н., доцент кафедры отечественной истории
Петрозаводского государственного университета

К вопросу об эвакуационном планировании гражданского населения в Советском государстве в межвоенный период как основе эвакуации в начале Великой Отечественной войны

К настоящему времени на общероссийском уровне сложилась обширная историографическая традиция изучения организованной эвакуации населения накануне вражеской оккупации, а также проживание беженцев в глубоком тылу¹. Тем не менее остается малоизученной история эвакуационного планирования в межвоенный период и сопряженные с событиями эвакуации вопросы стихийного перемещения людей, отселение граждан из зоны потенциального театра военных действий и другие.

Изучение истории эвакуации в комплексе, от планирования до ее реализации и последствий, открывает возможность увидеть не только фактологическую динамику (например, определение мест базирования, беженских

¹ *Куманев Г.А.* Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // *Людские потери СССР в период Второй мировой войны.* Сб. ст. СПб., 1995; *Его же.* Война и эвакуация в СССР 1941–1942 годах // *Новая и новейшая история.* 2006. № 6.

трактов и т. д.), но и изменение взглядов на эвакуацию военно-политического руководства страны, региональных руководителей зон вывоза и мест базирования и др. Учитывая все обстоятельства, можно приблизиться к всестороннему пониманию масштаба эвакуации и ее последствий для нашей страны.

В историографии сохраняется мнение о том, что эвакуация не была подготовлена организационно², не существовало утвержденных планов, не было произведено никакой подготовки к эвакуации из приграничных районов³, а сам эвакуационный механизм формировался уже в ходе войны как на базе переориентации готовых органов управления, так и путем создания новых звеньев⁴. Проводя значительную работу по выделению различных эвакуопотоков «организованной» (например, рабочие и служащие эвакуированных предприятий, а также их семьи; дети и обслуживающий персонал детских учреждений; учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО; преподаватели, студенты, ученые, представители творческой интеллигенции с семьями; пенсионеры, инвалиды, больные; женщины с детьми (прежде всего это семьи начсостава РККА и ВМФ, партийных и государственных номенклатурных работников; семьи партизан; спецконтингент)) и «неорганизованной» эвакуации, опираясь при этом на материалы мест базирования эвакуированных (Урал, Казахстан и др.), историки

² *Потемкина М.Н.* Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуация населения на Урале в 1941–1948 гг.: автореферат д-ра ист. наук. 2004. URL: <https://www.disscat.com/content/evakuatsionno-reevakuatsionnye-protsessy-i-evakonaselenie-na-urale-v-1941-1948-gg> (дата обращения: 15.05.2021).

³ *Яд Вашем:* Мемориальный комплекс истории Холокоста. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/education/educational-materials/learning-environments/families/additional-materials/evacuation.html> (дата обращения: 15.05.2021); *Шатилов С.П.* Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по обеспечению эвакуации населения и материальных ценностей в годы Великой Отечественной войны // *Политика и Общество.* 2017. № 2. С. 97–109.

⁴ *Потемкина М.Н.* Указ. соч.

не учитывают превентивную работу по выработке эвакуационных планов в Западной пограничной полосе СССР в межвоенный период⁵. Анализируя политику Советского государства по перемещениям гражданского населения в ходе Великой Отечественной войны, ученые делают вывод о преследовании властью прежде всего целей военно-прагматического характера и утверждают, что гуманистическая мотивация занимала второстепенное значение⁶. Исследователи отмечают, что только в ходе войны социальная политика по отношению к эвакуационному претерпела эволюцию от простого восприятия эвакуированных как людей, временно попавших в беду, до выработки системы социальной помощи эвакуированным гражданам⁷, и не учитывают проработку социальных вопросов эвакуации мобилизационными органами в довоенный период.

На наш взгляд, сохраняется основное противоречие историографической традиции: утверждение, что без подготовки в кратчайшие сроки и в сложнейших условиях боевых действий из угрожаемых оккупацией зон СССР были эвакуированы десятки миллионов человек, оборудование и ценности, при протяженности линии обороны Западной границы СССР более 3 тыс. км,⁸ а площади Западной угрожаемой зоны СССР в несколько сотен тысяч квадратных километров⁹? Сохраняются и другие противоречия, сопряженные с основным: отсутствие разработ-

⁵ Потемкина М. Н. Указ. соч.

⁶ Афанасьева Ю. Л. Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны: на примере Курской области. 2002 г. автореф. дис. ... канд. ист. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/protsessy-peremeshcheniya-grazhdanskogo-naseleniya-v-period-velikoi-otechestvennoi-voiny-na-> (дата обращения: 15.05.2021).

⁷ Потемкина М. Н. Указ. соч.

⁸ СССР, Линия Молотова // Исторический, научно-образовательный сайт о Второй мировой войне. URL: <https://wwii.space/ссср-линия-молотова/> (дата обращения: 16.05.2021); Мельтохов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939–1941 гг. Документы, факты, суждения. М., 2008. С. 354–363; Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 496.

⁹ Афанасьева Ю. Л. Указ. соч.

ки структуры управления эвакуацией, отсутствие планов социальной, медицинской помощи и т. д. Очевидно, что масштаб эвакуации, проведенной в первый период Великой Отечественной войны, не имел аналогов и потребовал значительных подготовительных и организационных работ, в том числе предполагал осмысление трагедии беженцев в годы Первой мировой и Гражданской войн и поиск решения их проблем. И то и другое имело место в межвоенный период и, безусловно, приобрело характер, соответствующий условиям развития Советского государства.

Анализировать эти и другие вопросы эвакуационного планирования позволяют документы, сохранившиеся в фондах федеральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военный архив) и региональных архивов, расположенных на территориях, входивших в состав Западной пограничной полосы СССР в 1920–1930-х гг. (Национальный архив Республики Карелия, Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга, Государственный архив Смоленской области, Государственный архив г. Великие Луки, Государственный архив Псковской области, Государственный архив новейшей истории Псковской области, Государственный архив Республики Крым и др.). Комплексное исследование документов показывает динамику контуров Западной пограничной полосы и угрожаемых зон, из которых планировали эвакуацию¹⁰, подходы к финансированию эвакуации¹¹, проработку регламента действий мобилизационных органов гражданских учреждений в случае эвакуации¹², а также Положения о беженцах¹³ др.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 8418. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.

¹¹ Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР: 1921–1941 гг. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru> (10.09.2013); ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 5А. Д. 257. Л. 3; Там же. Д. 243. Л. 58–62.

¹² Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 7. Оп. 10. Д. 734.

¹³ РГВА Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 79–83.

В разрабатываемых с 1926 г. эвакуационных планах (ЭП)¹⁴ вывоза из угрожаемых неприятелем зон предусматривался вывоз ценных грузов и квалифицированно контингента в два этапа (в подпериод № 1 частичную разгрузку угрожаемой зоны и срочную эвакуацию в подпериод № 2)¹⁵. Во всех ЭП последовательно корректировалось число объектов (предприятий, учреждений и т. д.) и численность специалистов (инженерно-технический персонал, квалифицированных рабочих, управленцев, мобработников), предполагаемых к вывозу. Кроме того, ЭП предполагали вывоз заключенных по особым сводным ведомостям¹⁶.

Особенно сложно решался вопрос о перечне должностей, занятие которых предполагало эвакуацию с предприятием или учреждением¹⁷. Перечень конкретных должностей предприятий и учреждений, обеспечивающих мобилизационную подготовку (промышленную, инфраструктурную и др.), формировался и многократно корректировался в течение 1920–1930-х гг. в ходе работы с 1925 г. при Межведомственной мобилизационной комиссии (ММК), Центральной комиссии по укомплектованию технической и рабочей силой народного хозяйства и административного аппарата Союза ССР на время войны (ЦЕКУРТС) и ее подструктур в регионах¹⁸. Проведенные исследования показывают, что при формировании списков должностей, подлежащих бронированию, ЦЕКУРТС учитывала два фактора: значимость предпри-

ятия или сооружения для обороны страны и его дислокацию в условиях мирного времени в 1-й или 2-й угрожаемых зонах¹⁹. В угрожаемых зонах решениями ЦЕКУРТС было забронировано большее число должностей, чем в тыловых районах страны, но дефицит транспорта, главным образом железнодорожного подвижного состава, вынуждал сокращать число запланированных к эвакуации вместе с предприятиями специалистов из угрожаемой зоны²⁰. Квалифицированные рабочие и специалисты, включенные в перечень должностей, подлежащих бронированию, составили основную группу организованного эвакуопотока.

Вторую группу составили граждане, которые подлежали вывозу по эвакуационным планам различных учреждений (образовательных, культурно-просветительских и др.), не связанных напрямую с обеспечением мобилизационной подготовки. Остальная часть граждан, не попавшая в перечень должностей, подлежащих бронированию и эвакуации вместе с объектами, не включенная в эвакуационные планы различных учреждений, но уходящая из угрожаемой зоны при наступлении противника, квалифицировалась как беженцы — это внешние признаки понятия. Но в ходе мобилизационной подготовки формировалась внутренняя дифференциация беженцев по природе происхождения: во-первых, беженцами считали граждан, добровольно ушедших из районов своего постоянного жительства при наступлении противника, во-вторых, граждан, выселенных из районов военных действий распоряжением военных частей, за исключением выселяемых с театра военных действий политически неблагонадежных элементов, в-третьих, подданных воюющих с СССР стран, добровольно перешедших на территорию

¹⁴ Национальный архив Республики Карелия (НА РК) Ф. П-3 Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

¹⁵ ГА РФ Ф. 8418. Оп. 1. Д. 111. Л. 13.

¹⁶ Репухова О.Ю. Эвакуационное планирование в Карелии в 1930-х годах // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 11–15.

¹⁷ Репухова О.Ю. «Воевать будет не только армия, но и вся страна». Бронирование как инструмент резервирования кадрового потенциала Союза ССР на случай войны // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 29–34.

¹⁸ Реформа в Красной армии: документы и материалы, 1923–1928 гг. URL: <https://history.wikireading.ru> (дата обращения: 12.03.2021).

¹⁹ Репухова О.Ю. Указ. соч. С. 34.

²⁰ Репухова О.Ю. Эвакуационное планирование в Карелии в 1920-х гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 9. С. 50–54. Репухова О.Ю. Эвакуационное планирование в Карелии в 1930-х годах // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 11–15.

СССР под угрозой репрессий со стороны своих властей за сочувствие РККА²¹.

Фактически при разных условиях эвакуации все граждане, прибывшие в тыл из прифронтовой или оккупированной территории, получали статус эвакуированных²². В результате в историографии данные о количестве эвакуированных имеют большое расхождение: от 10 до 25 млн человек²³, 17 млн чел. — цифра, обоснованная д. и. н. Куманевым Григорием Александровичем. Выделение из общих показателей числа беженцев представляется крайне сложной задачей. В ходе мобилизационного планирования на рубеже 1920–1930 гг., основываясь на опыте Первой мировой и Гражданской войн, ожидалось, что число беженцев составит до 8% жителей угрожаемых территорий²⁴, т. е. если в Западной пограничной полосе СССР в эти годы проживало около 51 млн чел. (1932 г.), то ожидалось всего около 4 млн беженцев²⁵. В результате присоединения к СССР территорий Латвии, Литвы и Эстонии²⁶, Бессарабии и Северной Буковины, Западной Белоруссии и Украины²⁷ к началу войны выросла площадь Западной пограничной полосы, сместилась на запад и расширилась угрожаемая зона и в связи с ростом плотности населения выросло ожидаемое число беженцев, как и число предприятий, планируемых к эвакуации.

С апреля 1927 г., исходя из степени опасности расположения на потенциальном театре военных действий, военное ведомство определило секторы западной угрожаемой

²¹ РГВА Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 79.

²² Шатилов С. П. Указ. соч.

²³ Шатилов С. П. Указ. соч.

²⁴ РГВА Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 77.

²⁵ Административно-территориальное деление Союза ССР. Изменения, происшедшие за время с 1/XI — 1931 г. по 1/VII — 1932 г. М., 1932. С. 4–11. URL: https://istmat.info/files/uploads/53485/adm_delenie_ssr_1932_god.pdf (дата обращения: 12.06.2021).

²⁶ Терещенко В. В. Пограничные округа накануне Великой Отечественной войны (1939—июнь 1941 г.) // Вестник ТГУ. 2013. № 6. С. 182.

²⁷ Нэх В. Ф. Проблема обеспечения военной безопасности западных рубежей страны в советской пограничной политике (1917–1941) // Безопасность Евразии. 2004. № 2. С. 531.

зоны СССР (Северный, Белорусский, Украинский, Крымский, Северо-Кавказский²⁸), и для оперативности корректировок планов эвакуации людских и материальных ресурсов каждый сектор был разделен на 1-ю и 2-ю угрожаемую зоны²⁹. Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., в результате административно-территориальных реформ, контуры и площадь «пограничных районов» (административно-территориальных единиц — районов, часть внешних границ которых совпадала с государственной границей и определялась как пограничный мезоуровень) в большинстве субъектов Западной пограничной полосы СССР совпадали с контурами и площадью 1-й угрожаемой зоны. На указанных территориях действовал пограничный режим, условия и ограничения которого позволили проводить выселение граждан из приграничного мезоуровня как без санкционных последствий, так и в форме репрессий³⁰. Сталкиваясь с постоянным недофинансированием бюджетами СССР и РСФСР запланированного в угрожаемых зонах мобилизационного военно-гражданского строительства и ростом финансовой нагрузки на региональные бюджеты по достижении индикативных показателей мобилизационного плана, республиканские правительства выступали за проведение эвакуации заблаговременно в режиме «разгрузки»³¹. Анализ данных по проведению «разгрузки» в 1930–1935 гг. показывает, что принудительной территориальной мобильности подверглись прежде всего жители приграничного мезоуровня и угрожаемой зоны. Из них, например, согласно указаниям постановления бюро Ленинградского обкома партии «Об очистке погранполосы Ленинградской области и КАССР

²⁸ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.

²⁹ Там же.

³⁰ Репухова О. Ю. Принудительная территориальная мобильность населения из угрожаемой зоны Карелии в середине 1930-х годов // Вестник Университета Дмитрия Пожарского (Политические репрессии на севере Советской России. Материалы работы Соловецкого семинара). М., 2016. № 1. С. 124–134.

³¹ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 2/12. Л. 35; Репухова О. Ю. Указ. соч.

от кулацкого и антисоветского элемента»³², из пограничных районов Карелии весной 1935 г. принудительно были выслены и эшелонами отправлены в Западную Сибирь 1546 человек³³, а затем без санкционных последствий на основании постановления СНК АКССР³⁴ переселили 199 жителей. То есть вывозили из приграничья прежде всего тех, кто мог составить среди беженцев политический неблагонадежный элемент. В результате, после проведенных в середине 1930-х гг. операций по выселению жителей приграничья в Карелии, численность беженцев в пограничном мезоуровне в случае вторжения неприятеля ожидалась уже в количестве 3660 человек³⁵. Соотношение числа ожидаемых беженцев и подлежащих к организованной эвакуации из Карелии в 1935 г. практически выровнялось и составило 1:1,18³⁶. Учитывая, что во второй половине 1930-х гг. более 60% репрессированных граждан были жителями угрожаемой зоны СССР, а ее контуры превышали контуры пограничного мезоуровня, ожидаемое число беженцев сокращалось в сравнении с подлежащими к организованной эвакуации.

Опыт Мировой и Гражданской войн показывал, что масштаб, ожесточенность и репрессии против населения захваченных территорий вынуждали его покидать обжитые места. Неорганизованность процесса приводила к проблемам, имеющим серьезные последствия как в военном, так и в социально-экономическом и политическом плане: массовое движение населения в тыловые районы приводило

³² НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 19. Л. 67.

³³ Там же. Л. 55; Исследователи сходятся во мнении, что в ходе «операции» Ленинградском и Северо-Западном секторах 1935–1936 гг. было выселено 26–27 тыс. чел. См. Суни Л. Ингерманландские финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 73; Мусаев В. И. Эстонская диаспора на Северо-Западе России во второй половине XIX — первой половине XX в. СПб., 2009. С. 211.

³⁴ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 13. Л. 48.

³⁵ Там же. Д. 2/12. Л. 23.

³⁶ Репухова О. Ю. Указ. соч.

к дефициту транспорта, потоки беженцев «забивали» прифронтовые дороги, беженцы попадали в крайне трудное экономическое положение, поскольку теряли привычные источники существования и налаженный быт³⁷.

В условиях Первой мировой войны помощь беженцам в России, согласно закону 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев», наряду с правительством, оказывала общественная организация — Всероссийский земский союз (ВЗС)³⁸. Главным видом помощи, оказываемой ВЗС беженцам, было создание пунктов питания³⁹. В ходе формирования советской системы мобилизационной подготовки государство видело свою задачу шире: в том, чтобы по возможности облегчить положение беженцев и быстрее привлечь их к трудовой деятельности в тылу⁴⁰.

Согласно мобилизационному планированию начиная с 1929–1930 гг. в случае оперативной эвакуации беженцев необходимо было направлять по гужевым дорогам до сборных (фронтовых) пунктов, расположенных примерно в 200 км от линии фронта, где их регистрировали. Оттуда беженцы должны были добираться на железнодорожном или водном транспорте в глубокий тыл⁴¹. Организация движения беженцев до сборных пунктов возлагала

³⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 76.

³⁸ Загряцков М. Д. Всероссийский земский союз (общие принципы организации и юридическая природа). 1915. 27 с.; Курицев А. Н. Беженство // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; Суханова О. Н. Земская помощь беженцам во время Первой мировой войны (на материалах Калужской губернии) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 4. С. 130–135; Баженова К. Е. Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Автореферат дис. к. и. н., Екатеринбург, 2010; Кузьмин В. Ю. Участие Всероссийского Земского Союза в деле оказания медицинской помощи воинам в период Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. Л. 26–32.

³⁹ Суханова О. Н. Указ. соч. С. 131.

⁴⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 76.

⁴¹ Там же. Л. 77.

лась на военное командование⁴². До момента водворения беженцев на новое место жительства и трудоустройства им должна была быть оказана продовольственная и медицинская помощь⁴³. По прибытии беженцев в тыл предполагалось оказать им помощь следующих видов: устройство на работу по найму (рабочих, служащих) или размещение на земельном участке (крестьян), предоставление бесплатного питания для необеспеченных беженцев и продуктов по сниженным ценам для малообеспеченных беженцев. Тем беженцам, которые не были трудоустроены, предполагалась выдача пособия от государства. При этом беженцы не могли отказаться от предоставляемой работы, если она соответствовала их физическому состоянию и профессии.

Общее руководство устройством беженцев планировалось возложить на Центральное управление по устройству пленных и беженцев (ЦУПЛЕНБЕЖ), которое должно было быть учреждено в военное время при СНК СССР. Предполагалось, что ЦУПЛЕНБЕЖ обеспечит общее регулирование движением беженцев по беженским трактам, организует продовольственную и санитарную помощь в пути и в местах поселения, организует реэвакуацию по окончании войны⁴⁴.

Отметим, что вопросы организации руководства потоками беженцев вызывали межведомственные споры. Военное руководство считало нецелесообразным создание единого управления пленными и беженцами (ЦУПЛЕНБЕЖ) и предлагало распределить функции между различными ведомствами и наркоматами: организацию движения и территориальное размещение беженцев поручить Наркомату внутренних дел (НКВД), социальную помощь — Наркомату социального обеспечения (НКСО), предоставление жилья — местным коммунальным службам⁴⁵. Этот подход соответствовал логике общегосударственной мобилизации

⁴² РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 80.

⁴³ Там же. 78.

⁴⁴ Там же. Л. 80.

⁴⁵ Там же. 78–80.

онной подготовки, продвигаемой Революционным военным советом (РВС) СССР с 1924 г., когда часть функций по ее реализации была распределена между гражданскими наркоматами и ведомствами⁴⁶. В итоге идея централизации при формулировании представления об организации руководства потоками беженцев победила.

Планируемую вертикаль управления потоками беженцев возглавлял ЦУПЛЕНБЕЖ, за которым было закреплено только общее руководство процессом движения, размещения и реэвакуации беженцев. Отделы ЦУПЛЕНБЕЖа должны были быть созданы при политических управлениях армий, а при политических отделах корпусов назначались уполномоченные ЦУПЛЕНБЕЖа. Они непосредственно отвечали за прием беженцев с фронтовых сборных пунктов, их регистрацию, передачу данных о них в вышестоящие органы и организацию их дальнейшей эвакуации в тыл⁴⁷. На местах для проведения мероприятий по устройству беженцев во время войны полагалось сформировать при НКВД союзных республик «отделы по устройству беженцев», подчиненные ЦУПЛЕНБЕЖу. Аналогичные отделы должны были быть созданы при НКВД автономных республик, при областных, окружных и районных исполкомах⁴⁸. Отделы по устройству беженцев должны были руководить местными отделами по устройству беженцев, организовывать их расселение, устройство на работу, организовывать все виды помощи по согласованию с государственными и общественными организациями, распределять кредиты, выделяемые из бюджетов республик⁴⁹. Структура отделов предполагала наличие подразделов: по приему,

⁴⁶ Репухова О. Ю. Поиск оптимальной структуры управления общегосударственной «военизацией» в СССР в 1920-х гг. // Исторические чтения на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизаций и реформ в XIX — XXI веках: материалы XXIV междунар. науч. конф. / сост. А. А. Плеханов. М., 2020. 51–60 с.

⁴⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 80–81.

⁴⁸ Там же. Л. 80.

⁴⁹ Там же. Л. 81.

регистрации и расселению беженцев, по распределению средств помощи, по устройству и оборудованию питательных, санитарных и политико-просветительских пунктов для обслуживания беженцев, по сбору средств от общественных организаций для помощи беженцам⁵⁰.

Медицинскую помощь беженцам полагалось оказывать в эшелонах на всем пути следования в тыл. Наркомат здравоохранения (НКЗдр) должен был обеспечить мероприятия по предотвращению распространения эпидемических заболеваний среди скопившихся в транспортных средствах граждан, контроль за водоснабжением и пищей, проведение санитарных осмотров, санобработку вагонов, оказание медико-санитарной помощи при воздушно-химическом нападении на эшелоны с беженцами⁵¹.

Финансирование устройства беженцев предполагалось солидарное. Из союзного бюджета должно было быть обеспечено содержание ЦУПЛЕНБЕЖа, финансирование перевозки беженцев железнодорожным и водным транспортом, устройство на местах и реэвакуацию. Из республиканских и местных бюджетов и бюджетов общественных организаций (Красный Крест) рассчитывали профинансировать продовольственную помощь, санитарное обслуживание, культурное и политическое просвещение беженцев, размещение их на местах⁵².

Отметим, что о ЦУПЛЕНБЕЖе как управленческой структуре в исследованиях упоминается только в связи с изучением истории военнопленных⁵³. Эвакуационный механизм, продуманный в его работе с беженцами, остается нерассмотренным. Между тем с началом Великой Отечественной войны организационные и структурные положения мобилизационной подготовки по прове-

⁵⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 81.

⁵¹ Там же. Л. 31.

⁵² Там же. Л. 80.

⁵³ Кузьминых А.Л. Правовое регулирование режима военного плена в СССР. 2013. URL: <https://maxpark.com/community/14/content/2049677> (дата обращения: 13.05.2021).

дению эвакуации во многом были реализованы по сути, хотя с несколько иными названиями. Было сформировано централизованное управление эвакуацией: 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения. В июле на транспортных путях были организованы эвакуационные пункты, которые принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание. В эвакуационных пунктах старшие вагонов получали хлеб и другие продукты. Организовывались столовые, душевые, санпропускники. Только во второй половине 1941 г. государство израсходовало в помощь эвакуированным около 3 млрд рублей⁵⁴.

Таким образом, изучение истории эвакуации необходимо начинать с ее планирования, поскольку большинство организационных, структурных идей, продуманных в межвоенный период, были реализованы в условиях Великой Отечественной войны. Подходы к решению проблемы беженцев были обусловлены стремлением власти решить комплекс задач: военных, организационных, экономических, политических и социальных. Полагаем, что с изучением истории эвакуации и определением числа беженцев сопряжены процессы принудительной территориальной мобильности в межвоенный период и динамика контуров угрожаемых зон и приграничного мезоуровня, воздействие которых вело к тому, что ожидаемое число беженцев сокращалось в сравнении с подлежащими к организованной эвакуации из Западной пограничной полосы СССР.

⁵⁴ Куманев Г.А. Указ. соч.

*Владимир Викторович
Коровин*

Д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета, председатель регионального отделения Российского военно-исторического общества в Курской области

Проблемы организации партизанских формирований и разведывательно-диверсионной сети на территории прифронтовых регионов Центрального Черноземья в 1941 году¹

Процесс организации вооруженного сопротивления немецко-фашистским захватчикам на территории Центрально-Черноземного региона проходил с лета 1941 г. до начала осени 1943 г. — времени его полного освобождения от немецко-фашистской оккупации. Основными программными документами, нацеливавшими местные партийные органы на развертывание борьбы в тылу немецко-фашистских войск, стали: директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. Работу по формированию партизанских отрядов и подполья, а также организации их деятельности на территории Центрального

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851–2020–0033).

Черноземья должны были возглавить областные комитеты партии.

Необходимостью экстренной эвакуации партийных структур Курской (октябрь — ноябрь 1941 г.) и Воронежской (июнь 1942 г.) областей в условиях реальной угрозы оккупации областных и районных центров не позволила сохранить в полном объеме документы, отражающие работу по организации сопротивления противнику. Поэтому анализировать деятельность местных партийно-политических структур по формированию партизанских отрядов, подпольных организаций представляется возможным лишь по отдельным директивным и отчетным материалам обкомов и райкомов ВКП(б), в сопоставлении их с сохранившейся и рассекреченной документацией управлений НКВД и военного командования, а также воспоминаниями непосредственных участников описываемых событий.

В Курской области, ставшей первой в Центральном Черноземье прифронтовой, подготовительная работа по организации сопротивления противнику началась еще летом 1941 года. Курский обком ВКП(б) на основе сообщений, поступавших с мест, и результатов проверки работы отдельных организаций в условиях войны 9 июля 1941 г. принял развернутое постановление, лейтмотивом которого явилось требование ко всем районным партийным органам перестроить в кратчайший срок работу на военный лад². Наряду с другими задачами военно-организаторской деятельности в нем выдвигались требования о начале подбора кадров для партизанских отрядов. Такой подход был обусловлен программой, намеченной в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня и изложенной в выступлении И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

Непосредственное выполнение задач по подбору личного состава будущих партизанских отрядов возлагалось

² Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2611. Л. 95–98.

обкомами партии на областные управления НКВД. При этом решение организационных вопросов, требовавших нормативного оформления, оставалось прерогативой партийных органов. Так, 22 августа 1941 г. бюро Курского обкома ВКП(б) приняло постановление «Об организации специальной школы по подготовке диверсионно-террористических групп для деятельности в тылу врага»³. В двухдневный срок предполагалось подобрать и оборудовать помещение для классных занятий и общежитие на 100 человек, в течение недели — сформировать преподавательский состав и произвести набор слушателей. Курским предприятиям предписывалось наладить выпуск специальной продукции, требовавшейся для функционирования школы. Спецшкола начала работать в установленный срок и стала активно готовить кадры для борьбы в тылу противника.

О том, что работа по формированию партизанских отрядов в Курской области активно проводилась еще до оккупации, свидетельствует докладная записка областного Управления НКВД от 21 августа 1941 г. В ней содержалась информация о создании в западных и северо-западных районах области 10 партизанских отрядов общей численностью 1705 человек⁴. Совместно с секретарями РК ВКП(б) сотрудники УНКВД наметили места базирования и явочные квартиры для указанных отрядов.

Первый опыт работы по формированию партизанских отрядов, который был достаточно коротким по времени, обнажил некоторые проблемы, которые впоследствии станут серьезным препятствием в развертывании их активной боевой деятельности. Существенными недостатками являлись отсутствие военной подготовки и низкая исполнительская дисциплина, особенно командного состава отрядов. Особая проблема заключалась в недо-

³ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63–65.

⁴ Архив Управления ФСБ России по Курской области (АУ ФСБ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 25. Л. 26–26 об.

статочном количестве и неудовлетворительных условиях хранения вооружения. Это также негативно сказывалось на боеспособности партизанских формирований.

В условиях приближения немецко-фашистских войск к западным границам Центрального Черноземья Курский обком ВКП(б) продолжил активно разрабатывать мероприятия, направленные на организацию сопротивления противнику. 13 сентября 1941 г. была объявлена мобилизация всех не призванных в ряды Красной армии членов партии и комсомола на борьбу с оккупантами⁵, что способствовало более стабильному оформлению персонального состава партизанских формирований.

16 сентября 1941 г. на совещании с руководителями прифронтовых районов Курской области выступили секретарь обкома ВКП(б) П. И. Доронин и командующий войсками Брянского фронта генерал-полковник А. И. Еременко, которые дали подробные указания по подготовке партизанских отрядов, подбору и расстановке подпольной сети.

В сентябре 1941 г. были организованы курсы по подготовке работников подпольной печати, радистов и шифровальщиков, на которых прошли обучение свыше 50 человек⁶. К сожалению, в партизанских отрядах области длительное время отсутствовали специалисты по связи и подпольной печати, поскольку не удалось обеспечить направление выпускников курсов в тылу противника.

30 сентября 1941 г., за сутки до вторжения немецко-фашистских войск на территорию Курской области, бюро обкома ВКП(б) приняло постановление о немедленной мобилизации партизанских групп, численностью 20 человек каждая, из Хомутовского, Крупецкого, Рыльского, Кореневского, Глушковского и Суджанского отрядов⁷. Фактически мобилизация партизанских отрядов западных

⁵ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 5–7.

⁶ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 76.

⁷ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2622. Л. 74–75.

районов области в базовые леса происходила в условиях начавшейся вражеской оккупации.

17 октября 1941 г. в ряд районов Курской области было направлено директивное письмо с требованием по расстановке сил и подбору кадров для партизанских отрядов. Райкомам давались указания: подобрать и выделить 10–15 человек для подпольной работы в других районах; 20–25 человек — для выполнения особых спецзаданий в тылу врага; 30–40 человек — для формирования партизанского отряда в каждом районе. Ответственность за руководство организацией вооруженных отрядов и их боеспособность в борьбе с противником возлагалась на секретарей райкомов⁸. Поэтому в большинстве партизанских отрядов Курской области командирами и комиссарами стали работники райкомов ВКП(б).

Организация партизанских отрядов планировалась во всех 66 сельских районах Курской области, причем в 6 районах должны были создаваться по 2 партизанских отряда, а в 33 районах — резервные отряды. По получении директивного письма значительно ускорилось формирование партизанских отрядов на юго-западе и юге Курской области⁹. В течение октября 1941 г. они были созданы в Шебекинском, Обоянском, Больше-Солдатском, Краснояружском, Беловском, Новооскольском и других районах.

Практические советы по организации сопротивления в тылу войск противника партийный актив Курской области смог получить 20 октября 1941 г. при встрече с членом военного совета Брянского фронта П. К. Пономаренко. Он поведал об опыте создания партизанских отрядов в Белоруссии и их участии в боях с оккупантами, дал указания по формированию подполья в курской земле¹⁰. В этот же день был создан Курский подпольный обком

⁸ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 85–85 об.

⁹ Там же. Л. 86–86 об.

¹⁰ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

ВКП(б), члены которого должны были на местах руководить партизанским движением.

Но решение о направлении в тыл противника членов Курского подпольного обкома ВКП(б) было принято лишь в январе 1942 г., спустя 3 месяца после его создания. Из всего подпольного обкома в распоряжение партизан смог добраться только П. А. Сентюрев, который с февраля 1942 г. занимался активизацией их борьбы в северо-западных районах области¹¹.

Работа по созданию партизанских отрядов в Воронежской области началась в октябре 1941 года. В короткие сроки здесь было организовано 165 мелких формирований (20–25 бойцов в каждом)¹². Организационную помощь воронежцам оказали ответственные работники аппарата ЦК КП(б) Украины И. Ф. Чепурной и В. С. Нарижный. По инициативе члена военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущева они приняли участие в создании партизанских отрядов и подпольной сети. За основу бралась украинская модель организации сопротивления противнику¹³.

Для подготовки командиров и бойцов партизанских отрядов в ноябре — декабре 1941 г. Воронежским обкомом ВКП(б) было организовано пять краткосрочных курсов со сроком обучения от 5 до 10 дней. Программа большей частью учебного времени отводилась изучению методов диверсионно-подрывной работы в тылу противника. Личный состав партизанских отрядов численностью 4883 человек прошел обучение на курсах¹⁴.

Одновременно с формированием партизанских отрядов Воронежский обком ВКП(б) проводил работу по созданию подпольных организаций. В 75 районах области были утверждены подпольные райкомы ВКП(б),

¹¹ ГАКО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 23.

¹² Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 3478. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

¹³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 257. Л. 1.

¹⁴ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4560. Л. 2–2 об.

149 первичных организаций, отобрано 365 человек для индивидуальной работы в тылу противника. Мобилизованные для подпольной борьбы лица на основании приказа заместителя наркома обороны СССР Е. А. Щаденко освобождались от призыва в Красную армию¹⁵.

Определенную специфику имела работа по организации сопротивления оккупантам, проводимая Тамбовским обкомом ВКП(б). Деятельность по развертыванию партизанского движения здесь ограничилась мероприятиями подготовительного характера. В связи с угрозой возможной оккупации области осень 1941 г. стала временем ее активизации.

11 октября 1941 г. третий секретарь Тамбовского обкома ВКП(б) Н. Е. Конин, заведующий военным отделом В. В. Хорьков и председатель облсовета Осоавиахима И. Г. Куликов обратились к первому секретарю обкома партии Н. А. Логинову с предложением провести неотложные мероприятия по подготовке области к обороне. Предлагалось обеспечить развертывание партизанских отрядов, определив, «исходя из условий местности, наличия кадров, вооружения», их состав, командиров и комиссаров, районы действия, необходимую для них материальную базу¹⁶.

Соответствующее решение было принято бюро обкома 21 октября 1941 г., причем работа по организации отрядов в районах к этому времени уже началась. За основу брались имевшиеся подразделения народного ополчения. Например, решением бюро Каменского РК ВКП(б) от 21 октября был утвержден состав партизанского отряда из 27 бойцов ополчения во главе с первым секретарем райкома М. А. Волчихиным. В связи с тем, что в районе не имелось удобных мест для базирования отряда, бюро райкома обращалось в обком с просьбой разрешить использовать для

¹⁵ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4011. Л. 83.

¹⁶ Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2336-а. Л. 110.

этого леса Уваровского района¹⁷. К этому времени было принято решение вместо одного создать 11 боевых отрядов по 7–10 человек при райисполкоме, РО НКВД, МТС и других организациях района, которые должны были нести караульную службу и заниматься боевой подготовкой. В случае оккупации командиры обязаны были перевести их на положение партизанских отрядов¹⁸.

В связи с тем, что к концу 1941 г. угроза оккупации территории Воронежской и Тамбовской областей перестала быть реальной, подготовительная работа по организации сопротивления оккупантам была свернута. В условиях военного времени, когда перед местными органами власти стояли задачи тылового обеспечения потребностей фронта, подобная ситуация объяснима. Но оставлять без внимания решение проблем кадрового комплектования и боевой подготовки партизанских отрядов, их материально-технического обеспечения, являлось непростительной ошибкой, которая не позволила развернуть активную боевую деятельность воронежских партизан после оккупации области летом 1942 г.

Оккупация западных территорий Курской области внесла коррективы в планы развертывания вооруженной борьбы в тылу противника и определила круг новых проблем, с которыми пришлось столкнуться областным и районным органам власти, командованию и личному составу партизанских отрядов, не имевшим необходимого опыта участия в этой борьбе.

О непростой ситуации, сложившейся в это время в партизанских отрядах области, свидетельствует ряд фактов. С 28 октября 1941 г. партизаны Дмитровского отряда бездействовали по требованию местных жителей, которым оккупанты пригрозили за каждого убитого немецкого солдата уничтожать по 27 крестьянских семей¹⁹.

¹⁷ ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2046. Л. 83.

¹⁸ Там же. Л. 85–86.

¹⁹ АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД КО. Д. 131. Л. 66–67 об.

Рыльский партизанский отряд с началом оккупации района остался без руководства. Немецкие власти арестовали командира отряда И. А. Дроздова как бывшего советского работника. После двухнедельного пребывания в тылу отряд был распущен по распоряжению комиссара А. Т. Майского, а бойцам было предложено пробираться в Старый Оскол, где находилось руководство области²⁰.

В Борисовском районе Курской области партизанский отряд не был собран из-за трусости его командования, которое покинуло район до прихода противника²¹. В момент наступления немецких войск распался Верхне-Любавский партизанский отряд. Из-за отсутствия дисциплины перестал существовать Львовский отряд²².

Учитывая сложившееся положение (из 32 созданных действовали только 5–6 отрядов), бюро Курского обкома ВКП(б) 16 ноября 1941 г. признало работу по руководству партизанским движением неудовлетворительной. Для исправления сложившейся ситуации в кратчайшие сроки необходимо было отработать механизм оперативного управления. Начальнику УНКВД области П. М. Аксенову предписывалось наладить связь со всеми партизанскими отрядами²³.

Наряду с действующими крупными отрядами было решено приступить к организации в колхозах и населенных пунктах, занятых врагом, мелких партизанских групп численностью 3–5 человек, которые должны стать организаторами борьбы с фашистскими захватчиками. Было рекомендовано создать в Курске боевую диверсионно-террористическую группу, численностью 30–40 человек.

Одновременно с посылкой в тыл противника диверсионных групп 4-й отдел УНКВД должен был перейти к переброске одиночек-диверсантов с задачами совершения диверсий, терактов, расклейки и написания анти-

²⁰ АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД КО. Д. 54. Л. 13, 17.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 3. Л. 307.

²² ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 88.

²³ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 87.

фашистских лозунгов. Для этой цели обкому ВЛКСМ и УНКВД поручалось в 10-дневный срок подобрать и подготовить через спецшколу 300 комсомольцев, в основном девушек, которым легче будет законспирироваться в тылу противника.

За серьезные упущения в организации партизанского движения и личную бездеятельность бюро Курского обкома ВКП(б) исключило из рядов партии руководителей Микояновского, Новооскольского и Томаровского отрядов. Кадровые изменения в командном составе партизанских отрядов партийное руководство рассматривало как один из основных способов активизации их боевой деятельности.

Организацией сопротивления оккупантам занимались и органы НКВД СССР. Управлением НКГБ по Курской области 5 июля 1941 г. был подготовлен план агентурно-оперативных мероприятий на случай вторжения войск противника, в соответствии с которым развернулась работа по организации 20 диверсионно-террористических и разведывательных агентур на ряде предприятий области²⁴. 7 июля 1941 г. начальник УНКГБ по Курской области П. М. Аксенов утвердил инструкцию по их созданию. Эти документы были ориентированы на организацию кратковременного, но эффективного сопротивления оккупантам. В тот период руководители органов госбезопасности характер оккупационного режима представить не могли. Не было возможности оценить масштабы борьбы, которую предстояло развернуть в тылу войск противника.

В дооккупационный период сотрудниками УНКВД по Курской области была создана 501 резидентура, объединившая 1576 человек, подобрано 979 агентов-одиночек, завербовано 39 связных, 72 содержателя явочных и конспиративных квартир. До 30% резидентур были снабжены вооружением, необходимым для проведения

²⁴ АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 45. Л. 14.

диверсионно-террористической деятельности. Для руководства агентурой в тылу противника было переведено на нелегальное положение 18 оперативных работников из областного управления НКВД. Их устроили на рядовую работу в различных организациях областного и районных центров. Несмотря на меры, принимаемые к сохранению спецагентуры, ряд резидентур распался. К моменту вторжения немецко-фашистских войск в пределы Курской области до 30% ее состава было призвано в Красную армию, мобилизовано на оборонительные работы или эвакуировано вглубь страны²⁵. Основной причиной сложившейся ситуации стала несогласованность действий местных органов власти и НКВД в вопросах мобилизационной работы.

При вербовке агентуры работниками районных отделов НКВД были допущены серьезные просчеты. Складывавшаяся на фронте обстановка требовала более глубокого изучения морально-волевых качеств лиц, которым поручалось выполнение ответственных заданий в тылу противника. В то же время только условия оккупации смогли по-настоящему определить гражданскую позицию каждого местного жителя, отобранного для подпольной и партизанской борьбы.

С целью организации сопротивления в тылу вражеских войск приказом НКВД СССР № 001151 от 25 августа 1941 г. создавались 4-е отделы НКВД-УНКВД²⁶. На формируемые структуры возлагались задачи по организации агентурной разведки районов вероятных действий партизанских отрядов, подготовке и засылке разведчиков на территорию противника, руководству партизанскими отрядами и разведывательно-диверсионными группами УНКВД, а также обеспечению связи с резидентурами районных аппаратов госбезопасности.

²⁵ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 19–19 об.

²⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн. I. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 518.

В Курском областном управлении НКВД 4-й отдел был организован 31 августа²⁷, в Воронежском — 15 сентября 1941 года. Придавая значимость создаваемым структурам, их комплектовали наиболее опытными сотрудниками. Во главе их были поставлены заместители начальников областных управлений НКВД. В штате 4-го отдела УНКВД по Курской области насчитывалось 28 сотрудников²⁸, в 4-м отделе Воронежского УНКВД состояло 16 сотрудников²⁹.

В соответствии с планом областного УНКВД, в августе 1941 г. на базе истребительных батальонов Курской области предполагалось организовать партизанские отряды в районах, прилегающих к Орловской и Сумской областям. К зоне первоочередного создания были отнесены 13 западных и северо-западных районов, в зону второй очереди вошли 12 юго-западных и южных районов³⁰.

В 10 районах Курской области (Дмитровском, Дмитриевском, Михайловском, Коньшевском, Льговском и др.) командно-политический состав был подобран сотрудниками НКВД совместно с секретарями районных комитетов ВКП(б). В структурном отношении партизанский отряд делился на две роты, взводы и отделения, представляя, таким образом, добровольческое военизированное формирование. К указанному сроку были намечены места организации продовольственных баз и конспиративных квартир, дан подробный инструктаж о порядке их создания.

Проводимая работа выявила и серьезные недостатки, например, в состоянии оружия, находящегося на хранении в районных отделах НКВД. Так, в Кореневском районе Курской области все оружие и боеприпасы хранились

²⁷ Изученные автором документы указывают на то, что 4-й отдел при УНКВД по Курской области начал функционировать ранее его нормативного оформления приказом начальника управления. (АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 25. Л. 23–25.)

²⁸ АУВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 317.

²⁹ АУ ФСБ ВО. Ф. 9. Оп. 10. Д. 55. Т. 2. Л. 17.

³⁰ АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 25. Л. 23.

в непригодном подсобном помещении (отчего винтовки начали ржаветь). В Коньшевском районе оружие не охранялось, винтовки вообще не чистились³¹.

Для проверки создаваемых партизанских отрядов и проведения организационных мероприятий в западные и северо-западные районы Курской области были направлены оперативные работники 4-го отдела УНКВД. Командированным предстояло составить списки партизанских отрядов и организовать военную подготовку их командного состава.

Одновременно сотрудниками УНКВД осуществлялся подбор кадров для выполнения специальных заданий. В частности, проводилась вербовка бойцов диверсионных групп при партизанских отрядах. Отобранным предстояло пройти соответствующую подготовку по изучению взрывного дела в специальной школе НКВД. В каждом партизанском отряде создавались резидентуры в составе резидента и 5–7 осведомителей, которым давались задания по разведке и оперативному освещению личного состава.

В зоне будущего действия партизан вербовались доверенные лица. В их обязанности вменялось остаться на территории противника для получения сведений и установления связи с отрядами через них. Из наиболее подготовленных лиц, бывших разведчиков, хорошо знавших местность, старожилов, подбирались ходоки для обеспечения связи партизанских отрядов с частями Красной армии и УНКВД³².

Одним из существенных недостатков организационной работы в период формирования партизанских отрядов стал формальный подход к комплектованию их личного состава. Во многих районах сотрудники НКВД записывали в отряды до 100 и более человек. Об этом свидетельствуют клятвы партизан, датированные августом-сентябром 1941 года. Вскоре значительная часть бойцов,

³¹ АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 25. Л. 26–26 об.

³² Там же. Л. 23–25.

занесенных в первоначальные списки отрядов, была мобилизована в РККА, эвакуирована вглубь страны или выполняла боевые задачи в составе истребительных батальонов. В результате при от мобилизации партизанских отрядов к местам постоянной дислокации их состав сокращался на 50–70%. До конца не был отработан механизм управления партизанскими отрядами Курской области в зоне их предполагаемой деятельности.

Первые результаты работы по организации партизанского движения в Курской области были изложены в докладе 4-го отдела УНКВД, направленном в 4-е Управление НКВД СССР. В нем сообщалось: «К моменту оставления г. Курска (2 ноября 1941 г.) на оккупированной немцами территории западных и юго-западных районов Курской области было создано 32 партизанских отряда. Из них 3 партизанских отряда вскоре были разбиты немцами, а 5 партизанских отрядов распались. Активность остальных партизанских отрядов первое время была низкая. Многие отряды находились на своих базах и выжидали, причем в ряде случаев из-за бездействия и прямой трусости командования отрядов»³³.

Разведсводка, направленная в НКВД СССР 14 ноября 1941 г., информировала о том, что после установления связи с партизанскими отрядами, действующими в тылу противника, получены данные о боевой, диверсионной и разведывательной деятельности только Дмитриевского, Белгородского, Глушковского, Крупецкого отрядов³⁴.

В соответствии с постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) от 16 ноября 1941 г., в котором деятельность областного УНКВД подверглась резкой критике, 4-й отдел разработал план мероприятий по активизации партизанской борьбы и диверсионно-террористической деятельности в тылу противника³⁵.

³³ Там же. Д. 64. Л. 31 об.

³⁴ Там же. Д. 131. Л. 50–51.

³⁵ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 54. Л. 3–4.

К декабрю 1941 г. появились первые положительные результаты проделанной работы. О них 4-й отдел управления НКВД по Курской области информировал докладной запиской вышестоящие партийные органы. Для связи с партизанскими отрядами было выделено 14 оперативных работников УНКВД. В целях быстрой переотправки и приема связных были организованы 5 пунктов³⁶.

Получаемая от связных и агентов разведывательная информация незамедлительно обрабатывалась оперативными работниками 4-го отдела УНКВД. Подготовленные разведсводки через офицеров связи направлялись командованию 2-й гв. и 160-й стрелковых дивизий, а также в разведотделы Брянского и Юго-Западного фронтов. От них курские чекисты получали задания, которые выполнялись агентурно-диверсионной сетью УНКВД³⁷.

С 20 ноября по 10 декабря 1941 г. 4-й отдел Курского УНКВД направил в 28 находящихся в тылу партизанских отрядов 104 связных. За этот же период прибыли связные из 11 отрядов. В тыл было переброшено 27 партизанских групп и 43 диверсионные группы (176 чел.), направлены для проведения разведывательно-диверсионной работы парами 51 девушка-комсомолка (отмечался большой отсев при отборе в спецшколу и отказ их идти в тыл одиночками)³⁸.

Проведенные мероприятия не могли полностью обеспечить оперативность управления находящимися в тылу противника партизанскими отрядами и ускорить обмен поступающей информацией. Активизировать сопротивление оккупантам числом участников, а не качеством их боевой подготовки и решением вопросов материально-технического обеспечения было также весьма проблематично.

³⁶ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 54. Л. 18.

³⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 3. Кн. I. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 82.

³⁸ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 54. Л. 21–22.

Тем не менее, по данным, полученным областным управлением НКВД на 10 декабря 1941 г., деятельность курских партизан характеризовалась следующими показателями: убито немецких солдат и офицера, уничтожено 3 бронемашин и 10 грузовых автомобилей с боеприпасами, взорвано 3 моста. Диверсионными группами было уничтожено 77 вражеских солдат и офицеров, 13 танков и бронемашин, 17 грузовых автомобилей, 4 мотоцикла и велосипеда, 2 подводы с продовольствием, взорвано 8 мостов. Кроме этого, партизаны и диверсанты разрывали телефонную связь, подрывали железнодорожное полотно, вели активную разведку, которой установлены 2 аэродрома и 2 бронепоезда противника, уничтожали предателей³⁹.

Следует отметить, что подобная информация не всегда могла быть проверена. Ее источниками, как правило, становились вернувшиеся с оккупированной территории связные или бойцы разведывательно-диверсионных групп. Если последние отчитывались о проделанной ими работе, за что несли персональную ответственность, то связные могли воспользоваться и рассказами местных жителей, не позволяющими установить точные результаты и конкретных исполнителей диверсий. Учитывая относительность количественных показателей промежуточных итогов вооруженной борьбы в тылу войск противника, можно утверждать, что осенью – зимой 1941 г. на территории Курской области осуществлялось усиленное сопротивление оккупантам, а Управление НКВД накапливало необходимый опыт в его организации.

В отличие от курских чекистов, сотрудникам 4-го отдела УНКВД по Воронежской области в 1941 г. не пришлось заниматься организацией боевой деятельности партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп на собственной территории. Обстановка на фронте предоставила воронежцам большой временной промежуток для обучения участников сопротивления.

³⁹ Там же. Л. 20.

В результате работы, проведенной сотрудниками НКВД, к 19 ноября 1941 г. в районах Воронежской области было создано 149 партизанских отрядов общей численностью 4 287 человек, подготовлено 267 диверсионных групп с количеством бойцов в них 988 человек, завербовано 129 диверсантов-одиночек. Для участия в сопротивлении оккупантам было привлечено 446 жителей областного центра, объединенных в 8 партизанских отрядов и 42 диверсионные группы.

Занимаясь организацией сопротивления оккупантам, сотрудники Воронежского УНКВД выполняли решения не только партийных органов, но и военного командования. Пребывание штаба Юго-Западного направления в Воронеже осенью — зимой 1941 г. позволило установить тесный контакт руководства УНКВД с войсковыми структурами. Так, на основании указаний военного совета Юго-Западного направления о разукрупнении партизанских отрядов и соединении с ними диверсионных групп, сотрудниками УНКВД к концу ноября 1941 г. в 32 районах области и города Воронежа заново было сформировано 264 партизанских отряда численностью 1 738 человек, завербовано 186 диверсантов, создано 34 диверсионно-маршрутные группы, в которые в основном вошли работники НКВД, милиции и пожарных команд⁴⁰. Указанная работа проводилась, в первую очередь, в прифронтовых районах области, ближе всех отстоящих от линии фронта.

Вторым важным направлением работы 4-го отдела УНКВД по Воронежской области зимой 1941 г. стала организация обучения контингента, отобранного для борьбы в тылу противника. Но плановый показатель не выполнялся из-за халатного отношения районного руководства к направлению партизан на учебу.

В целом, на протяжении осени — зимы 1941 г. сотрудники УНКВД по Воронежской области провели значительную работу по подготовке к развертыванию

⁴⁰ АУФСБ ВО. Ф. 9. Оп. 8. Д. 2. Л. 42.

партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских войск. Но позиция партийного руководства области, не обеспеченная обстановка на Юго-Западном фронте, оказывала сдерживающее влияние на проведение комплекса мероприятий по мобилизации материальных и людских ресурсов и выполнению специальных заданий на оккупированных территориях близлежащих областей.

Подготовительная работа по организации сопротивления проводилась и сотрудниками УНКВД по Тамбовской области. Но исследование указанной деятельности Тамбовского УНКВД затруднено в силу отсутствия и частичной закрытости документальных источников. Фонд открытых документов архива Управления ФСБ РФ по Тамбовской области располагает лишь незначительным количеством материалов, отражающих отдельные аспекты этой работы, что не позволяет создать целостного представления о ее масштабах и результатах.

Одним из неизученных эпизодов в организации борьбы на оккупированных территориях стало привлечение к ней заключенных исправительно-трудовых колоний. Как следует из письма НКВД СССР от 10 сентября 1941 г., по личному указанию наркома внутренних дел Л. П. Берия был разрешен отбор заключенных для включения в состав и заброски в тыл противника диверсионных и партизанских отрядов. Начальнику УНКВД предписывалось организовать в колониях Тамбовской области отбор лиц, осужденных за малозначительные преступления. О результатах проводимых мероприятий предписывалось докладывать ежедневно⁴¹. Но определить результаты выполнения сотрудниками Тамбовского УНКВД поставленных задач не представляется возможным из-за отсутствия архивной информации.

В соответствии с директивным письмом НКВД СССР от 6 декабря 1941 г. в Тамбовской области предполагалось создание партизанских отрядов численностью

⁴¹ АУФСБ ТО. ОФДМ. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

25–20 человек, истребительных групп по 15 бойцов и диверсионных групп в составе 4–5 человек. Кадровым резервом для них должны были стать бойцы истребительных батальонов, агентура, оперативные работники органов НКВД, милиции и пожарной охраны⁴². Практическое выполнение указанной директивы по-прежнему увязывалось с изменением обстановки на фронте.

Участие военно-политических структур Красной армии в организации сопротивления на оккупированных территориях осуществлялось в соответствии с директивой Главного политического управления РККА от 19 августа 1941 года. При политуправлениях фронтов начали создаваться отделы по партийно-политической работе среди населения и войск Красной армии, действующих на советской территории, занятой противником. В соответствии с директивой при политотделах армий создавались аналогичные отделения.

В задачи создаваемых отделов и отделений входили: установление и поддержание регулярной связи с частями Красной армии, находящимися длительное время в окружении и ведущими партизанскую борьбу, партизанскими отрядами из населения оккупированных областей; направление представителей в тыл врага для партийно-политического руководства партизанским движением; издание и распространение специальной литературы (памяток, листовок, обращений и т. п.) среди населения оккупированных районов⁴³.

Среди политорганов войск Западного направления одними из первых начали функционировать структуры политуправления Брянского фронта. Основное внимание в его работе уделялось организации партизанской борьбы в зоне Брянских лесов на территории Орловской области. Как следует из документов, в 4-м отделе при Политуправлении фронта служили четыре политработника во главе

⁴² АУ ФСБ ТО. ОФДМ. Оп. 1. Д. 20. Л. 8–12.

⁴³ Там же. С. 23–24.

с батальонным комиссаром М. И. Малковым. Перед ними стояла задача организации партизанских отрядов в прифронтовых районах и засылка партизан в тыл врага.

Выезжая в районы, они оказывали помощь местным партийным органам в создании партизанских отрядов, инструктировали бойцов о предстоящей боевой деятельности в тылу противника. При их непосредственном участии были организованы партизанские отряды в районах Орловской, Сумской, Курской (Фатежском, Дмитровском районах) областей⁴⁴.

Так, в информации Политуправления Брянского фронта (октябрь 1941 г.) содержались сведения о Дмитриевском и Фатежском партизанских отрядах Курской области, которые были укомплектованы личным составом, обеспечены вооружением и боеприпасами. Отмечалось, что общим недостатком в подготовке партизан к предстоящей борьбе привлечение их к несению караульной службы в истребительных батальонах, использование на сельскохозяйственных работах⁴⁵.

Крайне тяжелая обстановка, сложившаяся на Брянском фронте в начале октября 1941 г., окружение 3, 13 и 50-й армий не позволили до конца выполнить задачи по координации руководства сопротивлением в тылу. Поэтому реальное управление партизанскими отрядами Курской области со стороны Брянского фронта стало осуществляться лишь летом 1942 г., после передачи их в подчинение штабу партизанского движения при военном совете фронта.

Наиболее эффективным взаимодействие партизанских отрядов с политорганами РККА оказалось в полосе войск Юго-Западного фронта (ЮЗФ), т. е. на территории южных районов Центрального Черноземья. В августе 1941 г. при Политуправлении фронта был создан 4-й отдел, который возглавлял батальонный комиссар Г. Ф. Боровиков,

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1074. Л. 57.

⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 36. Д. 22. Л. 17–18.

в подчинении которого находились 6 старших инструкторов и секретарь⁴⁶.

Руководство боевой деятельностью партизанских отрядов в южных и юго-западных районах Курской области осенью 1941 г. осуществляло 4-е отделение политотдела 21-й армии Юго-Западного фронта. Работу среди партизан сотрудники отделения начали проводить с октября 1941 года. Они участвовали в формировании партизанских отрядов и создании их продовольственных баз, проведении агитационно-политических мероприятий среди личного состава, определении явочных квартир и установлении паролей, разработке планов диверсионной деятельности.

Первые месяцы работы 4-го отделения политотдела 21-й армии в организации партизанского движения выявили значительные недостатки в деятельности местных органов власти. В докладе на имя начальника Политуправления ЮЗФ С. Ф. Галаджева отмечалось, что «не все местные партийные и советские организации достаточно серьезно отнеслись к организации партизанских отрядов. Имело место нарушение принципа добровольности и персонального отбора в отряд, не учитывалось состояние здоровья и степень пригодности отдельных людей, не всегда удачный подбор руководства отрядами»⁴⁷.

Среди недостатков назывались отсутствие связи между партизанами и населением оккупированных районов, необеспеченность отрядов радиоприемниками, невыполнение указаний по формированию диверсионных групп и разработке планов диверсионной деятельности. Армейские политработники критически относились к боеспособности оставленных в тылу партизанских отрядов. В частности, отмечалось, что Грайворонский и Больше-троицкий отряды Курской области не вступают в бой с противником из-за боязни выдать собственное местона-

⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 3. Л. 2–4.

⁴⁷ Там же. Л. 306.

хождение. С партизанами Борисовского района пришлось организовывать занятия по изучению материальной части оружия⁴⁸.

Осенью 1941 г. старший инструктор 4-го отдела Политуправления ЮЗФ С. С. Шевчук в Валуйском районе провел собрания с личным составом партизанских групп, проверил обеспеченность их оружием и одеждой. В Новом Осколе он провел совещание с руководителями районных органов власти. Находясь в штабе 40-й армии в Старом Осколе, батальонный комиссар Шевчук занимался вопросами переброски партизан на оккупированную территорию⁴⁹.

В течение ноября — декабря 1941 г. через линию фронта авиацией и пешим порядком политработники переправили 100 тысяч экземпляров листовок шестнадцати наименований, которые способствовали подъему населения на борьбу с оккупантами.

Оценка политработниками ситуации на местах указывала на необходимость корректировки подходов к организации партизанской борьбы. Во-первых, посылаемые в тыл партизанские отряды не знали районов предполагаемых действий и не имели мест базирования, что приводило к их быстрому разгрому. Поэтому целесообразнее было направлять в оккупированные населенные пункты организаторов, способных поднять на борьбу местных жителей. Во-вторых, направляемых пешком в глубокий тыл противника связанных и организаторов разумнее было оставлять на оккупированной территории до прихода частей Красной армии, не теряя их повторного перехода через линию фронта.

Еще одно предложение касалось запрета редакторам газет публиковать информацию о методах партизанской борьбы. После выхода в свет материалов о боевых операциях партизан их тактика становилась известной противнику. Поэтому совершенствовались контрпартизанские действия оккупационных войск.

⁴⁸ Там же. С. 308.

⁴⁹ Там же. Л. 483–484.

Во взаимоотношениях с областными органами власти у армейских политработников не было достигнуто согласия по вопросам связи с партизанскими отрядами, оставленными в тылу противника. Информацией о местах базирования, явочных квартирах и паролях для связи с партизанами располагали только сотрудники местных структур НКВД. Но они не делились ею с политорганами РККА. Начальник УНКВД по Курской области П. М. Аксенов мотивировал отказ в предоставлении сведений необходимостью получения разрешения Наркомата обороны СССР. В результате посылаемые через линию фронта 4-ми отделениями политотделов армий связные и организаторы должны были самостоятельно искать способы связи с партизанскими отрядами⁵⁰.

Понимая слабую эффективность организации связи с партизанскими формированиями посредством посыльных, многие сотрудники 4-х отделений и отделов обращались с докладными записками в вышестоящие политорганы с предложением обеспечить отряды радиостанциями. Но, как свидетельствуют документы, до весны 1942 г. не было технической возможности предоставить в распоряжение партизан средства радиосвязи.

В ноябре 1941 г. работа по подготовке к организации партизанских отрядов в Воронежской области проверялась 4-м отделом Политуправления ЮЗФ. Ситуация в районах области оказалась противоречивой. Если в Острогожском, Лискинском и Хреновском районах отряды были укомплектованы личным составом, то в Алексеевском и Бобровском районах к этой работе даже не приступали. Была выявлена тенденция к включению в списки партизанских отрядов только ответственных партийных работников районного звена, тогда как рядовых коммунистов, беспартийных рабочих и колхозников к предстоящей борьбе в тылу противника не готовили. Неравномерно распределялось и вооружение между отрядами⁵¹.

⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 3. Л. 483–484. С. 266, 463.

⁵¹ Там же. Л. 258–260.

Таким образом, общими в организации партизанской борьбы на территории прифронтовых областей Центрального Черноземья в 1941 г. стали проблемы неподготовленности к ведению боевых действий в тылу противника большей части бойцов и командиров, отсутствие отлаженной системы связи и управления формированиями, оставленными в тылу противника для вооруженного сопротивления оккупантам.

*Вячеслав Александрович
Иванов*

К. и. н., младший научный сотрудник ГБУ Республики Крым
«Центральный музей Тавриды»

Действия советской дальней бомбардировочной авиации в боях на Черном море в 1941 г.

В годы Великой Отечественной войны боевые операции в акваториях Балтийского и Черного морей в значительной мере зависели от действий Военно-воздушных сил. Советским Вооруженным силам противостояли не только войска гитлеровской Германии, но также и ее сателлитов: Королевства Румынии и Болгарии. Авиация Краснознаменного Черноморского флота принимала участие в бомбардировке стратегически важных военных объектов нацистской Германии, уничтожении скоплений вражеской техники, ликвидации живой силы противника.

Военные действия на Черном море непосредственно начались с налетов авиации противника с румынской территории. Противник решал схожую задачу — установить неконтактные мины с целью закрытия выхода кораблей Черноморского флота в открытое море. Авиаудар противника был отражен силами дежурных средств ПВО и поднятием в воздух истребителей 32-го авиационного полка.

С 22 июня 1941 г. началось выполнение отдельных воздушных вылетов на разведку военно-морских баз Констанца и Сулин, а с 23 июня проводились удары по вра-

жеской территории. Уже 28 июня 1941 г. 3 самолета СБ, ведомые майором А. П. Цурцумия, в ходе боевой разведки плавсредств противника обнаружили на своем маршруте вражеский буксир и артиллерийскую баржу. Звено немедленно атаковало плавсредства противника и потопило их. Экипаж сумел распознать отшвартованный и замаскированный у берега вражеский монитор. Лично майор А. П. Цурцумия произвел два боевых захода на цель и метким ударом уничтожил вражеский монитор¹.

В налете на военно-морскую базу Королевства Румынии участвовали 2-й МТАП (33 ДБ-3) и 40-й БАП (27 СБ), ведомые генерал-майором Н. А. Токаревым, будущим Героем Советского Союза, капитаном Н. Переверзевым, старшим лейтенантом И. Е. Корзуновым. 24 июня 1941 г. 14 ДБ-3ф и 18 СБ совершили очередной авиааналет на Констанцу. Несмотря на яростное противодействие самолетов противника, советским летчикам удалось сохранить строй и прицельно сбросить бомбы, в том числе и на вражеский аэродром. Взрывами фугасок было уничтожено 3 Ме-109, еще 1 сбит в воздухе. Однако и потери оказались довольно значительными: 3 ДБ-3ф и 7 СБ были утрачены в результате авиааналета. С 28 июня 1941 г. в 40-й БАП поступили первые пикирующие бомбардировщики Пе-2 (основной фронтовой бомбардировщик) с первого и последнего дня Великой Отечественной войны. Советские летчики души не чаяли в этих машинах и считали их наиболее совершенными в своем классе².

Именно этими новыми самолетами-пикировщиками 13 июля 1941 г. был нанесен авиаудар по Плоешти. Он вошел в историю Черноморского флота как один из самых дерзких и удачных авиааналетов, предпринятых

¹ Цурцумия Александр Пехувич. 1908 г. р. ЦВМА РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 493. № записи 50054504 // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: электрон. банк док. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=50626527&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 11.05.2021).

² Кузнецов В. И. Авиация Черноморского флота. Севастополь, 2012. С. 17–18.

в первые недели начала Великой Отечественной войны³. В наградном листе майора И. Е. Корзунова о нем сказано: «13.07.1941 г. ведущим в звене в составе шестерки Пе-2 выполнил дерзкий боевой полет в глубокий тыл противника. Преодолевая сильное противодействие ЗА и выполняя 41-но минутный воздушный бой с истребителями противника, достигли цели и нанесли мощный бомбардировочный удар по заданной цели — нефтеперегонным заводам в Плоешти, уничтожив свыше 600 000 тонн нефти, и вывели из строя нефтезаводы на шесть месяцев. В этом полете экипажа сбит 1 Ме-109, Корзунов проявил исключительное самообладание, доведя свой самолет, получивший 87 пробоин, до аэродрома Аккерман»⁴. Шестерку Пе-2 возглавлял майор А. П. Цурцумия⁵. Он использовал фактор внезапности: внешне новые бомбардировщики Пе-2 походили на немецкие самолеты Ме-110 и До-215. Опубликованные архивные данные свидетельствуют о том, что ограниченный радиус действия самолета не позволял обходить аэродромные узлы противника и завязавший бой майор Цурцумия вел свою группу строго по прямой на Н-3000 метров. Итог выполнения задания: разрушено два заводских корпуса в г. Плоешти, вагонов и цистерн с горючим — 202, нефтебаков с нефтью — 46, кладов — 2, уничтожено свыше 220 000 т нефтепродуктов; группой сбито 2 самолета противника⁶.

³ Кузнецов В. И. *Авиация Черноморского флота*. Севастополь, 2012. С. 19.

⁴ Корзунов Иван Егорович. 1915 г. р. ЦАМО РФ. Ф. 920. Оп. 2. Д. 226. № записи 7995433 // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: электрон. банк док. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=7995619&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 11.05.2021).

⁵ Книга Памяти 40-го Констанцского Краснознаменного авиационного полка пикирующих бомбардировщиков ВВС КЧФ / сост. А. П. Гирник, С. И. Трусова. Симферополь: Антиква, 2017. С. 167.

⁶ Цурцумия Александр Пехувич. 1908 г. р. ЦВМА РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 493. № записи 50054504. // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: электрон. банк док. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=50626527&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 11. 05. 2021).

Выполняя поставленную задачу, со 2 июля по 18 августа 1941 г. ВВС Краснознаменного Черноморского флота совершили 22 авианалета на нефтепромыслы Плоешти⁷. 10–13 августа 1941 г. силами специально разработанного «звена СПБ» Владимира Сергеевича Вахмистрова нанесли удар по двухэтажному железнодорожному и автомобильному мосту в 60 км западнее Констанцы; Черноводскому мосту, по которому был проложен трубопровод Плоешти — Констанца (вывод из строя этого объекта означал потерю первоклассного бензина, который обеспечивал бронетанковые и военно-воздушные части вермахта и люфтваффе). С первой попытки мост разрушить не удалось, но 5-ка ДБ-3ф, 6-ка пикировщиков Пе-2, а также 2 «Звена Вахмистрова» нанесли ему повреждения. Однако румыны быстро их ликвидировали, и движение по мосту продолжилось. 13 августа 1941 г. выделенные «Звенья СПБ» отметились пятью прямыми попаданиями бомбам ФАБ-220 и одним взрывом в 30–40 км от него. Позднее, по уточненным данным и фотоснимкам оказалось, что полностью была разрушена 140-метровая ферма моста и вновь перебит нефтепровод, что позволило надолго вывести Черноводский мост из эксплуатации⁸.

Во время битвы за Одессу в августе 1941 г. отличались летчики 63-й авиабригады, которые в течение 28, 29 и 30 августа наносили бомбовые удары, уничтожая живую силу противника, и проводили воздушную разведку, совершив 126 боевых вылетов⁹. В конце сентября 1941 г. Ставка Верховного главнокомандования, оценив обстановку, принимает решение об эвакуации частей Красной армии и перебазирования Черноморского флота в Севастополь и Керчь для усиления обороны Крыма

⁷ Духопельников В. М., Пащенко В. Н., Ильиных В. А. *ВВС Черноморского флота в XX веке (1919–1991 гг.): Историко-документальный очерк*. Симферополь: ДИАПИ, 2009. С. 123.

⁸ Кузнецов В. И. *Авиация Черноморского флота*. Севастополь, 2012. С. 18–19.

⁹ Там же. С. 22.

от немецко-румынских войск¹⁰. Это объяснялось в первую очередь тем, что потеря Крыма затрудняла бы дальнейшее удержание Красной армией Одессы, так как, используя свою авиацию с захваченных крымских аэродромов, гитлеровцы могли эффективно воздействовать на советские морские сообщения, срывая тем самым снабжение осажденного города и гарнизона.

30 сентября 1941 г. получен приказ об оставлении Одессы и перебазировании войск в Крым. 16 октября 1941 г. последние транспортные средства покинули Одесскую гавань и взяли курс на Севастополь. В отличие от Таллинского перехода, командование Черноморского флота усилило авиационную поддержку. Общие потери вражеской авиации достигли 37 самолетов. За время 73-дневной героической обороны Одессы морская авиация Краснознаменного Черноморского флота совершила 4644 боевых вылета, сбив в боях и уничтожив на земле до 80 немецких и румынских самолетов, потеряв при этом 47 своих машин¹¹. Доставленная по морю Приморская армия начала сосредотачиваться в районе Ишуньских позиций, завершив передислокацию до 23 октября 1941 г.

Стремясь овладеть Крымским полуостровом во чтобы то ни стало, гитлеровцы пробивают брешь в обороне советских войск, овладевают Северной Таврией и подходят к Перекопскому перешейку.

14 сентября 1941 г. из разных частей авиации КЧФ создается Фрайдорфская авиагруппа (по названию райцентра Фрайдорф, ныне с. Новоселовское Раздольненского района Республики Крым). Командиром группы был назначен майор Алексей Захарович Душин, а общее руководство ведением боевых операций было возложено на генерала В. В. Ермаченкова. Сухопутные самолеты ба-

¹⁰ Вьюненко Н. П. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957. С. 85.

¹¹ Кузнецов В. И. Авиация Черноморского флота. Севастополь, 2012. С. 22–23.

зировались на шести аэродромах юго-западнее Джанкоя, морские — на аэродроме возле озера Донузлав¹².

16 сентября 1941 г. состоялся первый бой экипажей Фрайдорфской авиагруппы. Штурмовая группа под командованием командира эскадрильи К. Денисова 8-го ИАК на самолетах И-16 и И-153 вылетела в район поселков Новотроицкое и Аскания-Нова¹³. Группу прикрытия на самолетах И-16 вел командир 101-й эскадрильи Давид Ефимович Нихамин. Советские летчики, пройдя Сиваш, атаковали вражескую колонну бронетехники, автомобилей и живой силы противника. В результате точечного авиаудара было сожжено несколько вражеских автомашин, танки противника оказались парализованными, а вражеские солдаты стали в панике разбегаться. После второго захода атакующие летчики отошли, не встретив противодействия противника, не ожидавшего такого дерзкого воздушного налета¹⁴.

О результативности советских летчиков в битве за Перекоп может служить послужной список Нихамина Давида Ефимовича: «За время военных действий имеет 161 боевой вылет. Лично сбил 6 самолетов противника: 2.9.1941 г. в районе Береславль лично сбил Ме-109, 19.9.1941 г. в районе Армянска лично сбил 1 Ме-109, 19.9.1941 г. в районе Армянска с сержантом Васильевым сбил Хе-111, 23.9.1941 г. над аэр. Чаплинка сбил с сержантом Смеловым Ме-109, 19.X.1941 г. в районе дер. Асс лично сбил Ю-88, 20.X.1941 г. в районе Карат-Казак сбил 1 Ме-109, 23.X.1941 г. в районе Новый-Кизилбай сбил Ме-109»¹⁵.

¹² Духопельников В. М., Пащенко В. Н., Ильиных В. А. ВВС Черноморского флота... С. 124–125.

¹³ Денисов Константин Дмитриевич 1914 г. р. // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: электрон. банк док. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=51343777&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁴ Кузнецов В. И. Авиация Черноморского флота. Севастополь, 2012. С. 23.

¹⁵ Нихамин Давид Ефимович. 1913 г. р. // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: электрон. банк док. URL: <http://>

21 сентября 1941 г. советские летчики нанесли удар по занятому противнику аэродрому Чаплинка. Этот воздушный авиаудар должен был координироваться с атакой ВВС 51-й Отдельной армии на вражеский аэродром Аскания-Нова. Однако нанесенный удар был проведен раньше запланированного времени, тем самым подняв в воздух самолеты противника, которые связали боем самолеты авиагруппы, направляющиеся к Чаплинке. Несмотря на сильный зенитный огонь противника, ударная группа под командованием К. Д. Денисова прорвалась к аэродрому, уничтожив 11 вражеских самолетов и еще 12 сбив в воздушном бою¹⁶.

Последний бой Фрайдорфской авиагруппы состоялся 22 октября 1941 г., когда 11 И-5 и И-153 нанесли удар по скоплению гитлеровских войск в районе Казак-Сарай. Удалось провести удачную атаку на позиции немецкой дальнобойной артиллерии, однако на обратном пути группа «ишачков», возглавляемая капитаном Шубиковым, была атакована немецкими истребителями. Капитан Шубиков в завязавшемся воздушном бою был сбит.

Таблица 1. Итоги боевых операций Фрайдорфской оперативной группы¹⁷

Совершено боевых вылетов	Уничтожено вражеских самолетов	Сожжено вражеских танков	Собственные потери (по данным 8-го ИАП), единиц самолетов	Собственные потери (по данным 8-го ИАП), пилотов
1709	94	40	20	14

podvignaroda.ru/?#id=7994476&tab=navDetailManAward (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁶ Кузнецов В. И. *Авиация Черноморского флота. Севастополь*, 2012. С. 24.

¹⁷ Составлено по: Кузнецов В. И. *Авиация Черноморского флота. Севастополь*, 2012. С. 24.

Как видим, в воздушных боях за Перекопский перешеек ВВС КЧФ удалось завоевать кратковременное воздушное превосходство. Однако отсутствие у ряда летчиков боевого опыта, недостаточное освоение новой боевой техники (истребители ЛаГГ-3), тактическое мастерство немцев, в первую очередь их умение грамотно использовать прицельный огонь зенитной артиллерии по советским истребителям и бомбардировщикам, а также слабое прикрытие огнем последних звеньев привели к довольно серьезным потерям среди советских авиаторов (табл. 1). На Перекопе и Чонгаре у немцев не получилось захватить полностью воздушное пространство, однако обеспечить сухопутные части Красной армии и корабли Черноморского флота надежной защитой от удара с воздуха ВВС нацистской Германии и ее сателлитов советским летчиками не удалось. Ситуация была преломлена только после окончания воздушной битвы за Кубань к осени 1943 г. — накануне освобождения Крымского полуострова¹⁸.

Завершением кампании 1941 г. на Черном море стало начало 250-дневной обороны Севастополя (30 октября 1941 г. — 4 июля 1942 г.). Без помощи КЧФ защитникам города не была бы возможно столь длительная оборона главной военно-морской базы ВМФ СССР. Переход ВВС Севастопольского оборонительного района вместе с Военно-воздушными силами флота под командование генерал-майора авиации Н. А. Острякова способствовал ведению успешных боевых действий советских летчиков против ВВС нацистской Германии и Королевства Румынии¹⁹.

Под руководством генерал-майора Н. А. Острякова²⁰ и его ближайших помощников (военкома ВВС флота бригадного комиссара М. Г. Степаненко, начштаба полковника

¹⁸ Вьюненко Н. П. *Черноморский флот...* С. 86.

¹⁹ Духопельников В. М., Пащенко В. Н., Ильиных В. А. *ВВС Черноморского флота в XX веке (1919–1991 гг.): историко-документальный очерк*. Симферополь: ДИАПИ, 2009. С. 126.

²⁰ Книга Памяти 40-го Констанцского Краснознаменного авиационного полка пикирующих бомбардировщиков ВВС КЧФ / сост. А. П. Гирник, С. И. Трусова. Симферополь: Антиква, 2017. С. 183.

В. Н. Калмыкова, начтыла полковника М. Д. Желанова, главного инженера П. С. Земцова) за короткий срок удалось осуществить следующие мероприятия:

- расширение аэродромов;
- строительство капониров для укрытия самолетов, блиндажей, лазаретов;
- работа по нейтрализации средствами ПВО дейст- вий вражеских ВВС²¹.

Во время отражения первого и второго штурмов го- рода, 23 ноября и 17–31 декабря 1941 г., ВВС КЧФ на- носит удары по вражескому аэродрому Сарабуз, на ко- тором базировалось до 60 самолетов противника. Несмотря на погодные условия и значительное удале- ние от своей базы, при полном воздушном господстве противника в этом районе, советские летчики сбросили с самолетов эскадрильи ДБ-3 МТАП 90 бомб ФАБ-100. Было уничтожено 30–35 самолетов противника, потери советских авиаторов составили всего 1 самолет²².

В декабрьских воздушных боях, совершая по 6–8 вы- летов в день, удалось отразить массовые вражеские ави- аналеты на Севастополь²³. Звено Пе-2 под командовани- ем Ивана Егоровича Корзунова из 40-го БАП совершило в один из зимних дней 7 вылетов, тем самым сорвав го- товящийся вразом прорыв, конечная цель которого за- ключалась в овладении Севастополем до Нового года²⁴.

Результаты действий авиации КЧФ во время Вели- кой Отечественной войны представлены в таблице 2.

²¹ Кузнецов В. И. Авиация Черноморского флота. Севастополь, 2012. С. 25; Вьюненко Н. П. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957. С. 100.

²² Кузнецов В. И. Авиация Черноморского флота. Севастополь, 2012. С. 26; Вьюненко Н. П. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957. С. 97, 109.

²³ Духопельников В. М., Пащенко В. Н., Ильиных В. А. ВВС Черномор- ского флота в XX веке (1919–1991 гг.): Историко-документальный очерк. Симферополь: ДИАИПИ, 2009. С. 128.

²⁴ Кузнецов В. И. Авиация Черноморского флота. Севастополь, 2012. С. 26.

Таблица 2. Число самолетов вылетов и расход боеприпасов ВВС ЧФ в годы Великой Отечественной войны²⁵

Год	Произведено вылетов	Израсходовано боеприпасов	Уничтожено самолетов противника
1941–1942	16 234	2 044	438
1942–1943	42 000	нет данных	442
1944	19 000	нет данных	347
Итого:	77 324	нет данных	1 227

Подведем итоги. Авиация КЧФ вступила в войну не- достаточно подготовленной для ведения борьбы с силь- ным противником — нацистской Германией. ВВС Румынии находились в состоянии переподготовки и орга- низации и поэтому не могли представлять ВВС РКВМФ серьезного сопротивления.

Авиация КЧФ находилась в состоянии перевоору- жения, вследствие чего флот не имел достаточного числа бомбардировочной, минно-торпедной и разведыватель- ной авиации. Поэтому противник имел не только коли- чественное, но и качественное превосходство над совет- ской авиацией. Эти обстоятельства в значительной мере затрудняли действия бомбардировочной авиации КЧФ, усложняли выполнение боевых задач. Только с конца 1942–1943 гг. авиация обеих флотов начала получать бо- лее современные самолеты, и в таком количестве, которое позволило ей постепенно завоевывать господство в возду- хе на направлении ведения операционного удара. Полно- стью уничтожить вражеские коммуникации, пункты и ме- ста снабжения в акватории Черного моря не удалось, тем

²⁵ Составлено по: 85 лет Военно-воздушным силам Черноморско- го флота Российской Федерации / сост. О. Н. Повечеровский и др.; под. общ. ред. И. В. Сапрыкина. Севастополь: Форт-Флот, 2006. С. 5.

не менее по территории союзника нацистской Германии были нанесены чувствительные удары, которые продемонстрировали уязвимость глубокого тыла противника и способность оказать мощный военно-психологический эффект.

Потеря военно-морских баз в северо-западном районе Черного моря вынудила ВМС Советского Союза перебазираться в порты Кавказского побережья. Это в значительной мере усложнило условия для выполнения боевых задач.

Авиация КЧФ выполняла ряд операций и вела отдельные боевые действия по нарушению морских сообщений противника, защищая собственные морские сообщения от противника.

Авиация КЧФ в 1941 г. начинает привлекаться к бомбардировочным ударам по неприятельским базам и портам, промышленным и административным центрам нацистской Германии и Королевства Румыния. Эти действия советской дальней бомбардировочной авиации сводились к тому, чтобы уничтожать вражеские боевые корабли, транспорта и другие плавсредства противника; уничтожать вражеские живую силу противника и его технику в момент погрузки и выгрузки в порту; всячески затруднять противнику использование портов в акватории Черного морей, с той целью, чтобы воспрепятствовать ему перевозить живую силу, технику, снаряжение и материальные ценности; нарушать при помощи ударов по объектам нефтеперерабатывающей промышленности в Плоешти (Румыния) снабжение жидким топливом войск противника; разрушать портовые сооружения, ремонтные средства и склады врага с тем, чтобы затруднить использование им портов, баз и складов; оказывать морально-психологическое воздействие на население сателлитов гитлеровской Германии — Румынии и Болгарии, где политическая обстановка, особенно после того, как война стала затягиваться, резко усложнилась.

Благодаря в том числе доблестным летчикам советской дальней бомбардировочной авиации КЧФ удалось не только сорвать планы врага по молниеносному разгрому Советского Союза, но и заложить условия для Великой Победы над нацизмом и его сателлитами, что и произошло в мае 1945 г.

*Геннадий Михайлович
Курков*

К. и. н., доцент, председатель Совета Ейского отделения РВИО

Казачья кавалерия Красной армии накануне войны и в 1941 г.

Обострение обстановки за рубежом после прихода фашистов к власти в Германии и необходимость укрепления подвижной составляющей Красной армии диктовали снятие всех формальных ограничений для службы в РККА для казачества СССР. Проанализировав итоговые результаты работы государственных органов в казачьих регионах, лояльность абсолютного большинства казаков к советской власти, 20 апреля 1936 г. ЦИК Союза ССР утвердил постановление «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА», которым для всех казаков, кроме тех, кого лишили прав по суду, отменялись ранее существовавшие ограничения¹. А 21 апреля 1936 г. народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов подписал секретный приказ № 061 «О переименовании 10, 12, 4 и 6 кавалерийских дивизий в казачьи, о формировании 13 Донской казачьей дивизии и отдельной кавалерийской бригады горских национальностей и об установлении для казачьих дивизий особой формы одежды»². Согласно приказу для всех формируе-

¹ Собрание Законодательства. № 22. М. 1936. С. 198; Правда. 1936. 21 апр.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. оп. 3. Д. 3334.

мых казачьих частей вводилась особая форма одежды, как повседневная, так и парадная. Газета «Красная Звезда» 9 мая 1936 г. поместила описание формы одежды казачьих частей только двух видов: для донских, а также для кубанских и терских казаков.

Вышеперечисленные меры военно-политического руководства СССР позволили увеличить количество призывного контингента практически в 1,5 раза. На базе территориальных кавалерийских частей формировались кадровые соединения и объединения. Число кавалерийских дивизий в 1936 г. возросло до 32 (против 20 — в 1932 г.), в том числе 20 кадровых численностью 6 600 чел., 4 кадровых усиленного состава по 7 600 чел., 3 территориальных по 3 500 чел., 5 горно-кавалерийских по 2 600 чел. Кроме того, в составе РККА остались и две кавбригады по 1 200 чел. каждая³. Было положено начало формированию казачьих кавалерийских корпусов. На базе управления 4-го территориального кавкорпуса, сформированного согласно приказу Реввоенсовета СССР № 13 в Ростове-на-Дону еще 1 января 1928 г., в 1931 г. был сформирован 4-й кавалерийский корпус. В состав корпуса вошли 11-я Северо-Кавказская (в 1930 г. переименована в 10-ю территориальную кавдивизию СКВО), 12-я Кубанская и 5-я Ставропольская имени Блинова территориальные кавдивизии. В 1934 г. 4-й кавкорпус получил наименование «имени Будённого». На базе 13-й стрелковой дивизии с осени 1936 г. начали формировать 13-ю Донскую территориальную казачью кавалерийскую дивизию, которая была включена в состав 4-го кавкорпуса. Согласно приказу НКО СССР № 19 от 13 февраля 1937 г. корпус стал именоваться «4-й казачий корпус имени Будённого»⁴. Управление корпуса дислоцировалось в Армавире.

Эти события привели к укреплению кавалерии и увеличению количества боеготовых кадровых частей Красной армии, в том числе и за счет молодых казаков.

³ РГВА. Путеводитель. Ч. II. М. 1993. С. 198.

⁴ РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 554. Л. 2.

Мероприятия по увеличению кадровых кавалерийских частей и соединений проводились не спонтанно, а в соответствии с планом НКО СССР по кавалерии, утвержденным еще в марте 1935 г. К началу 1939 г. в составе стратегической конницы СССР действовали 26 кавдивизий, объединенных в пять корпусов⁵. Вплоть до 1938 г. в составе РККА действовали два казачьих кавкорпуса, куда призывалась молодежь с территории Кубани и Дона: 4-й территориальный и 6-й кадровый казачьи кавкорпуса. Это были одни из лучших кавалерийских соединений РККА, отличавшиеся высокой боевой выучкой и слаженностью действий. Но с весны 1938 г. в РККА остался единственный кадровый 6-й кавкорпус, который был укомплектован донскими, кубанскими, терскими и оренбургскими казаками. Кадровые казачьи кавалерийские соединения в составе 6-го казачьего кавалерийского корпуса впервые были применены в качестве боевой единицы в ходе освобождения территории Западной Белоруссии.

Необходимость повышения боеготовности и боеспособности такого мобильного рода сухопутных войск РККА, как кавалерия, определили принятие Постановления ЦИК СССР о снятии с казаков всех ограничений по службе в РККА на 3,5 года раньше, чем для других категорий населения СССР. Для всех остальных категорий граждан, пораженных в правах, указанные ограничения были сняты только 1 сентября 1939 г., после вступления в силу «Закона СССР о всеобщей воинской обязанности».

С учетом опыта Советско-финляндской войны и первого периода Второй мировой войны, когда кавалерия различных государств показала себя только в качестве слабой составляющей сухопутных войск, кавалерийские соединения подверглись реформированию. Начался процесс перевооружения РККА и преобразования кавкорпусов в механизированные и танковые корпуса. К сожалению,

⁵ РГВА. Путеводитель. Ч. 2. М. 1993. С. 199.

нию, реформирование Вооруженных сил СССР к началу войны завершено не было.

Таким образом, ближе к середине 30-х годов власть явно демонстрировала стремление к примирению «по отношению к широким массам казаков», готовность забыть и простить прежние их преступления, а также стремление к разрешению казачеству жить согласно традициям. Этот процесс в полной мере нашел свое отражение в системе формирования и комплектования казачьих кавалерийских соединений Кубани и Дона. Правовые документы, принятые 20 и 21 апреля 1936 г., послужили юридической базой для включения казачьих кавалерийских формирований в кадровый состав Красной армии, что существенно повысило боеспособность ее мобильных сил в 30-е годы XX в. Принятая в конце 1936 г. Конституция СССР окончательно закрепила равенство в правах казаков со всеми слоями населения Союза ССР. В условиях угрозы войны территориально-милиционная система комплектования в течение 1935–1939 гг. была заменена кадровой. Ставка военно-политического руководства страны на кавалерию была признана вынужденной и ошибочной. Началось активное формирование механизированных и танковых частей, соединений и объединений.

Перед началом Великой Отечественной войны из 32 кавалерийских дивизий, имевшихся в составе РККА в 1938 г., осталось всего 13, из которых четыре горно-кавалерийские базировались в Закавказье и в Средней Азии, 24-я кавалерийская дивизия дислоцировалась в Кировабаде, а 8-я — в Дальневосточном военном округе. Непосредственно в западных приграничных районах СССР дислоцировались семь кавалерийских соединений. Лишь в составе 6-го казачьего кавалерийского корпуса двухдивизионного состава осталась одна казачья: 6-я Кубано-Терская казачья Чонгарская Краснознаменная ордена Ленина кавалерийская дивизия имени С. М. Будённого, штаб которой находился в городе Ломжа Белорусской ССР.

В ходе приграничных сражений войска РККА понесли значительный урон. Потери в живой силе, технике и конском составе привели к тому, что основным тактическим соединением бронетанковых войск стала бригада, а конницы — дивизия. Количество подвижных соединений резко сократилось. Поэтому Государственный комитет обороны после 4 июля 1941 г. вынужден был принять ряд постановлений о формировании кавдивизий легкого типа в составе трех полков. Согласно этим постановлениям, необходимо было сформировать и отправить на фронт около 100 кавалерийских дивизий численностью 3000 человек каждая. Эта задача могла быть решена, в первую очередь, в регионах компактного проживания казачьего населения, так как там находились подготовленные в территориальных формированиях людские ресурсы и конский состав. На Северном Кавказе и Урале, в Сибири и Забайкалье, на Амуре и Уссури началось формирование новых кавалерийских дивизий (кд).

Куда же делись имевшиеся танки? Ответ на этот вопрос непрост. По данным российских исследователей, к началу Великой Отечественной войны в западных приграничных военных округах числилось 20 механизированных корпусов. В их составе было около 10 150 танков различных марок, из которых всего 1 475 танков было типа КВ и Т-34. Следует учесть, что танки КВ и Т-34 были приняты на вооружение только в декабре 1939 г. На вооружении РККА стояли в основном танки типа БТ и Т-26, имевшие запас по ресурсу 40–150 моточасов. К началу Великой Отечественной войны 29% из них требовали капитального, а 44% — среднего ремонта. Ряд сформированных механизированных корпусов (9, 11, 13, 18, 19 и 24-й) насчитывали от 220 до 295 танков, в основном старых марок, а 17-й и 20-й механизированные корпуса из-за малого количества машин (соответственно 36 и 93) вообще не являли собой механизированные объединения.

Кроме того, формированием новых механизированных корпусов занимались бывшие командиры кавалерий-

ских и пехотных соединений, которые не имели достаточного опыта управления такими объединениями. Так, генерал-лейтенант Д. И. Рябышев до 1939 г. был командиром 13-й Донской казачьей кавалерийской дивизии, а затем командиром 4-го кавалерийского корпуса. Перед началом войны был назначен на должность командира 8-го механизированного корпуса РККА. В своих воспоминаниях он отмечал: «В период с 22 по 26 июня 1941 г. корпус, совершая напряженные, «сверхфорсированные» марши без соблюдения элементарных уставных требований обслуживания матчасти и отдыха личного состава, был подведен к полю боя, имея до 500 км пробега боевой матчасти. В результате этого количественный состав боевых машин был выведен из строя по техническим причинам на 40–50% (это усугублялось тем, что к началу войны старая боевая матчасть израсходовала запас моторресурса на 50%). Указанные 40–50% матчасти были оставлены на маршрут движения дивизий. Оставшаяся материальная часть вследствие таких скоростных маршей оказалась для боя не подготовленной в техническом отношении»⁶.

Автором подсчитано, что всего за время войны была сформирована 91 кавдивизия, в том числе 79 — в 1941 г. Непосредственное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками приняли всего 75 кавалерийских дивизий. В числе 41 казачьей кавдивизии (кд) воевали 15 кубано-терских и 7 донских соединений, то есть более 50% от общего количества. Основу остальных казачьих кавалерийских дивизий составили уральские (9 кд), сибирские (4 кд), забайкальские (2 кд) и дальневосточные (2 кд) казаки.

Основная нагрузка по формированию кавдивизий легкого типа летом 1941 г. легла на СКВО. Там в июле 1941 г. были сформированы и отправлены на фронт 10 кавдивизий (пять кубанских, три донские, одна кубано-терская

⁶ Крикунов В. П. Куда делись танки? // Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 28–31.

и одна ставропольская), а в августе — еще 7 кавдивизий (четыре кубанские, две донские и одна ставропольская). Следовательно, в июле — августе 1941 г. из СКВО на фронт были отправлены 17 кавдивизий, сформированных из казаков призывного возраста, тогда как из всех остальных регионов СССР — 10 дивизий⁷. Основу дивизий составили казаки, прошедшие подготовку в территориальных кавалерийских формированиях Красной армии.

Кроме того, в июле 1941 г. было положено начало формированию двух донских и трех кубанских добровольческих казачьих кавдивизий, составивших в дальнейшем основу 17-го кавалерийского корпуса РККА. В октябре того же 1941 г. в СКВО были сформированы 114-я кавдивизия в Чечено-Ингушетии и 115-я кавдивизия в Кабардино-Балкарии.

Таким образом, летом 1941 г. из северокавказского региона на фронт были отправлены 63% от общего количества кавалерийских соединений, сформированных в стране. Всего в 1941 г. из различных регионов СССР в действующую армию были направлены 42 вновь сформированные кавалерийские дивизии⁸.

Характерной особенностью первого периода комплектования для кавалерийских дивизий, сформированных в казачьих регионах в июле 1941 г., являлись очень короткие сроки формирования и комплектования. А для соединений, комплектование которых началось в августе 1941 г., сроки окончания процесса формирования были растянуты вплоть до ноября 1941 г.

Процесс комплектования кавалерийских дивизий легкого типа летом 1941 г. можно описать на примере 3-й гвардейской кавалерийской Краснознаменной ордена Суворова Мозырьской дивизии (бывшей 50-й кав-

⁷ Подсчитано автором в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) по: Справочник по боевому использованию кавалерийских дивизий. № 1–116. М., 1954.

⁸ Россия и СССР в войнах XX века: статистич. исслед. М., 2001. С. 420.

дивизии). Ее формирование началось 6 июля 1941 г. в Урупском старом казачьем лагере близ города Армавир из кубанских казаков станиц Советская, Вознесенская, Отрадная, Попутная, Передовая, Преградная, Отважная, Лабинская, Ново-Кубанская, Кавказская, Прочно-окопская, Упорнинская и ряда других, названия которых сами говорят о бывшей славе местного казачества. Комплектованием занимались под командованием полковника И. А. Плиева. 12 июля были укомплектованы три полка дивизии, которые получили номера 37, 43 и 47. Личный состав — кубанские казаки, мобилизованные из запаса. Возраст рядового и младшего командного состава — от 30 до 45 лет, и лишь незначительный процент молодежи призывного возраста. Командный состав (звено, взвод, эскадрон) — из командиров запаса. Возраст — от 40 до 55 лет. Старший командный состав (командование дивизии, командиры полков и офицеры штабов) — из кадровых командиров. Политическое руководство в дивизии осуществляли военный комиссар, начальник политотдела, комиссары полков, кадровые политработники Красной армии и коммунисты партийных организаций районов, примыкающих к городу Армавир. Эти кавалерийские соединения не имели наименование «казачьи», но они были сформированы в районах Северного Кавказа, где основными поставщиками бойцов-конников являлись казачьи станицы. Досадные неточности, встречающиеся в архивных документах, не меняют их сути. Так, в ходатайстве военного совета Западного фронта о присвоении 50-й и 53-й кавдивизиям звания «гвардейская» было написано, что «дивизии, укомплектованные донскими казаками, на деле показали, что лихие боевые традиции Дона и имя казака по-прежнему наводят ужас на врагов Родины»⁹. По сути про казаков все верно, а в частности — нет. Дивизии были сформированы на Кубани и Ставрополье

⁹ Агафонов О. В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. Киров: Кировская областная типография, 2002. С. 307.

и укомплектованы в основном кубанскими и терскими казачками, а не донскими.

Во втором периоде комплектование казачьих кавалерийских соединений Северного Кавказа производилось путем набора добровольцев в основном непризывного возраста, который включал и временной отрезок с сентября 1941 г. до конца года. Особенностью этого периода был растянутый по времени процесс комплектования, отсутствие четкой позиции военно-политического руководства СССР по боевому использованию кавсоединений и правовой базы для комплектования боевых частей и соединений лицами непризывного возраста. В штатный состав РККА эти соединения были включены только в начале января 1942 г.

Боевой состав дивизий легкого типа был одинаков: три кавалерийских полка и эскадрон химзащиты. Способности этих дивизий противостоять продвижению танковых дивизий немцев оценивались невысоко. Кавалерийский полк должен был включать четыре сабельные и один пулеметный эскадроны, полковую батарею противотанковых средств в составе 4 орудий калибра 76 мм и 2 орудий калибра 45 мм. Бойцы эскадронов на вооружении должны были иметь станковые и ручные пулеметы, винтовки и шашки¹⁰. При усиленном спешивании в идеальных условиях кавалерийская дивизия легкого типа РККА могла выставить всего 2250 активных сабель при 12 76-мм орудиях, 48 станковых пулеметах, 96 ручных пулеметах и 6 противотанковых 45-мм пушках. А танковые дивизии немцев, шедшие в авангарде войск, насчитывали в своем составе 416 танков, 576 офицеров и 10347 солдат. Кроме того, в их состав входили моторизованная бригада и моторизованный артиллерийский полк¹¹. И все же кавалерийские дивизии Красной армии формировали и бросали в бой, пытаясь задержать продвижение врага.

¹⁰ Советская кавалерия. М.: Воениздат, 1984. С. 311.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 3534. Оп. 1. Д. 2. Л. 8, 9.

Механизированные корпуса РККА ввиду больших потерь и недостатка танков уже в июле 1941 г. были расформированы. По этой же причине нельзя было сохранить и отдельные танковые дивизии. Немецкий Генштаб 8 июля 1941 г. в докладе об обстановке на фронте отмечал: «Из 164 выявленных нами стрелковых дивизий противника 89 целиком или большей частью уничтожены. На фронте осталось 46 боеспособных русских стрелковых дивизий. 18 дивизий скованы на других фронтах (против Финляндии — 14, на Кавказе — 4). 11 дивизий, очевидно, находятся еще в тылу, в резерве. Из 29 выявленных нами танковых дивизий 20 целиком или большей частью уничтожены, 9 дивизий еще полностью боеспособны»¹². В начале июля 1941 г. на советско-германском фронте было уничтожено около 2/3 боеспособных мобильных соединений РККА. Но и у немцев не получилось прогулки по советской земле. На 32-й день войны Гальдер отмечал, что в отдельных соединениях потери офицерского состава достигают 50%... Необходимо восьми-десятидневный отдых для пополнения подвижных соединений. Кроме того, Гальдер отмечал, что пехотные дивизии укомплектованы на 80%, некоторые дивизии выпадают из расчета в связи с большими потерями в конском составе¹³. Это замечание немецкого военачальника позволяет сделать вывод, что в немецкой пехотной дивизии основной тягловой силой была лошадь.

С началом формирования кавдивизий легкого типа в объединения и соединения Красной армии поступило директивное письмо Верховного командования под № 01 от 15 июля 1941 г.,¹⁴ в котором указывалось на недооценку значения кавалерии. Были рекомендованы наиболее эффективные способы ее боевого применения. Наиважнейшим назывался рейд и удар по тылам противника. Такой

¹² Гальдер Ф. Военный дневник. М.: Воениздат, 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 99.

¹³ Там же. С. 173, 174.

¹⁴ История военного искусства. Курс лекций. Т. 5. М., 1958. С. 720.

документ, по мнению автора, вышел в свет в связи с необходимостью перестройки мышления командного состава (особенно молодого), которого в течение трех предвоенных лет убеждали в том, что конница в будущей войне практического значения иметь не будет. Положительный результат действий конницы достигался чаще, когда кавалеристы вводились в прорыв на узком участке фронта и действовали в тылу врага, сковывая и сдерживая продвижение моторизованных сил противника. Примером могут служить боевые действия кавалерийской группы полковника А. И. Бацкалевича в Белоруссии в июле 1941 г.

Кавгруппа в составе 32-й кавалерийской дивизии (командир полковник А. И. Бацкалевич), а также 43-й (командир комбриг И. Г. Кузьмин) и 47-й (командир генерал-майор А. Н. Сидельников) кубанских казачьих кавдивизий была сформирована с 20 по 25 июля 1942 г. Командовать группой было приказано полковнику А. И. Бацкалевичу, так как он являлся командиром более мощного соединения, имевшего боевой опыт. 32-я кавдивизия, сформированная еще в марте 1938 г. на базе 1-й Червонной казачьей кавалерийской дивизии, имела в своем составе четыре кавалерийских полка (65, 86, 121 и 153-й), 40-й отдельный конноартиллерийский дивизион, 27-й отдельный саперный эскадрон, 4-й отдельный эскадрон связи¹⁵. А 43-я и 47-я кавдивизии, формирование которых началось 6–7 июля 1941 г. в г. Тихорецке и в станице Уманская (ныне Ленинградская) из кубанских казаков, уже 20 июля перебазировались на Центральный фронт и без дополнительной подготовки были включены в состав кавгруппы полковника А. И. Бацкалевича.

26 июля 1941 г. эта группа была брошена в тыл крупной группировки противника. Несмотря на большие потери, она боевую задачу выполнила, сковав 43-й немецкий

армейский корпус севернее Мозыря и задержав движение 35-го армейского корпуса немцев. Немцы вынуждены были отвлекать значительные силы для противодействия кавалерийским соединениям РККА в своем тылу. В августе 1941 г. кавгруппа прикрывала отход 21А к Днепру. Бои велись в окружении. В сентябре после кровопролитных боев кавгруппа вырвалась из окружения и соединилась с частями Красной армии, действовавшими с фронта. В октябре — ноябре 43-я и 47-я кубанские кавалерийские дивизии ввиду больших потерь были расформированы и обращены на укомплектование 32-й кавдивизии¹⁶. В дальнейшем кубанские казаки в составе 32-й кавалерийской дивизии 5-го кавалерийского корпуса 6 декабря 1941 г., прорвав оборону 95-й пехотной дивизии противника в районе Захаровка — Воловолово, за 7 дней прошли с боями около 100 км и 12 декабря вышли в глубокий тыл Елецкой группировки противника в районе Россошное — Шатилово. С 12 по 16 декабря кавкорпус разгромил 95-ю и 124-ю пехотные дивизии врага и захватил большие трофеи, в том числе 80 орудий и минометов, 88 пулеметов, 538 винтовок и автоматов, 286 автомашин.

На Западном фронте 50-я (командир полковник И. А. Плиев) и 53-я (командир комбриг К. С. Мельник) кавдивизии, формирование которых началось 6 июля 1941 г. из казаков Кубани и Ставрополя, уже 15 июля выполняли боевые задачи в составе кавалерийской группы генерала А. Г. Селиванова (войска 30А), а затем кавгруппы полковника Л. М. Доватора (войска 16А).

22–23 июля 1941 г. 50-я и 53-я казачьи дивизии заняли указанные им позиции. Первые бои с немецко-фашистскими захватчиками начались за переправу на реке Межа на Западном фронте. У противника было подавляющее превосходство в силе и технике, о чем автор писал выше. Но в большинстве случаев личный состав дивизии

¹⁵ ЦАМО РФ. Описание боевых действий 32 кд. Документы штаба «Командующего кавалерии СА» по описи № 109–42 г.

¹⁶ ЦАМО РФ. Справочник по боевому использованию кавалерийских дивизий. Указ. соч. Кн. 1, л. 223–244, кн. 2, л. 47–52, 72–77.

добивался победы. От казаков требовались мужество, отвага, находчивость и дерзость, чтобы вырвать у врага инициативу, навязать свою волю и добиться победы.

Во время первого боя, который состоялся 24 июля 1941 г., два сабельных эскадрона 50-й дивизии уничтожили до двух рот пехоты и личный состав минометной батареи противника. Захватили большой обоз с военным имуществом, боеприпасами и 18 пленных. Разведывательный отряд кубанцев силами одного сабельного взвода под командованием младшего лейтенанта Криворотько уничтожил до взвода пехоты, 8 автомашин и 6 мотоциклистов, захватил пленного.

Бои с основными силами противника проходили очень тяжело. Так, на рассвете 27 июня 1941 г. противник обнаружил движение 50-й дивизии. По южному берегу реки Межи он выбросил сильную группу автоматчиков, поддержанную танками и авиацией. Неожиданный удар с юга разорвал колонну дивизии, которая не успела вернуться в боевые порядки. Головной отряд со штабом дивизии был отрезан от основных сил — 37-го и 47-го кавалерийских полков. Они оказались в окружении. Единственную дорогу на Борку — станцию Жарковская — противник завалил лесом, выставив сильные засады. Штаб дивизии и 43-й кавалерийский полк выходили в район Кощенки. Не имея управления, располагая боеприпасами только на 2–3 часа боя против врага, до зубов вооруженного автоматическим оружием, превосходящего по численности, поддерживаемого танками, артиллерией и авиацией, кавалерийские полки 50-й дивизии не могли вести бой в условиях окружения в течение длительного времени. Командование двумя полками в этих тяжелейших условиях принял на себя командир 37-го кавполка полковник Головской. Он решил отвести полки на север через непроходимые болота. Обозы и артиллерию оставили в непроходимом лесу. С собой взяли только то, что можно было взять выюком. Двое суток шли полки 30 км по болотам. 28 июля они вышли в район Кощенки —

Земцы. Расположились на берегу озера Ильмень и привели себя в порядок.

Неудача первого серьезного боя не сломила казаков. Эта неудачная первая попытка прорваться в тыл стала первой ласточкой применения конницы в годы Великой Отечественной войны в тылу врага. Первая попытка боя показала, что немец боится леса. Если нет поддержки броней, то немцы не лезут. По этой причине немцы быстро прекратили преследование и удалось вернуть пушки и обоз, оставленные при отходе в лесу¹⁷.

12 августа 1941 г. в расположение дивизий прибыл полковник Л. М. Доватор. Он прибыл со своим штабом для организации казачьей группы из личного состава двух казачьих дивизий. По рассказам сослуживцев, его всегда можно было найти там, где в бою было по-настоящему жарко. Командуя казачьей группой, Л. М. Доватор вписал в историю конницы яркие страницы, еще раз подтвердив, что жестоко ошибались те, кто смотрел на возможность использовать кавалерию в той войне с высоты танковой брони.

14 августа 1941 г. казачья кавгруппа закончила свое формирование. Группа получила боевую задачу: прорвать оборону противника в районе Подвязье — Устье и провести рейд по нарушению коммуникаций противника. 47-й кавалерийский полк отвлекал внимание противника. «Отвлекал», надо сказать, очень эффективно. На участке прорыва был полностью уничтожен 3-й батальон 430-го пехотного полка немцев. Его командир полковник Шульдц тоже не ушел от пули казака. До восьми раз немцы бросались в контратаки на Устье, Шихово, Подвязье, пытались залатать брешь в обороне, но безуспешно. Только после того, как отправили в тыл раненых, Доватор приказал эскадронам оставить обороняемые фланги.

Пройдя в прорыв сквозь оборонительные порядки противника в 2 часа ночи 22 августа 1941 г., группа углубилась на 100 км на территорию, занятую противником.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 3534. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–16.

В ходе рейда казаки учинили настоящий разгром в его тылу. У немцев возникла паника. Срочно были созданы сильные карательные отряды численностью в 5–6 тыс. человек.

Из огневых средств в конной группе казаков имелось около 30 станковых пулеметов и около десятка орудий. Минометов не было, тыловых частей тоже. У кавалеристов из личного оружия — шашки и винтовки. Кроме того, в каждом полку было в среднем 12–14 пулеметов. Марш проходил по лесисто-болотистой местности. Колесный транспорт и матчасть часто застревали. При уходе от преследования превосходящих сил противника иногда приходилось оставлять и прятать гужевой транспорт и оружие в лесу, чтобы ночью забрать их и доставить на новое место базирования.

Вскоре немецкое командование оценивало голову Л. М. Доватора в 100 тыс. рублей. Снова, как в годы Отечественной войны 1812 г. и в годы Первой мировой войны, на российских дорогах враги в панике кричали: «Казаки!» Среди фашистов появились слухи о том, что в тыл прорвалось около 100 тыс. казаков. Немецкому командованию пришлось издать приказ, извещающий и «успокаивающий» немецкие войска, что в их тылу действует не 100 тыс. казаков, а «всего» 18 тысяч. На самом деле в том рейде участвовало около 3 тыс. казаков¹⁸.

За время рейда, с 24 августа по 2 сентября 1941 г., казаки уничтожили до 3 тыс. солдат и 19 офицеров, 150 разных машин, 4 бронемшины, 3 танка, 14 орудия, до 100 минометов, 30 станковых пулеметов, захватили 65 ручных пулеметов, 67 лошадей, около 2000 винтовок и автоматов. Кроме того, взорвали 5 армейских складов с боеприпасами, 2 цистерны с горючим, несколько продовольственных складов и складов с обмундированием, разгромили несколько штабов: топографический отдел штаба 6-й армии, два штаба полка, несколько батальонных штабов.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 3534. Оп. 1. Д. 2. Л. 17, 21.

Во время рейда казаками из окружения были выведены около 400 бойцов и командиров Красной армии, из которых 216 человек были освобождены из плена¹⁹.

Враг приближался к Москве. В связи с серьезными потерями в составе механизированных соединений РККА и недостатком высококомобильных и подвижных соединений в 1941 г. между командующими фронтами шла борьба за право обладать кавалерийскими частями и соединениями. Шла борьба даже за те соединения, которые в результате боев с противником понесли тяжелые потери. Ставка ВГК вынуждена была использовать силовые приемы при решении вопроса переброски кавалерийских соединений на нужный участок фронта.

Подтверждением этому тезису служит запись переговоров заместителя начальника Генерального штаба генерала А. М. Василевского с начальником штаба Юго-Западного фронта генералом П. И. Бодиныным в ночь с 27 на 28 октября 1941 г. Генерал Василевский передал просьбу Ставки ВГК об оказании помощи в обороне Москвы передачей имеющейся в распоряжении фронта конницы. Бодин попытался уклониться от выполнения распоряжения, говоря о том, что 2-й кавкорпус, находящийся в распоряжении Юго-Западного фронта, в течение 17 дней вел непрерывные бои и нуждался в пополнении боевого состава. Генерал доложил, что главноком Юго-Западного направления Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко не считает возможным передать этот корпус в распоряжение Ставки. И. В. Сталин сначала корректно через А. М. Василевского потребовал от руководителей фронта согласиться с предложением Ставки ВГК, а затем просто приказал проинформировать их о том, что составы для переброски 2-го кавкорпуса будут поданы, и напомнил о необходимости дать команду о погрузке кавкорпуса²⁰.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 3467. Оп. 1. Д. 45. Л. 2; Ф. 3534. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

²⁰ Правда. 1987. 14 янв.

Несколькими днями позже, 8 ноября 1941 г., командующий 43-й армией генерал-майор К. Д. Голубев в донесении Верховному главнокомандующему И. В. Сталину в числе других просьб указывал, что «нужна конница, хотя бы один полк. Своими силами сформировали только эскадрон»²¹.

Таким образом, Ставка ВГК даже на московском направлении активно использовала кавалерию, которая в условиях бездорожья, распутицы и большого снега являлась эффективным мобильным боевым средством РККА.

15–16 ноября 1941 г. началось второе генеральное наступление на Москву. Кубанские казаки отличились непосредственно и в битве за Москву. О подвиге 28 героев дивизии генерала И. В. Панфилова, погибших в неравном бою на железнодорожном разъезде Пятихатки под деревней Дубосеково Волоколамского района Московской области, много раз писали раньше, вспоминают и в настоящее время. Однако редко в печати можно встретить описание подвига казаков — кубанцев 4-го эскадрона 37-го кавалерийского полка 50-й кавдивизии кавгруппы генерал-майора Л. М. Доватора.

Архивные документы свидетельствуют, что с 9 по 19 ноября 1941 г. 50-я кавдивизия держала активную оборону на рубеже, перекрывая дороги от г. Руза к Волоколамскому шоссе. Справа занимали позиции воины 216-й отдельной стрелковой дивизии генерала Панфилова, а слева — казаки 50-й Кубано-Терской кавалерийской дивизии.

15 ноября на позиции казаков обрушился удар 6-й моторизованной дивизии немцев. Главный удар пришелся на участок обороны 43-го кавполка 50-й кавдивизии в районе деревни Морозово. Противник силами двух моторизованных полков, усиленных танками до 100 единиц, начал атаку из Рузы на Морозово. Генерал Доватор вынужден был с разрешения командующего армией генерала Рокоссовского задержать танки бригады Катукова для

усиления линии обороны кавсоединений. Это позволило парировать серию немецких ударов на деревню Язвище. Обстановка была тяжелая. В район командного пункта командира дивизии полковника И. А. Плиева прорвалось несколько вражеских танков с автоматчиками на броне. Пришлось братья за оружие всем.

На 37-й кавполк подполковника Ласовского в наступление пошло «все» до двух батальонов мотопехоты. Поэтому один эскадрон командир полка отправил на усиление в 43-й кавполк, сам же тремя оставшимися эскадронами занял круговую оборону и в течение 14 часов удерживал деревню Сычи.

Согласно приказу командира кавгруппы генерала Доватора полки 53-й дивизии отошли на новые, более выгодные позиции, оголив правый фланг 50-й дивизии. Приказ об отходе был получен кубанцами с опозданием. Чтобы не оказаться в окружении, Плиев предпринял смелый маневр. В течение ночи полки бесшумно покинули свои позиции и совершили марш-бросок в район Покровское — Гряды и далее на Федюково. Последним отходил полк подполковника Ласовского.

Тот бой начался 19 ноября 1941 г. за деревню Федюково. Вместе с командиром эскадрона насчитывал 37 человек из 108 по спискам на сентябрь 1941 г. Уйти арьергарду незамеченным не удалось. Во время одной из атак немцев погиб командир младший лейтенант Матюхин. Командование эскадрона принял политрук Ильенко. Эскадрон оставил деревню Иванцово ночью, когда противник изготовился для новой атаки. Лошадей не было. Глубокий снег не позволял конникам воевать верхом, поэтому казаки отпустили своих лошадей. Снаряжение и пулеметы бойцы тащили на себе. На пересечении дорог у деревни Федюково стоял хорошо замаскированный в сугробе наш тяжелый танк КВ с разорванной правой гусеницей. Двигатель танка тихо работал на малых оборотах. Кубанский казак Довбня попросил у танкиста, сидящего на броне, табаку. Желая поблагодарить танкиста за табачок, казак

²¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 221.

познакомился с ним, считая его рядовым членом танкового экипажа. Им оказался командир танка капитан Басов. Капитан позволил Довбне взять махорки не только для себя, но и для товарищей.

19 ноября до батальона пехоты противника, атаку которого поддержали тридцать один танк, артиллерия и минометы, занял деревню Шелудьково, а деревню Язвище — около 40 танков и до 50 автомашин с пехотой. В 18 часов противник, поддерживаемый танками, занял высоту 236,1 и окраину деревни Федюково, но контратакой казаков 37-го кавалерийского полка положение было восстановлено. Трофеи: 2 ручных пулемета, 1 миномет. Потери противника: 28 танков и до роты пехоты. Наши потери (по неполным данным): убитыми — 36 человек, ранеными — 44 человека. Все бойцы 4-го эскадрона погибли.

Короткие строки боевого донесения не раскрывают величие подвига кубанских казаков в том бою. Это сделали очевидцы эпизодов последнего боя 4-го эскадрона 37-го кавполка жители деревень Федюково и Шелудьково: Нина Грязнова, Пётр Синицын и Василий Смирнов. Они погребли останки погибших героев на берегу реки Гряды и после изгнания гитлеровцев из Подмосковья рассказали о подвиге казаков бывшему командиру 50-й кавдивизии генерал-майору Иссе Александровичу Плиеву.

По словам очевидцев, бой противник начал затемно, атаковав южную окраину Федюково. На рассвете 19 ноября со стороны деревни Язвище по скованному льдом руслу реки Гряды на прорыв к Волоколамскому шоссе устремились 10 немецких танков. Под прикрытием танков бежали группы автоматчиков общим числом около роты. Путь им преградил не замеченный противником танк КВ капитана Басова. Во время первой атаки гитлеровцы потеряли два танка. Но затем весь огонь артиллерии и танков противника был сосредоточен на танке Басова. Его удалось поджечь. Сбивая пламя, экипаж танка продолжал вести огонь по врагу. Вскоре четверо из экипажа танка погибли. В живых остался контуженый сер-

жант Павленко, казак из кубанской станицы Прочноокопской. Ему удалось погасить пламя и продолжить вести огонь до последнего снаряда. Танкист закрыл люк и приготовил последнюю гранату для того, чтобы не достаться фашистам живым. Гитлеровцы, поняв, что боезапас в танке иссяк, окружили его и стали предлагать казаку сдаться, обливая при этом танк бензином, собираясь его поджечь. Выручили подоспевшие казаки 4-го эскадрона. Огнем из пулемета они заставили гитлеровцев ретироваться.

Противнику удалось отрезать 4-й эскадрон, прикрывавший левый незащищенный фланг 37-го Армавирского кавполка. На рассвете по скованной льдом речке Гряде на позиции красноармейцев пошло 10 танков. У казаков на весь участок обороны эскадрона была пара ручных пулеметов, винтовки, кинжалы и шашки. Казаки использовали бутылки с горючей смесью. Во время первой атаки они подожгли несколько танков, забросав их бутылками с горючей смесью и гранатами. За снежными насыпями бойцы маскировались. Пехоту отсекали из пулеметов и винтовок. Уцелевшие танки отошли.

Перестроившись, гитлеровцы снова бросились в атаку. Преимущество в неожиданности у кубанцев больше не было. Гранат осталось мало. Чтобы метнуть гранату или бутылку, надо было приблизиться к танку хотя бы на 30 метров. В глубоком снегу в черных кубанках и серых полушубках сделать это незаметно было очень сложно.

Очевидцы рассказывали, что кубанцы маскировались, засыпая себя снегом, и, пропустив танк, бросались на него. Те, кого немцы успевали заблаговременно заметить, кто промахнулся или не успевал добежать до танка, часто превращались в живые факелы. Казаков оставалось все меньше и меньше. После нескольких гитлеровских атак почти все оставшиеся в живых казаки были ранены, но ни один из них не ушел с занимаемых позиций.

Гитлеровцы предприняли обходной маневр. 15 танков с десантом на броне от села Городища по лесистым ложбинам обошли позиции эскадрона. Затем ударили в тыл

казакам и захватили мост через реку Гряды. Несколько оставшихся в живых кубанцев залегли в ближайшей ложбине. Те, кто мог еще двигаться, бросались на атакующие танки с гранатами и бутылками с горючей смесью. Казаки сражались до последнего.

Командовавший кавгруппой генерал-майор Л. М. Доватор несколько раз посылал верховых с приказом об отходе, однако ни один из них не вернулся. Последним в расположение эскадрона был послан сын полка Александр Копылов. Чудом удалось пробраться к месту боя. Под сильно обстреливаемой со всех сторон дорогой он прополз по узкой водосточной трубе. Но в живых из состава эскадрона никого не осталось. На месте боя Копылов насчитал больше двух десятков подбитых танков²².

На берегах реки Гряды жителями деревень Федюково и Шелудьково в братской могиле было погребено 37 кубанских казаков. А на немецком кладбище добавилось 286 березовых крестов. Таков итог жестокой схватки кубанцев с фашистами на небольшом участке фронта под Москвой.

В сильно поредевшем составе казаки продолжали вести боевые действия. С 20 по 26 ноября 1941 г. кавгруппа в составе 50-й и 53-й кавдивизий вновь совершила рейд по тылам 9-й немецкой армии, пройдя с боями около 300 км. В течение недели группа уничтожила свыше 2500 вражеских солдат и офицеров, подбила 9 танков и более 20 автомашин, разгромила десятки военных гарнизонов²³.

Героические действия кавдивизий, сформированных на Кубани и Старополье, не остались без внимания высшего командования. Приказом наркома обороны СССР № 342 от 26 ноября 1941 г. за проявленное мужество и боевые заслуги 50-я и 53-я кавалерийские дивизии генерал-майора И. А. Плиева и комбрига К. С. Мельника в числе

²² ЦАМО РФ. Ф. 3534. Оп. 1. Д. 2. Л. 36–46.

²³ Советская кавалерия: военно-исторический очерк / А. Я. Сошников и др. М.: Воениздат, 1984. С. 176, 177.

первых были преобразованы в 3-ю и 4-ю гвардейские кавалерийские дивизии соответственно²⁴. Этим же приказом 3-й кавалерийский корпус генерал-майора Доватора в составе 3-й и 4-й гвардейских и 20-й кавдивизий был преобразован во 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

Контрнаступление войск Западного фронта под Москвой было осуществлено в период 6–25 декабря 1941 г. 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Л. М. Доватора, в котором воевали казаки Кубани и Ставрополя, вел бои в составе 5-й армии Л. А. Говорова на Солнечногорском и Истринском направлениях. Казаки-гвардейцы в течение недели вели наступательные бои, освобождая деревни и села Подмосковья. В ходе боев 8 декабря 1941 г. корпусу было вручено гвардейское Знамя. 16 декабря 1941 г. гвардейцы атаковали 78-ю пехотную дивизию на дороге Заголье — Денисиха, которая была забита танками и техникой на протяжении 8 км. Вражеская дивизия была разгромлена. В том бою доваторцы уничтожили около 1500 солдат и офицеров противника, захватив 33 танка, 91 орудие, 44 миномета, 57 станковых пулеметов, 346 грузовых и легковых автомобилей. За 5 дней боев, преследуя врага, 3-я гвардейская кавдивизия освободила 17 населенных пунктов.

19 декабря корпусу была поставлена задача перекрыть противнику путь отхода по Можайскому шоссе. Задача была выполнена, но во время одной из атак, находясь в первых рядах атакующих бойцов под шквальным огнем противника, героически погиб командир корпуса генерал-майор Лев Михайлович Доватор. 21 декабря 1941 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В командование корпусом вступил генерал-майор И. А. Плиев²⁵.

²⁴ ЦАМО РФ. Справочник по боевому использованию кавалерийских дивизий. М.: 1954. Кн. 2 (кд. 36–70). Л. 92, 111; Ф. 208. Оп. 2511. Д. 218. Л. 182.

²⁵ Каменский Ю. И. Жизнь короткая, а слава долгая. М., 1983. С. 107–112.

Корпус вел бои до 15 февраля 1942 г. Семь месяцев боев без пополнения рядов давали о себе знать. Необходимо было пополнить боевой состав корпуса для решения оперативных задач. Личный состав был выведен в резерв для пополнения и отдыха в районе населенного пункта Язвище Волоколамского района²⁶.

А на территории СКВО с 28 октября 1941 г. началось формирование кавалерийских корпусов с целью повышения боевых возможностей кавдивизий легкого типа²⁷. К 15 ноября 1941 г. был сформирован Отдельный кавалерийский корпус 18-й армии Южного фронта, командиром которого был назначен генерал-майор И. И. Хорун, начальником штаба — полковник П. К. Богданович²⁸. Этот корпус принимал участие в Ростовской наступательной операции 1941 г., освобождении Ростова-на-Дону 29 ноября 1941 г., а также преследовании противника до реки Миус.

По приказу Ставки ВГК от 14 декабря 1941 г. Отдельный кавкорпус был переименован в 1-й казачий²⁹. В командование корпусом вступил генерал-майор Ф. А. Пархоменко. С 20 января 1942 г. 1-й казачий корпус вошел в состав 57-й армии Южного фронта. Укомплектованность была низкой. На 19 декабря 1941 г. корпус имел в своем составе 35-ю и 68-ю кавдивизии донских и 56-ю кавдивизию терских (ставропольских) казаков³⁰. По укомплектованности личным составом и вооружением в лучшую сторону отличалась 68-я казачья дивизия. Но и она была далека от штатного состава. Количественный состав 1-го казачьего кавкорпуса конца 1941 г. составлял около 2/3 от поло-

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 3534. Оп. 1. Д. 2. Л. 48–50.

²⁷ Кавалерийский (конный) корпус, соединение стратегической кавалерии, предназначенное для развития успеха в наступательных операциях. См.: Военный энциклопедический словарь. М. 2002. С. 653.

²⁸ ЦАМО РФ. Кавалерийские корпуса в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1954. С. 6.

²⁹ ЦАМО РФ. Сведения на кавалерийские корпуса с № 1 по № 19. М. 1954. С. 3.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 1 кк. Оп. 1. Д. 38. Л. 44.

женного по штату (точнее 65,4%). 31 января 1942 г. после проведения Барвенково-Лозовской операции в составе 1-го казачьего кавкорпуса насчитывалось всего 3753 человека (38,8% от штатной численности). В некоторых полках оставалось по 50–60 человек, а в эскадронах — по 15–25 человек. Поэтому 2 февраля 1942 г. корпус был выведен в резерв фронта для пополнения. Но обострившаяся обстановка на фронте заставила поменять планы командования, и через три дня корпус получил приказ на проведение наступательных действий в направлении южнее Барвенково³¹. В результате тяжелых потерь он был выведен в резерв, а в начале марта 1942 г. поступил приказ НКО СССР о расформировании кавдивизий корпуса в связи с невозможностью пополнить их до штатной численности. С 6 по 9 марта 1942 г. корпус был расформирован.

2-й казачий кавкорпус был сформирован 14 декабря 1941 г. в составе 62-й и 64-й кубанских дивизий и 70-й кавдивизии терских казаков. Кроме того, в его состав вошли 3-й Отдельный дивизион связи и 10-й Отдельный конноартиллерийский дивизион. Под командованием генерал-майора М. А. Усенко личный состав корпуса вел наступательные, а с 5 марта — оборонительные бои в составе 57-й армии. С 10 марта по 15 июня 1942 г. вместо 64-й Кубанской дивизии в состав 2-го казачьего корпуса вошла 38-я Донская казачья кавдивизия полковника С. С. Селихова.

В конце мая 1942 г. 2-й казачий кавкорпус в составе армейской оперативной группы генерала Л. В. Бобкина в Харьковском сражении попал в окружение, из которого удалось вырваться только 22 тыс. человек. После выхода из окружения, в июне 1942 г., в связи с большими потерями в соединениях корпуса он был расформирован³².

Таким образом, из 14 кавалерийских дивизий легкого типа, сформированных в июле — августе 1941 г.

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 1 кк. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 7.

³² Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 769.

на Северном Кавказе, 12 кавдивизий прекратили свое существование до июня 1942 г. ввиду тяжелых боевых потерь³³.

Следовательно, в течение первого года Великой Отечественной войны убыль казачьих кавалерийских соединений составила около 86%. Причин больших потерь множество. Главная заключалась в слабой технической оснащенности соединений и отсутствии боевого опыта у большинства командиров различного ранга. В этот период войны кавалерийские соединения чаще всего использовали армейским командованием в качестве пехоты на лошадях. Кавалерия применялась недостаточно эффективно, не имея прикрытия с воздуха от ударов авиации противника. Не было в достаточном количестве противотанковых средств.

Несмотря на недостаточную техническую оснащенность и боевую мощь этих стратегических соединений, многие кавкорпуса показали достаточно высокую эффективность в ходе боев с захватчиками в 1942 г. Поэтому И. В. Сталиным была дана команда начальнику ГШ РККА просчитать вопрос о преобразовании 4-го гвардейского казачьего кавкорпуса (бывшего 17-го) в Конную армию. Генштаб просчитал различные варианты и дал отрицательное заключение по вопросу создания Конной армии. Из воспоминаний С. М. Штеменко следует, что было принято решение Конную армию не создавать, а сформировать два кавалерийских корпуса³⁴.

Однако исследование показало, что вопрос о Конной армии не только не был закрыт, но и получил дальнейшее развитие. И. В. Сталин нередко принимал неординарные решения, которые не соответствовали расчетам и предложениям руководящих органов Красной армии. В ходе планирования наступательной операции Северной группы войск Закавказского фронта

³³ ЦАМО РФ. Справочник по боевому использованию... М. 1954. Кн. 1–3.

³⁴ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1985. С. 116, 117.

(СГВ ЗКФ) в конце октября Ставка посчитала целесообразным начать формирование Конармии. Но в связи с тем, что 4-й гвардейский казачий кавкорпус, управление которого должно было быть развернуто в конармейское управление, был занят в рейде по тылам противника, оно было отложено до окончания операции. После отражения немецкого наступления на Орджоникидзе директивой Ставки ВГК № 170687 от 12 ноября 1942 г. план формирования Конной армии был утвержден. Конармия должна была получить даже большее усиление механизированными войсками, чем планировалось. Но 19 ноября началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. Возникла настоятельная необходимость ускорить подготовку к наступлению Северной группы войск в связи с опасностью переброски противником моторизованных соединений с Грозненско-Бакинском направления на Сталинградское. Опасения командования не были напрасными. 23 ноября, остановив наступление частей 9-й армии на Ардонском направлении и пользуясь слабой активностью СГВ ЗКФ, немцы приступили к переброске 23-й танковой армии под Сталинград³⁵.

В связи с существенными трудностями в подготовке к наступлению общевойсковых армий и событиями под Сталинградом 19 ноября Ставкой был утвержден другой вариант контрнаступления Северной группы войск. Было решено Конную армию не создавать, а сформировать из наличных кавдивизий два гвардейских кавалерийских корпуса.

Всего за годы Великой Отечественной войны было сформировано 19 кавкорпусов. Но активное участие в боевых действиях принял личный состав только 16-ти. 1-я, 23-я кавалерийские и 39-я отдельная горно-кавалерийская дивизии, сформированные в июле 1941 г. и сведенные 4 января 1942 г. в 15-й кавалерийский корпус, находились до 4 апреля 1946 г. на территории Ирана в составе

³⁵ Битва за Кавказ. М., 1954. С. 205.

оккупационных войск. За годы войны Красная армия потеряла разгромленными 45 кавалерийских дивизий³⁶.

Таким образом, в условиях современной войны кавалерия в ходе боевых действий в 1941 г. обеспечивала, в некоторой степени, восполнение потери маневренной составляющей РККА. Участие в боях кавалерийских формирований представляет собой одно из важнейших звеньев цепи событий истории России. Итоги Великой Отечественной войны говорят о серьезном влиянии кавалерии РККА на ход и исход различных боев и сражений. Кавдивизии легкого типа, сформированные в короткие сроки, на некоторое время закрывали (с огромными потерями и ненадолго) брешь, возникавшую в результате ударов моторизованных соединений противника. Это стало возможным благодаря резерву кавалеристов, созданному в ходе военной реформы 30-х годов XX в. в казачьих регионах СССР.

*Александр Валерьевич
Ануфриев*

Директор ЦСИКН ИГУ,
секретарь ИРО РВИО (Иркутск)

*Сергей Владимирович
Трофименко*

Заведующий филиалом «Солдаты Отечества»
МБУК МИГИ (Иркутск)

«Вернуть из небытия»: 46-я стрелковая дивизия в Смоленском сражении 1941 г.

Двести тысяч своих сыновей и дочерей отправила иркутская земля на защиту Отечества... Почти половина из них не вернулась с войны. Не было ни одной части и соединения РККА и ВМФ, где бы ни служили наши земляки. Десятки частей и соединений мы считаем «своими, иркутскими».

Это 55-я гвардейская мотострелковая Иркутско-Пинская ордена Ленина трижды Краснознаменная орден Суворова дивизия имени Верховного Совета РСФСР, 10-я стрелковая ордена Красного Знамени стрелковая дивизия, 46-я стрелковая дивизия, 65-я стрелковая (102-я гвардейская Новгородская Краснознаменная

³⁶ Россия и СССР в войнах XX века: Статистич. исслед. М., 2001. С. 421.

ордена Суворова дивизия или 102-я Краснознаменная Новгородско-Померанская гвардейская стрелковая дивизия), 82-я мотострелковая (6-я гвардейская мотострелковая Львовская ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова дивизия), 93-я стрелковая (26-я гвардейская мотострелковая Восточно-Сибирская Городокская Краснознаменная ордена Суворова дивизия), 106-я стрелковая (106-я стрелковая Забайкальско-Днепровская Краснознаменная ордена Суворова дивизия), 114-я стрелковая (114-я стрелковая Свирская Краснознаменная дивизия), 116-я стрелковая (116-я Краснознаменная Харьковская ордена Кутузова стрелковая дивизия), 321-я стрелковая (82-я гвардейская стрелковая дивизия), 272 стрелковый полк НКВД и множество других. В 2013 г. музеем города Иркутска и иркутскими военными историками был задуман проект «Вернуть из небытия», который предусматривает работу поисковых отрядов из Иркутска на месте боев иркутских частей и соединений под Смоленском, Волгоградом и на р. Свирь и увековечение их памяти.

Первой из всех иркутских соединений на фронте Великой Отечественной войны оказалась 46-я стрелковая дивизия. 46-я стрелковая дивизия (1-го формирования) появилась на свет на исходе Гражданской войны в 1921 году на Украине, в 1923 г. она стала территориальной дивизией 14-го стрелкового корпуса Киевского военного округа и состояла из трех стрелковых полков: 136-го Приднепровского, 137-го Киевского и 138-го Переяславского. В 1931 г. дивизия переведена на «кадровый» принцип организации и комплектования.

В связи с резким ухудшением положения на Дальнем Востоке страны дивизия в спешном порядке была перебросена на восток и вошла в состав Забайкальского военного округа. Местом дислокации дивизии стал город Иркутск, где она сменила 114-ю стрелковую дивизию.

В 1939 году на станции Мальта приказом командующего войсками Забайкальского военного округа от 04.07.1939 г. из приписного состава сформирована и на-

правлена в резерв 1-й армейской группы 114-я стрелковая дивизия (в состав действующей армии она формально входила 24.07–16.09.1939 г., однако непосредственно в боевых действиях не участвовала). После завершения конфликта дивизия продолжила дислоцироваться на территории Забайкальского ВО¹. В архивных документах указывается иная дата формирования: «По приказу Забайкальского Военного Округа № от 18 июня 1939 года сформирована 114-я стрелковая дивизия. Порядковый номер дивизии присвоен приказом НКО от 13.10.39 года»². С июля по октябрь дивизия находилась на территории МНР, а затем была выведена на территорию Бурятии³. Дивизия формировалась не в «чистом поле»: она занимала военный городок, созданный 35-й стрелковой дивизией. По воспоминаниям члена клуба «Встреча» Галины Михайловны Костромитиновой, ее отец до ареста призывался на военные сборы в Мальту. А в это время в Иркутске и, очевидно, в Мальте размещалась 35-я стрелковая дивизия.

Таким образом, 46-я стрелковая дивизия унаследовала военные городки от 114-й дивизии, а та, в свою очередь, от 35-й.

В апреле 1940 г., после завершения событий на Халхин-Голе, дивизия была переведена на штат мирного времени (6 тыс. состава).

Войну 46-я дивизия под командованием генерал-майора Филатова Александра Алексеевича встретила в составе 32-го стрелкового корпуса 16-й армии Забайкальского военного округа. В конце июня 1941 г. по приказу командования дивизия была отправлена на фронт.

¹ 114-я стрелковая дивизия // Wikipedia. URL: //https:// ru.wikipedia.org/wiki/114_гвардейская_стрелковая_дивизия (дата обращения: 11.05.2021 г.).

² Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО РФ). Ф. 1314. ОП. 1. Д. 1. Л. 2.

³ ЦАМО РФ. Ф. 1314. ОП. 1. Д. 1. Л. 3.

Путь на фронт

По воспоминаниям члена военного совета 16-й армии дивизионного комиссара А. А. Лобачёва: «С первого дня войны Киевский военный округ был преобразован в Юго-Западный фронт во главе с командующим генералом М. П. Кирпоносом и членом военного совета Н. С. Хрущевым. Мы сразу установили связь со штабом фронта. 24 июня сообщили, что части 16-й армии продолжают сосредотачиваться вокруг Старо-Константинова.

Не утешительно, но факт оставался фактом: 16-я армия как целостный войсковой организм пока не существовала, она еще на колесах где-то между Сибирью и Украиной. Пока мы располагали едва одной третью своих сил: подошли части 5-го танкового корпуса и танковая бригада полковника Мишулина. Эшелон М. А. Шалина — штаб армии и политотдел — отправился из Забайкалья последним, и от него не поступало никаких вестей»⁴.

В таком составе «группа Лукина» действовала на Украине. После чего, в соответствии с решением о переброске 16-й армии под Смоленск, убыла к новому месту назначения. «Поздно вечером, на станции Починок, в 65 километрах южнее Смоленска, начали разгрузку. Налетели фашистские самолеты, сбросили несколько десятков бомб. Маскировка оказалась надежной, бойцы не разжигали огня. И дело обошлось без жертв. Разгружались всю ночь, а ранним утром я выехал в Смоленск, чтобы уточнить обстановку.

— Штаб шестнадцатой прибыл в конце июня, находится близ Орши.

— Полковник Шалин здесь?

— Здесь, — услышал я позади знакомый голос и, обернувшись, увидел Шалина и Сорокина.

Месяц мы не виделись после того, как расстались в Чите.

⁴ Лобачёв А. А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 129

Оказывается, наш штабной эшелон из Новосибирска повернули на Семипалатинск, потом он побывал в Алма-Ате, Фрунзе, Джамбуле...

Шли без задержки, и 26 июня уже разгружались под Оршей. Появление в прифронтовой полосе нашей армии, равно как и других армий резерва, конечно, замечено противником. Войска разбросаны. Командование, Военный совет, штабы фактически не руководили передвижением, поэтому элементы скрытности не соблюдены.

Через день, 5 июля, с Украины приехал командарм. К этому времени я уже вошел в курс событий и сориентировал в обстановке Лукина. 16-ю армию предстояло вводить в действие в очень сложных и невыгодных условиях. Противник развивал стремительное наступление на главном стратегическом направлении — Минск — Смоленск — Москва»⁵.

Возможно, в воспоминаниях члена военного совета содержатся неточности. Во-первых, военнослужащие 176-го и 314-го стрелковых полков 46-й стрелковой дивизии 28 и 29 июня еще находились на сборах в лагере Рада, что следует из материалов следственного дела⁶. Во-вторых, по воспоминаниям самого Михаила Фёдоровича Лукина: «В Смоленск я прибыл с группой штабных командиров в ночь на 8 июля 1941 года на автомашинах». На следующий день, т. е. 8 июля: «Утром полковник П. Ф. Малышев, проверив наши документы, сообщил, что штаб 16-й армии уже прибыл и находится в лесу у совхоза „Жуково“. Мы немедленно отправились туда»⁷. Девятым июля датирован наиболее ранний документ в Центральном архиве Министерства обороны РФ о развертывании 16-й армии в составе Западного фронта:

«Начальнику штаба Западного фронта. Штаб 16 армии Ю. опушка леса свх. Жуково 9.7.41 10–15. Карта

⁵ Лобачёв А. А. Указ. соч. С. 144–147.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–14.

⁷ Лукин М. Ф. Указ. соч. С. 43.

500 000. Доношу, директивой Народного Комиссара Обороны № 504206 от 12.6.41 г. Боевой состав 16 армии включены: Управление армии с частями обслуживания, 5 мк (13,17,109 мд), 32 ск (46, 152 сд, 126 кап), 57 тд. распоряжением нач. Генштаба убывает состав 19 армии, 5 мк распоряжением комфронта действует в составе 20 армии. Управление армии с частями обслуживания, 32 ск, а также 5 мк находятся в штатах мирного времени. Начштаб 16 полковник Шалин»⁸.

К этому документу еще вернемся, пока лишь отметив, что фактически армия, сократившись из-за передачи своих частей более чем на половину, скорее являлась стрелковым корпусом из двух стрелковых дивизий и корпусно-го артполка.

Следующее донесение фиксирует прибытие частей 46-й стрелковой дивизии: «Командующему Западным фронтом. Донесение № 7. Штарм 16 армии Ю. опушка леса свх. Жуково 10.7.41. Карта 500 000. Доношу, что по состоянию на 8–00 10.07.41 изменений в сосредоточении частей армии не произошло: ... 46 СД 32 СК прибыл один эшелон артполка дивизии в составе 2 батарей. В течении 10.7 ожидается прибытие 15 эшелонов. По данным коменданта ст. СМОЛЕНСК пункты выгрузки намечены: ст. ЯРЦЕВО, ст. КАРДЫМОВО, ст. ПРИСЕЛЬСКАЯ. Подтверждение о прибытии эшелонов будет доложено в вечернем донесении 10.7. Лукин. Лобачев. Шалин»⁹.

В этот день состоялась встреча командования 16-й армии с командованием Западного фронта. Вот как это событие описывает командарм-16 Михаил Фёдорович Лукин: «10 июля главнокомандующий войсками Западного направления Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко вызвал меня, члена военного совета А. А. Лобачева и начальника штаба М. А. Шалина в свой штаб. Он был удручен сложившейся на фронте обстановкой и сказал,

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 30.

⁹ Там же. Л. 47.

что против нашей армии будет действовать противник, во многом превосходящий по силам. У врага превосходство в танках и авиации, но, несмотря на это, нужно сделать все, чтобы не допустить выхода фашистов в тыл 19-й и 20-й армиям. Для этого нам надо перекрыть все дороги и не пропустить врага на магистраль Смоленск – Москва. Я рассказал маршалу о первом моем опыте войны под Шепетовкой, где удачно действовали подвижные отряды под руководством смелых, инициативных командиров.

– Вот это то, что нам сейчас необходимо, – сказал маршал, – но я не смогу вам дать машин, их нет, а отряды надо выслатить и перехватить все дороги, идущие на основную магистраль»¹⁰. Таким образом, именно 10 июля была одобрена идея формирования подвижных отрядов.

На следующий день, 11 июля, прибытие войск продолжалось:

«Командующему Западным фронтом. Донесение № 8. Штарм 16 армии Ю. опушка леса свх. Жуково 11.7.41. 9–15. Доношу, что к 8–00, 11.7 произошли следующие изменения в сосредоточении частей армии:

32 СК и 46 СД к 19–00 10.7 проследовали через Ярцево на ст. Смоленск 8 эшелонов. Из них 2 эшелона – корпусные части 32 СК (батарея 126 КАП, 171 ОБС) и 6 эшелонов 46 СД (два эшелона саперного батальона 46 СД, два эшелона 93 ЛАП, один эшелон батальона связи и один эшелон не установленной части 46 СД). К 6–00 11.7 выгрузились и направлены в район сосредоточения три эшелона. Остальные выгружаются и готовятся к выгрузке. Лукин. Лобачев. Шалин»¹¹.

Утром 12 июля части 16-й армии продолжали прибывать: «Главнокомандующему Западным фронтом. Донесение № 9. Штарм 16 армии Ю. опушка леса свх. Жуково 12.7.41. 10–15. Доношу, что к 8.00 12.7 части армии занимают следующее положение:

¹⁰ Лукин М. Ф. Указ. соч. С. 46.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 50.

5 мк действует в составе 20 армии.

152 сд продолжает оборонительные работы на своем боевом участке Загорье м. Возмище, Буда, Куприно, ст. Катынь и далее до сев. берега р. Днепр.

46 сд. Выгрузились и сосредоточиваются в своем районе: управление дивизии (сосредоточилось 11.7), саперный батальон, батальон связи, 1/176 сп, управление 93 ап, 1/93 ап (без одной батареи сосредоточился 8.7), 2/93 ап, полевой хлебозавод, развед. батальон (выгрузился и следует в район сосредоточения).

32 ск. Корпусные части выгрузились и находятся в районе сосредоточения: зенитный дивизион, батарея 126 кап, батальон связи корпуса. Подход и выгрузка эшелонов продолжают.

Командующий 16 армией генерал-лейтенант Лукин. Член Военного совета дивизионный комиссар Лобачев. Начальник штаба полковник Шалин»¹².

Командование Западного фронта и командование 16-й армии продолжают считать Смоленск, до захвата которого немцами остается три дня, глубоким тылом. К вечеру того же дня (12.07.1941) начинается перемещение подразделений 46-й дивизии на север и северо-восток от Смоленска: «Начальнику штаба Запфронта. Боевое донесение № 9. Штарм 16 армии Ю. опушка леса свх. Жуково 12.7.41 19.35. Для противодействия прорвавшимся танковым группам противника направлении Демидов, на рубеж Самурово, Сыро-Липки выдвигается стрелковый батальон, две батареи 46 сд и две батареи 126 кап. Дороги к Смоленску на рубеже (иск.) Алфимово, Буда, ст. Катынь прикрываются 152 сд.

Отдается приказание командиру 152 сд: на рубеж Горихова, Красно-Горки выделить отряд составе двух стрелковых рот с двумя батареями птд. Для постановки задачи командиру 152 сд выехал наштарм полковник Шалин, который на обратном пути заедет и доложит подробно нам

¹² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 51.

весь план обороны. Зам. начальника штаба армии полковник Рошин»¹³.

Из воспоминаний А. А. Лобачёва: «Общая картина на 13 июля представлялась в таком виде. Центр в полосе обороны 16-й армии занимала 152-я дивизия. На правом фланге несколько подразделений 46-й дивизии, направленных вперед, к Демидову. На левом фланге полковник Мишулин со своими мотострелками уже вел бой под Красным и держался с выдающейся стойкостью». В этот день немецкими войсками был оккупирован город Демидов. «Несколько подразделений 46-й дивизии, направленных вперед, к Демидову», перечислены в архивном документе: «Начальнику штаба Запфронта. Боевое донесение № 12. Штарм 16 армии Ю. опушка леса свх. Жуково 13.7.41 9.15. Доношу, выделенный из состава 46 сд отряд в составе стрелкового батальона, батареи ПТО 176 СП, двух батарей противотанкового дивизиона 46 СД, две саперные роты к 5.00 13.7 занимали следующее положение: дивизион 126 КАП занял ОП на рубеже: стык дорог 5 км. С-З Юшино, Сыро-Липки, перехватывая обе дороги, идущие к югу от Донец. Две батареи 93 ЛАП и две батареи ПТД занимали ОП на рубеже: перекресток дорог С-З Юшино, Сыро-Липки, имея в резерве командира отряда две противотанковые батареи в районе с-з Данилки. Стрелковый батальон головной колонны к 5.00 подходил к стыку дорог С-З Юшино с задачей занять для обороны рубеж: Воскресенское, Доманово, Ополе. Данных о противнике нет. ... Командиру 46 сд дано приказание вести разведку до рубежа Демидово. ... На 8.00 13.7. в 46 СД дополнительно прибыли 2 и 3 батальоны 176 СП, медсанбат. Подход и выгрузка эшелонов продолжают. Разгрузился эшелон управления 32 СК. Начальник штаба полковник Шалин»¹⁴.

¹³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 48.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 49.

Упомянутый Алексеем Андреевичем Лобачёвым полковник — Василий Александрович Мишулин, командир 57-й танковой дивизии, переданной из 16-й армии вначале в 19-ю, а затем в 20-ю армию. За бои под Смоленском Василий Александрович был удостоен звания Героя Советского Союза.

Дата 14 июля 1941 года особенно важна: в этот день подразделения дивизии вступили в бой. Вот как события этого дня описываются М. Лукиным: «14 июля я получил приказ маршала. Привожу его полностью: „В целях объединения управления и упорядочения обороны подступов к городу Смоленску приказываю:

1. Подчинить командующему 16-й армией генерал-лейтенанту тов. Лукину все части гарнизона города Смоленска, части, прибывающие по железной дороге в другие армии и разгружающиеся в районе г. Смоленска, а также части, занимающие сектора обороны, примыкающие непосредственно к городу Смоленску.
2. Командующему 16-й армией объединить управление указанными выше частями и прочно удерживать подступы к г. Смоленску.
3. Контратаками подвижных маневренных групп окружать, блокировать и уничтожать прорывающиеся части противника, широко используя для этой цели ночное время.

Командующий войсками Западного направления
Маршал Советского Союза Тимошенко

Член военного совета Булганин

Начальник штаба Маландин“.

Посланные мною командиры штаба на восток и юг от Смоленска вплоть до Рославля, где должны были разгружаться прибывающие на фронт части, доложили, что эти части встречались соответствующими представителями соединений, уже дерущихся на фронте. Таким образом, никаких новых сил я в свое распоряжение не получил. И в Смоленске никаких частей не было, кроме сформиро-

рованных из добровольцев трех батальонов, вооруженных только винтовками и пулеметами в незначительном количестве. В их числе был один батальон милиции. Во исполнение приказа маршала С. К. Тимошенко в армии было сформировано несколько подвижных отрядов. Первый из состава 46-й стрелковой дивизии включал в себя стрелковый батальон, батарею противотанковых орудий 176-го стрелкового полка, две батареи 93-го артиллерийского полка, дивизион 126-го корпусного артиллерийского полка, две батареи противотанкового дивизиона и две саперные роты. Этот отряд перекрыл дороги, идущие к югу от Донца, и перекресток дорог северо-западнее Юшино, Сыро-Липки, второй отряд — от 152-й стрелковой дивизии в составе двух стрелковых рот с противотанковой артиллерией занял рубеж Гороховка, Красногорка. В третий отряд входил мотострелковый полк 57-й танковой дивизии, который вел бои с противником, наступающим из Красного. Он был усилен батальоном 544-го стрелкового полка 152-й стрелковой дивизии. На рубеж река Свиная, Литовля был выслан первый батальон 480-го стрелкового полка.

По большаку Смоленск, Красный для прикрытия левого фланга армии со стороны Горки был выделен отряд под командованием подполковника П. И. Буняшина и комиссара отряда батальонного комиссара И. И. Панченко на машинах. Он состоял из стрелкового батальона 46-й стрелковой дивизии, двух саперных рот, дивизиона 76-мм пушек и дивизиона 152-мм гаубиц. С этими подразделениями выехал организации обороны начальник артиллерии армии генерал-майор Т. Л. Власов. Разведывательный батальон 46-й стрелковой дивизии с артиллерией и ротой танков вел разведку в направлении города Демидова»¹⁵.

«Боевое донесение штаба 16-й армии № 14 штабу Западного фронта о боевых действиях войск армии

¹⁵ Лукин М. Ф. Указ. соч. С. 46–47.

в районах Демидово, Красный (14 июля 1941 г.) Нач. штаба фронта БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 14. ШТАБ 16 АРМИИ ЮЖНАЯ ОПУШКА ЛЕСА СОВХОЗ ЖУКОВО 14.7.41 18.40

13.00 Демидово замечено 4 танка и 2 бронемашин. Попытка развед. батальона 46 сд проникнуть в Демидово была отражена артиллерийским и минометным огнем. С 14.00 2 стрелковый батальон 314 сп ведет бой за овладение Демидово.

15.00 до двух батальонов танков овладели Серпизна, возможно часть их прорвалась в Катюнь, Покровское. Рубеж Горохова, Красно-Горка удерживается нашими частями.

15.30–16.30 до мотополка, 40 танков и дивизиона минометов наступали на Красный. Мотополк 57 танковой дивизии отошел полтора километра севернее Красный. При попытке контратаковать немцев, последние выбросили красный флаг, чем ввели контратакующую роту в заблуждение.

Начальник штаба 16 армии полковник Шалин»¹⁶.

Член военного совета Лобачёв Алексей Андреевич вспоминал: «По данным Шалина, назревала опасность прорыва в обход Красного на Смоленск с юга. Поэтому первый маневренный отряд из 46-й дивизии и направили к Хохлово. Командиром назначили подполковника П. И. Буняшина, а заместителем по политической части — нашего милого, непоколебимого Панченко. В другие подвижные отряды также назначили опытных и инициативных офицеров.

К этому времени у нас находилась группа командиров, оказавшаяся не у дел. 15 июля в Смоленск прибыло управление 32-го корпуса. Затем получили приказ о расформировании штаба этого соединения. Буняшин, Буланов и другие командиры из 32-го возглавили наши подвижные отряды. Тогда же в 46-ю дивизию направили и комиссара 32-го корпуса С. Ф. Галаджева»¹⁷.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 62.

¹⁷ Лобачёв А. А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 152–153.

На разных участках — под деревней Хохлово (юго-западнее Смоленска, в направлении на Красный), и в направлении на город Демидов (северо-западнее Смоленска) действуют два сводных отряда. Под Хохлово — отряд подполковника П. И. Буняшина в составе второго и третьего батальонов 176-го стрелкового полка, дивизиона 393-го легкого артиллерийского полка, батареи (дивизиона?) 126-го гаубичного артиллерийского полка и, возможно, двух саперных рот 40-го отдельного саперного батальона. В направлении Демидова — отряд в составе 49-го разведывательного батальона, второго стрелкового батальона 314-го стрелкового полка, батареи противотанковых орудий 176-го стрелкового полка, двух батарей 93-го артиллерийского полка, дивизиона 126-го корпусного артиллерийского полка, двух батарей противотанкового дивизиона танковой роты и двух саперных рот 40-го отдельного саперного батальона.

Сводный отряд Буняшина, натолкнувшись на авангард немецкой 29-й моторизованной дивизии, был вынужден оставить Хохлово, но в ночь на 15 июля отбил деревню. Вот как об этом писал в феврале 1942 года майор Соколов, в июле 1941 года — начальник разведотдела 32-го стрелкового корпуса: «14.7.41 46 сд, действуя отдельными отрядами, вступила в бой с частями противника в районе Хохлово, Гороховка (15 км Ю-З Смоленск) остановив наступление передовых частей 29 мд.

В ночь на 15.7. командир отряда полковник Буняшин, разведав силы противника, установил, что в деревне Хохлово расположен мотополк, решил атакой выбить противника из деревни.

Бесшумная атака не удалась, наступление было обнаружено противником и встречено сильным огнем пулеметов и автоматов. Деревня была накрыта заранее подготовленным огнем артиллерии и минометов, в стане врага началась паника и бегство, отряд Буняшина ворвался в Хохлово и уничтожил оставшихся в нем немцев. В деревне осталось до 500 трупов немцев и много

трофеев. Не имея возможности вывезти трофеи, отряд уничтожил их.

Утром 15.7. 29 мд всеми силами навалилась на отряд Буняшина и вынудила его к отходу» («Краткое описание боевых действий армии в Смоленской оборонительной операции с приложениями»)¹⁸. А. А. Лобачёв так описал этот бой: «Ночью на всех участках шли жестокие бои. 152-я дивизия держалась стойко, но на левом фланге высовывалась угрожающая картина. На юго-западных подступах к Смоленску противник занял Хохлево. Отряд Буняшина получил задачу выбить из нее немцев. Действовать решили ночью. И вот почему. Бойцы переднего края успели, например, заметить, что между двенадцатью и часом дня немцы не ходили в атаку, артиллерия не стреляла, авиация не летала: фашистская армия обедала. Ночью фашисты любили спать, выставляя боевое охранение. Этим и воспользовался инициативный Буняшин. Отряд подошел к деревне и навязал противнику ночной бой. У немцев началась паника. Они побежали. Буняшин докладывал, что противник потерял убитыми до 500 солдат и офицеров.

15 июля 29-я мотодивизия врага навалилась на наш отряд прикрытия. Командарм с группой оперативных работников выехал в район действий. Отряд не дрогнул, медленно отходил с боями. С помощью подкрепления удалось в течение дня задержать на этом участке вражескую пехоту»¹⁹.

Сам командир отряда оценивал успехи скромнее:

«Командарму 16. юж. окраина Лубня 15.7. 7–00. Ночной атакой овладел Хохлово уничтожив до роты противника остальные три-четыре роты отошли с 6–00 п-к [противник] ввел новые силы до б-на [батальона] против левого фланга отряда и обтекает его. Наступление пр-ка [противника] поддерживается щтурмовыми действиями

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 26. Л. 2.

¹⁹ Лобачёв А. А. Указ. соч. С. 160.

*авиации и до дивизиона артиллерии. Боеприпасы на исходе. Для парирования удара слева не использовал свой резервный взвод. Нужны боеприпасы и свежие части удара по флангам. Хохлово удерживаю»*²⁰.

Если с боями под Хохлово многое понятно: это была пусть маленькая, но победа, то с боями под Демидовом все значительно сложнее.

По данным Андрея Валерьевича Корнеева, демидовского краеведа и руководителя поискового отряда, 49-й разведбатальон до Демидова не дошел и был рассеян артиллерийским и минометным огнем немцев. Смог ли пробиться к Демидову второй стрелковый батальон 314-го стрелкового полка и артиллерийские подразделения, неизвестно. В боевом донесении штаба 46-й дивизии № 14 от 16.07 содержится следующая информация о наступлении на Демидов:

«С утра 14.7.41 началось наступление на Демидов двумя отрядами. Первый отряд в составе двух батальонов 267 сп (162 сд), 1-я рота 176 сп, ПТД 129 сд, 6 и 7-я батареи 126 кап выступив в 9–00 к 13–00 достиг головой колонны Холм, гл. силами [пр]ошел Донец не имея перед собой противника. Второй отряд в составе одного батальона 585 сп (129 сд), 3-я рота 176 сп, 1-й и 3-й батареями 126 кап, взводом 93 ап начал наступление в 12–00. К 13 часам втянулся в Яшина также не имея перед собой противника. Начальник штаба 46 сд полковник Иванов»²¹. В документе опечатка: начальник штаба 46-й стрелковой дивизии — полковник Ованов Елизбар Леванович, его семья в годы войны проживала в Иркутске.

Вечером 15 июля части немецкой 29-й моторизованной дивизии, преодолев сопротивление отряда Буняшина и немногочисленного гарнизона Смоленска, заняли левобережную (центральную) часть города. Отрезанными от основных сил армии оказались большая часть 340-го сп

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 64.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 63.

и подразделения 176-го сп 46-й дивизии. В дальнейшем они сражались на Рославльском направлении. Под Демидовом 15 июля произошёл крупный бой. Вот как описывает его в своей книге «На земле демидовской», ссылаясь на М. Ф. Лукина, В. М. Гавриленков: «Отряд [в составе первого батальона 646 стрелкового полка, батареи полевых пушек, 1130 отдельного противотанкового дивизиона и роты танков Т-26, все из 152 стрелковой дивизии] к рассвету 14 июля достиг опушки леса в двух километрах южнее Демидова. Капитан Мосин организовал разведку боем и вместе с 314-м стрелковым полком 46-й стрелковой дивизии пытался войти в деревню, что в одном километре от Демидова. Но противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь и пустил в ход авиацию. Разведка свернула к западу от города и выяснила, что с этой стороны она не так хорошо защищена.

Капитан Мосин решил атаковать противника с запада в ночь на 15 июля. На рассвете, без выстрелов, о чем предупредил командира 314 стрелкового полка, который по сигналу красных ракет должен открыть огонь и наступать с востока, отвлекая противника на себя. Всем в отряде было приказано на левый рукав привязать белую повязку (отличительный знак своих), идти бесшумно, команд не подавать и не курить. Из Демидова доносились песни и музыка. Фашисты пьянствовали и гуляли, надеялись, что скоро будут в Москве, и конец войне, как им обещал их бесноватый фюрер.

На левом фланге отряду удалось без выстрелов снять охранение противника. На правом — охранение также было снято, но в это время сюда подходила, видимо, смена караула, которая, увидев неладное, открыла огонь и бросилась бежать в деревню. Был подан сигнал в атаку. Отряд ворвался в деревню, колотл штыками и в упор расстреливал фашистов, выбегающих из домов.

314-й полк также ворвался в деревню с восточной ее окраины. Было убито более 70 солдат противника, 30 взято в плен. Три пулемета, много автоматов и штабной

автомобиль артиллерийского соединения стали нашими трофеями. И что очень важно, наши воины захватили портфель с картами, на которых были нанесены части и стрелками показаны направления их действий, а также приказ фюрера взять Москву к 7 августа»²².

Сам М. Ф. Лукин писал: «В те тяжелые, горестные для нас дни мы не только до последнего патрона, до последней капли крови обороняли каждый метр смоленской земли, но и при первой возможности контратаковали врага. К примеру, 15 июля на рассвете капитан Мотин, командир подвижного отряда 46-й стрелковой дивизии, атаковал в Демидове противника по своей инициативе. Воинам удалось без выстрела снять охрану. Красноармейцы кололи штыками и в упор расстреливали фашистов, выбегавших из домов. В бою было убито более 70 немецких солдат, 30 взято в плен, захвачено в качестве трофеев 3 пулемета, много автоматов и штабная автомашина артиллерийского соединения. И что особенно важно, наши воины нашли в автомашине портфель с картами, на которых были нанесены части и стрелками показаны направления их действий. В портфеле оказался и приказ, где говорилось, что гитлеровские войска должны взять Москву к 7 августа.

Бои за Демидов продолжались до 20 июля. Только тогда наш отряд под натиском превосходящего противника отошел в лес к югу. В этом бою отличились командир батальона капитан Мотин, командир противотанкового дивизиона капитан Мельников, политрук Манушкин, командир роты старший лейтенант Безуглый, лейтенант Бобров и многие другие. На всех направлениях немногочисленные войска 16-й армии вели ожесточенные бои»²³.

В боевых донесениях этот эпизод был отмечен позже 17 и 19 июля:

²² Гавриленков В. М. На земле демидовской. Смоленск: Смядынь, 1994. С. 10–11.

²³ Лукин М. Ф. Указ. соч. С. 47–48.

«Оперативная сводка штаба 16-й армии № 1 от 17 июля 1941 г. о положении войск армии. ОПЕР-СВОДКА № 1 НА 23.00 17.7.41. ШТАРМ 16. РОЩА ЗАП. СОВХ. ЖУКОВО.

Первое. 16 армия в течение дня 17.7.41 продолжала удерживать рубеж Загорье, м. Возмище, Буда, Куприно, ст. Катынь. Отдельными отрядами, собранными из 46 сд и отходящих частей 129 сд, вела атаки по овладению Демидов и Смоленск.

Второе. 32 ск. **46 сд своим отрядом из двух сб и двух ад атаковала ю. окраину Демидов.** Результаты атаки уточняются. Остальные ее батальоны действуют в отряде генерал-майора Городнянского (командир 129 сд) по овладению Смоленск...

Четвертое. Отряд генерал-майора Городнянского, собранный из частей 46 сд и 129 сд, вел бой по овладению Смоленск. К исходу дня 17.7 его собранные малочисленные батальоны занимали положение: батальон 334 сп (см. карту 100 000) — Кармачи, Ситники, 1/314 сп — вост. окраину Королевка, северо-западные скаты отм. 251, 3/457 сп, наступавший на левом фланге, потерял связь (местонахождение его устанавливается). С рассветом 17.7 этот отряд переходит в наступление на Смоленск совместно с частями 34 ск, действующими на южн. окраину г. Смоленск. Штаб 32 ск — роща 2 км з. Бережаны. Потери учитываются. Начштаб 16 полковник Шалин Нач. Опер. Отдела полковник Рощин»²⁴.

«ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА № 2 НА 20.00 19.7.41 ШТАРМ 16. СЕВ. ОП. ЛЕСА З. СВХ. ЖУКОВО

Первое. В течение дня 18 и 19.7, 16 армия вела бой за овладение Холм, Демидов. Производила перегруппировку на рубеже Загорья. Агафоново, Бороденка, Куприно, ст. Катынь. Во взаимодействии с 34 ск продолжала наступление на Смоленск, заняв его сев. предместье. Одновременно истребительными отрядами боролась с де-

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 52.

сантами противника, выброшенными в районах Ярцево и Терехи.

Второе. 32 ск. 46 сд тремя стрелковыми батальонами с тремя артдивизионами продолжала удерживать рубеж Донец, Акатово, одновременно вела наступление на Демидов. СБ 527 сп сдерживал наступающего противника из Холм на рубеже Донец, Акатово. Его правый фланг охватывался мелкими подвижными группами противника, проникшими из Бично и Юшино.

3/314 сп и сб 647 сп продолжали наступать на Демидов, **овладели Сенино**, где захватили штаб артполка противника.

Третье. 152 сд производила перегруппировку на своем рубеже обороны, заняв (карта 100 000): 544 сп (без пяти стр. рот) на рубеже Язвище, Каспля, Б. Возмище, 646 сп (без шести стр. рот) на рубеже Бороденки, Зыки, Ермачи, 480 сп (без 5 стр. рот) на рубеже Куприно, ст. Катынь, до р. Днепр, имеет соприкосновение с разведгруппами противника. На его левом фланге замечена подготовительная работа противника по переправе через р. Днепр в районе Кр. Бор, Н. Ясенная.

Четвертое. Отряд генерал-майора Городнянского продолжил вести упорный бой за Смоленск с переменным успехом для обеих сторон. Северо-западная окраина Смоленск его отрядом занималась трижды и к исходу 19.7 занимает рубеж (карта 100 000):

1/340 сп с сб 720 сп западная окраина Смоленска, аэродром,

3/457 сп сев. окраина Смоленск,

343 сп (без одного сб) — на рубеже отметки 251.

Штакор 32 — роща 2 км В. Ополе. Начальник штаба 16 армии полковник Шалин Начальник Оперативного отдела полковник Рощин»²⁵.

Кроме боя за деревню Сенино под Демидовом в этих документах батальоны 314-го и 340-го стрелковых полков

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 91.

упоминаются в отряде генерал-майора Городнянского. Вот как описывает встречу командования 16-й армии с Авксентием Михайловичем Городнянским А. А. Лобачёв: «Расставив людей, отправились в район аэродрома. В километре от города встретили незнакомого генерала. Это был А. М. Городнянский, командир 129-й стрелковой дивизии из 19-й армии. Объяснили обстановку и сразу нашли общий язык. Городнянский очень просто сказал, что он учитывает все обстоятельства и готов выполнить любое указание командования 16-й армии.

— Где ваша дивизия? — спросил Лукин.

— Дивизии у меня нет, но несколько батальонов наберу. Они недалеко отсюда. Артиллерийский полк на подходе.

Городнянскому поручили оборону северной части Смоленска с подчинением всех находящихся здесь отдельных групп.

— А потом — на ту сторону! — улыбаясь сказал на прощание Лукин.

— Попробуем, — ответил Городнянский.

Всем понравилась выдержка и спокойная собранность молодого генерала. „Каленый орешек“, — метко определил командарм.

Затем встретили по дороге несколько артиллерийских дивизионов и отдельные группы стрелков из разных соединений 19-й армии. Дали задание — идти в распоряжение генерал-майора Городнянского»²⁶.

129-я стрелковая дивизия была сформирована в 1940 году в Сталинграде. В июле 1941 года была перебросена на запад, к 11 июля прибыла в район Лиозно и вошла в состав 19-й армии Западного фронта. Уже 14 июля в связи с наступлением немцев от Витебска на Смоленск дивизия оказалась в полуокружении восточнее Витебска, из которого удалось вырваться только части дивизии во главе с комдивом генерал-майором А. М. Городнянским.

²⁶ Лобачёв А. А. Указ. соч. С. 161.

Когда 16 июля 129-я дивизия включилась в сражение за Смоленск, в ее составе были 457-й стрелковый полк самой 129-й дивизии, 343-й стрелковый полк 38-й стрелковой дивизии, а также батальоны 46-й и 162-й дивизий. Именно этот отряд Городнянского и именовался затем в штабных документах 129-й стрелковой дивизией.

Подошедшая к Смоленску 16 июля 129-я дивизия получила задачу занять оборону по реке Днепр. До 20 июля на ней лежала основная тяжесть оборонительных боев на этом направлении. Согласно воспоминаниям А. И. Ерёменко, она при крайнем недостатке артиллерии, минометов и пулеметов, при слабой обеспеченности боеприпасами неоднократно врвалась на позиции немцев на северной окраине города, но закрепить захваченную территорию ей было нечем. Контратаки противника каждый раз вынуждали дивизию отходить на исходные позиции.

В ночь с 22 на 23 июля противнику удалось переправиться на левый берег Днепра в районе кладбища в стыке 129-й и 152-й стрелковых дивизий, после чего разгорелись ожесточенные уличные бои.

28 июля обстановка на фронте 20-й армии резко осложнилась. Немцам удалось прорвать ее оборону. Советским войскам пришлось окончательно оставить Смоленск и отойти из города в ночь с 28 на 29 июля²⁷.

Ведя бои за северную часть Смоленска, командование 16-й армии перебросило в город и часть сил 46-й дивизии: «Для укрепления обороны города командование решило вывести к Смоленску 46-ю стрелковую дивизию. 18 июля 46-я заняла оборону на северо-восточных подступах, контролируя железную дорогу совместно с 158-й стрелковой дивизией под командованием Корнеева. 152-я дивизия прочно прикрывала город с северо-запада, все попытки противника сломать ее оборону ни к чему не привели. Городнянский закрепился в северной части.

²⁷ URL: //https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 11.05.2021).

Немцы, упустив какой-то момент 15 июля, вели теперь упорный бой за северный берег Днепра»²⁸.

19 июля штаб 46-й дивизии, расположенный северо-западнее деревень Ополе и Сыр-Липки, был атакован подразделениями 7-й немецкой танковой дивизии (вероятно, в районе дер. Старые Пересуды. — А. А., С. Т.).

Сохранился протокол допроса взятого в плен начальника штаба дивизии:

«Дивизия в составе штаба и одного пехотного батальона 16.7 прибыла со Смоленского направления в район Ополе и там подчинила себе разрозненные части других соединений, прежде всего 129-й стрелковой дивизии. Этими силами вечером 17.7. была предпринята атака в направлении командного пункта корпуса. Из введенных [в наступление] сил в количестве порядка 700 человек из первой атаки вернулось человек 70–80. вторая атака, произведенная на следующий день силами вновь подошедшего одного батальона также принесла большие потери.

Несмотря на это, штаб дивизии был переведен на север, в лес западнее (Colmet-Sees?), приблизительно в 4 км южнее маршрута продвижения 7-й [немецкой] танковой дивизии. Там штаб был атакован многочисленными танками. Командир дивизии и политический комиссар сбежали на грузовой машине на юг. Начальник штаба оборонялся с сотней человек, но потом вынужден был сдаться. Про безнадежность борьбы окруженных частей „в котле“ полковник заметил: военное счастье им не улыбалось, кроме того, лучшие части окруженных войск сражались до последнего. Никаких надежд на деблокирование с востока у окруженных частей не было. Пока дорога у Ярцева была открыта, снабжение в ограниченном объеме могло осуществляться. После того, как этот коридор был перекрыт, окруженные части, по его мнению, смогли продержаться только 2–3 дня, т. к. у них к тому времени закончи-

²⁸ Лобачёв А. А. Указ. соч. С. 161.

лись боеприпасы и продовольствие. Боевые возможности своей дивизии он оценить не в состоянии, т. к. дивизия никогда не была в полном составе.

На мое удивление, что в русских приказах были угрозы наказания против высокопоставленных командиров, он ответил, что такие угрозы в дивизиях противостоящего нам 32-го стрелкового корпуса были обычным делом. Это не характеризовало офицеров с хорошей стороны»²⁹.

После выхода из Смоленского котла части 129-й и 46-й стрелковых дивизий были слиты в одну 129-ю дивизию, а 46-я дивизия была расформирована. Трудная и горькая судьба выпала 46-й стрелковой дивизии: закрыв путь немцам на Москву, она буквально «сгорела» в боях под Смоленском. Из штатного состава дивизии из окружения пробились не более 500 человек. Мы даже не знаем, где остались могилы наших земляков, в ЦАМО, в фонде дивизии, сохранилось только одно архивное дело. Но мы помним первую дивизию, ушедшую на фронт из Иркутска, и гордимся ей. В 2015 году в тех местах, где она сражалась, был открыт уникальный памятник: на его изготовление пошел металл, собранный поисковиками во время раскопок.

В большом проекте «Вернуть из небытия» можно выделить ряд подпроектов: архивный (направлен на выявление и вовлечение в научный оборот архивных данных, выявленных прежде всего в ходе поисковых работ в ЦАМО); поисковый (сотрудники музея совместно с поисковым отрядом «Байкал» неоднократно работали под Смоленском, на месте боев 46 стрелковой дивизии); мемориально-музейный. Собранные в рамках реализации проекта «Вернуть из небытия» материалы были представлены в основной экспозиции и на сменных выставках филиала «Солдаты Отечества», опубликованы в вышедшей в канун юбилея Победы коллективной монографии

²⁹ URL: //http://www.solonin.org/doc_chem-zakonchitsya-nyineshnyaya (дата обращения: 12.05.2021).

«Иркутяне в Великой Отечественной войне»³⁰, использованы при съемках фильмов о 46-й дивизии.

Первый фильм снят видеостудией Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова совместно с Центром развития дополнительного образования детей Иркутской области в 2015 г., съемки проходили в Иркутске, Смоленске, Демидове и Москве. Из 70 часов видеосъемок в картину вошли 26 минут.

По инициативе Музея истории города Иркутска был объявлен сбор средств на сооружение памятного знака погибшим на Смоленщине воинам-иркутянам. Памятный знак под Демидовом был открыт 21 июня 2016 года. Кроме этого, также будет совершен обряд введения в храм Успения Пресвятой Богородицы города Демидова иконы св. Иннокентия Иркутского с воинами. Икона написана смоленским иконописцем Сергеем Кипричем, а средства на изготовление иконы были собраны иркутянами³¹.

*Наталья Викторовна
Чернышева*

К. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник
Института демографических исследований ФНИСЦ РАН

Влияние военной мобилизации на демографическую ситуацию в Волго-Вятском регионе в 1941 году

День 22 июня 1941 г. стал для нашей страны во многом определяющим. Под военной мобилизацией в действующую армию подразумевается не только процесс перехода на военное положение, но также и сопутствующее масштабное территориальное перемещение мобилизованного населения¹. Оценить влияние военной мобилизации на демографическую ситуацию количественно и качественно крайне сложно в силу ряда причин, таких как: отсутствие точных данных; интенсивные миграции; административно-территориальные преобразования; демографические показатели «не реагируют» одномоментно, процессы меняются и зачастую отражают ситуацию, сложившуюся ранее (например, рождаемость). Сложность также связана с оценкой прямых и косвенных потерь (например, количество нерожденных детей).

³⁰ Иркутяне в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): [исследования и материалы: коллективная монография]. Иркутск: Оттиск, 2015. 447 с.

³¹ Восточно-Сибирская Правда. 17.05.2016.

¹ Борзунова Т. И., Маньшин Р. В., Моисеева Е. М., Морозова Г. Ф., Очилова Г. Н., Рязанцев С. В. Миграция населения в годы Великой Отечественной войны // Великая победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты / отв. ред. С. В. Рязанцев, В. Н. Иванов. М.: Экон-Информ, 2020. С. 276.

В 1939 г. в РСФСР проживало 109,4 млн чел., в республиках и областях Волго-Вятского региона — 8,9 млн чел. (8,2%). В 1941 г. три компонента определяли изменения численности населения Волго-Вятского региона: административно-территориальные преобразования, естественный прирост населения, миграционная прибыль/убыль населения. В Кировской области на численность населения воздействовало все три компонента: включение в состав области весной-летом 1941 г. трех районов Архангельской области (+104,6 тыс. чел.), естественный прирост (+18,6 тыс. чел.) и миграционная убыль (–166,0 тыс. чел.). В Горьковской области также миграционный отток был существенным (–97,6 тыс. чел.), но количественно меньшим (рабочие в городских поселениях имели возможность получить бронь). В аграрных автономных республиках в 1941 г. наблюдался рост численности населения за счет миграционной прибыли (эвакуированное население): Марийская АССР +32,6 тыс. чел., Мордовская АССР +70,0 тыс. чел., Чувашская АССР +48,9 тыс. чел.

22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о мобилизации военнообязанных на территории четырнадцати военных округов². Первым днем мобилизации объявлялось 23 июня 1941 г. Принятый Указ о мобилизации военнообязанных действовал на основании закона «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г.³ Призывной возраст составлял 19 лет (для окончивших среднюю школу — 18 лет), в запасе пребывали до 50 лет. В соответствии с планом общевойсковой мобилизации начиная с 23 июня 1941 г. на сборные пункты должны были явиться граждане 1905–1918 г. р. (14 возрастов). Призывной контингент 1919–1921 г. р. встретил войну в армии. Уже в августе 1941 г. в связи с необходимостью восполнения боевых потерь, комплектования вновь

² Сборник указов, постановлений, решений и приказов военного времени. Л., 1942. С. 74–75.

³ Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М., 1985. С. 174.

формируемых соединений и частей была проведена мобилизация военнообязанных 1890–1904 г. р. и призывников, родившихся в 1923 г.⁴ В критический период войны 1942 г. мобилизация людских ресурсов достигла своего апогея. Предельный возраст военнообязанных увеличился до 55 лет.

К главным принципам политики мобилизации людских ресурсов на фронт относились: всеобщая мобилизация военнообязанных, выборочный подход к мобилизации отдельных категорий граждан, поддержка добровольческого движения, массовая подготовка населения к военной службе⁵.

Повсеместно военно-мобилизационные процессы разворачивались с июля — августа 1941 г. В 1941 г. проведены две массовых волны мобилизации. Первая волна мобилизации завершилась 1 июля 1941 г. В Вооруженные силы было направлено 5,3 млн чел. Вторая волна мобилизации должна была возместить огромные потери, понесенные Красной армией летом 1941 г. К 1 октября 1941 г. количество бойцов и командиров увеличилось до 7,9 млн чел.

Сведения о масштабах воинских мобилизаций в Волго-Вятском регионе в разрезе областей и автономных республик крайне неоднородны. Например, к августу 1941 г. в Горьковской области было мобилизовано 107 506 человек, к октябрю 1941 г. в Кировской области «под ружье» встало 144 340 человек, в Чувашской АССР — около 100 тыс. человек.

Сложности возникают с оценкой отдельных видов военных мобилизаций. Как правило, сведения по набору в ряды народного ополчения даются по первым дням набора. Например, в двадцатых числах июля в г. Горьком более 61 тыс. горожан подали заявления, было зачислено

⁴ История Второй мировой войны. 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 4. / гл. ред. А. А. Гречко и др. М., 1975. С. 61.

⁵ Боле Е. Н. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (на материалах Коми АССР): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Сыктывкар, 2004. С. 29.

в ополчение 44,3 человека, из которых скомплектовано 55 отрядов⁶. Всего за первые пять дней Великой Отечественной войны из Мордовской АССР добровольцами в ряды Красной армии ушли свыше 6 тыс. человек, за два последующих месяца еще 6 тыс. человек⁷.

Первая партийная мобилизация была проведена в начале войны. 27 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках». Призыву подлежали коммунисты в возрасте от 22 до 30 лет со средним и высшим образованием. Данная мобилизация была вызвана нехваткой политработников в ротах, батальонах, осуществлявших идеологическую и пропагандистскую функции. Например, Кировская область направила в действующую армию в 1941 г. 10,3 тыс. политработников, что составляло 44,2% всех коммунистов⁸.

Всего за годы Великой Отечественной войны воинской мобилизации подлежало около 2,0–2,1 млн жителей Волго-Вятского региона (22–23% населения региона). Людские потери по последним оценкам составили около 824–835 тыс. человек, или 39–41% мобилизованных (9,1–9,3%) населения Волго-Вятского региона, но и они нуждаются в дальнейшем уточнении.

Исследователь из Мордовии Л. Г. Скворцова приводит интересные сведения по безвозвратным потерям, которые вполне отражают сложившуюся в 1941 г. ситуацию: 20,5% потерь приходится на военнослужащих, мобилизованных в 1941 г.⁹

⁶ Книга памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Российская Федерация. Нижегородская область: в 18 т. Т. 1 / И. Г. Абрамов и др.; редкол.: В. И. Лысов (пред.) и др. Нижний Новгород, 1994. С. 8.

⁷ Мордовия XX век: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. А. Юрченкова. Саранск, 2005. С. 259.

⁸ Стопы заявлений // Кировская правда. 8 мая. 1965. № 107. С. 3.

⁹ Скворцова Л. Г. Боевые потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны (сравнительный анализ) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–3. С. 202.

Важнейшим последствием военной мобилизации в 1941 г. стало изменение численности населения. Временный или постоянный (в случае гибели) отток мужчин являлся важнейшей причиной миграционной убыли населения. Об этом отчасти свидетельствует форма 1 ЦСУ Госплана СССР «Сведения о передвижении населения по месту, откуда прибыли и куда выбыли». Оговоримся, что форма велась только по городским поселениям и сельским паспортизированным пунктам. Среди прибывшего и выбывшего населения большая доля мигрантов относилась к категории «неизвестно». Она включала лиц, подлежащих военной мобилизации и демобилизации, а также тех, у кого было неизвестно точное место прибытия или выбытия. Например, на протяжении 1941–1944 гг. от 19 до 45% выбывающих из Кировской области учитывались как «неизвестные» (главным образом лица, подлежащие воинской мобилизации)¹⁰. В Горьковской и Кировской областях население к 1 января 1942 г. сократилось на 62,8 тыс. и 42,8 тыс. человек соответственно. В автономных республиках за счет эвакуированного населения численность населения приросла: в Марийской АССР +38,1 тыс. чел., в Мордовской АССР +71,4 тыс. чел., в Чувашской АССР +57,8 тыс. чел.¹¹.

Был продолжен процесс территориального перераспределения населения, начавшийся еще в двойной период. Однако причины этого перераспределения преимущественно стали иными. Сельская местность являлась

¹⁰ Подсчитано по: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 32, 41, 53–54; Там же. Д. 324. Л. 20; Там же. Д. 405. Л. 2; Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10 об.; Там же. Д. 863. Л. 7–8 об.; Там же. Д. 1227. Л. 3 об., 5–5 об.; Там же. Д. 1275. Л. 6–7 об.; Там же. Д. 1679. Л. 8–9 об.; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: статистический сборник / ред. кол. В. А. Зырин и др. Киров, 1996. С. 26.

¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 32, 41, 53–54, 101; Там же. Д. 323. Л. 116, 123, 172; Там же. Д. 324. Л. 20; Там же. Д. 405. Л. 2.

основным поставщиком мобконтингента. В городской местности рабочие и иной контингент могли получить бронь.

Военные мобилизации способствовали усилению половозрастной диспропорции. Для исследователей существуют определенные трудности в ее оценке, вызванные отсутствием статистического учета в 1941 г. в разрезе половозрастных групп. Начиная с 1943 г. подобную оценку в наиболее полном виде можно дать по сельскому населению. Разбалансировка гендерной структуры населения была и до Второй мировой войны. В 1939 г. женщины составляли 51–54% населения Волго-Вятского региона, в 1943 г. — уже 64–68%¹².

Отмечается поляризация возрастной структуры мужского населения. В активных возрастных группах ее можно охарактеризовать как демографический провал. Если в 1939 г. удельный вес мужчин до 17 лет составлял 48%, то в 1943 г. — 65%. Причина — мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Увеличилась доля мужчин старшего возраста (после 50 лет).

Военные мобилизации не только исказили половозрастную структуру, но и вызвали изменение показателей рождаемости и брачности. Кратковременное увеличение брачности в июне 1941 г. объяснялось желанием официально оформить брачные отношения перед уходом мужчин на фронт (закрепить семейный статус в силу личных причин, получить право на льготы и пособия для семей военнослужащих). В целом с июня по октябрь 1941 г. число зарегистрированных браков существенно сократилось: в Горьковской и Кировской областях — в 4 раза, в Марийской и Мордовской АССР — в 2,5–2,7 раза, в Чувашской

¹² Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР, по союзным республикам, краям, областям и автономным республикам. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_por_39_1.php; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 140. Л. 35–35 об.; Там же. Д. 143. Л. 37–70 об.; Д. 148. Л. 1–24; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1229. Л. 38–38 об.

АССР — в 3,5 раза¹³. Коэффициент брачности в 1941 г. варьировался в пределах 3,5–5,8%¹⁴.

Свою низшую точку брачность населения Волго-Вятского региона прошла в 1942–1943 гг. (на 1 тыс. населения заключалось всего 1–2 брака, в Горьковской обл. — 3 брака).

Существенное влияние на рождаемость в годы войны оказало не только общее уменьшение количества заключаемых браков, но и изменения возрастного состава брачующихся. В 1941 г. 60–67% мужчин, проживающих на территории Волго-Вятского региона, вступили в брак в возрасте 20–29 лет¹⁵. К концу войны увеличилось количество вступивших в брак в двух возрастных группах: 20–24 года и 30–34 года, чему способствовала демобилизация. Иная динамика была характерна для мужчин старших возрастных групп. Доля заключаемых браков в 1942–1944 гг. с мужчинами 40–50 лет значительно превышала довоенные показатели (почти в 1,5–2 раза)¹⁶.

Уровень разводимости в 1941 г. оставался низким (0,2–0,5%¹⁷), семейные взаимоотношения носили отложенный характер.

Темпы сокращения рождаемости набирали силу по мере нарастания дисбаланса полов и быстрого исчерпания

¹³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 122; Там же. Д. 252. Л. 3, 6, 24; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 7 об.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Там же. Д. 241. Л. 53–54, 101; Там же. Д. 252. Л. 1–6; Там же. Д. 323. Л. 123; Там же. Д. 564. Л. 53; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: статистический сборник / ред. кол. В. А. Зырин и др. Киров, 1996. С. 26.

¹⁵ Подсчитать по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 104. Л. 7–7 об., 22–22 об., 24–24 об., 50–50 об.; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 14.

¹⁶ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 171. Л. 131–131 об., 132–132 об., 148–148 об.; Там же. Д. 226. Л. 15–15 об., 32–32 об., 38–38 об., 59–59 об.; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 860. Л. 15–15 об.; Там же. Д. 1226. Л. 11–11 об.; Д. 1273. Л. 13–13 об.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Там же. Д. 241. Л. 53–54, 101; Д. 252. Л. 1–6; Там же. Д. 323. Л. 123; Там же. Д. 564. Л. 53; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: статистический сборник / ред. кол. В. А. Зырин и др. Киров, 1996. С. 26.

«довоенного запаса зачатий». Необходимо учитывать тот факт, что все показатели рождаемости отражают ситуацию девятимесячной давности. Война вынудила супругов отложить запланированное рождение детей. Тенденция к сокращению наметилась весной 1942 г., когда на свет стали появляться младенцы, зачатые уже после начала Великой Отечественной войны.

Во всех автономных республиках и областях Волго-Вятского региона коэффициент рождаемости в 1941 г. оставался высоким: Горьковская обл. — 30,6‰, Кировская обл. — 34,5‰, Марийская АССР — 34,7‰, Мордовская АССР — 32,0‰, Чувашская АССР — 32,2‰¹⁸. Резкое падение рождаемости произойдет в апреле 1942 г.

Дефицит рождаемости, который может быть определен как косвенные потери, в автономных республиках и областях Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны составил 701,9 тыс. чел. В 1942 г. по сравнению с 1941 г. в областях и автономных республиках Волго-Вятского региона дефицит рождаемости составил 99,1 тыс. младенцев¹⁹.

Таким образом, военные мобилизации оказали существенное влияние на демографическую ситуацию в Волго-Вятском регионе в 1941 г. Массовый отток преимущественно мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет способствовал изменению численности населения, нарастанию половозрастной диспропорции, отразился на демографических процессах (рождаемости и брачности), а также миграционных потоках. Влияние военных мобилизаций в последующие годы войны будет усиливаться.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Там же. Д. 241. Л. 53–54, 101; Д. 252. Л. 1–6; Там же. Д. 323. Л. 123; Там же. Д. 564. Л. 53; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: статистический сборник / ред. кол. В. А. Зырин и др. Киров, 1996. С. 26.

¹⁹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 74. Л. 201; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 341. Л. 75; Там же. Д. 418. Л. 88, 91; Там же. Д. 577. Л. 91, 94; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Там же. Д. 860. Л. 4; Там же. Д. 1226. Л. 4; Там же. Д. 1273. Л. 4.

*Александр Валерьевич
Гайдашев*

К. и. н., заведующий отделом хранения музейных фондов музея-заповедника «Сталинградская битва» (г. Волгоград)

Сталинградская область и сталинградцы в первые месяцы Великой Отечественной войны

К началу Великой Отечественной войны Сталинградская область состояла из 66 административно-территориальных районов, 8 из которых образовывали Астраханский округ. При этом следует отметить, что территория 33 районов ранее входила в состав Области войска Донского. В сентябре 1941 года в состав Сталинградской области были включены 7 районов бывшей АССР немцев Поволжья. Таким образом, Сталинградская область стала одной из крупнейших в Нижнем Поволжье. По итогам всесоюзной переписи населения 1939 года, в Сталинградской области проживало 2 288 129 человек, из которых 39% были жителями городов¹.

Из 7 городов наиболее крупными были Сталинград и Астрахань. Областной центр был одним из крупнейших промышленных центров Нижнего Поволжья. В Сталинграде проживало 412 236 человека, или 19% населения области. В городе насчитывалось 126 промышленных предприятий, в том числе 29 — союзного и 2 республиканского

¹ Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. С. 22.

значения. На предприятиях города работало 150 тысяч рабочих и инженерно-технических работников, в том числе рабочих — более 60 тысяч человек. Всего в регионе трудилось более 325 тысяч рабочих и служащих.

14 июня 1941 года в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано сообщение ТАСС с опровержением «слухов» о близости войны между СССР и Германией². В нем говорилось, что «по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...»³. Естественно, данное сообщение для миллионов жителей нашей страны, привыкших верить власти, явилось своего рода успокаивающим средством. И к 22 июня 1941 года большая часть населения Советского Союза пришла с полной уверенностью, что войны не будет, а если и начнется, то победа будет достигнута легко.

22 июня 1941 года после выступления по радио В. М. Молотова по всему Советскому Союзу прошли многочисленные митинги и собрания, на которых простые граждане давали клятвенные обещания сделать все возможное для скорейшей победы над врагом. На тот момент еще никто не мог подумать о том, что война продлится долгих 4 года и унесет миллионы жизней. Сталинградская область не стала исключением. Так, в станице Берёзовской Сталинградской области на митинге выступил райвоенком, который зачитал текст речи заместителя председателя СНК СССР В. М. Молотова, от райкома ВКП(б) и исполкома райсовета выступила Салищева, от старых красных партизан выступил Попов⁴. На территории

² Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. С. 77.

³ Правда. 1941. 14 июня.

⁴ Протокол закрытого внеочередного заседания бюро Берёзовского РК ВКП(б) № 1, § 1 от 22 июня 1941 года // ЦДНИВО. Ф. 90. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.

только одного Астраханского округа с августа по октябрь 1941 года было проведено 3 480 митингов и массовых собраний⁵. Повсеместно митинги переходили в демонстрации, на которых звучали яркие и пламенные речи преданности Родине и партии.

24 июня 1941 года «Сталинградская правда» первой из местных газет публикует выступление по радио В. М. Молотова от 22 июня 1941 года и указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении в стране военной мобилизации. С первых дней войны тематика газет подверглась коренным изменениям по сравнению с мирным временем, главным стержнем их публикаций стала идея сплочения вокруг общих задач, направленных на достижение одной единственной цели — победы. Главный акцент в новых темах делался на героизм воинов Красной армии на полях сражений, помощи тружеников тыла фронту, а также разоблачению коварных замыслов фашистской Германии, раскрытию ее захватнических планов по отношению к народам СССР. На страницах областных газет, вслед за центральными, выходят статьи с такими громкими названиями, как «Победа будет за нами», «Грудью станем на защиту Родины», «Все силы — на разгром фашизма», «Всё для фронта» и другие.

С первых же дней после нападения Германии на Советский Союз в военкоматы Сталинграда потянулись добровольцы с просьбой как можно скорее отправить их на фронт. Только за первую неделю войны таких заявлений поступило около 50 000⁶. За первые полгода Великой Отечественной войны военкоматами области было мобилизовано около 400 тысяч человек. За лето — осень 1941 года на территории области был сформирован Сталинградский корпус народного ополчения. Инициаторами создания сталинградского народного ополчения стали

⁵ Очерки истории Волгоградской организации КПСС. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1977 год. С. 403.

⁶ Чуянов А. С. Сталинградский дневник. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1968. С. 31.

рабочие тракторного завода имени Ф. Э. Дзержинского. 6 июля 1941 г. они первыми обратились ко всем трудящимся области с призывом создать отряды народного ополчения. Почин тракторозаводцев поддержали рабочие и служащие всех предприятий и учреждений Сталинграда, а также жители сельской местности. И уже 8 июля 1941 г. на заседании Сталинградского обкома ВКП(б) было принято специальное постановление⁷, в котором излагались основные принципы и задачи по созданию народного ополчения в Сталинграде и области. На основании этого постановления как в городе, так и в области развернулось формирование Сталинградского корпуса народного ополчения, в составе которого из казаков непризывного возраста донских районов Сталинградской области была сформирована Сводная донская казачья кавалерийская дивизия. В казачью дивизию вступили участники Первой мировой войны: К. И. Недорубов (52 года), Н. Ф. Концов (67 лет), П. С. Куркин (63 года). Активный участник обороны Царицына в 1918–1919 гг. Аникей Борисович Травинов, выступая на митинге в г. Калач-на-Дону, сказал: «Донское казачество готово в любую минуту выступить на защиту Родины. Донские казаки готовы к бою. Наши руки крепки, наши клинки остры»⁸.

С первых дней войны народное хозяйство страны начало перестраиваться на военный лад. Продовольствие, оружие, одежда — все шло на фронт непрерывным потоком. С первых же дней войны промышленные заводы Сталинграда перестраивают свою деятельность на военные рельсы. Так, с июля 1941 года на заводе «Баррикады» начинают осваивать производство 76-мм дивизионной пушки. Уже в сентябре требовалось не только освоить производство нового изделия, но и поставить в войска первые 150 орудий. Действительно, героизм тыла не уступал героизму фронта. Каждый хотел внести свой вклад

⁷ ГАВО. Ф. 2115. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–3.

⁸ Сталинградская правда. 1942. 24 июня

для достижения победы: кто-то сражался на фронте, кто-то работал в тылу, обеспечивая Красную армию всем необходимым. К примеру, в новосреднесортном цехе завода «Красный Октябрь» в первый же месяц широкую популярность получило движение за выработку двух норм, однако на деле рабочие вырабатывали по 3–4 нормы в день⁹.

Надо отметить, что война коренным образом изменила и условия работы на производстве, многие квалифицированные рабочие ушли на фронт, и в связи с этим сократилось и число рабочих на станках. Их заменили женщины и подростки, не имеющие никакой квалификации, в результате чего в первые месяцы эффективность работы предприятий снизилась. Данное снижение наблюдалось до осени 1941 года, пока происходил процесс «адаптации» (обучения) молодых кадров и пока в Сталинград не начали приезжать эвакуированные рабочие из западных областей.

Осенью 1941 года началось сражение за Москву. На тот момент Сталинград находился в глубоком тылу, никто не мог и предположить, что через год на берегах Волги развернется кровопролитнейшее сражение. Однако на улицах, в местах общественного скопления уже появлялись разговоры о том, «что Москва и Сталинград войдут в историю Отечественной войны». В этот период Сталинград стал перевалочным пунктом. Через город проходили эшелоны с эвакуированными из западных и центральных районов страны предприятиями, квалифицированными кадрами, детьми, учащимися, а также с выслезаемыми немцами Поволжья. В городе и области росло количество госпиталей, а вместе с ними и число военнослужащих. Весь этот пришлый контингент населения оказывал определенное влияние на формирование настроений у жителей региона. Так, у женщин вызывало

⁹ Справка о ходе выполнения постановления бюро Обкома ВКП(б) «О политической агитации в парторганизациях г. Сталинграда» от 25.VIII.1941 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 13. Л. 19.

недовольство то, что по городу разгуливало большое количество мужчин без каких-либо определенных занятий, слышны были разговоры: «Наши мужья на фронте защищают Родину, а вы здесь творите безобразия, в очередях поднимаете скандал... почему вас не отправляют на укрепление города?»¹⁰

Летом и осенью 1941 г. негативное влияние на настроение городского и сельского населения оказывало отступление частей Красной армии по всему советско-германскому фронту, о чем говорили беженцы, эвакуированные и солдаты. В первые дни Великой Отечественной войны были встречены и отдельные случаи проявления у некоторых граждан панических действий. В частности, это проявлялось в скупке определенной категории товаров в больших количествах, в снятии в сберкассах значительных денежных сумм. В сельских районах люди опасались, что их скот будет забран для нужд армии, вследствие чего наблюдалось резкое увеличение количества мяса на рынках области. К примеру, в Черноярском районе по Старичковскому сельсовету за первые 20 дней июня было забито 150 голов, а в следующие 20 дней уже 278 голов, такая же ситуация наблюдалась и по другим сельсоветам области. Начальник отдела НКВД Тормосинского района в своем докладе 26 июня отмечал: «Враг стал распространять слухи о том, чтобы запасались продуктами питания и солью. Вчера в очереди народ душился за солью, в этом деле был замешан и председатель совета тов. Бурняшев»¹¹.

Панические настроения встречались и среди эвакуированных (в первые месяцы войны было расселено в Сталинграде 50 тысяч, в сельских районах — более 62 тысяч человек), которые распространяли слухи о голоде в сельских районах Сталинградской области. Многие из них

¹⁰ Справка о положении в городе на 26 ноября 1941 г. // Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 2. Оп. 18. Д. 27. Л. 4.

¹¹ Протокол общего районного партийного собрания Тормосиновской райпарторганизации от 26 июня 1941 года. // ЦДНИВО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 29. Л. 31.

отказывались уезжать из г. Сталинграда в сельские районы, к примеру, «из 800 человек, отправленных эшелонам в Ворошиловский (сельский) район, на пригородных станциях самовольно высадились около 700 человек»¹².

С началом Великой Отечественной войны и с продвижением вглубь страны войск противника в советском обществе наряду с возрастающими патриотическими настроениями стали все чаще проявляться антисоветские, пораженческие, или, как они были названы в Уголовном кодексе СССР, «контрреволюционные настроения». Так, в п. Котельниково 13 июля 1941 года около 5 часов утра обнаружено около 200 штук антисоветских контрреволюционных листовок с текстом «долой СССР», написанных грамотно на клочках простой бумаги размером 3 × 6 см почерком одной руки¹³. В органы прокуратуры и НКВД с территории донских районов летом 1941 года стали поступать письма, в которых сообщалось о высказываниях отдельных антисоветски настроенных казаков. Так, например, В. И. Михин, бывший белогвардеец, хуторской атаман, уверял казаков, что им не следует бояться прихода немцев: «Бояться войны нечего, нас только освободят доблестные немцы, а от этой власти мы доброго не увидим. Коммунисты только нас терзают»¹⁴. Одновременно с такими суждениями высказывались намерения расправиться после прихода немцев с советскими активистами, В. И. Чернобровкин в г. Сталинграде высказывал: «Если будет переворот, власти и придет Гитлер, то я сам своей рукой буду вас всех бить, тем более, если у меня убьют сына,

¹² *Насонова Н. А.* Официальная пропаганда в Сталинграде и области в годы Великой Отечественной войны... // История России на перекрестке мнений: сборник научных статей. Волгоград: «Перемена», 2006. С. 201.

¹³ Спецдонесение прокурора Сталинградской области о ходе мобилизации. От 24 июля 1941 года // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 55. Л. 54–65.

¹⁴ Справка по следственному отделу Сталинградской областной прокуратуры за период с 23 июня по 1 октября 1941 года // ГАВО. Ф. Р-3159. Оп. 2. Д. 38. Л. 39.

который находится в РККА»¹⁵. В основной своей массе, конечно, это были люди, «обиженные советской властью», в возрасте старше 50 лет, многие такие высказывания были сделаны в состоянии алкогольного опьянения. Всего же с 23 июня по 1 октября 1941 года на рассмотренные облсуда и ревтрибуналов по статье «контрреволюционная деятельность» поступило 325 дел¹⁶.

Большой процент населения в Сталинграде составляли рабочие, которые в своей массе были охвачены патриотическим подъемом. Об этом убедительно свидетельствовал, например, рост партийных рядов в заводских районах. Однако в рабочей среде после начала Великой Отечественной войны наблюдался рост нарушений трудовой дисциплины. Следует отметить, что в подавляющем большинстве нарушителями трудовой дисциплины были работники со стажем менее 1 года. Встречались и недовольные советской властью. В Кировском районе г. Сталинграда М. К. Жидкова убеждала рабочих: «Советская власть нас душит, для рабочих СССР безразлично, кто победит на фронте, нам рабочим и при Гитлере будет хорошо жить»¹⁷.

Говоря об изменениях в обществе, нельзя не остановиться и на такой проблеме, как бандитизм и преступность. В первые три месяца военных действий общий уровень преступности в стране не возрастал, несмотря на увеличение плотности населения в восточных районах в связи с эвакуацией. Но к концу 1941 г. начался быстрый рост вооруженных грабежей, разбоев, краж, мошенничества и других преступлений¹⁸. Общий рост преступно-

¹⁵ Спецсообщение на имя прокурора СССР Бочкова о ходе мобилизации от 3 июля 1941 года // ГАВО Ф. Р-3159. Оп. 2. Д. 36. Л. 140–147.

¹⁶ Справка по следственному отделу Сталинградской областной прокуратуры за период с 23 июня по 1 октября 1941 года // ГАВО. Ф. Р-3159. Оп. 2. Д. 38. Л. 39.

¹⁷ Спецдонесение Прокурору СССР Сафонову, Прокурору РСФСР Волину, Секретарю Обком ВКП(б) Чуянову о ходе мобилизации с 21 по 31 июля 1941 года // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 55. Л. 67.

¹⁸ Кантемиров А. В. Деятельность органов внутренних дел в Сталинградской битве (июль 1942 — февраль 1943). Волгоград, 2003. 64 с.

сти сопровождался появлением нехарактерных для мирного времени преступлений, таких как хищение военных грузов, хищение эвакогрузов, махинации с продовольственными карточками, бандитизма, дезертирства из Красной армии и с военного производства, а также изменением форм и методов совершения преступлений. Нередко на совершение преступлений людей толкало бедственное положение, голод.

Возмущение и недовольство у мирного населения вызывали противоправные действия, совершенные расквартированными и проходящими воинскими частями. Причем случаи мародерства, совершенного бойцами Красной армии, были не единичными. Так, в декабре 1941 года в Нижне-Чирском районе, на хуторе Ермохинском, на переформировании стоял кавалерийский полк, эскадроны которого были расквартированы по близлежащим населенным пунктам. Не имея нарядов на корм для лошадей, кавалеристы самовольно, а порой и с помощью оружия, растаскивали колхозные стога. На просьбу не допускать мародерства командир полка ответил: «Будем скандалить до Берлина»¹⁹. Обычно основными объектами хищений выступали продукты питания и товары первой необходимости. При этом военнослужащие считали, что их действия оправданы с позиций военного времени.

В заключение хотелось бы отметить, что на протяжении всей Великой Отечественной войны положение на фронтах, успехи или неудачи Красной армии оказывали решающее влияние на формирование массового сознания граждан Советского Союза. Удаленность Сталинградской области от линии фронта в первый год войны сказалась и на жизни региона. Во многом вплоть до начала Сталинградской битвы большая часть жителей региона не верила в то, что немецкая армия сможет дойти до их города, а тем более, что Сталинградская земля станет местом

¹⁹ Докладная записка секретаря Нижне-Чирского РК ВКП(б) в СГКО о случаях мародерства частей Красной Армии на территории района. От 17 декабря 1941 года // ЦДНИВО Ф. 171 Оп. 1. Д. 12. Л. 96.

кровавой битвы, продлившейся 200 дней и ночей. В целом можно отметить, что большая часть жителей региона встала на защиту своей земли, кто-то ушел в ряды народного ополчения, кто-то трудился в поле, на заводах, но все они делали общее дело, направленное на скорейшее достижение Победы. Естественно, в силу исторических причин, а также специфики проводимой руководством Советского Союза политики на территории области встречались и антиправительственно настроенные жители, но их процент был незначителен по сравнению с общим числом населения региона.

*Рамиль Насибуллинович
Рахимов*

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Башкирия в начальный период Великой Отечественной: мобилизация, эвакуация, общественные настроения

В 1941 г. Башкирская автономная советская социалистическая республика (БАССР, столица — Уфа) представляла собой национальную автономию в составе РСФСР. В это время ее возглавляли председатель Совета народных комиссаров (СНК) БАССР С. А. Вагапов, председателем Башобкома ВКП(б) был И. С. Аношин. Республика была аграрной, но начавшаяся индустриализация способствовала развитию машиностроения, добыче и переработке нефти. Кроме того, в ней велась добыча железа, меди, олова, золота, значительное место занимала лесопереработка. Башкирия поставляла моторы, пружины, стальную проволоку, фанеру, спирт. Республика обеспечивала себя электроэнергией, с регионами страны была связана железной дорогой, авиалиниями, водным транспортом (р. Белая входит в Волжско-Камский бассейн) и шоссейными дорогами.

Перед войной в Башкирии проживало 3 млн 158 тыс. человек. Большую часть населения, по данным Всесоюзной переписи 1939 г., составляли жители

села — 82,9%¹. Крупными городами были Уфа, Стерлитамак, средними — Бирск, Белорецк, Белебей. В автономии вместе с башкирами жили русские, татары, марийцы, чувашы, мордва, удмурты, украинцы, белорусы, латыши, немцы Поволжья.

В 1920–1930-е гг. в республике шел процесс социалистической модернизации, затронувший не только хозяйство, но и общественную жизнь, культуру. Его особенностью было то, что он проходил в национальном регионе. Как и по всей стране, в БАССР прошла волна репрессий в отношении крестьянства, служителей культа (православных и мусульман), представителей дореволюционных привилегированных сословий, партийных и советских работников. Башкирия еще с XVII в. рассматривалась как место ссылки, и к 1930-м гг. в ней находился значительный контингент бывших троцкистов и эсеров. В то же время представители национальной партийной и советской элиты, творческой интеллигенции были активными участниками борьбы за автономию Башкирии в годы Гражданской войны. Соответственно, многие из них в 1918–1919 гг. находились в лагере контрреволюции. Это облегчало задачу органам НКВД по «выявлению «врагов народа». Почти всех можно было обвинить в «буржуазном национализме» или «валидовщине» — связях с А.-З. Валидовым, политическим деятелем-эмигрантом.

Поскольку республика строилась как Башкирская автономия, то в ней присутствовало двуязычие. В начале 1920-х гг. был создан башкирский литературный язык. Он традиционно опирался на арабскую графику, затем, с конца 20-х гг., башкирский язык перевели на латиницу. В 1939 г. башкирский язык перешел на кириллицу. Произведения общественно-политического характера, литературные, партийные, что были напечатаны на латинице, в декабре 1941 г. сдали в макулатуру. Напечатать нужный объем на кириллице, в замену уничтоженных изданий,

¹ Население Башкортостана: XIX–XXI века: стат. сб. Уфа, 2008. С. 115.

было невозможно². Впоследствии, к 1942 г., это непродуманное решение привело к настоящему «книжному голоду» на литературу патриотической направленности.

В мобилизационном отношении в 1941 г. БАССР входила в состав Уральского военного округа. В 1939 г. в связи с войной с Финляндией в ней были сформированы две стрелковые дивизии. 186-я, на базе 4-го отдельного стрелкового Башкирского полка в Уфе, и 170-я, на базе 308-го стрелкового полка в Стерлитамаке, Белебее, Давлеканово, Миассе³. Дивизии отличались от обычных тем, что имели в своем штате дополнительно гаубичный артполк. Соединения были кадрированными, но 15 мая 1941 г. в связи с объявленными учебными сборами обе дивизии развернули до штатного состава за счет призывного контингента. В начале июня на Запад была направлена 186-я стрелковая дивизия, имевшая конечным пунктом Идрицу, где начала выгружаться 22 июня. Через два дня, 24 июня, на Западной Двине под Полоцком она вступила в бой. 170-я стрелковая дивизия отправлялась на Запад с 19 по 22 июня. Обе дивизии вошли в состав 22-й армии Западного фронта, сформированной из соединений и частей Уральского военного округа (генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков). В составе армии они вступили в бой с противником в районе старой советской границы (Себеж, Пустошка), обороняя затем Великие Луки⁴. Дивизии, имевшие в своем составе необученных солдат, несколько раз попадали в окружение, понесли большие потери убитыми и пропавшими без вести, но до конца выполнили свой долг, сорвав план блицкрига.

² Документы и материалы по истории башкирского народа (1941–1985) / сост. Р. Н. Сулейманова и др. Уфа, 2012. С. 259.

³ *Бирюков Н. И.* На огненных рубежах: 214-я Кременчугско-Александровская стрелковая дивизия. Уфа, 1969. С. 7–12; *Казанцев А. А.* 170 стрелковая дивизия первого формирования. Боевой путь (июль — август 1941 г.) и тайна гибели. [Б. м.], 2016.

⁴ *Черников Ф. В.* На правом фланге Смоленского сражения. Военно-исторический очерк. Себеж и Себежский УР в июне-июле 1941 г. Пустошка, 2014.

В советской историографии события начала войны в БАССР: мобилизация, эвакуация, перевод хозяйства на военный лад — рассматривались как выполнение планов ГКО, явления, для войны обыденные, а решения, связанные с их реализацией, однозначно верные и продуманные. Особое место в событиях войны было за коммунистической партией: «Башкирская парторганизация, один из боевых отрядов ВКП(б), перестроила экономику и общественную жизнь республики на военный лад, организовала подготовку боевых резервов и формирование воинских соединений и частей, обеспечила выполнение заданий по снабжению фронта»⁵. Вершиной советской историографии можно считать труд Т. Х. Ахмадиева. Несмотря на то, что его работа написана на основе обширного круга источников, что позволяет представить картину положения БАССР в 1942–1945 гг., в ней отсутствует анализ действий местного руководства первых месяцев войны. А ведь именно в этот период, с июня по октябрь 1941 г., методом проб и ошибок начал складываться алгоритм последующих действий местной власти в условиях тотальной войны, определялись оптимальные управленческие решения. Понимая, что идеологический диктат той эпохи не позволял историку касаться многих тем, попытаемся проанализировать события начала Великой Отечественной войны в привязке к жизни одной из национальных автономий, находившейся в глубоком тылу.

Как и по всей стране, 22–24 июня в связи с началом войны по республике прошли митинги, заседания бюро компартии, где выступающие выразили свое негодование по поводу нападения Германии и уверенность в скорой победе Красной армии. Источники показывают, что информация о начале войны в сельскую местность начала поступать во второй половине дня. В Уфе десятитысячный митинг у клуба моторостроителей «Ударник»

⁵ Цит. по: Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1984. С. 274.

прошел вечером 22 июня⁶. Риторика выступлений была в целом газетная, отмечалось, что «война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами, интеллигенцией, страдания которых нам хорошо известны, а кучкой кровожадных фашистских правителей Германии»⁷.

С 23 июня в республике началась мобилизация. БАССР в планах Генерального штаба рассматривалась в качестве людского резерва. В Башкирии в 1941–1943 гг. было сформировано 5 стрелковых, 4 кавалерийских дивизий, 2 стрелковые бригады, переформирована стрелковая дивизия. Кроме того, сформированы 2 дивизиона бронепоездов, 11 отдельных артиллерийских полков (минометные, гаубичные, противотанковый), запасные части, функционировали военные академии, училища, школы. Основным резервом пополнения армии в Башкирии, да и, вероятно, по всей стране, стала колхозная деревня⁸.

Уже в первые дни мобилизации партийное руководство столкнулось с рядом проблем. О них сообщает протокол заседания бюро Хайбуллинского райкома ВКП(б): обеспечить успешный ход мобилизации, не снижая темпа хозяйственных работ; обратить внимание на расстановку рабочей силы и замену уходящих в армию, разработать мероприятия по подготовке механизаторов из женщин; ввести круглосуточное дежурство по охране материальных ценностей; организовать противодействие паникерам; пресекать антисоветские выступления⁹. Как видно, на местах очень четко определили приоритетные темы:

⁶ Документы и материалы по истории башкирского народа... С. 160–161.

⁷ Документы мужества и героизма. Сборник документов и материалов / сост. Т. Х. Ахмадиев, Г. А. Валишина, Н. Г. Халтурина. Уфа, 1980. С. 22.

⁸ Ахмадиева Н. В. Патриотическое движение сельских тружеников в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: актуальные проблемы в контексте национальной безопасности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. А. В. Псянчин, Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2020. С. 14.

⁹ Документы и материалы по истории башкирского народа... С. 159–160.

мобилизация, уборка урожая, контроль за общественными настроениями, охрана имущества.

24 июня в постановлении бюро Башкирского обкома ВКП(б) об итогах первых дней мобилизации отмечалось, что за первые два дня подано по республике около 3 тыс. заявлений с просьбой о зачислении в ряды Красной армии как добровольцев, была обеспечена мобилизация автомехтранспорта¹⁰. Вместе с тем оказалось, что часть техники имела поломки. Отсутствие контроля со стороны военных привело к нарушениям дисциплины среди мобилизованных в казармах. Примерно такие же проблемы были и в других местах. Например, в Илишевском районе отдельные военнообязанные явились в сборный пункт «выпившими и в ненадлежащей обуви»¹¹. В итоге республиканские партийные органы, проанализировав начавшуюся мобилизацию, взяли ее проведение под жесткий контроль. Необходимо отметить, что нарушения общественного порядка, предоставление техники или лошадей, не соответствующих требованиям армии, были единичными. В целом гражданское сознание, понимание важности происходящих событий у населения находились на высоком уровне. Сказывалась и историческая память. Мобилизация 1941 г. в Башкирии повторяла мобилизацию 1914 г., которая также прошла организованно и с небольшими эксцессами.

В городах мобилизация 1941 г. проходила примерно так же. Например, в период с 23 июня по 1 июля Ленинский район г. Уфы мобилизовал 920 человек и 79 единиц техники (норма — 74)¹². Но здесь произошел исключительный случай. Из числа добровольцев женщины подали 298 заявлений с просьбой о немедленной отправке их на фронт, а мужчины — 243. Судя по заявлениям,

¹⁰ Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / сост. Т. Х. Ахмадиев, Г. Д. Иргалин, Н. П. Камеев, Г. Р. Мухаметдинов. Уфа, 1995. С. 15–16.

¹¹ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 19–20.

¹² Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 23–26.

подавшие их женщины, не имея воинской или медицинской специальности, просили направить их «на передовые позиции». По мнению Г. Ю. Султангужиной, это свидетельствует о высокой степени патриотизма женщин¹³. Однако такого уровня патриотических настроений у женщин не зафиксировано в других районах Уфы и в целом по республике. В ходе последующих мобилизационных мероприятий этот феномен не повторялся. Как видно из заявлений, большинство их авторов имели служивших в армии сыновей, братьев, мужей. Ленинский район — место проживания представителей партийной и советской номенклатуры, членов семей находящейся на фронте 186-й стрелковой дивизии (ее казармы находились в Ленинском районе). Вероятно, невладение подлинной информацией о том, что происходит на фронте, уверенность в том, что в ближайшее время Красная армия начнет контрнаступление и война быстро завершится «малой кровью» и «на чужой территории», здоровое чувство патриотизма, чувство сопереживания близким людям привели в совокупности к спонтанному желанию оказаться на передовой. Свою роль в данном феномене сыграл эффект пропаганды, наложенный на высокий уровень образования женщин связанных с партийно-советскими и военными элитами. Но женская активность не оказалась незамеченной. В свою очередь, бюро обкома ВКП(б) 30 июня постановило при замене ушедших в РККА кадров обратить внимание на выдвижение женщин¹⁴.

Первые партии мобилизованных отправлялись в Красную армию в качестве маршевого пополнения. Затем для подготовки мобилизованных 23 августа на базе 97-го

¹³ Султангужина Г. Ю. Участие женщин Башкирии в добровольческом движении в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: актуальные проблемы в контексте национальной безопасности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ответ. ред. А. В. Псянчин, Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2020. С. 223.

¹⁴ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 21.

запасного стрелкового полка в поселке Алкино была сформирована 17-я запасная стрелковая бригада. Расчет на скорую победу привел к тому, что мобилизация коснулась представителей специальностей, необходимых для обеспечения работы тыла: нефтяников, механизаторов, водителей, инженерно-технических работников. Также в полном объеме была проведена передача техники и лошадей из народного хозяйства в армию¹⁵.

Оборонным предприятиям были нужны трудовые резервы. Поэтому постановлением бюро Уфимского горкома ВЛКСМ от 3 июля на моторостроительный завод мобилизовали 225 комсомольцев и привлекли на работу на время каникул 525 школьников¹⁶.

Подводя итог мобилизации, отметим, что всего с июня 1941 по август 1944 г. в республике было мобилизовано 559671 человек, включая 2971 женщин. Это составляло почти 18% населения. В трудовую армию было мобилизовано более 106 тыс. человек.

По указанию ГКО началось формирование новых воинских соединений. С 11 августа формировалась 361-я стрелковая дивизия, впоследствии 21-я гвардейская Невельская. Ее части располагались в Уфе и пригородных населенных пунктах: Чишмах, Сафарово, Булгаково и Нижегородке. Первыми кавалерийскими соединениями, сформированными по постановлению ГКО № 459сс, стали 74-я и 76-я кавалерийская дивизии (Благовещенск и село Благовар). Формирование шло в период с 25 августа по 1 октября 1941 г. за счет людских и конских резервов республики. В армию все три дивизии убыли в ноябре.

Армия нуждалась в кадрах, поэтому в республике началось создание военных училищ. Часть из них была эвакуирована. Уже в июле садятся за парты курсанты Уфимского пехотного училища, Военно-авиационного училища разведчиков ВВС Красной армии в Давлеканово, 2-го Ле-

¹⁵ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 12.

¹⁶ Там же. С. 27.

нинградского ордена Ленина Краснознаменного артиллерийского училища в Белорецке. В августе в Уфу эвакуируется Высшая военная академия им. К. Е. Ворошилова, в Бирск прибывает Училище воздушного наблюдения, оповещения и связи РККА. В сентябре в Уфу переводится Севастопольское Краснознаменное зенитно-артиллерийское училище.

С началом войны в тылу страны разворачивается сеть госпиталей. Башкирия стала одним из регионов, где были в значительном количестве развернуты госпитали. Начался этот процесс 23 июня, когда в Белебее был размещен 479-й полевой подвижный госпиталь. 1 июля в Уфе размещаются эвакогоспитали № 1738 и 1741, через три дня — эвакогоспиталь № 97, ставший впоследствии эвакуоуправлением. 19 июля в Уфе открыт эвакогоспиталь № 1739. Начало размещения эвакогоспиталей потребовало введения 31 июля в штаты Наркомздрава БАССР должностей старшего инспектора по эвакогоспиталю и главного хирурга-консультанта¹⁷. Всего в годы Великой Отечественной войны по всей республике были размещены 63 эвакогоспитала и 2 госпиталя НКО, в которых проходили лечение раненые бойцы и командиры Красной армии.

После решения вопросов мобилизации на повестке дня перед республикой стояла задача уборки урожая. Обезлюдившее сельское хозяйство нуждалось в квалифицированных кадрах. Поэтому уже 28 июня выходит постановление СНК БАССР о подготовке трактористов, комбайнеров для МТС из женщин¹⁸. Газеты всячески пропагандировали опыт¹⁹. Эта кампания из газет лета 1941 г. без всякой аргументации «перекочевала» в научную литературу. Однако мало кто понимает, что данное постановление не имело возможностей для полноценной реализации:

¹⁷ Свод нормативных и правовых актов Башкортостана. Т. 21. 1941 год / секретариат Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан; сост. А. Б. Юнусова, Ю. М. Абсалямов. Уфа, 2011. С. 196.

¹⁸ Свод нормативных и правовых актов... С. 36.

¹⁹ Документы мужества и героизма... С. 95–96.

отсутствовали в нужном количестве инструкторы, а через несколько недель сельскохозяйственная техника была отправлена в армию. На смену тракторам и комбайнам пришла незаменимая лошадь, обращаться с которой не нужно было учить ни женщин, ни детей, вскоре заменивших взрослых. В одном из писем на фронт, отправленном в августе, сообщалось, что «в деревне стало пусто, всех молодых ребят и мужиков забрали в армию, на войну отдали 2 машины и всех хороших лошадей»²⁰.

Отсутствие техники и рабочих рук вскоре отразилось на ходе уборочной. Руководство республики начало принимать чрезвычайные меры. Постановлением СНК БАСССР и бюро Башкирского обкома ВКП(б) от 23 июля население Уфы привлекалось на уборочную²¹. Речь шла о не менее 50 тыс. человек, причем работавших на оборонных предприятиях снимать с производства не могли. Чтобы решить проблему, применяли совмещение деятельности тех, кто выезжал в село. Так, в августе весь состав Башкирского государственного академического театра драмы (45 чел.) был командирован на уборочную и дал 8 спектаклей и концертов. Кроме того, помог в уборке 120 га хлеба²². Надо отметить, что такая практика «совмещения искусства и труда» продолжилась и в последующие годы войны, как и перенос начала учебного года на октябрь. Первый раз началась она со школьников, отправленных в сентябре 1941 г. на уборочную.

Однако штурмовщина и жесткий контроль хода уборочной не дали положительных результатов. Руководство республики отмечало, что в деле уборки урожая положе-

²⁰ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 421.

²¹ Свод нормативных и правовых актов... С. 202.

²² *Ворохов Т. С.* Концертное обслуживание сельского населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: актуальные проблемы в контексте национальной безопасности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ответ. ред. А. В. Псянчин, Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2020. С. 36.

ние сложилось угрожающее. На 10 октября убрали только 52,6%, сдали государству — 9,4% от плана²³. Большая часть зерна лежала под открытым небом, неубранный хлеб осыпался и полег. Таким образом, часть урожая не была убрана, хлебосдача государству была провалена. Такая же ситуация с хлебозаготовками в БАСССР сложилась и в 1942 г.²⁴ Руководство страны не понимало, что республика не могла быть одновременно и житницей, и людским резервом для армии. При расчете мобилизационных планов это противоречие не было учтено, что привело к сложностям.

Трудности были связаны также с тем, что отправка в армию техники из народного хозяйства требовала адекватной замены. Автомобили и трактора из промышленности, ушедшие на фронт, компенсировались лошадьми из сельского хозяйства. Так, постановлением СНК БАСССР от 10 июля для обеспечения нефтедобычи было направлено 480 парных подвод с возчиками, а для перевозки руды — 900 подвод²⁵. Постановлением СНК БАСССР 12 сентября для промышленности из сельского хозяйства было изъято 920 голов рабочих лошадей²⁶.

Начавшаяся война потребовала перестройки народного хозяйства на военный лад. 24 июня Башкирский обком ВКП(б) принял постановление о перестройке работы предприятий и учреждений на военный лад, готовности к развертыванию госпиталей, увеличению выпуска авиабензина. Не ограничившись этим, 1 июля обком направил горкомам и райкомам партии директивное письмо о перестройке работы предприятий и учреждений на военный лад²⁷. Но такой переход был осложнен рядом

²³ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 131–132.

²⁴ *Ходяков М. В.* Проблема хлебозаготовок в Башкирии и методы ее решения в 1942 году // Вклад Башкирии в Великую Победу: Материалы международного научно-практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / ответ. ред. Р. Н. Рахимов. Т. 1. Уфа, 2020. С. 15–20.

²⁵ Свод нормативных и правовых актов... С. 277–278.

²⁶ Свод нормативных и правовых актов... С. 292.

²⁷ Документы мужества и героизма... С. 26–28.

обстоятельств. Так, на Уфимской швейной фабрике им. 8-го Марта, готовой к выполнению госзаказа (шине-ли, гимнастерки, шаровары, нательное белье), не было запасов материала²⁸. Черниковскому фанерному комбинату не хватало древесины, поскольку Наркомлес БАССР не перестроил свою работу в «свете требований военного времени»²⁹. Для выхода из сложившейся ситуации в августе один из лесозаводов перевели на круглосуточную работу³⁰. Началась оптимизация управленческого звена. 21 августа постановлением СНК БАССР были слиты ряд наркоматов, упразднены некоторые структуры, сокращался аппарат³¹.

Неудачи на фронтах, общая нервная обстановка привели к тому, что начали осуществляться мероприятия, не имеющие для региона в текущий момент актуальный характер, но отвлекающие людские силы и время. 1 июля бюро Башкирского обкома ВЛКСМ в связи с решением ЦК комсомола постановило о том, что необходимо приступить к организации обучения комсомольцев подготовке воршиловских стрелков и всадников, пулеметчиков, снайперов, радистов, планеристов, парашютистов, летчиков, автоводителей, мотоциклистов³². Разумеется, ни материальной базы, ни инструкторов для развертывания этой подготовки не было.

В июле — августе в республике формировали народное ополчение. Судя по докладной военного отдела Стерлитамакского горкома ВКП(б), к 5 августа в ополчение записалось 1770 человек. Из них был организован полк, создан городской штаб, и 27 июля проведен общий выход на военное обучение. Были отведены дни и часы занятий (4 дня в неделю)³³.

²⁸ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 14.

²⁹ Там же. С. 18–19.

³⁰ Свод нормативных и правовых актов... С. 283.

³¹ Там же. С. 37.

³² Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 21–23.

³³ Там же. С. 31.

С 8 августа формировались учебные команды связистов среди комсомольцев, а 29 июля было принято постановление СНК БАССР «Об организации местного противовоздушной обороны в городах и населенных пунктах Башкирской АССР»³⁴. Всего на 25 августа в народном ополчении числилось 75 362 человека, инструкторов ПВХО — 5487, обучалось в ПВХО — 398 535 человек³⁵. Для обучения не хватало уставов, учебного оружия, подготовленных специалистов (офицеры отправлялись в РККА). Поэтому данные мероприятия были крайне неэффективны, отвлекали население и трудящихся от выполнения действительно необходимой работы.

Организация военного обучения на новом уровне началась после принятия 17 сентября постановления ГКО «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Им вводилась возрастная шкала направляемых на обучение, объем обучения в часах, указывалось, что дни и часы занятий устанавливать с таким расчетом, чтобы не нарушать нормальный ход работы предприятий. Принятие этого документа, вероятно, было связано с негативной оценкой ситуации с военным обучением в стране.

Так, справка обкома ВКП(б) о состоянии всеобщего обязательного военного обучения по Башкирской АССР от 15 сентября свидетельствует о том, что оно было неудовлетворительно, обеспеченность учебных пунктов пособиями и учебным оружием была низкая, половина инструкторов не имела навыков обучения³⁶. Большинство районов решило привлечь к обучению не только контингент подлежащий ему по нарядам Башвоенкомата, а всех поголовно. В ряде районов стали готовить пулеметчиков и минометчиков, не имея ни самого оружия, ни учебных плакатов, а истребители танков, не имея фанерного

³⁴ Свод нормативных и правовых актов... С. 34.

³⁵ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 34–35.

³⁶ Там же. С. 35–36.

макета, металы гранаты в воздух. На ряде предприятий привлекли к всеобучу основную массу рабочих и служащих, в результате образовались пропуски занятий. Было отмечено, что «политработники и комиссары учебных пунктов, подобранные в основном из партийного актива районов приходят на учебный пункт только для того, чтобы провести политинформацию, а на занятиях не присутствуют, политико-морального состояния каждого бойца не изучают и не принимают достаточного постоянного участия в работе учебных пунктов по поднятию железной воинской дисциплины и качества обучения бойцов»³⁷.

Несмотря на упорядочивание обучения, штурмовщина в деле военной подготовки продолжалась. В тяжелые дни битвы за Москву, 29 октября, бюро Башкирского обкома ВЛКСМ принимает решение «немедленно создать из комсомольцев и не комсомольцев команды истребителей танков», состоящие из 6–12 человек, «бесстрашных, храбрых, сильных, преданных, в возрасте не моложе 16 лет»³⁸.

Еще одной крупной проблемой начала войны для республики стала эвакуация. Сам прием эвакуируемых для Башкирии был делом знакомым. Еще в годы Первой мировой войны Уфимская губерния стала местом размещения беженцев из западных губерний, интернированных, военнопленных. С этой задачей она вполне справилась. Был получен положительный опыт санитарной обработки больших масс людей, прибывающих по железной дороге. Он был вторично опробован в годы Гражданской войны и в 1921–1922 гг., во время голода в Поволжье и эпидемии брюшного тифа.

Согласно постановлению № 1823–816сс от 5 июля, в Уфе должен был организован эвакуационный пункт I класса на 1500–2000 человек. Для него было выделено здание клуба паровозоремонтного завода. Эвакуация шла по же-

³⁷ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 36.

³⁸ Там же. С. 36–37.

лезной дороге и водным путем. 18 июля вышло постановление СНК БАССР о приеме переселенцев прифронтовой полосы³⁹. Уже с 29 июля была введена санобработка всех эшелонов эвакуированных на станции Уфа и пристани, круглосуточное дежурство врачей⁴⁰. По предложению медиков, из-за опасности распространения сыпного тифа в октябре началось строительство бань⁴¹.

Вначале местные власти не ожидали появления большой волны эвакуируемых. Распоряжением СНК БАССР о переселенцах определялась выдача всем 6 руб. в день на питание в течение 3 суток после прибытия, выдача обуви и одежды, устройство на работу⁴². Через некоторое время это решение стало невозможно выполнить. Например, 16 июля в Макаровский район прибыл эшелон с эвакуируемыми детьми, где по плану должно было находиться 1500 человек, а по факту было 1700. Несмотря на это, колхозы приняли всех, накормили обедом, каждой семье выделили центнер хлеба бесплатно⁴³. 8–13 июля приняты эшелоны «ответработников, специалистов и их семей», которые были размещены в доме отдыха, на правительственных дачах⁴⁴. В августе прибывающих расселяли уже по квартирам и частному сектору, часть отправлялась в сельскую местность.

Основные проблемы с приемом эвакуируемых хорошо иллюстрирует докладная записка Зилаирского райкома ВКП(б) в обком партии от 20 августа. В начале месяца Зилаирский район принял эшелон с эвакуируемыми в количестве 977 человек, в том числе 524 детей⁴⁵. Людей разместили в 28 колхозах, обеспечив жильем. Власти смогли трудоустроить 86 человек на производстве

³⁹ Свод нормативных и правовых актов... С. 350.

⁴⁰ Там же. С. 427.

⁴¹ Там же. С. 408.

⁴² Там же. С. 424.

⁴³ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 271–272.

⁴⁴ Там же. С. 272–273.

⁴⁵ Там же. С. 277–278.

и в учреждениях, остальные работали в колхозах, но было значительное число тех, что в силу здоровья не может работать. Большинство работающих использовались не по специальности, например, инженерно-технические работники Оргавиапрома, ЦАГИ, бухгалтера были отправлены на полевые работы. Отсутствовали постельные принадлежности, у многих не было обуви и одежды, однако район не имел соответствующих запасов. Детские учреждения на август имели запасов продовольствия, на сентябрь фондов не было. Среди эвакуированных зарегистрировали инфекционные заболевания: корь и дизентерию, но силами райздрава ситуацию взяли под контроль.

Докладная записка начальника эвакупункта Уфимского узла Б. И. Петровского в обком ВКП(б) от 2 сентября показывает работу медиков и те проблемы, что необходимо было решать⁴⁶. Динамика эвакуации: за июль — август Башкирия приняла 133 тыс. человек. Осенью она готовилась принять еще 100 тыс., из них половину по воде, половину по железной дороге. Но все населенные пункты вдоль железной дороги и по рекам уже были наполнены эвакуированными, поэтому предлагалось перенаправить потоки прибывающих в глубинные районы республики, выделить дополнительное помещение.

Эвакуация беженцев сопровождалась и эвакуацией предприятий, вместе с которыми в республику перемещались рабочие, инженерно-технический состав, их семьи. Изучение источников показывает, что у руководства страны на случай большой войны, вероятно, имелся план эвакуации предприятий. Это видно по тому, что перемещение предприятий осуществлялось по близости их профиля к существующим в республике, или туда, где было обеспечение энергией, транспортом, людскими резервами. Неучтенным оказался лишь жилой фонд, и вопрос о размещении эвакуируемых через некоторое время встал с большой остротой.

⁴⁶ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 280–282.

В ряде случаев местное руководство принимало экстренные методы решения жилищного вопроса. Например, в июле для строителей завода № 850 Наркомата боеприпасов передают двухэтажный кирпичный дом, принадлежавший совхозу им. Мичурина. Дом постройки 1834 г. оказался непригоден для жилья. Власти принимают решение не просто провести перепланировку дома, но и начинают надстраивать третий этаж⁴⁷. Для решения жилищного вопроса 18 октября СНК БАССР устанавливает трудовую повинность горожанам в строительстве жилья эвакуированному населению.

Эвакуация промышленных предприятий в республику началась на четвертый день войны. 26 июня выходит первое постановление СНК БАССР о принятии эвакуированного производства Одесского станкостроительного завода им. В. И. Ленина в Стерлитамаке на базе строящегося Стерлитамакского механического завода. С 29 июня в Уфу эвакуируется Наркомат нефтяной промышленности СССР. 14 июля в Уфу по постановлению ГКО направляют ленинградский завод «Красная Заря», занявший корпуса педагогического, сельскохозяйственного институтов и строительного техникума.

С 21 июля в Уфе размещаются площадки заводов № 451, 234, эвакуированных из Рыбинска, на площадках заводов № 384, 338 Наркомата авиационной промышленности СССР. Строится и начинает одновременно выпускать авиамоторы будущий завод № 26⁴⁸. В июле создается резервный узел связи в Уфе, 6 августа эвакуирован Наркомат связи СССР. 27 июля республика принимает обувную фабрику из Витебска⁴⁹. В августе Оршанский проволочно-гвоздильный завод и завод им. Орджоникидзе из Подольска размещаются в Благовещенске, а Ленинградский завод им. Молотова — в Белорецке. Завод

⁴⁷ Свод нормативных и правовых актов... С. 293–294.

⁴⁸ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 44–45.

⁴⁹ Свод нормативных и правовых актов... С. 281–282.

им. Дзержинского из Баку эвакуируют в Уфу, завод им. Сталина — в Ишимбай.

2 сентября в Уфу эвакуируется Государственный архив Воронежской области. В сентябре эвакуирован в Уфу витаминный завод и в республику — заводы Харьковской области. 8 октября ГКО принял постановление об эвакуации Рыбинского строительного треста и оборудования завода № 219 в Уфу.

13 октября постановлением ГКО завод № 59 Наркомата боеприпасов СССР эвакуируется в Стерлитамак. В этом же месяце обком принял постановление о размещении эвакуированных заводов № 145, 161, 219, 291 Наркомата авиационной промышленности СССР в Уфе.

5 ноября Башкирский обком ВКП(б) принял постановление о размещении в республике Славянского содового завода «Красный химик», Донецкого содового завода, части оборудования карьера солепромыслов «Карфаген» и Рубеженского химического завода. В Уфе размещались эвакуированные текстильные фабрики «Красное Знамя», «Красный Текстильщик», «Серпуховская новоткацкая». В Уфу были направлены завод № 8 Грознефтекомбината и завод жидкого кислорода Майкопкомбината. В Ишимбай 10 ноября эвакуируется Маслоабсорбционный газолиновый завод № 1 Грознефтекомбината.

Кроме промышленных предприятий, в БАССР прибыли наркоматы СССР, наркоматы и учреждения РСФСР, Украины, Литвы. Уфа приняла Академию наук Украины, творческие союзы, театры, музеи УССР. После того, как в Уфу эвакуировали из Ногинска радиостанцию РВ-1, она начала вещание на оккупированную нацистами Европу. С 22 октября 1941 г. до мая 1943 г. в Уфе размещался Исполком Коминтерна. В селе Кушнаренково располагалась спецшкола Коминтерна, где готовили разведчиков для работы во вражеском тылу.

Эвакуация шла не только в города, но и в сельскую местность. 16 августа в республике размещают 80 тыс.

лошадей, 50 тыс. голов крупного рогатого скота, 100 тыс. овец из Орловской области.

В 1941–1942 гг. в республику прибыло более 170 крупных и мелких предприятий, отдельных цехов и установок из городов РСФСР, Украинской, Белорусской, Азербайджанской ССР. Большая часть эвакуированных предприятий была размещена в Уфе, Стерлитамаке, Ишимбае и Белорецке.

По архивным данным на 1 января 1942 г., в городах и районах Башкирии разместили 278 170 человек. В республику было эвакуировано около 20 тыс. человек членов семей военнослужащих. БАССР приняла детей из блокадного Ленинграда, детдомов.

Общественные настроения в первые месяцы войны менялись стремительно. Первые дни, до выступления И. В. Сталина 3 июля, общество находилось в состоянии слабого понимания происходящего. То, что началась война с сильным противником, было понятно, память о Первой мировой войне оставалась свежей. Мобилизация рассматривалась как необходимое мероприятие для достижения быстрой победы. Сохранялась уверенность в том, что Красная армия начнет наступление и отбросит врага за границы страны. Однако начавшаяся эвакуация, сводки об отступлениях и оставлении городов, слухи, опережавшие сводки, меняли настроения.

С самого начала войны была допущена серьезная ошибка: в Красную армию отправили кадры пропагандистов. Например, вся группа лекторов (25 человек) отдела пропаганды и агитации Уфимского горкома ВКП(б) ушла на фронт, пришлось набирать внештатных. Но и они смогли за июль — август прочитать 122 лекции с охватом 30 тыс. человек⁵⁰. Лекции читались на оборонные, военно-исторические, антифашистские темы. Среди них появились такие, как: «Отечественная война 1812 года и разгром армий Наполеона», «Ледовое побоище», «О народном ополчении».

⁵⁰ Документы мужества и героизма... С. 41.

Серьезные изменения в общественном сознании произошли после речи Сталина и митингов, на которых она обсуждалась. Они прошли 4–6 июля по всей республике. На них принимались повышенные трудовые обязательства, озвучивались просьбы направить на фронт, звучал призыв поддержать Красную армию. Что интересно, смелую риторику с интернациональной на национальную, появление новых героев: Д. Донского, А. Невского, А. Суворова, М. Кутузова — в речи Сталина местное руководство не заметило либо ожидало специального решения. Скорее всего, в представлениях довоенной идеологии 22 августа бюро Башкирского обкома ВКП(б) приняло предложение Союза советских писателей Башкирии об издании литературного антифашистского сборника на башкирском языке⁵¹. В это время башкирский читатель, в основном житель села, нуждался в других темах и формах их подачи. В октябре выпустили на русском и башкирском языках обращение женщин СССР «К женщинам всего мира!»⁵². Но уже на женском антифашистском митинге 12 сентября в Уфе говорили об участии женщин в производстве, замене ими на производстве мужчин. 2 октября в Уфе был проведен антифашистский митинг молодежи.

Постепенно патриотическую работу в республике стали увязывать в соответствии с мероприятиями, проводимыми по всей стране. С 5 августа формируется фонд обороны, куда пошли ежемесячные отчисления трудящихся. 6 сентября создана республиканская комиссия по сбору теплых вещей и белья для Красной армии. 9 октября в выполнение решения ЦК ВКП(б) создается республиканский комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии⁵³. 29 октября Башкирский обком ВЛКСМ принял постановление о сборе средств на строительства авиаэскадрильи «Ком-

⁵¹ Документы и материалы по истории башкирского народа... С. 256.

⁵² Там же. С. 80.

⁵³ Башкирия в годы Великой Отечественной войны... С. 284–285.

сомолец Башкирии», по инициативе Уфимского горкома и Буздякского райкома.

Основными формами воздействия на общество, получения обратной связи в это время были лекции, доклады, выступления агитбригад, лозунги (с 4 июля), плакаты и антифашистская сатира, центральная и местная печать, многотиражки, стенные газеты, листки Советского информбюро, пресс-бюллетени, боевые листки и окна ТАСС⁵⁴. По предприятиям, мобилизационным пунктам, на бывших избирательных участках работали группы агитаторов-докладчиков. Большой интерес наблюдался в обществе к «боевым песням советских композиторов, бодрой музыке и веселому танцу»⁵⁵. Поэтому в числе мероприятий, запланированных Башкирским обкомом ВКП(б) в первые месяцы войны, было срочное обеспечение соотечественников репертуара эстрадных бригад, работавших в колхозах, «требованиями военной обстановки и уборочной»⁵⁶. Если за первую половину 1941 г. артисты Башкирского государственной филармонии дали 321 концерт, то за июль — сентябрь — 571, из них 227 в колхозах⁵⁷.

Не успевали перестроиться в идеологическом плане не только руководящие органы, но и правоохранительные. Инерция представлений эпохи «Большого террора» сохранялась в деятельности НКВД. Это показывают «Докладная записка о вскрытых и ликвидированных за время Отечественной войны антисоветских организаций и групп НКВД Башкирской АССР за 1941–1943 гг.» и «Краткий обзор основных дел по разоблачению подрывной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов в Башкирии, вскрытых и ликвидированных в период Отечественной войны» (1944 г.)⁵⁸. В них

⁵⁴ Документы мужества и героизма... С. 41–42.

⁵⁵ Там же. С. 42.

⁵⁶ Ворохов Т. С. Указ. соч. С. 33.

⁵⁷ Ворохов Т. С. Указ. соч. С. 34.

⁵⁸ Архив Управления ФСБ России по Республике Башкортостан. Ф. 13. Д. 21; Ф. 7. Оп. 1. Д. 780.

сообщается, что в БАССР в годы войны было вскрыто 94 антисоветских организаций и групп. Впоследствии практически все 396 арестованных участников, связанных с этими группами, были реабилитированы. Обвиняемые проходили по следствию как «повстанческо-террористическая», «право-троцкистская группа», «группа бывших эсеров». Разумеется, никакой связи с противником они не имели, по заданию нацистов не работали.

Знакомство с материалами дел показывает, что арестованные по этим делам восхваляли мощь нацистской армии, вели разговоры пораженческого характера, нарушали технику безопасности и технологический процесс, что вело к аварийности. Органы НКВД, в свою очередь, аварии рассматривали как «вредительство» и «деятельность террористических групп». Многие из арестованных были эвакуированные из западных областей, поляки, немцы Поволжья, представители исламского духовенства. Конечно, имели место дезертирство с производства и призыва, раскрытие режима секретности, намеренное распространение панических настроений, но это были единичные случаи, к которым в обществе относились с осуждением.

Июль — август 1941 г. стали поистине самыми жаркими во всех смыслах месяцами для БАССР: мобилизация, массовая эвакуация с неизбежным уплотнением жилого фонда, уборочная страда, введение карточек на хлеб с 13 августа, неутешительные сообщения с фронта. В целом республика справилась с трудностями. Некоторая дезориентированность первых дней в обществе и руководстве республики сменилась активной работой по решению больших задач, необходимых для достижения победы. Накладки с мобилизацией (отправление рабочей силы и всей техники в армию), которые не позволили решить проблему урожая, в большей степени связаны с планированием. Напротив, эвакуация, осуществленная стремительно, опиралась на в целом продуманную стратегию. Общество смогло выдержать удар и настроиться на одну

цель — Победу. В данной ситуации организационные возможности в полной мере использовали партийные и советские органы. Общество доверяло власти, на этом взаимопонимании будет выстроена последующая жизнь БАССР в годы Великой Отечественной войны.

В 1941–1945 гг. в Вооруженных силах СССР служило более 700 тыс. человек из БАССР (включая кадровых военных и курсантов военных учебных заведений), из них 575 тыс. человек — мобилизованные и призванные в ходе войны. Безвозвратные потери (убитые, пропавшие без вести, умершие от ран и болезней, в т. ч. в плену) составили более 322 тыс. человек; свыше 50 тыс. человек (к 1946 г.) было демобилизовано по инвалидности.

В 2020 г. Уфе присвоено высокое звание «Город трудовой доблести».

*Сергей Анатольевич
Жевалов*

Соискатель кафедры новейшей отечественной истории
института истории и политики Московского
педагогического государственного университета

Заготовки сельскохозяйственных продуктов по СССР в 1941 году

В сельскохозяйственном производстве Советского Союза накануне Великой Отечественной войны были проведены такие мероприятия, которые способствовали упрочению организационного состояния земледелия.

Война прервала мирный труд советских граждан, лишила их, в том числе крестьян, значительной части того, что было создано упорным трудом. Своеобразное положение советского крестьянства в годы войны заключалось в том, что оно поставляло Красной армии и городскому населению не только продукты питания, но и значительные материальные средства: автомашины, трактора, лошадей. С началом военных действий снабжение колхозов и совхозов автомашинами, тракторами и другой техникой резко снизилось. Советским сельским труженикам перестали поставлять новую технику, более того, они передали большое количество имевшейся. Кроме машин и тракторов, колхозы и совхозы передали на нужды Красной армии значительное поголовье лошадей. Из деревень и сел добровольцами в армию и частично в военную промышленность ушла значительная часть рабочей силы.

Советская колхозно-совхозная деревня в годы Великой Отечественной войны лишилась:

- 1) самых хлебобродных территорий в связи с их временной оккупацией либо попаданием в зону боевых действий;
- 2) наиболее трудоспособной части населения, мобилизованной в Красную армию и военную промышленность;
- 3) материально-технической базы колхозов и совхозов (тракторов, автомашин) и большого количества лошадей;
- 4) горюче-смазочных материалов, а также запасных частей к технике, подавляющая часть которых поступала на нужды армии и промышленности;
- 5) минеральных удобрений.

Во второй половине 1930-х годов СССР находился в полосе высоких урожаев зерновых культур. После неудачного 1936 года в 1937 году зерна было выращено наибольшее количество за годы советской власти. В 1938–1939 гг. хлеба поступало меньше, чем в 1937 году, но больше, чем до 1935 года. В 1940 году вновь в СССР был богатый урожай зерновых. В 1941 году рассчитывали получить еще больше хлеба, но эти ожидания не оправдались: началась война. В 1941 году удалось собрать зерна столько же, сколько в неудачный 1936 год. А заготовки хлеба были немного ниже, чем в 1936 году, но выше, чем в 1933 году. Значит, зерновых культур из урожая первого военного года поступило столько же, сколько и в некоторые довоенные годы.

Во времена второй и третьей пятилеток развития народного хозяйства в СССР ежегодно суммарно заготавливалось пшеницы и ржи от 64%, или почти 2/3 (в 1934 г.), до 77%, или более 3/4 (в 1938 г.) от общего количества зерновых (табл. 1). Причем ржи поступало (за исключением 1939 г.) от 1/5 до более 1/4 суммарного количества зерна, а пшеницы — от 2/5 до более половины всех зернопоставок. В 1941 году суммарный

удельный вес пшеницы и ржи был таким же, как и в предвоенные годы. Пшеницы поступило 49%, т. е. почти 1/2 от общего количества зерновых культур, а ржи — 27%, или более 1/4.

Таблица 1. Общее поступление зерновых, пшеницы и ржи в СССР и их удельный вес в 1933–1941 гг.¹

Год	Поступление зерновых, млн пудов	Поставки пшеницы, млн пудов	Получено ржи, млн пудов	Рожь и пшеница млн пудов	Доля ржи и пшеницы, %
1933	1445	566	416	982	68
1934	1643	669	379	1048	64
1935	1807	763	446	1209	67
1936	1558	756	334	1090	70
1937	1950	993	475	1468	75
1938	1776	940	428	1368	77
1939	1889	977	287	1264	67
1940	2225	955	488	1443	65
1941	1483	729	394	1123	76

Таким образом, основное внимание Советское государство уделяло заготовкам ржи и пшеницы, а особенно — пшеницы.

В период 1935–1940 гг. доля машинно-тракторных работ возрастала (табл. 2). Вместе с натуроплатой МТС также росли общие поступления зерновых. В связи с мобилизацией из сельского хозяйства в Красную армию в 1941 году тракторов и автомашин натуроплата за машинно-тракторные работы снизилась на 1/3 относительно 1940 года.

¹ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1151. Л. 242, 244. (Все таблицы составлены автором по материалам архивов.)

Таблица 2. Поставки зерновых по СССР по источникам и видам поступлений в 1935–1941 гг. (млн пудов)²

Наименование источников и видов поступлений	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941
Обязат. поставка	950,9	741,0	729,9	689,4	638,2	888,4	657,5
Натуроплата МТС	366,3	395,2	687,2	618,4	740,9	873,7	574,6
Возврат ссуд колхозов	83,2	104,5	68,3	72,8	152,1	131,6	49,9
Хлебный фонд Красной армии	—	—	—	—	—	—	2,5
Хлебосдача совхозов	168,8	187,8	237,2	207,1	188,6	219,1	170,0
Возврат ссуд совхозов	19,8	7,1	7,4	2,6	6,6	5,1	3,5
Не распределено	—	—	0,1	—	0,7	—	—
Всего	1589,0	1435,6	1730,1	1590,3	1727,1	2117,9	1458,0
Закупка	217,7	122,2	219,6	185,5	162,1	92,5	20,6
Прочие поступления	—	—	—	—	—	14,5	4,8
Итого	1806,7	1557,8	1949,7	1775,8	1889,2	2224,9	1483,4

² РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 36. Л. 19; Д. 603. Л. 124; Д. 988. Л. 9, 12, 25; Д. 2584. Л. 3; Д. 2629. Л. 1.

Таким образом, несмотря на уменьшение машинно-тракторного парка, снижение поступлений зерновых культур урожая 1941 года против заготовок 1940 года, Советское государство получило достаточное количество хлеба, которое было соизмеримо с поставками зерна в мирные 1933 и 1936 годы. Следовательно, в 1941 году Советский Союз не испытывал острой необходимости в поставках импортного зерна.

Таблица 3. Заготовка и закупка мяса по СССР в 1933–1941 гг. (тыс. тонн)³

Год	Обязат. поставка	Совхозы	Закупка	Поступ. в счет других с/х продуктов	Всего
1933	673,1	150,6	—	—	823,7
1934	785,9	282,5	5,0	—	1073,4
1935	770,5	260,7	45,3	—	1076,5
1936	737,2	353,9	341,6	—	1432,7
1937	637,9	338,8	302,2	—	1278,9
1938	937,0	365,1	802,2	—	2104,3
1939	1146,7	371,5	939,8	—	2458,0
1940	1242,0	337,0	409,1	52,2	2040,3
1941	1035,1	185,1	223,1	26,3	1469,6

По архивным данным, среднегодовой объем заготовок и закупок скота и птицы в 1938–1940 гг. достиг 2201 тыс. тонн (табл. 3). А в 1933–1937 гг. поступление мяса в среднем за год составляло 1137 тыс. тонн. Следовательно, во время третьей пятилетки мясopоставки увеличились почти в 2 раза относительно заготовок в период второго пятилетнего плана.

В 1941 году поставки живого зачетного веса скота были ниже, чем в годы третьей пятилетки, но они были выше, чем в любой год второго пятилетнего плана разви-

³ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 65а. Л. 198–201; Д. 803. Л. 12–14, 22–23; Д. 1081. Л. 1–2, 37–39; Д. 1461. Л. 5; Д. 2629. Л. 48.

тия народного хозяйства СССР. В 1941 году мяса поступило 72% относительно 1940 года.

Обращают на себя внимание такие факты. В 1941 году колхозы, колхозники и единоличники заготовили по обязательным поставкам государству 1035,1 тыс. тонн мяса в живом весе. Это количество зачетного живого веса скота было меньше на 17%, чем они сдали по обязательным поставкам в 1940 году. По всем остальным источникам мясopоставки в 1941 году были почти в 2 раза ниже, чем в 1940 году.

Таким образом, 1469,6 тыс. тонн заготовленного в 1941 году мяса в живом зачетном весе — неплохой результат, сравнимый с поступлениями в мирные годы второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Значит, в 1941 году Советский Союз не испытывал потребности в поставках мяса извне.

Заготовки и закупки молока в 1933–1940 гг. увеличивались (табл. 4). Если в 1933 году поступление этого продукта питания равнялось 3,5 млн тонн, то в 1935 году оно превзошло 4 млн тонн. В 1936 году количество молока, полученное по обязательным поставкам колхозов, колхозников, единоличников, совхозов, а также по закупке и другим источникам поступлений составило уже более 5 млн тонн. Незначительно уменьшившись в 1937 году (на 1,4% против 1936 г.), заготовки молока в 1938 году выросли до 5,6 млн тонн. В 1939 году поступление этого продукта питания снова немного снизилось относительно 1938 года (на 1,1%), но в 1940 году достигло почти 6 млн тонн.

Колхозы, колхозники, единоличники по обязательным поставкам в 1941 году сдали молока на 4% меньше, чем в 1940 году. Заготовки совхозов молока для государства в 1941 году стали ниже на 10,5%, чем в 1940 году, а закупка молока и молочных продуктов в 1941 году сократилась почти в два раза относительно 1940 года. Поэтому суммарные поступления молока в СССР снизились в 1941 году против 1940 года на 11%.

Таблица 4. Заготовка и закупка молока по СССР
(тыс. тонн)⁴

Год	Обязат. поставка	Совхозы	Закупка	Поступ. в счет других с/х продуктов	Всего
1933	2876,3	638,3	—	—	3514,6
1934	3006,1	733,3	33,0	—	3772,4
1935	3007,6	1009,1	231,2	—	4247,9
1936	3149,4	1177,7	735,5	—	5062,6
1937	3119,1	1107,2	764,0	—	4990,3
1938	3130,4	1113,0	1331,9	—	5575,3
1939	3445,1	1011,8	1055,0	—	5511,9
1940	4069,9	1013,3	813,1	8,5	5904,8
1941	3906,8	906,7	413,5	24,4	5251,4

Заготовки молока в Советском Союзе в 1941 году были ниже, чем в годы третьей пятилетки, но они были больше, чем в любой год второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В 1941 году молока поступило 89% относительно 1940 года.

Таким образом, Советский Союз молока в 1941 году получил столько же, сколько и в некоторые довоенные годы. Поэтому в первый год войны нужды в союзнических поставках молочных продуктов не было.

Количество поступивших яиц с 0,3 млрд штук в 1933 году увеличилось до 1,1 млрд штук в 1936 году, в 1938 году возросло почти до 2 млрд штук, а к 1940 году — почти до 2,7 млрд штук (табл. 5). Если принять сумму заготовленных яиц в 1933 году за 100%, то в 1937 году закупки яиц стали больше почти в 5 раз, а в 1940 году — почти в 9 раз.

В 1941 году поставки яиц были ниже, чем в годы третьей пятилетки, но они были больше, чем в любой год второго пятилетнего плана развития народного хозяйст-

⁴ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 65а. Л. 200–201; Д. 683. Л. 52–58, 68; Д. 691. Л. 1–3; Д. 814. Л. 10; Д. 931. Л. 9–10; Д. 1461. Л. 1; Д. 2629. Л. 50.

ва СССР. В 1941 году яиц поступило 71% относительно 1940 года.

Таблица 5. Закупка яиц по СССР в 1933–1941 гг.
(млн шт.)⁵

Год	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941
Количество, шт.	301	412	568	1131	1437	1967	2209	2679	1890
% отношение закупок 1936 г.	27	36,5	50	100	127	174	195	236	167

В 1936–1938 гг. в Советском Союзе яиц было закуплено 1131 млн шт., 1437 млн шт. и 1967 млн шт. соответственно. Суммарное количество этого продукта питания, полученное Советским государством в 1941 году, несколько уступает закупкам 1938 года, но превышает поступления этого сельскохозяйственного продукта в 1936–1937 гг.

Поступления шерсти в Советском Союзе в 1933–1940 годах неуклонно росли из года в год (табл. 6). Количество заготовленной шерсти увеличилось в 1937 году в 2 раза относительно поставок 1933 года. В 1940 году поступления шерсти достигли 118,7 тыс. тонн, что превысило заготовку 1933 года в 3 раза.

Таким образом, советское крестьянство сдало шерсти в 1940 году 118,7 тыс. тонн, а в 1941 году — 118,3 тыс. тонн. Совхозы заготовили в 1941 году на 4 тыс. тонн шерсти меньше, чем в 1940 году. Колхозы и колхозники, напротив, по обязательной поставке в 1941 году сдали на 4 тыс. тонн шерсти больше, чем в 1940 году.

Поступления шерсти в 1941 году были примерно такими же, как и в 1940 году. Следовательно, советская

⁵ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2629. Л. 53.

колхозно-совхозная деревня сумела обеспечить в первый военный год бойцов и командиров Красной армии теплой одеждой.

Таблица 6. Заготовка и закупка шерсти по СССР (тыс. тонн)⁶

Год	Обязат. пост.	Колхозы	Индивидуальный сектор	Совхозы	Закупка	Итого	В % к 1936
1933	21,4	7,9	13,5	11,4	5,5	38,3	54
1934	23,4	10,7	12,7	14,5	4,6	42,5	60
1935	24,4	16,9	7,5	18,2	10,5	53,1	75
1936	28,6	20,3	8,3	21,4	21,2	71,2	100
1937	31,4	23,5	7,9	20,0	27,5	78,9	111
1938	38,0	28,0	10,0	20,7	35,8	94,5	133
1939	44,7	33,1	11,6	21,5	40,7	106,9	150
1940	53,3	40,7	12,6	21,9	43,5	118,7	167
1941	57,0	н/св.	н/св.	18,0	43,3	118,3	166

Германский генерал Г. Гудериан сравнивал обеспеченность солдат вермахта и Красной армии с продовольствием и обмундированием в ходе Битвы за Москву: «...лишь тот, кто часами ехал по ничейной территории для того, чтобы увидеть в конце пути холодный домик с тонкими стенами, внутри которого сидят полуголодные солдаты в тонкой одежде, лишь тот, кто видел наряду с ними сытых, тепло одетых и неустоленных сибиряков, имеющих все необходимое для зимней военной кампании, — лишь тот, кто все это испытал, может верно судить обо всем произошедшем»⁷.

⁶ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 65. Л. 200–201; Д. 696. Л. 13; Д. 698. Л. 35–38, 72–75; Д. 1081. Л. 76–78; Д. 1461. Л. 28.

⁷ Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945 / пер. с англ. Д. А. Лихачева. М.: Центрполиграф, 2009. С. 278.

Маршал Победы Г. К. Жуков свидетельствовал: «Да, гитлеровцы кутались в теплые вещи, отобранные у населения, ходили в уродливых самодельных соломенных калошах. Полушубки, валенки, телогрейки, теплое белье — все это тоже оружие. Наша страна одевала и согревала своих солдат. А гитлеровские войска не были подготовлены к зиме»⁸.

Вследствие сокращения производства зерновых особое значение в продовольственном снабжении страны приобрел картофель, который по праву считается у нас «вторым хлебом». Он менее транспортабелен, чем зерно, но в сушеном виде удобен для перевозок и служил подспорьем в продовольственном снабжении Красной армии. Кроме того, замена хлеба картофелем в питании крестьянского населения позволяла повысить заготовки зерновых.

Поэтому в годы Великой Отечественной войны важное народнохозяйственное значение имело увеличение производства картофеля и овощей. Роль этих культур как крупных источников продовольственного снабжения была значительной и в мирное время, а в условиях напряженного продовольственного баланса в военный период еще больше возросла. Не говоря уже о снабжении армии картофелем в натуральном виде из районов прифронтовой полосы, высушенный картофель поступал на фронт из глубинных тыловых районов.

В заготовке картофеля работниками агропромышленного комплекса СССР прослеживается чередование высокоурожайных 1935, 1937 и 1940 годов и неудачных 1933, 1936, 1938 и 1939 годов (табл. 7). За восемь предвоенных лет поступления картофеля в Советском Союзе составляли 5–8 млн тонн, достигнув в 1940 году 8,5 млн тонн.

⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Вече, 2015. Т. 2. С. 36.

Таблица 7. Выполнение плана сдачи картофеля за ряд лет по СССР (тонн)⁹

Год	Обязат. поставка	Закупка	Прочие поступления	Всего	В % к 1936 г.
1933	5 684 227	—	170 725	5 854 952	102
1934	5 839 328	328 156	355 077	6 522 561	113
1935	6 487 474	1 009 814	511 250	8 008 538	139
1936	5 124 673	171 315	463 638	5 759 626	100
1937	5 853 266	1 167 395	—	7 020 661	122
1938	4 734 313	352 629	178 689	5 265 631	92
1939	4 410 781	312 544	112 539	4 835 864	84
1940	7 929 926	302 541	269 571	8 502 038	148
1941	3 175 370	134 785	25 005	3 335 160	58

Суммарные поступления картофеля, включая закупки и децентрализованную заготовку, составили в 1941 году 3,3 млн тонн против 8,5 млн тонн в 1940 году, или всего около 40%. Если же сравнить количество картофеля, полученного Советским Союзом в 1941 году, с неудачным сельскохозяйственным 1939 годом, то и тогда общие поставки этого продукта питания в первый военный год были менее 70% против 1939 года.

Наибольшие объемы заготовок овощей в СССР были в высокоурожайные 1934, 1939 и 1940 годы (табл. 8). В 1936 году поступления этих продуктов сократились в сравнении с 1933 годом в 2 раза. В 1937 году поставки овощей возросли против предыдущего года в 1,7 раза. В 1938 году сдача этих продуктов снова снизилась до 71% в сравнении с 1937 годом. В 1939 году поставка овощей несколько увеличилась и почти достигла заготовок 1933 года. В последнем предвоенном 1940 году этих сельскохозяйственных культур по всем источникам поступлений страна получила в 2 раза больше, чем в 1937 году.

⁹ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1534. Л. 5, 10, 12.

Таблица 8. Заготовлено овощей по СССР за ряд лет (тыс. тонн)¹⁰

Год	Заготовка	Другие поступления	Закупка	Итого
1933	1 776	—	—	1 776
1934	1 982	—	—	1 982
1935	1 625	—	—	1 625
1936	802	78	—	880
1937	1 477	—	—	1 477
1938	1 044	—	—	1 044
1939	1 242	497	—	1 739
1940	2 356	601	13	2 970
1941	1 146	227	—	1 373

Заготовки овощей в 1941 году по сравнению с 1940 годом сократились с 3,0 млн тонн до 1,4 млн тонн, или в 2,2 раза. Однако относительно поступлений этих сельскохозяйственных продуктов в мирном 1939 году, СССР получил в военном 1941 году овощей на 21% меньше.

Таким образом, поставки овощей в первый год войны сократились против 1939 и 1940 годов, но оказались выше, чем страна получила этих продуктов питания в мирные 1936 и 1938 годы. Следовательно, в первый год войны Советский Союз получил овощей не намного меньше, чем в некоторые предвоенные годы.

В 1941 году заготовки всех сельскохозяйственных продуктов снизились в сравнении с поступлениями 1940 года (табл. 9). В несколько раз уменьшились поставки картофеля, подсолнечника, овощей, почти на порядок сократилась контрактация сахарной свеклы. Вместе с тем заготовки таких важнейших сельхозпродуктов, как зерно, мясо, молоко, яйца, шерсть уменьшились не радикально и, как было показано выше, они были примерно такими же, как в некоторые мирные предвоенные годы. Советские труженики агропромышленного комплекса сумели обеспечить

¹⁰ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2629. Л. 8.

всем необходимым продовольствием свою родную Красную армию в 1941 году.

Таблица 9. Сравнительная таблица производства и заготовок сельхозпродуктов в Советском Союзе в 1940–1941 гг. (млн тонн)¹¹

С/х продукт	1940			1941		
	Производство	Заготовки	%	Производство	Заготовки	%
Зерновые	95,5	36,4	38,1	55,9	24,3	43,5
Пшеница	31,7	15,6	49,2	21,2	11,9	56,1
Картофель	75,9	8,7	11,5	26,4	3,3	12,5
Сах. свекла	18,0	16,8	93,3	1,9	1,6	84,2
Подсолнечник	2,6	1,5	57,7	0,91	0,48	52,7
Овощи	5,9	3,0	50,8	1,9	1,4	73,7
Мясо	4,7	2,0	42,6	4,1	1,5	36,6
Молоко	33,6	5,9	17,6	25,5	5,3	20,8
Яйца (млрд шт.)	12,2	2,7	22,1	9,3	1,9	20,4
Шерсть (тыс. тонн)	161	119	73,9	161	118	73,3

Таким образом, колхозно-совхозная система сельскохозяйственного производства страны оказалась не только удачной формой развития сельского хозяйства в мирные годы, но и оптимальным средством мобилизации сельскохозяйственного производства во время Великой Отечественной войны. Без колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций Советский Союз не получил бы даже необходимого минимума продуктов питания.

¹¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. С. 827; История крестьянства СССР. Т. 3. С. 219; РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 296. Л. 1, 8, 9–10; Д. 304. Л. 1; Д. 1082. Л. 27; Д. 1151. Л. 242; Д. 1461. Л. 5, 8, 26; Д. 1534. Л. 10; Д. 1892. Л. 2.

Дмитрий Владимирович
Кольхалов

К. и. н., доцент Университета прокуратуры
Российской Федерации

Прокуратура СССР в 1941 г.

Нападение германских войск советская прокуратура встретила в том организационном виде, который создавался после 1933 года в течение восьми предвоенных лет¹. Во главе Прокуратуры СССР стоял генерал-майор В. М. Бочков. Сам по себе этот факт может вызвать недоумение и стать основанием для вывода о приниженном значении главного надзорного органа государства. Как и почему 40-летний генерал-майор был назначен на столь важный пост? Напомним, что согласно Конституции СССР 1936 г. высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами СССР и подведомственными им учреждениями, за должностными лицами, гражданами СССР был возложен на Прокурора СССР, который своей властью назначал прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей². Исследователи Ю. Г. Орлов и А. Г. Звягинцев подмечают, что Виктор Михайлович Бочков не имел никакой

¹ «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР». Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. // Советская юстиция. 1933. № 13. С. 7.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936.

юридической подготовки и даже отдаленно не был связан с деятельностью органов прокуратуры, юстиции или суда³.

Во-первых, назначение молодых руководителей было вполне типичным для этого времени: Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия, начальник управления кадров Центрального комитета ВКП(б) Г. М. Маленков, нарком Военно-морского флота СССР Н. Г. Кузнецов, нарком вооружения СССР Д. Ф. Устинов и т. д. И это никак не свидетельствует о принижении организаций, которые они возглавляли.

Во-вторых, А. Я. Вышинский, с которым, главным образом, в общественном сознании ассоциируется деятельность Прокуратуры СССР во второй половине 30-х гг. XX в., не покинул государственной службы. В 1941 г. он был заместителем председателя СНК СССР В. М. Молотова, а затем, с 6 мая 1941 г., — И. В. Сталина. Как образованный и опытный юрист А. Я. Вышинский продолжал курировать правоохранительные органы. И, кроме того, первым заместителем Прокурора СССР В. М. Бочкова был профессиональный юрист Г. Н. Сафонов.

В-третьих, на рубеже 1930–40-х гг. СССР находился в ожидании большой войны и подготовки к ней. В условиях войны потребовалось бы мобилизовать «гражданские» ресурсы для решения военных задач.

До революции 1917 г. военные и гражданские прокуроры служили в разных ведомствах. Изредка статские прокуроры могли занимать должности при военно-окружных судах.

После возрождения института прокуратуры в 1922 г. в составе Народного комиссариата юстиции РСФСР и после создания СССР система органов военной прокуратуры фактически оставалась самостоятельной отдельной организацией. Номинально главный военный про-

³ *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 205–206.

курор был подчинен прокурору Верховного суда СССР П. А. Красикову. И даже централизация прокуратуры в 1933 г. не смогла изменить этой ситуации. А. Я. Вышинский не имел отношения к профессиональной военной службе или к военной юстиции, а М. И. Панкратьев за короткое управление Прокуратурой СССР скомпрометировал себя как неумелый руководитель.

В преддверии войны прокуратуре был нужен руководитель, способный подготовить ее к условиям военного времени, обеспечить слаженность работы единой организации, взаимозаменяемость кадров.

В-четвертых, ситуация осложнялась репрессивным разгромом военной прокуратуры в 1937–1938 гг. Назначенный в феврале 1936 г. главным военным прокурором, Наум Савельевич Розовский активно содействовал проведению репрессий в РККА. В начале 1937 г. он распорядился пересмотреть прекращенные в 1935–1936 гг. уголовные дела, возбужденные по фактам аварий, катастроф и другим несчастным случаям. Н. С. Розовский дал указание военным прокурорам переквалифицировать эти дела и расследовать их как факты вредительства и диверсий. Затем, во второй половине 1937 г., главный военный прокурор Н. С. Розовский направил свою директиву в военные прокуратуры с указанием пересмотреть все те уголовные дела, которые были прекращены уже репрессированными военными прокурорами⁴. В своей деструктивной деятельности Н. С. Розовский явно перестарался. При этом деловых качеств не проявил. 7 сентября 1939 г. он был арестован. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР был осужден к 10 годам лишения свободы⁵. Руководящие органы Прокуратуры СССР

⁴ *Бобринев В. А., Заика Л. И.* Заговор против законности // Коммунист вооруженных сил. М., 1990. № 16. С. 77–81.

⁵ *Черушев Н. С.* Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 1998. № 3 С. 19–38; *Сувениров О. Ф.* Сопrotивление личного состава РККА партийно-государственному истреблению военных кадров (1937 — июнь 1941) // Военно-исторический архив. М., 2008. № 1. С. 18–39.

и Главной военной прокуратуры были обезлюжены в профессиональном отношении. Следовало готовить и выдвигать новые кадры.

В-пятых, накануне своего назначения Прокурором СССР В. М. Бочков был начальником 4-го (Особого) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, т. е. возглавлял военную контрразведку страны с января 1939 г. и до августа 1940 г. На этот период, как известно, приходится бои у р. Халхин-Гол летом 1939 г., освободительный поход в Польшу в сентябре 1939 г., Советско-финляндская война зимой 1939–1940 гг. В этот период В. М. Бочков был в командировках в различные воинские соединения РККА. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 г. комиссар государственной безопасности 3-го ранга В. М. Бочков был награжден орденом Ленина наряду с другими известными руководителями органов и войск НКВД СССР. Его фамилия стоит первой в длинном списке награжденных. Вторую позицию в списке занял Н. И. Власик, начальник охраны И. В. Сталина.

Виктор Михайлович Бочков с 1923 по 1935 г. служил в пограничных войсках ОГПУ — НКВД СССР, в 1938 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе⁶. Очевидно, что с Уголовным кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом он был знаком. А кроме того, хорошо был знаком с военными уставами и другими нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность Вооруженных сил. Но при этом он не из среды генералитета РККА. Это было важно для соблюдения принципа беспристрастности. Нужен был человек, не связанный ни с армейскими, ни с флотскими кланами. При этом еще и скромный, без излишних амбиций.

О своем назначении Прокурором СССР сам В. М. Бочков узнал в августе 1940 г. из сообщений по радио и мест-

⁶ Копия протокола допроса свидетеля В. М. Бочкова от 25 января 1954 г. // Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/22307>.

ной прессы, когда был в служебной командировке. Это назначение его ошеломило, так как, по его словам, к исполнению этой должности он не был совершенно подготовлен. И никто по поводу этого назначения с ним не говорил⁷.

До начала военных действий уже 21 июня 1941 г. Прокурор СССР В. М. Бочков издал приказ № 532, в котором определялся порядок подготовки центрального аппарата и здания Прокуратуры СССР к мероприятиям противовоздушной обороны. Все служащие Прокуратуры СССР были обязаны сдать нормы по противовоздушной обороне 1-й степени к 7 ноября 1941 г. Начальниками местной противовоздушной обороны (МПВО) стали начальники отделов и управлений⁸.

В первые дни войны Прокурор СССР начал перестраивать работу прокуратуры в соответствии с чрезвычайными условиями. Приказ Прокурора СССР «О надзоре за точным исполнением законов в условиях военного времени» № пр/57с от 25 июня 1941 г. ставил основную задачу органам прокуратуры оказывать полное содействие военному командованию и военным властям в использовании сил и средств данной местности для нужд обороны страны и обеспечения общественного порядка и безопасности. Органы прокуратуры также обязывались обеспечить строжайший надзор за точным и безоговорочным выполнением законов, имеющих особо важное значение в условиях военного времени⁹.

Приказами наркома юстиции СССР Рычкова и Прокурора СССР Бочкова от 24 и 27 июня 1941 г. определяется порядок направления в военные трибуналы дел о преступлениях, предусмотренных статьей 7 указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении».

⁷ Там же.

⁸ Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 215.

⁹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени (с 22 июня 1941 г. по 22 января 1942 г.). Чкалов, 1942. С. 6.

В военных условиях центральный аппарат Прокуратуры СССР был разделен на две оперативные группы. Одна группа продолжала работать в Москве под руководством Прокурора СССР, а другая была эвакуирована в г. Чкалов (г. Оренбург). Структурными подразделениями этой группы руководили помощники соответствующих главных военных прокуроров, подчинявшихся заместителю Прокурора СССР¹⁰.

В действующей армии на основании приказа народного комиссара юстиции Союза ССР и Прокурора Союза ССР № 102/58 от 24 июня 1941 г. были созданы военные прокуратуры фронтов, флотов, армий, флотилий, корпусов и дивизий.

Прокуратуры 30 железных дорог 26 июня 1941 г. были преобразованы в военные прокуратуры с передачей их в ведение Главной военной прокуратуры Красной армии¹¹.

Осуществлялась переброска уральских, сибирских и дальневосточных дивизий в дни подготовки к великой битве под Москвой осенью 1941 г.; доставлялось оружие и продовольствие блокированному врагом героическому Ленинграду¹².

Прокуроры сталкивались с путаницей и хаосом в связи с отсутствием согласованных действий, халатностью и нераспорядительностью отдельных железнодорожных начальников, фактами крушений и задержек, срывов

¹⁰ Рубан А. М. Структурная перестройка органов военной прокуратуры в предвоенные годы и с началом боевых действий // Великая победа: история и современность: материалы научной конференции. М.: Военный университет, 1995. С. 127.

¹¹ Широкова А. А. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование: дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. 07.00.02. М., 2010. С. 42.

¹² Конарев Н. С. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Министерство путей и сообщения, 1985. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-military/132634-n-konarev-zheleznodorozhniki-v-velikoy-otechestvennoy-voynye-1941-1945.html> (дата обращения: 06.05.2020).

эвакуационных планов, огромного скопления железнодорожных составов на отдельных участках пути, длительных остановок в движении. Среди эвакуированных прятались дезертиры, преступники, лица, имеющие оружие, и они представляли угрозу тылу. Их нужно было выявлять. Все это усугублялось быстрым продвижением войск противника, вражескими налетами и диверсиями на транспорте¹³.

Во время Великой Отечественной войны значительное число прокурорско-следственных работников ушло на фронт. В районах, подвергшихся оккупации, многие работники прокуратуры остались на местах в партизанских отрядах и на подпольной работе¹⁴. Прокурор Пушкинского района А. И. Миронов, оказавшись в тылу врага, организовал партизанский отряд. В неравном бою он был схвачен оккупантами и казнен на площади в городе Пушкине¹⁵.

В прифронтовой зоне ряд опорных прокуратур районов был военизирован. Личный состав этих прокуратур: районные прокуроры, помощники прокурора и следователи — стали именоваться военными. В связи с этим изменились и их функции. Например, вся прокуратура г. Ленинграда была преобразована в военную прокуратуру. Прокурором Ленинграда стал кадровый военный бригадир-юрист Антон Иванович Панфиленко¹⁶.

Часть работников прокуратуры вступила в ряды истребительных батальонов¹⁷. Работники прокуратуры проходили военно-боевую подготовку: строевые занятия,

¹³ Пернавский Г. Рельсы эвакуации ведут к победе. URL: <https://vgudok.com/lenta/relsy-evakuacii-vedut-k-pobede-zheleznye-dorogi-spasli-front-i-stranu-v-pervye-gody-velikoy> (дата обращения: 06.05.2020).

¹⁴ Болдырев В. А. Суровые испытания // Прокуратура земли московской. События и люди. М., 2008. С. 57–58.

¹⁵ Советская прокуратура. М.: Юрид. лит.-ра, 1982. С. 84.

¹⁶ Там же. С. 84.

¹⁷ Болдырев В. А. Суровые испытания // Прокуратура земли московской. События и люди. М., 2008. С. 57–58; Цыпленков К. Московские истребительные батальоны. Июль — октябрь 1941 г. // Старый Цейхгауз. 2009. № 31. С. 50–56.

обучение стрельбе боевыми патронами, штыковому бою, метанию учебных и боевых гранат. Из личного состава работников прокуратур формировались местные противопожарные команды. Здания прокуратур, расположенных в прифронтовой зоне, подвергались бомбежкам зажигательными бомбами. Возникшие пожары ликвидировались силами этих местных противопожарных команд прокуратуры. Например, прокуратура Иркутской области относилась к территориальной прокуратуре и действовала в условиях глубокого тыла. С началом военных действий часть прокуроров и следователей была мобилизована в действующую армию. Из 215 человек, работавших в органах прокуратуры области, на военную службу было призвано 85 человек. Большинство из них проходили ее с учетом прежнего места работы, т. е. военными следователями, военными прокурорами, в военных трибуналах и органах контрразведки¹⁸.

Обстановка на фронтах складывалась таким образом, что 5 июля 1941 г. Прокурор СССР В. М. Бочков решением Ставки был назначен членом военного совета и начальником особого отдела Северо-Западного фронта. В тот же день убыл на фронт. Это был не единственный случай направления на фронт руководителя центрального ведомства. Его обязанности в Прокуратуре СССР временно исполнял Г. Н. Сафонов.

Северо-Западный фронт состоял из войск бывшего Прибалтийского округа. Сдерживая превосходящие силы противника, фронт отходил на северо-восток и восток. 26 июня 1941 г. немецкие войска захватили Даугавпилс, 1 июля — Ригу, 9 июля — Псков.

Постановлением Государственного Комитета Обороны № ГОКО-187сс от 17 июля 1941 г. главная задача осо-

¹⁸ Помним всех поименно. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / сост. И. П. Скрибченко, В. В. Сазонов. Иркутск, 2015. С. 30, 94–95; Прокуратура Иркутской области 80 лет на страже закона / сост. С. Д. Зенков, И. П. Скрибченко, Ю. Е. Шимшинов, В. В. Сазонов. Иркутск, 2017. С. 20.

бых отделов НКВД СССР на период войны определялась как решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидация дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе. Особые отделы получили право ареста дезертиров и расстрела их на месте¹⁹.

За оставление Пскова выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР 26 июля 1941 г. в Ленинграде приговорила командира 118-й стрелковой дивизии генерал-майора Н. М. Гловацкого к расстрелу, командира 41-го стрелкового корпуса генерал-майора И. С. Кособуцкого — к 10 годам лишения свободы, начальника инженерной службы 41-го стрелкового корпуса военинженера II ранга Головлева — к расстрелу. Следствие пришло к выводу, что указанные командиры допустили беспорядочное отступление частей 118-й, 111-й стрелковых дивизий и 25-го укрепрайона за р. Великую. Войскам пришлось переправляться на подручных средствах из-за преждевременного взрыва моста. Это привело к большим потерям среди личного состава и боевой техники. Оборона Северо-Западного фронта на линии укрепленных районов по р. Великой была прорвана, что стало причиной оставления Пскова²⁰.

Контрудар Красной армии под Сольцами 14–18 июля 1941 г. к западу от оз. Ильмень отбросил части немецкой армии на 40 км. Этот контрудар способствовал обороне Луги, что задержало наступление противника на Ленинград почти на месяц. Затем войска Северо-Западного фронта 12–25 августа 1941 г. попытались нанести контрудар под Старой Руссой. Контрудар завершился неудачей и привел к тяжелым потерям. 23 августа 1941 г. командующий Северо-Западным фронтом генерал-майор П. П. Собенников был снят со своей должности. Новым

¹⁹ Государственный комитет обороны. Постановление № ГОКО-187сс от 17 июля 1941 г. // 1941 год: В 2 кн. Кн. 2 / сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова; М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998.

²⁰ *Елизаров А. М., Кирпичник А. Г., Лебедев Е. Я., Миловидов В. Л.* Т. 8 // Книга памяти. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 1–8. С. 122.

командующим был назначен генерал-лейтенант П. А. Курочкин.

После короткого расследования по решению уполномоченных ГКО СССР армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса и генерала армии К. А. Мерецкова 11 сентября 1941 г. был расстрелян перед строем начальник артиллерии 34-й армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров²¹. Свое решение Л. З. Мехлис обосновал приказом Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г., обязавшего всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте дезертиров из начсостава.

Под следствием оказался и командующий 34-й армии генерал-майор К. М. Качанов. Но уже за действия при обороне Демянска. Ему было предъявлено обвинение в неисполнении приказа военного совета фронта от 8 сентября 1941 г. о нанесении соединениями 34-й армии удара во фланг и тыл наступающему противнику. В обвинительном заключении следствия утверждается, что К. М. Качанов снял с оборонительного рубежа три дивизии, что позволило противнику прорвать оборону 34-й армии и выйти ей в тыл. 27 сентября военный трибунал Северо-Западного фронта вынес приговор К. М. Качанову, в котором отмечалось, что отход армии был произведен в беспорядке, управление войсками было утрачено, в результате чего врагу был открыт фронт и дана возможность продвинуться вперед. Военный трибунал приговорил Кузьму Максимовича Качанова к расстрелу. 29 сентября приговор был приведен в исполнение²².

Во второй половине сентября 1941 г. после взятия Демянска немецкие войска закрепились на линии между оз. Ильмень и оз. Селигер. Фронт в этом районе стабилизировался.

В начале октября 1941 г. В. М. Бочков был вызван в Москву на Пленум ЦК ВКП(б). Однако Пленум не состоялся, и 10–12 октября 1941 г. он снова уехал на Северо-

²¹ *Исаев А. В.* Котлы 41-го. История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. М.: Яуза; Эксмо, 2005. С. 45.

²² Там же. С. 46.

Западный фронт. А в декабре 1941 г. вернулся в Москву для исполнения обязанностей Прокурора СССР²³.

На первом этапе войны задачи территориальных прокуратур заключались в следующем: надзор за эвакуацией предприятий и граждан из оккупированных районов, борьба с уклонением военнообязанных граждан от призыва и мобилизации в ряды Красной армии, борьба с уклонением от мобилизации для работ на производстве, борьба с распространением ложных слухов, осуществление надзора за выполнением предприятиями военных заказов и государственных поставок, борьба с дезертирством с оборонных предприятий, с нарушениями государственной и трудовой дисциплины в промышленности и на транспорте, надзор за выполнением правительственных директив в области сельского хозяйства и надзор за размещением и работой эвакуированных предприятий. Этим направлениям деятельности прокуратуры были посвящены специальные приказы Прокурора СССР от 11 июня, от 22 ноября 1941 г.²⁴

Перед органами прокуратуры при осуществлении общего надзора Прокурором СССР ставились следующие задачи: привлечение к ответственности должностных лиц и отдельных граждан за нарушение законов и постановлений правительства об охране общественного порядка и безопасности; укрепление государственной и трудовой дисциплины в промышленности для полного и своевременного выполнения промышленными предприятиями военных заказов; проверка соблюдения торгующими организациями правил торговли и привлечение к ответственности нарушителей; борьба с проявлениями антигосударственной практики в деле уборки урожая и заготовок

²³ Копия протокола допроса свидетеля В. М. Бочкова от 25 января 1954 г. // Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/22307>.

²⁴ *Мальцев Л.* Борьба с растратами и хищениями в военное время // Социалистическая законность. 1942. № 38. С. 7–10; *Полозков Ф.* Прокуратура в прифронтовой полосе // Социалистическая законность. 1942. № 10. С. 20–23.

сельскохозяйственных продуктов; проверка соблюдения законодательства, касающегося военнотружущих, инвалидов войны и членов их семей.

Прокуратура СССР осуществляла надзор за выполнением постановлений Государственного Комитета Обороны: постановление ГКО «О привлечении к ответственности за невыполнение поставок и перевозок заводам Наркомавиапрома, как за срыв заказов для нужд фронта» № ГКО-194сс от 18 июля 1941 г.; постановление ГКО «Об ответственности за срыв поставок и перевозок танковым заводам» № ГКО-236сс от 31 июля 1941 г.²⁵; постановление ГКО «Об обеспечении производства боеприпасов» от 22 августа 1941 г.²⁶

Прокуратура осуществляла надзор за исполнением указа Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г., за исполнением указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятия» от 26 декабря 1941 г. Прокурор СССР В. М. Бочков доложил руководству страны 3 марта 1942 г. о том, что с момента издания указа 26 декабря 1941 г. по 25 февраля 1942 г. количество дезертиров с предприятий составило 3740 и большую их часть составили молодые люди с небольшим производственным стажем. Прокуратурой была обобщена практика расследования таких дел и названы причины совершения таких преступлений: руководители предприятий не создавали надлежащих жилищно-бытовых условий, предъявляли жесткие требования к этим рабочим, без учета того, что они не являлись кадровыми рабочими и были выпускниками школ фабрично-заводского обучения, не имели опыта самостоятельной жизни, и не прово-

²⁵ Законодательные и важнейшие административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 по 1 августа 1944 г. М., 1944. С. 45, 49.

²⁶ Альбицкий П. Д. Вопросы общего надзора в практике советской прокуратуры. М., 1956. С. 40.

дилась должным образом политико-воспитательная работа среди молодежи²⁷.

В силу указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. объем следственной работы значительно увеличился из-за расширения круга дел, подсудных военным трибуналам. Отличие состояло и в необходимости осуществлять следствие в сокращенные сроки. Если сроки расследования в мирное время исчислялись днями и неделями, то в боевых условиях по многим делам они исчислялись часами.

В первые месяцы войны следственные органы прекращали все имевшиеся в производстве следователи дела по малозначительным преступлениям, возбужденные в отношении лиц, призванных в армию²⁸.

В ходе эвакуации прокуратур зачастую терялись уголовные и гражданские дела. В связи с этим народным комиссаром юстиции СССР и Прокурором СССР был подписан приказ «О порядке восстановления уголовных и гражданских дел, по которым производство утрачено, в связи с обстоятельствами военного времени» № АВ-507 от 23 мая 1942 г.²⁹

В первые месяцы войны основным направлением в работе специальных отделов прокуратур являлся надзор за вывозом заключенных из зон оккупации. В Прокуратуре СССР 22 сентября 1941 г. была создана оперативная группа в составе нескольких бригад, которые были направлены в места наибольшего скопления эвакуированных заключенных в 30 областях и краях страны для оказания помощи местным прокуратурам. Всего

²⁷ Деревскова В. М. Общественная деятельность территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере прокуратуры Иркутской области) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2. С. 104.

²⁸ Широкова А. А. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование: дис. на соиск. уч. ст. к. и. н.: 07.00.02. М., 2010. С. 107.

²⁹ Широкова А. А. Указ. соч. С. 108.

из прифронтовой полосы по неполным данным было вывезено 84 257 заключенных³⁰.

Несмотря на принятые меры, в ходе эвакуации по различным причинам выбыло около 43 тыс. заключенных, в том числе остались невывезенными — 21 504, освобожденные при эвакуации — 7 444, совершили побег во время налетов немецкой авиации — 819, бежали из-под конвоя — 264, погибли при бомбежках — 23, убиты при попытке к бегству 59, освободились в результате нападения какой-либо банды — 346, расстреляны в тюрьмах — 9 817, расстреляны конвоем в пути следования при подавлении бунта и сопротивления — 674, незаконно расстреляны конвоем в пути — 769, умерли в пути следования — 1 057 человек³¹.

Ожидание войны и особенно начало широкомасштабных военных действий вызвали перестройку работы Прокуратуры СССР. Часть центрального аппарата была эвакуирована в Чкаловск. Сама организация прокуратуры была военизирована. В первую очередь это коснулось транспортной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры в прифронтовой полосе. Прокурорские работники были обязаны обучаться действиям в составе местной противовоздушной обороны, а способные к военной подготовке поступали в ряды истребительных батальонов.

Возрастает и численность военной прокуратуры. Обстановка потребовала, чтобы и сам Прокурор СССР В. М. Бочков, в недавнем прошлом командир пограничных войск, и глава 4-го отдела НКВД СССР несколько месяцев 1941 г. были на фронте. Выезжают на фронт и другие руководители советской прокуратуры.

Прокуроры в период войны стали осуществлять надзор за исполнением актов ГКО. Детализируются направления надзора. Усложняется режим службы. Усиливается акцент на выполнении императивных норм актов,

³⁰ Там же. С. 139.

³¹ Кузьмин С., Гилязутдинов Р. ГУЛАГ в годы войны // Преступление и наказание. 1998. № 5. С. 29.

касающихся производства и поставки военной техники, вооружения, сбора и хранения урожая, производства продовольствия, мобилизации в армию и выявления дезертиров.

Главным изменением в работе следствия стало сокращение сроков предварительного расследования. Возникла проблема восстановления уголовных дел из-за их утраты в процессе эвакуации следственных органов. В условиях войны пришлось массово прекращать расследование преступлений небольшой тяжести.

*Евгений Васильевич
Суверов*

Д. и. н., профессор кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России

*Сергей Евгеньевич
Суверов*

Адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Приоритетные направления деятельности НКВД СССР в начале Великой Отечественной войны (в Сибири и на Дальнем Востоке)

В первые месяцы Великой Отечественной войны на советско-германском фронте для Красной армии сложилась катастрофическая ситуация в связи с тяжелыми потерями в живой силе и технике. За короткий промежуток времени противник оккупировал значительную часть западных районов Советского Союза, осенью немецкие войска подошли к Москве, а 16 октября 1941 г. в столице началась эвакуация.

Огромное значение в победе над врагом оказал крепкий тыл, где сосредоточилась промышленная и сырьевая база страны (в том числе в районах Сибири и на Дальнем

Востоке). Как отмечал И. В. Сталин: «Прежде всего, необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства»¹. Вместе со всем государственным аппаратом подразделения НКВД СССР, находящиеся в этих регионах, оперативно перестраивали свою деятельность в условиях военного времени.

Усилилось значение воспитательных мероприятий среди личного состава НКВД, которые основывались на коммунистических идеях, советском патриотизме в целях поднятия воинского духа, укрепления уверенности в победе над врагом. Систематически проводились политзанятия, где объяснялась обстановка в мире и на фронте, прослушивались выступления первых лиц государства, кратко конспектировались фундаментальные работы классиков марксизма-ленинизма.

В своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. И. В. Сталин отметил: «Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага... Мы должны укрепить тыл Красной армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий... организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону»².

Подразделения НКВД СССР продолжали осуществлять основные свои задачи: бороться с преступителями преступного мира и охранять общественный порядок. Сотрудники наркомата, несмотря на многочисленные трудности военного времени, продолжали противостоять преступному элементу, обеспечивая внутреннюю безопасность страны.

¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 13.

² Сталин И. Указ. соч. С. 14–15.

В городе Хабаровске 25 декабря 1941 г. в 3 часа 30 минут милиционер 3-го городского отделения Гусев, находясь на посту № 7 на улице Волочаевской, задержал подозрительного мужчину с вещами, который путано отвечал на его вопросы. При следовании в отделение милиции задержанный предлагал Гусеву карманные часы с просьбой его отпустить. Во время разбирательства было установлено, что задержанный оказался бывшим заключенным — Волацким, который ранее совершил кражу из квартиры. Милиционеру Гусеву была объявлена благодарность³.

В городе Барнауле с 1941 г. орудовала воровская банда численностью 32 человека, во главе которой находился рецидивист по прозвищу Шахмурат. Все преступники имели поддельные документы, которые незаконно получили за взятки в Алейском загсе. Благодаря проведенной сотрудниками органов внутренних дел спецоперации, банда была вскоре ликвидирована⁴.

Серьезные проблемы в обеспечении людскими ресурсами стала испытывать вся правоохранительная система Советского Союза в связи с отправкой ее сотрудников на фронт. С 17 сентября по 13 октября 1941 г. из городской милиции Новосибирска было призвано в Красную армию 16 человек. Из города Сталинска (современный Новокузнецк) в войска с 22 по 29 сентября 1941 г. было отправлено 18 милиционеров⁵. Участковый уполномоченный Приморского края П. И. Степанов Ханкайского РОВД был призван на фронт (демобилизовался по ранению в 1943 г.)⁶.

³ Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 73. Л. 203.

⁴ 90-летию уголовного розыска Алтайского края посвящается. Барнаул, 2008. С. 18.

⁵ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 292. Л. 34.

⁶ *Шабельникова Н. А.* Они сражались за Родину: сотрудники органов внутренних дел Приморского края — участники Второй мировой войны 1939–1945 гг. // Великая Отечественная война, войны России и проблемы исторической памяти. Материалы XLVII Междунар. науч. конф. / под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2020. С. 238.

С начала войны началась массовая мобилизация сотрудников НКВД, многие из которых так и не вернулись в родные края. Так, И. И. Осипчук (1911 г. р.) с декабря 1935 г. проходил службу в томской тюрьме № 3 в разных должностях: заведующим складом; начальником охраны тюрьмы; комендантом Нарымского спецотдела при тюрьме № 3; старшим по корпусу; дежурным помощником начальника тюрьмы. С 1940 г. получил звание старшины. 21 октября 1941 г. был призван Томским районным военкоматом в Красную армию. 17 декабря 1941 г. старшина И. И. Осипчук погиб в бою у деревни Ершово Гжатского района Смоленской области. В свою очередь, Г. Г. Кузнецов (1913 г. р.) с апреля 1938 г. проходил службу в 1-м отделении милиции города Томска. 28 октября 1941 г. он был призван в Красную армию, пропал без вести в ноябре 1942 г.⁷

Место мужчин в подразделениях НКВД стали массово занимать женщины. Так, взамен призванного 12 ноября 1941 г. в ряды РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии) стрелка ВОХР (военноизбранной охраны) ИТК № 5 (исправительно-трудовой колонии) с 1 декабря 1941 г. была принята гражданка М. Н. Горбачёва⁸.

Заключенные активно использовались в трудовом процессе. В местах лишения свободы, входивших в состав НКВД, было налажено производство боеприпасов, пошив армейского обмундирования, добыча сырья, топлива, функционировал аграрный комплекс. Начальники исправительно-трудовых учреждений несли персональную ответственность в случае невыполнения производственного плана.

Промышленное задание на ноябрь 1941 г. по изготовлению спецкупушки (деревянной тары для боеприпасов),

⁷ *Тягичев Ю. Н.* Этот день мы приближали как могли ... (Томские правоохранители в Великой Отечественной войне). Томск: Ветер, 2018. С. 59, 62.

⁸ Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 530. Л. 116.

идушей для нужд фронта, ряд руководителей промышленных колоний в Красноярском крае не выполнил. В частности, начальник Каннской ИТК тов. Ионов задание выполнил лишь на 20,4%, начальник Минусинской ИТК тов. Вершинин — на 65,6%, а начальник Березовской ИТК — на 70,1%. Невыполнение плана объяснялось техническими проблемами. В Минусинской ИТК 26 октября 1941 г. вышел из строя локомотив, в Берёзовской ИТК произошла авария с генератором, в Каннской ИТК в связи с переносом лесопильной рамы она долгое время не функционировала⁹. Каждый случай разбирался индивидуально, виновные привлекались к ответственности.

Спецконтингент в Сибири и на Дальнем Востоке пополнялся за счет как вновь осужденных, так и вывезенных из мест лишения свободы, находившихся в районах боевых действий.

За первые 7 месяцев войны были эвакуированы заключенные, содержащиеся в 272 исправительных учреждениях в общем количестве 141 527 человек.

Силами заключенных за годы войны было построено 12 аэродромов и 230 взлетно-посадочных полос, 3 доменные печи общей мощностью 980 тыс. тонн чугуна в год, 16 мартовских печей производительностью 1740 тыс. тонн кокса в год, смонтировано 46 электротурбин общей мощностью 596 тыс. кВт, построено 3573 км железных и 4700 км шоссейных дорог, 1058 км нефтепроводов. Осужденные добыли для нужд обороны: 315 тонн золота, 14389 тонн олова в концентратах, 1511 тонн молибденового концентрата, 6795 тонн вольфрамового концентрата, 407 тыс. тонн нефти, напилили леса и дров на 90 млн кубических метров, 3 млн заключенных пожертвовали в фонд обороны свои личные сбережения¹⁰.

⁹ Архив ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 28. Д. 1. Л. 195, 196.

¹⁰ Газета Министерства внутренних дел России «Щит и меч». 22 мая 2014. № 19. С. 13.

Таблица 1. Суточный план выпуска лыж в сентябре 1941 г. в Новосибирской области¹¹

Подразделение	Плановые показатели, пары
1. Исправительно-трудовая колония № 1	1785
2. Исправительно-трудовая колония № 6	476
3. Тайгинское отделение	298
4. Мариинское отделение	298
5. Прикульское отделение	179
6. С/площадка УПП	120
7. Ахпунское отделение	60
8. Н. — Ивановское отделение	60
9. Орлово-Розовское отделение	60
10. Бериккульское отделение	60
11. Юргинское отделение	60
12. Арлюкское отделение	24
13. Антибесское отделение	60
14. Сусловское отделение	60

Воисполнение приказа по Управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛиК) по Новосибирской области от 26 июля 1941 г. № 1303 «Об организации лагпункта Новосибирского ОЛП на Убинском и Сартланском озерах по рыбному промыслу» был укомплектован лагерьный пункт на 400 заключенных с охраной в количестве 30 человек¹².

В военные годы рабочий день заключенных не всегда нормировался и зависел от многих факторов (продолжительности светового дня, погодных условий, расстояния до производственного объекта и т. д.). Так, на основании

¹¹ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.

¹² Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 88. Л. 292.

приказа от 24 июня 1941 г. № 283 по Кривошековскому отделению УИТЛиК НКВД по Новосибирской области был введен 11-часовой рабочий день для осужденных в летнее время года в связи с достаточным естественным освещением¹³.

Санитарно-бытовые условия в местах лишения свободы зачастую не выдерживались, высокая смертность среди спецконтингента была связана с нехваткой продовольствия, массовыми заболеваниями, недостаточной медицинской помощью и тяжелым, как правило, ручным трудом.

Так, в ходе проверки 3-го отделения Нижне-Амурского лагеря НКВД Хабаровского края было установлено неудовлетворительное физическое состояние и большой рост смертности среди заключенных. Только с 1 августа по 20 декабря 1941 г. насчитывалось освобожденных от работы: 353 713 человеко-дня, госпитализированных — 225 616 человеко-дня, слабосильных первой группы — 82 602 человеко-дня и слабосильных второй группы — 131 990 человеко-дня. Резко увеличилась смертность: в августе 1941 г. умерло 148 человек, в октябре — 275 человек, в ноябре — 497 человек, всего за 5 месяцев 1941 г. в лагере умерло 1 642 человека. Имелись факты несвоевременного погребения умерших. На 16 декабря 1941 г. насчитывалось 116 непогребенных¹⁴.

Заместитель начальника УИТЛиК НКВД старший лейтенант госбезопасности тов. Гаранин в изданном приказе по Новосибирской области № 1919 от 29 ноября 1941 г. «Об улучшении работы лагпункта ИТК № 6 на спецстроительстве» подчеркивал, что в последнее время вывод на работу заключенных сократился на 50%, значительно увеличилось число слабосильных. Начальнику лагпункта тов. Кауфману необходимо было довести

¹³ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 158. Л. 3.

¹⁴ Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 75 Л. 3.

количество работающих на строительстве до 500 человек, не позже 5 декабря 1941 г. вывод должен был составить 600 человек. Требовалось провести усиленную медико-санитарную обработку всего лагерного контингента, ликвидировать завшивленность, побороть болезненные состояния осужденных, улучшить их питание, не допускать экономии средств за счет отбывающих наказание. Тов. Кауфман был предупрежден, что если он в ближайшее время не исправит обстановку в лагерном пункте ИТК № 6, то будет снят с работы и отдан под суд¹⁵.

Сотрудники мест лишения свободы усиливали меры по предотвращению побегов со стороны спецконтингента, привлекая к этому агентурный аппарат и местное население. 11 августа 1941 г. из Абаканской колонии НКВД бежали заключенные Халипский, Кирпа и Трифонов, которые скрывались на территории Туранского района Красноярского края. О совершенном побеге были оповещены местные жители, в том числе активный помощник НКВД — бригадмилец Романенко, который предпринял активные меры по розыску преступников. Во время обхода своей деревни Савушки он заметил на траве сбитую росу. Взяв с собой собаку и ружье, он внимательно стал изучать местность и вскоре обнаружил беглецов и принял меры к их задержанию¹⁶.

В 1941 г. начали проводиться специальные занятия с сотрудниками НКВД, где отрабатывались навыки по нейтрализации диверсионно-разведывательных групп противника, больше времени стали уделять огневой подготовке.

В связи с возможностью нападения Японии на Советский Союз в подразделениях НКВД Дальнего Востока с 1941 г. началась военная подготовка для борьбы с диверсантами противника, включавшая в себя: начальную подготовку в учебных подразделениях, истребительных частях,

¹⁵ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 88. Л. 77.

¹⁶ Архив ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 42. Л. 149.

по месту службы. Проходила отработка тактических действий со стрелковыми подразделениями (батальоном, чаще ротой, взводом), обучение небольших групп продвижению в лесистой местности с использованием лыж¹⁷.

Ужесточается дисциплинарная ответственность сотрудников НКВД за невыполнение приказов, халатное исполнение ими своих служебных обязанностей, ненадлежащее хранение секретной документации, несоблюдение финансовой отчетности в связи с военным временем.

Военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа 7 октября 1941 г. приговорил бывшего оперуполномоченного ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) Управления милиции Новосибирской области тов. Ф. В. Бутнова за утерю 14 сентября 1941 г. в нетрезвом состоянии пистолета «ТТ» с 16 боевыми патронами к 8 годам лишения свободы без поражения в правах. Был изолирован от общества на 5 лет сотрудник 4-го отделения милиции города Новосибирска С. И. Ашилин за систематическое пьянство (27 августа и 1 сентября он совершил прогулы)¹⁸. За опоздание на работу на 2 часа 5 минут 24 декабря 1941 г. надзиратель Томской спецтюрьмы Ф. С. Могилевский был арестован на 10 суток¹⁹.

В ночь на 17 июля 1941 г. была произведена проверка хранения секретных, совершенно секретных и других служебных документов в УНКВД по Красноярскому краю. В кабинете № 28, который временно занимал начальник отделения 1-го спецотдела УНКВД по Красноярскому краю лейтенант Киликин, была обнаружена на окне совершенно секретная директива, на стуле лежал журнал учета арестованных, бланки ордеров на отправку арестованных.

¹⁷ Жадан А. В. «Учить подчиненный им состав только тому, с чем придется встретиться на войне»: военная подготовка сотрудников территориальных органов НКВД Дальнего Востока (1941–1945 гг.) // Вестник Омского университета (Исторические науки). 2021. Т. 8. № 1. С. 40.

¹⁸ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 76. Л. 118.

¹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 293. Л. 458.

В один из журналов было вложено дело с совершенно секретной перепиской, там же находились список бежавших лиц и документы по агентурно-оперативной работе. Кабинет начальника отделения 1-го спецотдела младшего лейтенанта Чернудина был открыт, хотя в нем находилась вся документация по учету агентуры, уголовно-преступного и другого противообщественного элемента²⁰.

В рассматриваемый период проводилась инспектирование финансово-экономической деятельности подразделений НКВД СССР. Так, в июле 1941 г. финотделом УНКВД по Красноярскому краю была проведена ревизия финансово-хозяйственной деятельности Краснотуранского районного отдела милиции УНКВД, где была выявлена недостача 938 рублей у секретаря-счетовода Еременко. Кроме того, он, документально не оформив, списал 544 рубля. Учет денежных средств в данном подразделении находился в запущенном состоянии²¹.

В военное время происходило изменение структуры и численности подразделений НКВД. Так, для охраны Новосибирской водонасосной станции 17 октября 1941 г. был сформирован 3-й отдельный взвод ведомственной милиции в составе 53 сотрудников²². В октябре 1941 г. защиту зданий, где располагались партийные и советские органы в городе Новосибирске (облисполком, обком ВКП(б), горком ВКП(б)), осуществлял 2-й отдельный взвод ведомственной милиции (штат — 61 сотрудник)²³. Для охраны филиала Третьяковской галереи в городе Новосибирске было организовано отделение ведомственной милиции в составе 1 командира и 8 милиционеров²⁴. Милиция также охраняла китайское посольство в городе Новосибирске.

²⁰ Архив ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 26. Д. 1. Л. 267, 268.

²¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 32 Д. 3. Л. 125.

²² Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 279. Л. 171.

²³ Там же. Л. 169.

²⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 279. Л. 191.

В начале войны для борьбы с диверсантами расширяются штаты транспортной милиции. Так, до 116 человек была увеличена численность милиционеров на Томской железной дороге. Происходило формирование во всех дорожных отделах милиции «резервных взводов» численностью от 24 до 40 человек. Эти подразделения привлекались для борьбы с бандитизмом и грабежами, охраны общественного порядка и находились в постоянной боевой готовности²⁵.

На станции Новосибирск в 1941 г. дислоцировалось линейное отделение милиции, в состав которого входили посты (начальник и 2 милиционера) на ст. Болотное, Мошково, Кривошеково, Новосибирск-Алтайский, Чик и оперативный пункт (штат — 9 человек) на ст. Чулымская. На ст. Тайга находилось линейное отделение милиции, которое состояло из постов на ст. Анжерская, Асино, Томск-2, на ст. Юрга располагался оперативный пункт (штат — 11 человек), на ст. Томск был расположен оперативный пункт (штат — 16 человек). На ст. Инская находилось линейное отделение милиции в составе постов на ст. Бердск, Буготак, Тогучин. На ст. Промышленная размещался оперативный пункт (штат — 9 человек). На ст. Топки дислоцировалось линейное отделение милиции с 2 постами на ст. Кольчугино, Кемерово. На ст. Белово действовало линейное отделение с 2 постами на ст. Акчурля, Гурьевск. На ст. Сталинск функционировало линейное отделение с оперативным пунктом на ст. Усяты (штат — 9 человек) и оперативным постом на ст. Мундыбаш. На ст. Барнаул находилось линейное отделение с постами на ст. Черепаново, Усть-Тальменка, Алтайская, Топчиха, Буланиха. Оперативный пост был установлен на ст. Бийск (штат — 9 человек), а на ст. Рубцовск образовано линейное отделение с 3 постами на ст. Алей-

²⁵ Дроздов Ю. И. Гриф «Хранить постоянно». Из записок полковника транспортной милиции. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1998. С. 30–31.

ская, Поспелиха, Локоть. Общий штат по дорожному делу и линейным подразделениям милиции в 1941 г. составлял 507 человек²⁶.

На Дальнем Востоке сотрудники НКВД во время охраны железнодорожных путей стали больше внимания уделять созданию эффективной агентурно-осведомительной сети по обслуживанию объектов, связанных с грузоперевозками на железной дороге, очистке ее от враждебного элемента. Была проведена вербовка агентуры среди работников товарных дворов, пакгаузов, поездных составительских и паровозо-маневренных бригад, бригад технического осмотра. На железнодорожных объектах, особенно пораженных хищениями, практиковались агентурные заслоны и оперативные засады²⁷.

Детские приемники-распределители (ДПР) в период Великой Отечественной войны занимались трудоустройством и эвакуацией беспризорных детей. В Алтайском крае в штатном расписании ДПР с 1 июля 1941 г. произошли сокращения, в связи с чем весь личный состав был переведен на круглосуточное дежурство²⁸.

Участковые инспекторы милиции осуществляли проверку паспортного режима, выявляя беглых заключенных, дезертиров армии и промышленности, граждан, находящихся в розыске. Тщательная проверка документов была проведена в Красноярском крае (июль-август 1941 г.), а именно в Канском, Иланском, Рыбинском, Н. Ингашском районах, где проживало значительное число лиц без паспортов и прописки. Только в одном из общежитий сельхозтехникума в городе Канске было выявлено 24 человека без паспорта и 19 не имеющих прописку. В Нижнем Ингаше в одном из домов было обнаружено

²⁶ Там же. С. 28–29.

²⁷ Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с хищениями грузов на железнодорожном транспорте в 1941–1945 гг. // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 111.

²⁸ Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 465. Л. 55.

непрописанных, но проживающих там — 17 человек, с просроченными паспортами — 2 человека, не выписанных из домовых книг — 41 человек²⁹.

Повышались требования к штатному вооружению в подразделениях НКВД. Так, в соответствии с приказом начальника управления НКВД по Новосибирской области № 00606100193 все табельное оружие сотрудников должно было быть не менее калибра 7,62 мм (пистолеты «ТТ» и револьверы системы «Наган») ³⁰.

Специальные подразделения НКВД отвечали за организацию в тыловых районах противовоздушной обороны (ПВО), следили за соблюдением светомаскировки в темное время суток.

На основании приказа № 0051/0064 по УНКГБ и УНКВД Красноярского края от 9 июля 1941 г. «Об организации штаба ПВО и развертывании противовоздушной оборонной работы в УНКГБ и УНКВД по Красноярскому краю» был создан штаб противовоздушной обороны в составе: заместителя начальника управления НКГБ старшего лейтенанта А. В. Самойлова, заместителя начальника УНКВД лейтенанта А. В. Дунаева, начальника АХФО УНКВД по Красноярскому краю старшего лейтенанта П. М. Хренова, начальника АХО УНКВД по Красноярскому краю А. С. Усенко, секретаря партбюро НКГБ младшего лейтенанта Н. И. Смирнова. На секретаря партбюро УНКВД по Красноярскому краю Н. Чёрного было возложено руководство всеми видами противовоздушной обороны³¹.

Оперуполномоченный 3-го отдела милиции НКВД города Хабаровска младший лейтенант Люшневский 28 июля 1941 г. не затемнил свой служебный кабинет, чем

²⁹ Архив ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 41. Д. 4. Л. 37.

³⁰ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 279. Л. 63.

³¹ Архив ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 26. Д. 1. Л. 262.

демаскировал здание УНКВД. После служебного разбирательства ему был объявлен выговор³².

В системе исправительно-трудовых учреждений, которые находились в тыловых районах страны, также создавалась противовоздушная оборона. Так, в Чистюньском лагерном пункте Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (Алтайский край) были организованы участки ПВО и группы самообороны³³.

Сотрудников НКВД привлекали во время призывной кампании в ряды Вооруженных сил Советского Союза. Так, на основании приказа УНКВД по Красноярскому краю № 0076 от 1 августа 1941 г. «О назначении в призывные пункты райвоенкоматов ответственных представителей органов НКВД для участия в работе комиссий по призыву в Красную армию, Военно-морской флот и войска НКВД» и приказа НКВД СССР № 00537 от 10 мая 1941 г. вся работа в очередной призыв 1941 г. в Красную армию, Военно-морской флот и войска НКВД была возложена на органы НКВД. При наличии компрометирующих материалов на призывников представитель НКВД мог ходатайствовать перед райвоенкоматом об исключении последних и их направлении в «элитные» воинские части. Особое внимание уделялось отбору призывников для укомплектования пограничных и внутренних войск НКВД, шифровально-штабной службы штабов округов, радиочастей и радиоразведывательных частей ВМФ. По окончании призыва и распределения призывников на команды, направляемые в подразделения НКВД, начальники районных отделов НКВД составляли именные списки на каждую команду новобранцев. В день отправки в войска все материалы специальной проверки при именных списках рассылались в соответствующие 3-е отделы и отделения НКВД с указанием, в какие части

³² Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 74. Л. 20.

³³ Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 185. Л. 1.

направлены призывники. Ответственное лицо от органов НКВД по призыву принимало активное участие в организации и отправке эшелонов в войска НКВД, проверяя еще раз качественный и количественный состав призванных³⁴.

Органы НКВД реализовывали распоряжения руководства по эвакуации в Сибирь заключенных из западных районов страны, а также депортации представителей ряда народов, обвиненных в сотрудничестве с оккупантами.

Так, был выполнен указ от 28 августа 1941 г. о депортации немцев из Поволжской Республики в Сибирь. В частности, только в Алтайский край прибыло 95 тыс. немцев. Уже в ноябре 1941 г. местные и приезжие немцы были мобилизованы на трудовой фронт, была создана трудовая армия для поддержания и развития военной промышленности на востоке³⁵. Из Мозырской тюрьмы (Белоруссия) 20 августа 1941 г. 46 заключенных было эвакуировано в Новосибирскую тюрьму³⁶. В Кемеровскую и Мариинскую тюрьмы в 1941 г. прибыли заключенные из мест лишения свободы, находившихся в Москве, Рязани, Ленинграде³⁷.

Таким образом, основными направлениями в деятельности органов НКВД в тыловых районах (в Сибири и на Дальнем Востоке) в годы Великой Отечественной войны были:

1. Усиление воспитательной работы с личным составом НКВД, изучение высказываний лидера государства И. В. Сталина о задачах, стоящих перед советским народом в военное время.

³⁴ Архив ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 26. Д. 4. Л. 295–298.

³⁵ Суверов Е. В., Тарасова Л. Я. Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945 гг.). Монография. Барнаул: Барнаулский юридический институт МВД России, 2014. С. 14.

³⁶ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 293. Л. 280.

³⁷ Архив ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 4. Оп. 30. Д. 714. Л. 1; Д. 709. Л. 1.

2. Выполнение своих основных функций: борьба с преступным элементом и охрана общественного порядка.
3. Организация производственной базы исправительно-трудовых учреждений, входивших в состав НКВД. Ее продукция использовалась в оборонном комплексе страны и была необходима для фронта и тыловых районов страны.
4. Решение кадрового вопроса в связи с призыванием в действующую армию значительного числа сотрудников НКВД. Новых сотрудников следовало в кратчайшие сроки обучить основам профессиональной подготовки. Кроме того, в необходимых объемах изучалась военная подготовка для успешного отражения возможного нападения вражеских диверсантов.
5. Ужесточение исполнительской дисциплины, наказание сотрудников за халатность в хранении секретных документов, утерю боевого оружия и служебной документации, невыполнение приказов.
6. Проведение быстрого изменения в структуре и штатах НКВД СССР, вызванное оперативной необходимостью.
7. Организация средств ПВО в тыловых районах, контроль за соблюдением светомаскировки.
8. Активное участие в призывной кампании в Вооруженные силы Советского Союза.
9. Выполнение поручений руководства страны по эвакуации заключенных, а также депортации народов, обвиненных в сотрудничестве с захватчиками.

*Денис Николаевич
Шкаревский*

К. и. н., доцент кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета ХМАО-Югры, доцент

Структура военно-транспортных трибуналов в период Великой Отечественной войны

С началом Великой Отечественной войны система управления СССР была реорганизована. Важной частью этой системы являлись органы юстиции. Их деятельность и структура также подверглись изменениям. Не исключением были и линейные суды, созданные на железнодорожном и водном транспорте в первой половине 1930-х гг. Однако практически все исследователи отмечают лишь их милитаризацию¹. В результате создается впечатление о формальных изменениях в структуре органов транспортной юстиции, о простом переименовании линейных судов в военные трибуналы. Поэтому основная задача статьи состоит в том, чтобы выявить основные

¹ Кодицев А. Я. Транспортная юстиция СССР в годы Великой Отечественной войны // Транспортное право. 2008. № 2. С. 42–45; Кудряшов А. В. Организационные и функциональные изменения в советской военно-судебной системе в 1941–1943 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 11–13; Печерский В. А. Линейные суды и военные трибуналы водных бассейнов Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 57–65.

структурные элементы системы военных транспортных трибуналов в 1941–1945 гг.

Отмечу, что процесс милитаризации органов транспортной юстиции происходил поэтапно в течение 1941–1943 гг. Так, 22 июня 1941 г. на части территории СССР было введено военное положение. 23 июня 1941 г. нарком юстиции СССР Н. Рычков своим приказом № 100 реорганизовал линейные суды 30 железных дорог в военные трибуналы.

По замыслу руководства, военные трибуналы транспорта в период войны были включены в систему военной юстиции. Так, совместным приказом Наркомата обороны (Г. Жуков) и Наркомата юстиции (Н. Рычков) № 0223/0305 в июле 1941 г. руководство военными трибуналами войск НКВД, железных дорог и водных путей сообщения было возложено на военные трибуналы фронтов, а в прифронтовой полосе — на военные трибуналы соответствующих военных округов².

В августе 1942 года Железнодорожная и Воднотранспортная коллегии Верховного суда СССР были переименованы в Военную железнодорожную и Военную воднотранспортную³. В соответствии с постановлением ГКО № 1024сс от 14.12.1941 г. оставшиеся линейные суды железных дорог были реорганизованы в военные трибуналы⁴.

Весь железнодорожный и водный транспорт был переведен на военное положение соответственно 15 апреля и 9 мая 1943 г.⁵ После этого все органы транспортной

² Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 19. Л. 66.

³ Законы, принятые Верховным Советом СССР, и указы Президиума Верховного Совета СССР (1938–1944). М.: Управление делами СНК СССР, 1944. С. 620.

⁴ РГАСПИ Ф. 644. Оп. 1. Д. 16. Л. 92.

⁵ О введении военного положения на всех железных дорогах. Указ ПВС СССР от 15.04.1943 // Ведомости ВС СССР. 1943. № 15; О введении военного положения на морском и речном транспорте. Указ ПВС СССР от 09.05.1943 // Ведомости ВС СССР. 1943. № 18; ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 21. Д. 171. Л. 106 об.

юстиции СССР стали военными⁶. Сотрудники транспорта на период войны стали считаться мобилизованными. Ответственность работников транспорта за преступления по службе была установлена наравне с военнослужащими.

В течение войны наблюдалось увеличение количества военных трибуналов на транспорте (данные представлены на 1 января): 1943 г. — 76, 1944 г. — 80, 1945 г. — 94⁷.

В рассматриваемый период существовало несколько видов военных трибуналов транспорта. Так, в зависимости от штатной численности выделялось 4 вида (литеры) этих органов на железнодорожном транспорте: «А» (Западная, Закавказская ж. д. и др.), «Б» (Белорусская, Горьковская, Восточно-Сибирская и др.), «В» (Амурская, Ашхабадская, Кировская ж. д. и др.), «Г» (Московско-Окружная ж. д.)⁸. На водном транспорте существовало 5 видов (литер) трибуналов: «А» (Черноморского бассейна), «Б» (Днепровского бассейна), «В» (Северного морского бассейна), «Г» (Днепро-Двинского бассейна), «Д» (Азово-Дона-Кубанского бассейна)⁹.

Объем работ и нагрузка в военных трибуналах транспорта в период войны достаточно сильно отличались. К примеру, по итогам первого полугодия 1945 г. все военные трибуналы транспорта по количеству поступивших дел были разделены на три группы. Среди военных трибуналов железных дорог (далее — ВТ ж. д.) насчитывалось 24 трибунала с минимальной нагрузкой (50–80 дел); 20 со средней нагрузкой (80–120 дел); 9 — с максимальной нагрузкой (120 и более дел). К примеру, в военном трибунале Южной железной дороги приходилось по 162 дела на 1 оперативного работника, в трибунале Закавказской ж. д. — 140 дел, Куйбышевской ж. д. — 145, Московско-Киевской ж. д. — 170, Северо-Кавказской ж. д. — 168.

⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 50. Л. 226

⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 246. Л. 28

⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 66. Л. 22.

⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 19. Л. 36–37.

Среди военных трибуналов водного транспорта (далее — ВТ в. т.) насчитывалось 13 с минимальной нагрузкой (25–50 дел); 10 со средней (50–80); 5 с максимальной нагрузкой (80 и выше)¹⁰. Например, в трибунале Каспийского бассейна нагрузка на 1 человека составляла 131 дело, а в трибунале Северного бассейна — 146, Черноморского — 116.

Наряду с военными трибуналами, которые действовали по законам военного времени, до весны 1942 г. продолжали действовать линейные суды 11 речных бассейнов по законам мирного времени. В качестве примера можно привести линсуд Верхне-Волжского бассейна, который не мог осуществлять деятельность на значительном протяжении своего участка Волги вследствие того, что этот участок находился на территории Ярославской и Ивановской областей, объявленных на военном положении. Дела на этих участках рассматривались военными трибуналами, в т. ч. Московско-Окского бассейна. Поэтому происходила «затяжка в рассмотрении дел и отрыв от деятельности пароходства»¹¹.

Между тем линейные суды также выполняли задачи «по обеспечению военных перевозок и нужд военной промышленности». Поэтому начальник Управления военных трибуналов Наркомата юстиции М. Шнейдер в апреле 1942 г. предложил реорганизовать оставшиеся 11 линейных судов водного транспорта в военные трибуналы, что и было сделано. Этот шаг должен был привести к унификации судебной практики и всей деятельности органов транспортной юстиции.

Также необходимо отметить, что до начала 1942 г. военные трибуналы водных путей сообщения Дальнего Востока действовали на основании «Положения о военных трибуналах» от 20.08.1926 г. Остальные же транспортные трибуналы и линсуды руководствовались «Положением

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 86. Л. 28.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 29. Л. 3–5.

о военных трибуналах» от 22.06.1941 г. Данная ситуация изменилась лишь в результате введения в действие приказа НКЮ № 042 от 23.12.1941 г.

В результате в середине 1942 г. система военных трибуналов на транспорте включала в себя несколько видов: не фронтовые (восточные) военные трибуналы железных дорог; не фронтовые реорганизованные в военные трибуналы железных дорог; фронтовые военные трибуналы железных дорог; не фронтовые военные трибуналы бассейнов; не фронтовые военные трибуналы пароходств; фронтовые военные трибуналы бассейнов¹².

Кроме военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта в период войны в системе органов транспортной юстиции действовали военные *трибуналы железнодорожных бригад*. Они были сформированы в апреле 1942 г. совместным приказом наркома обороны и наркома путей сообщения № 0285¹³. Первоначально всего их насчитывалось 22.

Согласно разъяснениям начальника Управления военных трибуналов М. Шнейдера, военные трибуналы железнодорожных бригад в части подсудности приравнивались к военным трибуналам дивизий. Дела рассматривались постоянным составом. Приговоры в кассационном порядке обжалованию не подлежали. Они подчинялись непосредственно Управлению военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта Наркомата юстиции. Судебный надзор по их делам осуществлялся Военной коллегией Верховного суда.

По отдельным трибуналам бригад среднемесячная нагрузка на каждого оперативного работника составляла всего 2 дела (по ВТ 29, 27, 19, 8)¹⁴. Поэтому заместитель наркома юстиции Г. Пуговкин предложил их расформировать и на их базе создать 11 военных трибуналов

¹² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 22–24.

¹³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 19. Л. 13.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 234. Л. 80.

железнодорожных войск фронтов (далее — ВТ ж. д. в. фронтов), что и было сделано весной 1943 г.

Военные трибуналы железнодорожных войск фронтов действовали на основе распоряжения УВТТ № 625/т от апреля 1943 г. «Об упорядочении работы военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта»¹⁵.

ВТ ж. д. в. фронтов было приказано создать в период с 17 апреля по 11 мая 1943 г.¹⁶ В Главном управлении военных трибуналов транспорта был даже создан специальный отдел по руководству и контролю за ними¹⁷.

Приказом наркома юстиции от 21 апреля 1943 г. на ВТ ж. д. в. фронтов было возложено рассмотрение дел о всех преступлениях, совершенных военнослужащими ж. д. бригад, ж. д. полков и спецформирований, входящих в состав Управления железнодорожных войск фронта. Судебный надзор осуществляла Военная железнодорожная коллегия Верховного суда СССР¹⁸. Только в течение мая 1943 г. в эти трибуналы поступило 209 дел, по которым было осуждено 209 чел., среднемесячная нагрузка на члена ВТ составила 21 дело¹⁹.

В течение 1943 г. было организовано 13 ВТ ж. д. в. фронтов согласно приказу НКО № 0249 от 7 апреля 1943 г. Среди них: по штату «А» — трибуналы 1, 2, 3-го Украинских фронтов и 1-го и 3-го Белорусских фронтов; по штату «Б» — 1-й и 2-й Прибалтийский, Ленинградский, Забайкальский, Отдельной Приморской Армии, 2-й Белорусский и ВТ ж. д. войск Управления военновосстановительных работ — 1 (далее — УВВР); по штату «В» — ВТ ж. д. войск УВВР-6. В 1944 г. ВТ 2-го Белорусского фронта был переведен из штата категории «Б» в категорию «А»²⁰. Военные трибуналы ж. д. в. фронтов

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 395. Л. 102.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 234. Л. 266.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 234. Л. 290.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 234. Л. 140.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 234. Л. 266.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 395. Л. 313.

просуществовали до весны 1946 г., когда были реорганизованы в военные трибуналы корпусов железнодорожных войск²¹.

Под нажимом начальника Главного управления военных трибуналов транспорта Г. Пуговкина в течение 1942–1944 гг. в составе военных трибуналов транспорта вновь появились постоянные сессии, упраздненные в 1930-е гг. Одними из первых постоянные сессии организовали трибуналы Шексинского и Сухонского пароходств, Верхне-Иртышского, Балхаш-Илийского, Нижне-Волжского, Средне-Волжского, Ленского, Тихоокеанского, Черноморского, Балтийского бассейнов.

Также имелись сведения о существовании постоянных сессий трибуналов Каспийского (Красноводск) и Нижне-Иртышского (Тобольск) бассейнов. Таким образом, из 26 ВТ водного транспорта только 10 «после неоднократных нажимов организовали постоянные сессии».

Ряд трибуналов сопротивлялись введению постоянных сессий, сохраняя выездные сессии ВТ. Однако высокие расходы на проезд и командировочные выплаты для членов выездных сессий требовали отказаться от подобной практики²².

Примечательно, что трибуналы зачастую назначали председателями постоянных сессий «худших работников из оперативного состава трибунала». Так, председателями постоянных сессий ВТ Шексинско-Сухонского пароходства и Средне-Волжского бассейна были назначены соответственно капитаны юстиции Ш. и К. — «худшие работники этих трибуналов, которым нельзя было поручать участок самостоятельной работы»²³.

На основании получаемых данных с мест руководством был сделан вывод о том, что «организация постоянных сессий военных трибуналов транспорта показала себя хорошо». Поэтому принимается решение «органи-

²¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 470. Л. 61.

²² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 37. Л. 138.

²³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 37. Л. 143.

зовать постоянные сессии на наиболее важных в хозяйственном отношении участках дороги (бассейна, пароходства), а также там, где постоянное пребывание сессий вызывается большим поступлением дел при отдаленности участка от центра дороги (бассейна, пароходства)»²⁴.

Таким образом, в системе органов транспортной юстиции в период Великой Отечественной войны происходили серьезные изменения, наблюдалось восстановление ряда архаичных элементов, например постоянных сессий, а также появление новых элементов. В результате система транспортных трибуналов в течение периода войны являлась асимметричной.

Основными структурными элементами системы военных транспортных трибуналов в 1941–1945 гг., безусловно, являлись военные трибуналы на железнодорожном и водном транспорте. Эти трибуналы представляется возможным классифицировать по различным основаниям (в зависимости от штатной численности, от близости к фронту, от объема нагрузки) на разные виды. Также наряду с ними в системе транспортных трибуналов действовали военные трибуналы железнодорожных бригад, военные трибуналы железнодорожных войск фронтов и постоянные сессии военных трибуналов.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 112. Л. 13–16.

*Кирилл Юрьевич
Колесниченко*

Кандидат политических наук, доцент департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток)

Укрепление обороноспособности советского Дальнего Востока в 1941 году

На протяжении 30-х гг. XX стратегической целью развития советского Дальнего Востока века было обеспечение его военной и социально-экономической безопасности. Достижение поставленной цели осуществлялось путем форсированного социально-экономического развития региона с целью укрепления его оборонно-экономического потенциала, а также усиления дислоцированной здесь военной группировки: для выполнения последней задачи с начала 30-х гг. проводился комплекс мероприятий, включая наращивание численности войск, вооружения и военной техники, строительство укрепленных районов, создание системы военно-воздушных и военно-морских баз, развитие транспортных коммуникаций.

В первой половине 1941 года безопасность Дальнего Востока обеспечивали Дальневосточный фронт (ДВФ), выполнявший функции военного округа в пределах административно-территориальных границ Приморского и Хабаровский краев, Тихоокеанский флот (ТОФ), Амурская Краснознаменная военная флотилия (АКВФ), а также управления НКВД Приморского и Хабаровского краев.

С января 1941 г. по апрель 1943 г. войсками Дальневосточного фронта командовал И. Р. Апанасенко, ТОФ с марта 1939 г. и до 1947 г. возглавлял И. С. Юмашев, АКВФ командовал П. С. Абанькин.

К началу Великой Отечественной войны ДВФ включал 4 армии, из которых 1-я Краснознаменная и 25-я армии дислоцировались в Приморском крае, 2-я Краснознаменная армия размещалась в Хабаровском крае, 15-я армия базировалась на территории ЕАО, в июле 1941 г. была дополнительно сформирована 35-я армия¹.

В общей сложности в июне 1941 г. ДВФ имел 5 стрелковых корпусов, 17 стрелковых дивизий (14 в составе корпусов и три фронтового подчинения), 3 стрелковые и 1 воздушно-десантную бригады, 1 механизированный корпус, 3 танковые и 2 моторизованные дивизии, 1 кавалерийскую дивизию и 3 дивизиона бронепоездов, 12 укрепленных районов. Авиация ДВФ и авиация Главного командования на Дальневосточном театре военных действий в совокупности насчитывали бомбардировочный авиакорпус, по две истребительные и бомбардировочные авиадивизии, пять смешанных авиационных дивизий, 1 смешанную авиабригаду, 4 отдельных авиационных полка².

Основная часть сил Тихоокеанский флота базировалась в Приморье: в г. Владивосток находились Главная военно-морская база (ГВМБ), управление и штаб флота. В 1941 г. Тихоокеанский флот включал две бригады надводных кораблей, три бригады подводных лодок, бригаду торпедных катеров, две авиационные бригады, ряд отдельных дивизионов кораблей и катеров, береговую оборону ГВМБ (Владивостокский морской оборонительный район) и пяти военно-морских баз, Северный

¹ Петренко В. М. Дальневосточный фронт накануне и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 11. С. 20–21.

² Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Боевой состав Советской армии. Ч. 1 (июнь – декабрь 1941 г.). № 11773. С. 13–14.

и Нагаевский сектора береговой обороны (БО). ТОФ насчитывал в своем составе 2 лидера эсминцев, 5 эсминцев проекта 7, 2 эсминца типа «Новик», 6 сторожевых кораблей типа «Ураган», 6 минных заградителей и 17 тральщиков, 85 подводных лодок, 133 торпедных катера и 19 катеров типа МО-2. АКВФ, по своему потенциалу занимавшая первое место среди речных флотилий советского ВМФ, имела 8 мониторов, 17 тральщиков, 5 канонерских лодок, минный заградитель, 43 бронекатера, 11 катеров-тральщиков³.

Охрану государственной границы обеспечивали Приморский и Хабаровский округа пограничных войск НКВД, совокупная численность которых в июне 1941 г. составляла около 30 тыс. человек, также на Дальнем Востоке дислоцировались две дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений (общей численностью около 10 тыс. человек), отдельный мотострелковый полк оперативных войск, отдельный конвойный полк⁴.

На протяжении 30-х гг. соединения и части, входившие в состав военной группировки на Дальнем Востоке, в большинстве своем содержались по штатам, близким к штатам военного времени, что предполагало кратчайшие сроки их мобилизационного развертывания в случае начала вооруженного конфликта.

Согласно записке наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии в Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и СНК СССР В. М. Молотову с изложением схемы мобилизационного развертывания Красной армии на Востоке страны, включая ДВФ, Забайкальский

³ Боевой и численный состав вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Институт военной истории МО РФ, 1994. С. 65–66.

⁴ Тихоокеанский рубеж: из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане. Владивосток, 2004. С. 115; *Бунин С. В., Марценюк Ю. А., Беркутов А. С., Климов А. А., Ченцов А. С.* Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд. В 3 т. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. Т. 1. С. 128–36.

(ЗабВО) и Сибирский (СибВО) военные округа, численность войск должна была составить 1 494 599 человек, из этого количества расчетная численность военного времени для ДВФ составляла 800 530 человек, ЗабВО — 469 750 человек, СибВО — 224 320 человек⁵.

На первое июня 1941 г. штатная численность ДВФ мирного времени составляла 437 тыс. человек, Тихоокеанского флота — 117,2 тыс. человек, Краснознаменной Амурской флотилии — 9,8 тыс. человек, войска НКВД на Дальнем Востоке насчитывали около 50 тыс. человек⁶.

На вооружении военной группировки на Дальнем Востоке (ДВФ, ТОФ, АКВФ, но без учета войск НКВД) на 22 июня 1941 года имелось 833 тыс. единиц стрелкового оружия, 12,4 тыс. артиллерийских орудий и минометов, около 3,5 тыс. танков и танкеток (из них 2100 танков Т-26 и 465 танков БТ), более 3 тыс. боевых самолетов, 31,4 тыс. автомашин, 9,5 тыс. тракторов и тягачей, 83,5 тыс. лошадей.

С началом Великой Отечественной войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года была объявлена мобилизация в 14 военных округах. В первый день войны нарком обороны приказал командующим войсками ДВФ, ЗабВО и САВО выполнить имеющиеся для остальных округов внеокружные мобилизационные наряды путем скрытого подъема мобилизационных ресурсов и направить их в части этих округов по разработанному плану.

22 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) постановлением № ГКО-234 предписал Народно-му комиссариату обороны (НКО) призвать на Большие

⁵ Записка НКО СССР и Генштаба Красной Армии в Политбюро ЦК ВКП(б) — И. В. Сталину и СНК СССР — В. М. Молотову с изложением схемы мобилизационного развертывания Красной Армии. Фонд Александра Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1011413>.

⁶ Боевой и численный состав вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Институт военной истории МО РФ, 1994. С. 26–27, 38–39.

учебные сборы военнообязанных и осуществить поставку мехтранспорта, тары, лошадей, повозок и упряжи, приписанных (занаряженных) для частей и учреждений, развертывающихся по схеме оргразвертывания на территории Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа, а также ресурсов, занаряженных для этих округов с территории Сибирского, Уральского и Средне-Азиатского ВО, проведя все мероприятия скрытым порядком в период с 22 июля по 2 августа 1941 г.⁷

В рамках мероприятий по мобилизационному развертыванию военной группировки на Дальнем Востоке части и соединения доукомплектовывались по штатам военного времени и выводились в районы сосредоточения, в первую очередь части пополнялись личным составом за счет расформирования части строительных батальонов, в июле 1941 г. в состав ДВФ и ТОФ начали прибывать мобилизованные военнообязанные. В сентябре 1941 г. численность ДВФ возросла до 550 тыс. человек и достигла 780 тыс. человек в декабре 1941 г.⁸

Численность ТОФ и АКВФ до конца 1941 г. также увеличилась в соответствии со штатами военного времени: в июне — сентябре 1941 г. на ТОФ прибыло 36,6 тыс. мобилизованных военнообязанных, численность АКВФ возросла до 13,1 тыс. человек⁹.

Мобилизационное развертывание войск НКВД также осуществлялось на основании вышеупомянутых постановлений Президиума Верховного Совета и ГКО в соответствии с мобилизационными планами, численность войск НКВД на Дальнем Востоке в первые месяцы Вели-

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, 10.

⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 7. Л. 6; Д. 23. Л. 29–30; Д. 32. Л. 166.

⁹ *Ткачева Г. А.* Обороноспособность Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Восьмые Гродековские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хабаровск. Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. С. 34–35.

кой Отечественной войны также увеличилась на 15 тыс. человек.

Сложная обстановка начального периода войны, высокие потери советских вооруженных сил в приграничных сражениях, дефицит подготовленных командных кадров, вооружения и военной техники привели к переброске с Дальнего Востока ряда соединений и частей в состав действующей армии.

Таблица 1. Соединения и части Дальневосточного фронта, отправленные в 1941 году в состав действующей армии¹⁰

Части и соединения	Общая численность, человек	Отправлена с Дальнего Востока
21 СД	14 828	12.10.41
26 СД	14 866	07.10.41
32 СД	14 947	20.10.41
78 СД	14 947	20.10.41
92 СД	15 616	20.10.41
413 СД	13 648	20.10.41
415 СД	12 543	20.10.41
239 СД	13 455	20.10.41
Итого	114 850	
58 ТД	6 020	20.10.41
60 ТД	5 973	20.10.41
112 ТД	6 616	20.10.41
69 МСД	15 940	17.09.41
Итого	34 549	
Всего	160 974	

¹⁰ Таблица составлена автором по: *Ткачева Г. А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск, ХКМ им. Гродекова, 2013. С. 324–325, 329.

Кроме того, в действующую армию было передано 7 авиаполков ВВС ДВФ общей численностью 5 703 человека, из состава ВВС ТОФ осуществлялась передача отдельных экипажей и целых подразделений в состав ВВС действующих флотов.

Общая численность личного состава частей ДВФ, направленных в состав действующей армии в период с начала Великой Отечественной войны и до конца 1941 г., составила 160 974 человек. За этот же период Тихоокеанский флот передал на другие флоты, а также в состав Красной армии 13 553 человек¹¹.

В связи с изъятием из состава ДВФ восьми стрелковых, трех танковых и мотострелковой дивизии, а также невозможностью получения необходимых ресурсов для формирования новых частей и соединений, ДВФ проводит масштабную работу по формированию новых соединений и частей за счёт имевшихся ресурсов вооружения, боеприпасов и материалов и их рациональному использованию.

В середине июля 1941 г. было расформировано управление 30-го механизированного корпуса ДВФ, все танковые дивизии корпуса стали отдельными, 239-я моторизованная дивизия была переформирована в 239-ю стрелковую дивизию, танковый полк дивизии был обращен на формирование 112-я танковой дивизии¹².

Постановлением ГКО № 728 от 03.10.41 военным советам ДВФ и Забайкальского фронта разрешалось на базе сокращаемых по тыловым учреждениям обученных контингентов красноармейского, младшего начальствующего и начальствующего состава сформировать по штату № 04/600 три (204, 205 и 208-ю) и две (209-ю и 210-ю) стрелковые дивизии соответственно численностью 11 500 человек каждая¹³.

¹¹ Ткачева Г. А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск, ХКМ им. Гродекова, 2013. С. 150

¹² Петренко В. М. Указ. соч. С. 22–23.

¹³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 11. Л. 112.

Осенью 1941 года в составе ДВФ были также сформированы Гродековская, Спасская, Ворошиловская, Полтавская стрелковые дивизии, Сахалинская отдельная стрелковая бригада, Приамурский отдельный стрелковый полк, Приморский и Уссурийский отдельные кавалерийские полки. Также были сформированы Уссурийская и Амурская танковые дивизии и 6 танковых бригад (72–77 тбр)¹⁴.

Высокий уровень потерь вооружения и военной техники в начальный период войны, потеря ряда крупных предприятий, обеспечивавших их выпуск в довоенный период, и эвакуация промышленности на Восток привели к срыву планов по перевооружению военной группировки на Дальнем Востоке и в Забайкалье новейшими образцами вооружения и военной техники, включая авиацию, танки, артиллерию.

В 1941 году в соответствии с планами перевооружения ВВС Красной армии на новую материальную часть один авиаполк должен был оснащаться бомбардировщиками Ар-2, три бомбардировочных авиаполка — бомбардировщиками Пе-2, истребителями МиГ-3 и ЛаГГ-3 предполагалось перевооружить семь и три истребительных авиаполка соответственно, ещё один истребительный авиаполк должен был получить на вооружение самолёты Як-1, самолётами Ил-2 планировалось переоснастить 4 штурмовых авиаполка¹⁵.

В течение 1941 года на укомплектование частей ДВФ по штатам мирного времени должно было поступить от промышленности 2500 грузовых и 1300 специальных машин, 600 гусеничных тракторов и 3650 тракторных прицепов, 2000 мотоциклов¹⁶.

¹⁴ Петренко В. М. Указ. соч. С. 22–23.

¹⁵ План переучивания летного состава частей ВВС Красной Армии на новой материальной части на 1941 год
19.02.1941. Фонд Александра Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues/61962>.

¹⁶ 1941 год. В 2 кн. / сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Записка НКО СССР

Тем не менее в части и соединения ДВФ и ТОФ поступали новые образцы вооружения и военной техники. Так, с июня 1941 г. по декабрь 1942 г. ВВС ТОФ получили 61 бомбардировщик ДБ-3, 16 истребителей МиГ-3, по одному самолету типов ЛаГГ-3, Пе-2 и Че-2, 2 Бе-4¹⁷.

На ТОФ продолжалась достройка и ввод в строй боевых кораблей и подводных лодок: по данным завода № 202, в 1941 г. было введено в строй 2 эсминца проекта 7, 4 ПЛ типа Ш и 3 ПЛ типа С, также в 1941 г. было отремонтировано 14 боевых кораблей ТОФ, из них два прошли капитальный ремонт и восемь — средний, докование прошли 108 кораблей и подводных лодок¹⁸.

С началом войны ДВФ и ТОФ развертывают масштабную работу по усилению имевшихся и постройке новых оборонительных рубежей с привлечением инженерных, строительных частей, личного состава частей ДВФ, гражданского населения и заключенных. При планировании рубежей обороны учитывался опыт боевых действий в Европе, а также опыт приграничных сражений 1941 г. и обороны Одессы, Севастополя, Ленинграда.

С конца июня 1941 г. в приграничной полосе Дальнего Востока началось создание эшелонированной обороны: каждая стрелковая дивизия, полк и батальон создавали оборонительные рубежи — строительство батальонных районов обороны на основных оборонительных рубежах было завершено к 30 июля, а к 1 октября на всех угрожаемых направлениях было завершено строительство

и Генштаба Красной Армии в Политбюро ЦК ВКП(б) — И. В. Сталину и СНК СССР — В. М. Молотову с изложением схемы мобилизационного развертывания Красной Армии. Фонд Александра Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1011413>.

¹⁷ Левшов П. В., Болтенков Д. Е. Век в строю ВМФ. Авиация военно-морского флота России (1910–2010). Справочник. Специальный выпуск альманаха Тайфун. СПб., 2012. С. 68.

¹⁸ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 81–84.

обороны на всю оперативную глубину¹⁹. Вместе с тем отвлечение войск на оборонительное строительство и хозяйственные работы неизбежно вело к ослаблению боевой подготовки, что было отмечено в командующим войсками ДВФ в телеграмме командующим армиями фронта от 26 июля 1941 г. Командующий войсками потребовал усиления боевой подготовки, не ослабляя оборонительных работ и подготовки вновь прибывшего пополнения²⁰.

Капитальное строительство ТОФ осуществлялось в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) и постановлением СНК СССР от 8 апреля 1941 г. «О плане капитального строительства Нарквоенморфлота на 1941 год». Согласно постановлению ТОФ обязывался ввести в строй в 1941 году 4 береговые батареи, 2 подвижные зенитные батареи, а также склады, казармы, дома начальствующего состава, кухни-столовые. Также ТОФ разрешалось начать постройку двух 180-мм береговых батарей, двух баз подводных лодок и двух баз торпедных катеров, а также центрального склада мобилизационных запасов ТОФ со сроками окончания постройки в 1942–1944 гг.²¹

С учетом опыта Второй мировой войны большое внимание на ТОФ и АКВФ уделялось дальнейшему укреплению и развитию противодесантной и сухопутной обороны ВМБ и секторов БО.

В 1941–1942 гг. на Тихоокеанском флоте развернулось строительство новых береговых батарей: до конца 1942 г. были построены 3 береговые батареи калибром 180 мм и не менее 17 батарей среднего калибра (100–130 мм), а также большое количество малокалиберных

¹⁹ Никифоров Д. Н. Полевые рубежи в полосе 25-й армии в направлении города Ворошилов (ныне город Уссурийск), возведенные в период Великой Отечественной войны. По материалам полевых исследований. Часть I // Вопросы истории фортификации. 2017. № 6. С. 73–76.

²⁰ ЦАМО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 9. Л. 104.

²¹ Зайцев Ю. М. Инженерно-строительные органы ТОФ в 1932–1945. Владивосток, ТОВВМИ. С. 72–75.

батареи калибром 45 мм. На заводе № 202 (Дальзавод) в декабре — феврале 1941 г. были построены 12 железнодорожных артиллерийских установок, вооруженных 76,2-мм орудиями, сведенные в три батареи, поступившие на вооружение 12-й морской железнодорожной артиллерийской бригады²². Также во всех укрепленных секторах береговой обороны и в военно-морских базах развернулось строительство дотов, орудийных полукапониров и дзотов для противодесантной обороны побережья и сухопутной обороны ВМБ.

В 1941 г. в основном было завершено строительство первой очереди тылового укрепленного сектора береговой обороны ГВМБ ТОФ, решение о постройке которого было принято военным советом ТОФ в октябре 1940 г., сектор был сформирован в августе 1941 года соответствии с директивой наркома ВМФ военному совету ТОФ от 24 июля 1941 г. об укреплении обороны ГВМБ ТОФ. К ноябрю 1941 г. тыловой сектор включал 6 стационарных артиллерийских батарей калибром 100–130 мм, 81 пулеметный и 34 артиллерийских дзотов, 2 артиллерийских дотов, 7 наблюдательных пунктов, 12 убежищ, еще 14 огневых точек вошли в состав сектора в ноябре 1941 г. Всего же в укрепленных секторах БО и ВМБ ТОФ в 1941 году предполагалось построить 528 огневых точек (дот, дзот, ОРПК), фактически к 1 января 1942 г. было построено 377 огневых точек, остальные находились в постройке. Во второй половине 1941 г. отдельные строительные батальоны (ОСБ) инженерного отдела ТОФ, дислоцированные в военно-морских базах, не имевших специально выделенных армейских частей для сухопутной обороны, а также ряд ОСБ ГВМБ и Хасанского сектора БО были преобразованы в отдельные стрелково-строительные батальоны

²² Калинин В. И., Воробьев С. А. Сталь и бетон против Микадо. Береговая оборона и укрепленный районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 // Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Вып. 2. Владивосток. С. 140–141.

(ОССБ) для использования их в качестве сухопутных частей при обороне военно-морских баз²³.

В июле 1941 г. Тихоокеанским флотом на подходах к основным военно-морским базам были выставлены оборонительные минные заграждения общим количеством 9105 мин 1363 минных защитника²⁴.

Летом — осенью 1941 г. в соответствии с планами мобилизационного развертывания ТОФ была мобилизована часть рыболовецкого флота дальневосточного бассейна. С 8 июля началась мобилизация судов «Главвостокрыбпрома», которые передали ТОФ 2 тральщика, 2 дрейфтера, 3 краболовных разведчика, 17 сейнеров, 33 буксирных катера и 33 судна типа «кавасаки»²⁵, всего же до конца года «Главвостокрыбпром» передал ТОФ 128 малых рыболовецких судов типа «кавасаки», 65 сейнеров, 2 дрейфтера. 18 июля 1941 г. руководство Акционерного камчатского общества получило распоряжение начальника Штаба ТОФ о передаче Тихоокеанскому флоту ряда судов²⁶. На основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2191–1000с от 6 ноября 1941 г. был издан совместный приказ командующего ДВФ и наркома рыбной промышленности о военизации флота и работников рыбной промышленности Дальневосточного бассейна. В общей сложности ТОФ получил от рыбодобывающих организаций Дальнего Востока 147 малых рыболовецких судов типа «кавасаки», 65 сейнеров, 2 дрейфтера, 8 буксирных катеров²⁷.

²³ Зайцев Ю. М. Оборона Дальнего Востока СССР: инженерная подготовка территории в 1932–1945 гг. Владивосток, 2007. С. 87–93, 90–92.

²⁴ Ткачева Г. А. Оборонноспособность Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Восьмые Гродековские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хабаровск. Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. С. 32–33.

²⁵ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 5. Д. 210. Л. 48.

²⁶ Гаврилов С. В. Флот Камчатки, 1928–1945: [монография]. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2007. С. 110, 317.

²⁷ Ливенцев Д. В. Советские военно-морские и речные силы в дальневосточной внешней политике (1917–1945). Дис. на соискание уч. степ. д. и. н. Воронеж, 2007. С. 388.

В соответствии с упомянутым решением СНК СССР в конце ноября 1941 г. рыбное хозяйство Владивостокского лагеря ГУЛАГ НКВД, имевшее в 1940 г. моторный флот в составе 336 единиц, включая 8 сейнеров и 303 рыболовецких судна типа «кавасаки», а также 87 кунгасов, передавалось ТОФ, более 300 самоходных плавационных укомплектовывались экипажами из краснофлотцев, которые наряду с ловлей и переработкой рыбы должны были обучаться использованию рыболовного флота применительно к условиям боевой обстановки²⁸.

В июле началась мобилизация судов Амурского речного пароходства для нужд АКВФ, которые прошли подготовку на судостроительном заводе № 368 заводе им. Кирова в г. Хабаровск и передавались АКВФ. Так, в июле был передано 4 отобюрозованных буксира²⁹.

Схожая ситуация складывалась по вопросу мобилизации транспорта и техники: в начале 1941 г. в Приморском крае имелось 5896 автомашин (из них 4826 грузовиков) и 61,3 тыс. лошадей, к сентябрю 1942 г. для нужд фронта было мобилизовано 2775 автомашин, 665 тракторов, 14986 лошадей (более 50% всех автомашин и более 20% лошадей)³⁰.

С началом войны командование ДВФ и ТОФ активизирует работу по выполнению планов аэродромного и дорожного строительства на территории Дальнего Востока, развертыванию сети госпиталей, организации производства ряда важнейших материалов силами дальневосточных предприятий, ремонту артиллерийского и стрелкового вооружения, автотранспорта³¹.

В первой половине 1941 года была принята масштабная программа аэродромного строительства, утвержденная постановлением СНК СССР «О мероприятиях

²⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 977. Л. 28.

²⁹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 977. Л. 21–22.

³⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 668. Л. 118.

³¹ ГАХК. Ф. П. 35. Оп. 1. Д. 971. Л. 31–35, 42–44.

по обеспечению строительства 251 аэродрома для Наркомата обороны в 1941 году». В соответствии с этим постановлением сроки строительства по всем объектам устанавливались в 6–8 месяцев со сдачи к октябрю — декабрю 1941 года. На Дальнем Востоке предполагалась постройка 15 аэродромов с бетонными ВПП, еще на четырех аэродромах ДВФ предполагалась реконструкция уже существовавших ВПП. Это постановление не распространялось на Тихоокеанский флот, для которого предусматривалось строительство шести аэродромов. Всего же в 1941 году в Приморском крае были введены в строй 5 аэродромов с бетонными ВПП для ВВС ДВФ и 1 для ВВС ТОФ³².

Потеря Советским Союзом летом — осенью 1941 г. значительного количества вооружения, техники, имущества, продовольствия, топлива привели к необходимости перемещения существенной части стратегических резервов и мобилизационных запасов, сосредоточенных на Дальнем Востоке и в Забайкалье, что привело к их существенному сокращению. С учетом сокращения централизованных поставок обеспечить минимальные потребности военной группировки в 1941 году можно было лишь за счет максимального использования местных ресурсов.

В 30-е гг. советское военно-политическое руководство осуществляло целенаправленную политику развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства Дальнего Востока. В период с 1931 по 1941 год на Дальнем Востоке была создана база, обеспечивавшая проведение всех видов ремонта и модернизации основных видов вооружения и военной техники (автомобильной, бронетанковой, артиллерийской, авиационной).

С началом Великой Отечественной войны был принят ряд мер по переводу промышленности и транспорта Дальнего Востока на работу в условиях военного времени, включая организацию производства продукции военного назначения на всех крупных промышленных

³² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 6, 6 об.

предприятиях Дальнего Востока вне зависимости от специализации, увеличение доли выпускаемой продукции военного назначения в общем объеме промышленного производства, а также передачу ряда предприятий и ремонтных мастерских военному ведомству. С целью экономии ресурсов был законсервирован ряд строек по объектам промышленности и транспорта, например, строившиеся в Приморье заводы по производству точных приборов, химический, судоремонтный, по ремонту артиллерийских систем, жидкого топлива, а также вторая очередь Спасского цементного завода.

Так, в 1940 г. заводом № 105 (г. Хабаровск) было отремонтировано 92 единицы бронетехники, модернизировано 107 танков Т-26 из 110 по плану, в апреле 1941 г. завод был передан из ведения Наркомата среднего машиностроения в ведение НКО, отремонтировано 159 единиц бронетехники³³.

С началом Великой Отечественной войны возрастает роль Дальнего Востока в организации транспортного сообщения с зарубежными странами. Во второй половине 1941 года импортными перевозками были заняты 46 судов Дальневосточного морского пароходства, которые совершили 81 рейс, кроме того, во Владивосток прибыло 16 зарубежных транспортов³⁴. После начала боевых действий между Японией и США морские перевозки осуществлялись только советскими судами.

Постановлением ГКО № 739с от 9 октября 1941 г. Управление гражданского воздушного флота обязывалось к 30 декабря подготовить и открыть воздушную ли-

³³ *Богданов С.А.* Завод № 105 имени Л.М. Кагановича — ремонтная база бронетанковых сил Дальневосточного фронта. Восьмые Гродковские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хабаровск. Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродкова. С. 111–113.

³⁴ *Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск, ХКМ им. Гродкова, 2013. С. 126.

нию Красноярск — Уэллен (США), для чего требовалось построить целый ряд новых аэродромов, расширить и реконструировать уже имевшиеся аэродромы, оборудовать линию средствами навигации, связи, накопить необходимое количество горюче-смазочных материалов. К работам широко привлекалось местное население, ресурсы и средства различных предприятий и организаций Дальнего Востока. Постройка линии была завершена летом 1942 года, а уже осенью началась перегонка из США партий боевых самолетов, поставлявшихся в СССР по программе ленд-лиза³⁵.

Таким образом, решения политического и военного руководства СССР в области укрепления обороноспособности и оборонно-экономического потенциала Дальнего Востока, базировавшиеся на верном прогнозе военной политики Японии, и их выполнение войсками и силами флота, гражданскими организациями и населением региона, практическое решение множества задач, несмотря на комплекс сложнейших проблем, позволили укрепить оборону дальневосточных рубежей нашей страны в 30-е гг., существенно нарастить оборонно-экономический потенциал региона, повысить эффективность системы государственного и военного управления.

Работа, проделанная в период с 1931 по 1941 г. в данном направлении, обеспечила эффективность политики стратегического сдерживания вероятного противника на Востоке в начальный период Великой Отечественной войны.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 11. Л. 176.

*Борис Борисович
Кондратенко*

Старший лаборант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток)

Охрана государственной границы СССР на Дальнем Востоке в 1941 г.

Пограничные войска прошли долгий путь изменений и преобразований, но основные цели и задачи пограничников остались неизменными. Отдельное место в истории занимает служебно-боевая деятельность пограничных войск в 1941 г.

Начало Великой Отечественной войны сразу отразилось на рубежах СССР. Основной натиск врага был принят на западных рубежах, однако и на дальневосточной границе ситуация была не менее тревожной. Численность пограничных войск на 22 июня 1941 г. составляла 168 тыс. чел. (18 пограничных округов, 102 сухопутных и морских пограничных отряда и другие, более мелкие пограничные подразделения)¹. В таком составе пограничные войска вели служебно-боевую деятельность до 22 июня 1941 г. После начала Великой Отечественной войны Западные пограничные округа были реорганизованы и вошли в состав фронтов Красной армии. Таким образом, пограничники западных пограничных округов сменили свои основные задачи.

¹ *Корольков И.А.* История становления защиты и охраны границ Отечества. Голицыно, 2011. С. 228.

На Дальнем Востоке границу охраняли два пограничных округа: Хабаровский и Приморский. Линия государственной границы проходила по суше, воде и воздуху. Протяженность сухопутной границы составляла 4083 км границы с Маньчжурией, 24 км — с Кореей, 132 км — с Японией и 15 495 км — морской границы².

Каждому пограничному округу, в соответствии с оперативной обстановкой на линии границы и сопредельной стороне, определялись служебно-боевые задачи на один год. Они прописывались в положении о пограничной службе округа. До 1941 г. положение разрабатывало командование погранвойск — Главное управление пограничных войск НКВД СССР, управление региональных пограничных округов. После начала Великой Отечественной войны служебно-боевые задачи стали согласовываться с Государственным Комитетом Обороны. Общие задачи пограничных войск и гарнизонов Красной армии которые дислоцировались вблизи линии государственной границы Советского Союза сводились к недопущению провокационных действий со стороны Маньчжурии. Региональным округам ставили задачи по улучшению работы с начальниками пограничных застав, а также по обучению младших командиров, повышению качества подготовки личного состава в учебных пунктах округа и улучшению реализации полученных знаний на практике³.

Конкретные задачи определялись в соответствии с общими служебно-боевыми задачами и учитывали текущую оперативную обстановку в приграничье и на сопредельной территории. Их определяли начальники пограничных округов и командиры пограничных отрядов. Перед постановкой частных задач, накануне отчетного периода, все

² *Стецкевич В.Н.* Огонь на дальних рубежах, свой боевой поход пограничники закончили на Тихом океане // ФСБ. За и против. 2015. № 4 (38). С. 22.

³ Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦПА ФСБ РФ). Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 7.

пограничные отряды посещала комиссия из штаба округа, оценивалась оперативная обстановка на участках государственной границы, входящих в сферу ответственности пограничных отрядов. Основным направлением служебно-боевой деятельности становилась организация взаимодействия между пограничными подразделениями, местным населением, сельскими советами, органами рабоче-крестьянской милиции. Личному составу пограничных войск также ставилась задача, проводить регулярную разъяснительную работу среди членов сил содействия и местного населения; привлекать их к помощи пограничным войскам в строительстве и обслуживании инженерно-технических систем охраны границы; обеспечивать контроль за личным составом Красной армии и следить за соблюдением правил пограничного режима и государственной границы⁴.

Напротив дальневосточного участка границы СССР на 22.06.1941 г. дислоцировалось 49 японских пехотных дивизий, которые занимали хорошо укрепленные территории. В первом полугодии 1941 г. были усилены японские отряды пограничной полиции Маньчжурии. Вокруг них были выстроены дзоты, доты и прочие оборонительные укрепления. В 1941 г. завершилось строительство оборонительных сооружений. В связи с этим фактором снижается провокационная деятельность и усиливается разведывательная деятельность. Японская сторона развернула разведывательную работу в приграничье СССР. Об этом свидетельствует то, что из 755 задержанных нарушителей границы 570 являлись разведчиками или агентами японской стороны. Целью разведчиков являлось выявление дислокации крупных воинских формирований Пограничных войск и Красной армии. Второе полугодие 1941 г. характеризуется увеличением дорожного строительства стратегического назначения. Построены шоссейные дороги с качественным каменным и бе-

⁴ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 8.

тонным покрытием. Протяженность построенных дорог за 1941 г. составила 450 км, 800 км автомобильных дорог капитально отремонтированы. Строились подземные военные городки и артиллерийские склады⁵. Происходило расширение и строительство аэродромов. Велась подготовка диверсионных отрядов из лиц славянской внешности, преимущественно из белоэмигрантов. Эти отряды предназначались для забрасывания в тыл Советского Союза, ведения диверсионных действий и обезвреживания партизанских отрядов. Помимо военно-подготовительных мероприятий велась антисоветская деятельность через общества «Се-Хе-Ху» и «Российский Фашистский Союз» (РФС). Деятельность этих организаций заключалась во внушении идеи необходимости захвата советского Дальнего Востока и Сибири, подготовке антисоветской литературы, которая забрасывалась в приграничье СССР⁶.

Нарастающей угрозе противостояли два пограничных округа, которые насчитывали в своем составе около 24 000 чел⁷. До 22.06.1941 г. граница охранялась по результатам оперативного наблюдения. Когда требовала обстановка, выдвигались усиленные пограничные наряды. Самыми распространенными видами пограничного наряда являлся дозор, секретные посты, часовой пеший обход границы. Большое внимание в организации пограничной охраны уделялось тыловым направлениям. После начала Великой Отечественной войны Япония активизировала свою разведывательную деятельность. Ответом на эти действия стала усиленная охрана границы СССР. Наряды стали высылаться в составе не менее трех человек, а на удаленные фланги и особо сложные участки высылали наряды численностью до 10 человек. Это по факту соответствовало численности тревожной группы, которая

⁵ Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 4.

⁶ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 6.

⁷ Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 8.

предназначалась для усиления нарядов при возникновении вооруженного пересечения границы и тревожной ситуации. Это обстоятельство привело к тому, что сократилась численность пограничных нарядов и сократилась плотность охраны рубежей. Руководству пришлось решать задачу увеличения плотности охраны границы при нехватке личного состава. Для решения этой задачи стали привлекать местное население, которое сосредотачивалось в так называемые силы содействия. Пограничников, которые охраняли водный участок границы, в зимнее время переводили охранять сухопутные рубежи. Эти меры к зиме 1941 г. позволили уровнять плотность охраны границы. Для повышения безопасности в приграничную территорию были передислоцированы войска Красной армии. Эти меры дали ожидаемый результат, увеличение войск создало эффект массы воинских формирований. Пограничникам этот фактор прибавил работы. Теперь им приходилось следить в приграничной полосе и за войсками Красной армии, доводить до сведения правила передвижения и поведения в пограничной зоне⁸.

13 апреля 1941 г. Япония заключила пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Стороны обязывались поддерживать мирные деловые отношения и уважать территориальную целостность и неприкосновенность границ. В пакте указывалось: «В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта». Пакт был заключен сроком на пять лет. Пакт мог быть разорван в одностороннем порядке не менее чем за год до окончания срока действия⁹.

Данное соглашение было выгодно обеим сторонам, однако нельзя было исключать факт начала войны с Япо-

⁸ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 7.

⁹ Пакт о нейтралитете между Советским Союзом Советских Социалистических Республик и Японией // Документы внешней политики. Т. XXIII. Ч. 2. М., 1995. С. 565, 566.

нией на Дальнем Востоке. После 22 июня 1941 г. Японское правительство размышляло, как поступить: начать войну с СССР, разрыв соглашение о нейтралитете, или предпринять другие действия. Действие пакта являлось гарантией для Японии, что СССР не нападет на марионеточное государство Маньчжоу-Го. Также в ходе действия пакта о нейтралитете Япония рассчитывала на ухудшение советско-американских отношений, поскольку Советский Союз не включится в войну на Тихом океане¹⁰.

В ходе войны Япония систематически нарушала пакт о нейтралитете, вторгаясь в воздушное пространство СССР, японские военнослужащие задерживали советские суда, разграбляли рыболовецкие сейнеры, производили разведывательные действия на приграничной территории СССР, военные корабли нарушали водное пространство. Кроме того, японская дипломатическая служба постоянно старалась ввести в заблуждение все стороны — как советскую, так и германскую, обещая одним соблюдать пакт о нейтралитете, а другим — вступить в войну¹¹. За 1941 г. было зафиксировано 765 случаев нарушения границы, 19 случаев обстрела советской территории и мирного населения, проживающего в непосредственной близости к государственной границе, 15 случаев обстрела пограничных нарядов, 3 случая вооруженного захвата и удержания территории с применением вооруженных диверсионно-разведывательных групп, 8 случаев нарушения правил плавания и обстрела пограничных катеров, 16 случаев авиаобстрела территории¹².

Охрана дальневосточного участка государственной границы СССР проходила в напряженных условиях. Это обстановка носила тонкую грань между миром и войной. Сохранить мир являлось главной задачей пограничных

¹⁰ История дипломатии. В 5 т. Т. 4. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М.: Политиздат, 1975. С. 284, 285, 287.

¹¹ Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981. С. 138.

¹² ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 67. Л. 154, 156, 200; Д. 176. Л. 67; Д. 177. Л. 13.

войск. Пограничники не поддавались на провокации со предельной стороны. В целом обстановка на дальневосточных рубежах была относительно стабильной. В годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке СССР сложится своя школа подготовки кадров для охраны границы. Специалисты, подготовленные на Дальнем Востоке после освобождения западных рубежей, отправлялись налаживать там заново охрану границы.

*Галина Анатольевна
Ткачёва*

Д. и. н., ведущий научный сотрудник ФГБУН
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)

Дальневосточные рубежи в обеспечении оборонеспособности СССР накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Основные программные положения усиления оборонеспособности Дальнего Востока СССР в 1930-х гг. реализовывались исходя из геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Нормативно-законодательные акты определяли, что защита Отечества является священным долгом, а воинская служба — почетной обязанностью всех граждан СССР и советский народ должен находиться «в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая случайность и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох»¹.

С учетом экономического и военного потенциала страны разрабатывались оперативные документы, которые определяли оборону государственной границы, порядок стратегического развертывания и использования

¹ Наставление о мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии. 20 июня 1940 г. URL: <http://rkka.ru/docs/real/pu39/main.htm> (дата обращения: 10.04.2021).

Вооруженных сил СССР. Нейтрализацию военной опасности планировалось осуществлять политическими, дипломатическими средствами, а также путем поддержания Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Военно-морского флота, пограничных войск в готовности к боевому применению. Мобилизационные планы, разработанные на несколько лет вперед с ежегодной корректировкой, предусматривали общую или частичную мобилизацию военнообязанных скрытым (без разглашения целей проводимых мероприятий) и открытым (широким оповещением населения) способами, укомплектование войсковых частей, подготовку населения к противовоздушной и противохимической защите. В военно-оперативных разработках определялись прикрытия границы, развертывание сухопутных и военно-морских сил, строительство оборонительных рубежей, подготовка материально-технических резервов и порядок их использования.

Советское командование предполагало, что после начала Второй мировой войны японские военные круги, воспользовавшись благоприятным моментом, попытаются реализовать военно-стратегический план захвата дальневосточных территорий. Подписанный 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией пакт о нейтралитете позволил, в какой-то степени, обезопасить восточные рубежи СССР, но повышение надежности охраны границ было основным средством сдерживания агрессивных намерений японского милитаризма.

В соответствии с типовой структурой Вооруженных сил СССР дальневосточная группировка советских войск состояла из Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота (в составе Северной Тихоокеанской военной флотилии), Краснознаменной Амурской военной флотилии и Дальневосточной зоны ПВО.

Охрану сухопутных и морских рубежей несли пограничные войска. Приказом НКВД от 29 февраля 1939 г. были созданы Хабаровское и Приморское управления по-

граничных войск НКВД. В состав Приморского управления вошли Иманский, Гродековский, Посьетский, Комиссаровский, Владивостокский, Нагаевский, Камчатский погранотряды, Камчатский и Владивостокский отдельные авиационные отряды, морская школа и Владивостокская перевалочная база общей численностью 12,5 тыс. чел. личного состава. В Хабаровское управление (12,4 тыс. чел.) входили пограничные отряды с центрами в г. Бикин, Благовещенск, Николаевск-на-Амуре, Хабаровск, Александровск-на-Сахалине, с. Кумар, Иннокентьевка, Екатерино-Никольское, Ленинское, Казакевичево, а также другие подразделения. К 1941 г. численность пограничных войск НКВД на Дальнем Востоке, по сравнению с началом 1930-х гг. (Краснознаменная пограничная охрана ОГПУ — НКВД) увеличилась в три раза, морских и речных подразделений — в четыре, составив 29,9 тыс. чел., но войсковая плотность была низкой — на 1 км сухопутного участка приходилось не более 5 чел., а морского — 0,44 чел.

Дальневосточные пограничники вели борьбу с разведывательной, диверсионной и подрывной деятельностью противника, но им запрещалось обстреливать японские самолеты, нарушившие воздушное пространство СССР, открывать огонь по пограничникам сопредельной стороны, неумышленно нарушившим границу. Оружие применялось только в случаях вооруженного проникновения японо-маньчжурских военнослужащих на советскую территорию и оказания ими вооруженного сопротивления.

Методом визуальной и фоторазведки добывались и разрабатывались данные по обороне противника. Например, Управление пограничных войск Приморского округа подготовило командующему Дальневосточным фронтом 32 оперативные сводки об обстановке на границе с Маньчжурией и Кореей на 11 ноября 1940 г., где зафиксировано нарушение границы китайским и корейским населением, строительство укрепленных районов, появление белогвардейцев и японских агентов на сопредельной

территории, браконьеров в российских территориальных водах².

Дальневосточный фронт, образованный по приказу НКО (Народного Комиссариата Оборона) № 0029сс от 21 июня 1940 г. (командующий Г. М. Штерн, с 1941 г. по апрель 1943 г. — И. Р. Апанасенко), выполнял функции военного округа в административно-территориальных границах Дальнего Востока. Спичный состав войск составлял около 431,6 тыс. чел. На вооружении имелось 674,2 тыс. винтовок и карабинов, 11,5 тыс. пистолетов-пулеметов, 27,4 тыс. ручных и станковых пулеметов, 696 зениток, 4,8 тыс. орудий береговой артиллерии, 4,4 тыс. минометов и 579 зенитных пушек, 3 тыс. легких танков, 195 самоходных установок, 1940 самолетов, из них 626 бомбардировщиков, 1239 истребителей, 75 самолетов-разведчиков, 28 685 автомашин (20 288 грузовых), 8101 трактор и тягач, 83 596 лошадей³.

В оперативном отношении Дальневосточному фронту подчинялись Тихоокеанский флот (командующий Н. С. Юмашев, член военного совета С. Е. Захаров), Краснознаменная Амурская флотилия (командующий П. С. Абанькин). К июню 1941 г. ТОФ имел в своем составе 14 эсминцев, шесть сторожевых кораблей, восемь минных и два сетевых заградителя, 91 подводную лодку, 135 торпедных катеров, 30 тральщиков, 46 катеров-тральщиков, 19 охотников за подводными лодками, 73 сторожевых катера. Надводные корабли объединялись в эскадры, отряды легких сил, бригады и отдельные дивизионы, подводные лодки — в четыре бригады. Береговая артиллерия ТОФ включала 14 батарей калибром 180–356-мм, 77 батарей калибром 100–152-мм и 49-батарей калибром 45–76-мм. Противовоздушная оборона состояла из 75 зенитных батарей⁴.

² РГВА. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 12. Л. 7, 15, 20, 29, 35, 54.

³ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Стат. сб. № 1. URL: <http://tashv.nm.ru> (дата обращения: 14.03.2018).

⁴ Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1963. С. 22, 26.

Краснознаменная Амурская флотилия (КАФ) являлась самой мощной из речных военных флотилий СССР. Основные ее силы (1, 2 и 3-я бригады речных кораблей) дислоцировались на главной базе (г. Хабаровск, Кировский затон), Зее-Бурейская бригада — на реках Малая Сазанка и Бурей, маневренной базе Астрахановка. В устье р. Шилка (в зимнее время — в Сретенске) находился Сретенский отдельный дивизион речных кораблей (восемь бронекатеров, два полуглиссера и плавучая база), Уссурийский и Ханкайский отдельные отряды бронекатеров (по четыре бронекатера) — соответственно в районе Имана, Лесозаводска и Камень-Рыболова⁵.

В составе ТОФ насчитывалось 117,2 тыс. чел. и КАФ — 9,8 тыс. На вооружении имелось 112,5 тыс. винтовок и карабинов, 105 пистолетов-пулеметов, 6,4 тыс. ручных, станковых и зенитных пулеметов, 1,7 тыс. орудий береговой обороны, 466 минометов, 341 зенитная пушка, 1053 самолета, из них 208 бомбардировщиков, 334 истребителя, 312 самолетов-разведчиков, около 2,8 тыс. автомашин (2,4 тыс. грузовых) и 1,4 тыс. тракторов и тягачей⁶.

Концепция использования сил Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии укладывалась в рамки военно-теоретических взглядов на использование военно-морского флота. Для ведения боевых действий Тихоокеанский флот должен был иметь не только достаточное количество артиллерийских систем крупного и среднего калибра, но и обладать широкой сетью военно-морских баз и пунктов базирования, оборудованных на десантно-доступных участках побережья.

В случае начала военных операций со стороны Японии дальневосточная группировка войск должна была оборонять побережье Тихого океана, Охотского моря,

⁵ Сб. материалов по опыту боевой деятельности военно-морских сил Союза ССР. М., 1947. № 33. С. 18, 20, 27.

⁶ Стат. сб. № 1. Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // URL: <http://tashv.nm.ru/> (дата обращения: 14.03.2018).

Камчатки и Сахалина и не допустить проникновения противника в Татарский пролив. Тяжелые бомбардировщики большого радиуса действия были в состоянии наносить удары не только по береговым объектам, но и по крупным морским целям. Активными действиями на Сахалинском, Сунгарийском и Приморском направлениях предстояло разгромить первый эшелон японских войск и начать наступление в Северной Маньчжурии, блокировать порты Кореи и западного побережья метрополии. С учетом вероятности быстрого продвижения противника военноморские силы должны были поддерживать оборонявшиеся войска огнем корабельной и береговой артиллерии, авиацией, прикрывать средствами противовоздушной обороны, силами надводного и подводного флота, обеспечивать непрерывность морских сообщений.

Создание многочисленных глубокоэшелонированных систем укреплений, предназначенных для прикрытия главных стратегических районов, экономических и административных центров, военно-морских баз, стало одной из важнейших задач. Побережье защищала развитая система береговой обороны Тихоокеанского флота: Владивостокская, Владимиро-Ольгинская, Советско-Гаваньская, Декастринская, Николаевская-на-Амуре и Петропавловск-Камчатская военно-морские базы, Нагаевский и Северный сектор береговой обороны в Магадане и на Чукотке. Их основу составляли минно-артиллерийские и пехотные позиции, расположенные как вдоль побережья, так и вокруг военно-морских баз, усиленные дальнобойными береговыми батареями. К началу войны береговая артиллерия включала 140 батарей, противовоздушная оборона состояла из 75 зенитных батарей. В дополнение к ней была создана система противодесантной обороны, насчитывавшая свыше 300 долговременных пулеметных огневых точек и орудийных полукапониров, перекрывавшая наиболее важные горные проходы и прибрежные дороги. Данная система была призвана затруднить высадку неприятельских десантов и маневриро-

вание кораблей в непосредственной близости от побережья в полосе секторов береговой обороны⁷.

Оборона Дальневосточного фронта включала 296 пулеметных полукапониров (144 бетонных и 152 деревянно-земляных), 219 пулеметных долговременных огневых точек, 161 артиллерийский полукапонир, 37 командных пунктов, 120 наблюдательных пунктов, 173 ложные огневые точки, 122 артиллерийские батарейные позиции, 23 артиллерийских погребка, 79 убежищ. Основные позиции включали 2401 различных и 362 орудийных окопов, 17,9 км сообщений, 561,5 км противопехотных и 70,4 км противотанковых препятствий (60,7 км противотанковых рвов и эскарпов, 6,25 км каменных валунов, 1,86 км металлических надолбов, 1,6 км железобетонных пирамид), 521,1 км дорог различного профиля, 288 м мостов⁸.

К началу войны на Дальнем Востоке насчитывалось 13 укрепленных районов. На сухопутном направлении в первую очередь прикрывались основные районы, пригодные для оперативного развертывания войск противника, а также уязвимые участки Транссибирской железной дороги, на побережье — важные стратегические пункты как объекты вероятных морских десантов. В инженерном отношении наиболее укрепленными стали районы в непосредственной близости от государственной границы, где для отражения внезапного нападения противника постоянно находились войска.

На случай неблагоприятного начала военных действий разрабатывались планы эвакуации населения и ценного имущества из фронтовых и прифронтовых районов Дальневосточного региона. По первоначальному варианту 1937–1938 гг. предусматривалось эвакуировать 127 165 чел. гражданского населения и членов семей начсостава 1-й ОКА, 20 378 т грузов, из них 81 412 чел. и 1498 т груза — за пределы Дальневосточного края, 45 753 чел.

⁷ Ткачева Г. А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск, 2013. С. 154.

⁸ РГВА. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 224. Л. 10; Д. 226. Л. 12, 18.

и 15460 т груза — в его пределах. Эвакуации подлежали людские и материальные ресурсы из Уссурийска и Владивостока, Ханкайского, Хорольского, Гродековского, Молотовского, Михайловского, Ворошиловского, Посьетского, Владивостокского, Шкотовского районов. Планом перебазирования предусматривалось передислоцировать в безопасные районы не только особо важные грузы, но и второстепенные объекты. Для этих целей было зарезервировано 3052 вагона и различных платформ (2486 пассажирских и 550 крытых вагонов, 16 платформ)⁹.

Учитывая ограниченные транспортные возможности, Генеральный штаб РККА распоряжением № 55160сс от 16 января 1939 г. пересмотрел план по эвакуации и исключил из него около 50% ранее запланированных к перемещению объектов с учетом пропускной способности железных дорог в мобилизационный период. Теперь предусматривалось вывезти со станций Приморской железной дороги только 61 668 чел. и 4 100 т грузов. Штаб 1-й ОКА по директиве от мая (дату установить не удалось) 1940 г. предполагал разместить 5 640 чел. семей начальствующего состава в Омской области. По железной дороге вывозилось наиболее ценное имущество и квалифицированные работники советского, партийного, профсоюзного аппарата и оборонных организаций, которые отходили в самый последний момент вместе с армией. Эвакуация силовых ведомств и лагерного контингента с охраной организовывалась особо¹⁰.

Эвакуационные планы систематически дополнялись и изменялись. Они включали основной перечень неотложных организационных мер, порядок оповещения, списочный состав лиц, подлежащих эвакуации и ответственных за ее организацию, топографические карты со схемами

⁹ РГВА. Ф. 37299. Оп. 1. Д. 83. Л. 305; Д. 89. Л. 135.

¹⁰ РГВА. Ф. 37299. Оп. 1. Д. 79. Л. 53; Д. 89. Л. 120; Д. 90. Л. 118, 148, 149, 172, 197 об, 198.

дорог, маршрутами сбора и последующего передвижения. При их отработке учитывались особенности стратегического расположения административных районов. Так, Приморский край был связан с западными областями страны одной железной дорогой, которая в некоторых местах проходила на расстоянии 1–3 км от государственной границы и могла находиться под прицельным огнем противника, поэтому перемещение гражданского населения и объектов планировалось осуществить в пределах края.

Одновременно на Дальнем Востоке воссоздавались партизанские отряды, законспирированное подполье, которые из-за репрессий прекратили свое существование в 1937–1938 гг. В составе управления госбезопасности был организован специальный отдел, который отвечал за создание диверсионных и агентурных групп. Летом и осенью 1941 г. был произведен учет бывших участников партизанского движения 1920–1922 гг., проведены учебные сборы бойцов будущих партизанских отрядов, намечены основные районы их действий, подготовлены необходимые базы, прошли учения¹¹.

Постоянная готовность к защите Родины требовала от трудящихся овладения военными знаниями, что в условиях пограничного Дальнего Востока приобретало особое значение. Подготовка населения осуществлялась в добровольных обществах, прежде всего Осоавиахиме, в кружках, клубах, военно-учебных центрах стрелкового, авиационного, кавалерийского, военно-морского, автомобильного, радиотехнического направлений, служебного собаководства и голубеводства. Так, к началу войны Хабаровская краевая организация Осоавиахим объединяла 5 областных советов в составе 9 городских, 2 окружных, 55 районных советов, 7 районных и 2 городских советов краевого подчинения и Колымский окружной совет. В них имелось 3,4 тыс. первичных организаций

¹¹ ГАХК. Ф. 730. Оп. 3. Д. 306. Л. 6, 10 об, 15.

и 129 499 чел. На 1 января 1941 г. в Приморском крае насчитывалось 1976 первичных организаций Осоавиахима с 67 633 членами¹².

Однако обучение в организациях Осоавиахима носило преимущественно спортивный характер. Предпринимаются настойчивые попытки улучшить положение дел: создаются группы с соответствующей специализацией, вводится программа военной подготовки (в регионе функционировало 2029 различных структурных подразделений, где обучалось около 42 тыс. чел.), но намеченные планы подготовки резервов выполнить не удалось.

В 1939–1940 гг. в СССР, по сути, осуществлялось скрытое мобилизационное развертывание. Административно-территориальная система воинского учета определяла формы исполнения воинской обязанности. На 1 января 1940 г. на воинском учете в СССР находилось примерно 19,8 млн рядового и сержантского состава, а общее число годных к военной службе составило 31,5 млн чел., или 16,4% населения страны. Мобилизационным планом намечалось из 10 млн состоявших на воинском учете военнообязанных четырнадцати возрастов (1905–1918 гг.) 5 млн направить на укомплектование Красной армии и Военно-морского флота, 3,8 млн использовать на восполнение безвозвратных потерь действующих фронтов и 1,2 млн — на укомплектование новых формирований, не предусмотренных мобилизационным планом¹³.

В соответствии с законом о всеобщей воинской обязанности и директивой заместителя Народного комиссариата обороны СССР № 182738сс от 3 сентября 1940 г. призыв на воинскую службу на Дальнем Востоке проходил с 15 сентября по 10 октября 1940 г. Мобилизационные

¹² ГАХК. Ф. 875. Оп. 3. Д. 30. Л. 63, 63об; Д. 57. Л. 13, 48; ГАРФ. Ф. 8355. Оп. 1. Д. 342. Л. 78; ГАПК. П-68. Оп. 1. Д. 667. Л. 40 (подсчитано автором).

¹³ Градосельский В. В. Комплектование Красной Армии рядовым и сержантским составом в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. М., 2002. № 3. С. 7, 12.

ресурсы составляли 42 727 военнообязанных (9 197 чел. — старших возрастов, 14 387 чел. — 1920 г. р., 17 177 чел. — 1921 г. р., 1966 чел. — 1922 г. р.). На сборные пункты прибыли 42 445 чел., из них 37 477 чел. (88,3%) признали годными к строевой и 2 264 чел. (5,3%) — к нестроевой службе, 2 704 чел. (6,4%) сняли с воинского учета. По разным причинам 8 385 призывников (21,1% подлежавших призыву) получили отсрочки, в том числе 7 601 рабочий и служащий, 716 учащихся и 68 чел. по политическим и медицинским показаниям. Около 60% будущих новобранцев-дальневосточников имели определенные военные навыки (значки «Ворошиловский стрелок» имели 10 324 чел., «Готов к труду и обороне» — 4 994, «Готов к санитарной обороне» — 10 285 чел.)¹⁴.

Исходя из приведенных показателей можно заключить, что 21,5% призывников-дальневосточников по разным причинам до этого не прошли действительную военную службу, 8,9% — получали отсрочку и около 60% — имели определенные военные навыки. По физическому состоянию новобранцы были здоровы, но 4,4% отсрочек по болезни говорят о том, что в отдельных районах с призывным контингентом обстояло не все благополучно.

В ряды Вооруженных сил был зачислен 31 191 чел., из них — 26 007 рабочих (61%), 5 151 колхозник (12,1%), 26 крестьян-единоличников, 5 кустарей, 196 прочих; 24 072 русских (56%), 4 215 украинцев (10%), 503 татарина (1,2%), 539 мордвин (1,3%), 194 чуваша, 142 нанайца; высшее образование имели 302 чел., среднее — 2 376 чел. (7,6%), незаконченное среднее (7–9 кл.) — 7 680 чел. (24,7%), от 6 до 4 кл. — 17 425 чел. (56%), малограмотные — 3 353 (10,7%) и 56 чел. — неграмотные (большая часть малограмотных и неграмотных прибыла по переселению из других областей). Членами и кандидатами в члены ВКП(б) являлись 455 чел. (1,5%), ВЛКСМ — 14 219 чел. (46%)¹⁵.

¹⁴ РГВА. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 105. Л. 327, 328, 371, 371 об.

¹⁵ РГВА. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 106. Л. 159, 160.

На пополнение РККА направили 24248 военно-обязанных (12356 чел. — в пехоту, 2383 — в артиллерийские части, 1526 — в части связи, 620 — кавалерии, 1281 — инженерные, 1450 — бронетанковые, 672 — тыловые и 593 чел. — в железнодорожные подразделения), в военно-воздушные — 1793 чел., военно-морские — 3819, НКВД — 1097, рабочие батальоны — 1652, строительные части — 376 чел.¹⁶

Сведения о поступлении молодого пополнения в воинские подразделения Дальневосточного фронта позволяют дать небольшую сравнительную характеристику призывного контингента других регионов. Донесение от 24 октября 1940 г. констатировало, что на пополнение 15-й армии прибыло 10745 чел. Большинство представляли Западную и Восточную Сибирь, небольшая часть — Бурят-Монгольскую АССР и Дальний Восток. Из северо-западных районов европейской части страны прибыло 2109 чел. (1755 чел. направил Архангельский военный округ), в том числе по социальному составу: 720 рабочих, 1058 — колхозников, 204 — служащих и 127 прочих; по национальности: 317 русских и 1499 украинцев. Высшее образование имели 18 чел., среднее — 54 чел., 9 классов — 57 чел., 7 классов — 124 чел., от 5 до 6 классов — 313 чел., до 4 классов — 1414 чел., неграмотных — 102 чел. По политической принадлежности 6,8% призывников характеризовались как политически неблагонадежные (120 чел. имели репрессированных родственников и 24 чел. — за границей), причем среди лиц с высшим образованием таких было 20,6%.¹⁷

Итак, в отличие от аналогичных показателей призывников Дальневосточного региона наблюдался большой процент занятых в сельском хозяйстве (50,2%), малограмотных и неграмотных (71,8%), по национальному признаку украинцев (71%). Это еще раз подчеркивает осо-

¹⁶ РГВА. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 106. Л. 172 об, 173.

¹⁷ РГВА. Ф. 33961. Оп. 1. Д. 95. Л. 354, 357, 358, 421.

бенности социально-экономического развития Дальнего Востока.

Призыв в Красную армию и Военно-морской флот сопровождался высоким патриотизмом. Отмечались лишь единичные случаи отказа выполнять свой воинский долг, симулируя главным образом болезнь. Поступали заявления от родителей и самих призывников с просьбой о досрочном призыве в Вооруженные силы СССР. Например, в военкомат Спасска Приморского края было подано 8 заявлений от военнообязанных 1922 г. рождения о досрочном призыве. Рабочий обозного завода Амурской области просил всех четырех сыновей зачислить в одну танковую часть. Призывник 1919 г. р. одного из заводов Хабаровска получив отсрочку, просил комиссию зачислить его в Красную армию. «Я родился при Советской власти. С раннего возраста мечтой и целью моей жизни было желание служить в рядах военно-морского флота. Я здоров и вынослив, шесть лет подряд упорно тренировал себя и готовил к военной службе и, дождавшись торжественного момента, получил отсрочку по заводу. Прошу зачислить в ряды ВМФ». Призывники Николаевска-на-Амуре в своих письмах В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и С. К. Тимошенко заверяли: «Мы готовы к выполнению боевых заданий в любых условиях и перенесем любые трудности погодной жизни для выполнения священного долга перед Родиной и будем защищать ее мужественно умело, с достоинством и честью, не щадя свою кровь и саму жизнь для достижения полной победы над врагом»¹⁸.

Призыв 1940 г. сопровождался массово-политической работой. В регионе было проведено 1038 бесед и докладов, показано 82 кинокартины патриотического содержания, 38 концертов силами самодеятельности. В Приморском крае прошли 68 митингов, 102 доклада о международном положении, 102 — о всеобщей воинской повинности, 68 бесед — о замечательных людях РККА и ВМФ

¹⁸ РГВА. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 106. Л. 164, 165, 362.

и партизанах Приморья, 78 — о задачах вооруженных сил и 15 — по истории военно-морского флота, выпустили 110 стенгазет и бюллетеней. В Хабаровском крае, помимо 409 бесед, 508 докладов, 180 лекций, проведено 286 собраний, 82 конференции, 138 семинаров с активом. Отправка в части сопровождалась 13 собраниями-проводами с участием 2,5 тыс. чел.¹⁹

Таким образом, в предвоенные годы отработывались оптимальные параметры комплектования Вооруженных сил с учетом наличия соответствующих людских ресурсов по регионам. В то же время необходимая отчетность с мест поступала в соответствующие инстанции неудовлетворительно. Контрольные сроки неоднократно корректировались, и по состоянию на 23 мая 1941 г. отчеты не поступили от 38 областных военкоматов 13 военных округов, в том числе и Дальневосточного фронта, что сказалось на комплектовании отдельных воинских подразделений.

Призыв военнообязанных позволил увеличить численность дальневосточных военных формирований в преддверии войны, создавая базу для последующих мобилизаций. В Дальневосточном регионе проводились оперативные игры, совместно с военно-морским флотом и авиацией отработывались армейские операции по уничтожению крупного десанта противника и перешедших к обороне войсковых подразделений, умение форсировать крупную водную преграду и вести оборонительный бой, организовывать работу тыла при наступлении.

Изучался опыт боевых действий ОКДВА по подавлению очагов сопротивления в глубине обороны противника во взаимодействии всех родов войск, использование артиллерии, авиации, танков в боях на озере Хасан и МНР, опыт партийно-политической работы. Подготовка включала доклады о действиях англо-французских и русских войск в Первую мировую войну, республиканской армии в Испании. Для глубокого изучения отдельных опе-

¹⁹ РГВА. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 106. Л. 182, 254, 330, 425.

рационных направлений прорабатывались военно-географические описания маньчжурского театра, изучалась тактика действий японской армии, ее организационная структура и полевой устав²⁰.

Результатом оперативных разработок стали подробные описания, зарисовки, одиночные, панорамные и маршрутные фотоснимки военных объектов на сопредельном берегу с достаточной точностью привязки их к местности, позволяющие надежно поражать цели, осуществлять выбор более выгодных огневых позиций кораблей и десантирования.

Таким образом, Дальний Восток СССР, являясь ареной военно-политических притязаний милитаристской Японии, при ограниченных людских ресурсах и слабо развитой системе коммуникационных связей, неприкосновенность границ поддерживал сочетанием общегосударственных и общественно-массовых мероприятий. Укрепление национальной безопасности включало меры, с одной стороны направленные на поддержание воинских формирований в боевой готовности, с другой — на создание военно-промышленного комплекса, позволяющего сформировать стратегические запасы материальных ценностей государственного и мобилизационного резервов, на подготовку государственной власти и населения в административно-территориальных границах к работе в условиях военного времени.

При определении численности вооруженных формирований и их оснащенности на восточных рубежах учитывалась специфика геополитического пространства, удаленность войсковых соединений и маловероятность внутри- и межрегиональной перегруппировки войск при огромной протяженности морских и сухопутных границ. В процессе реорганизации 1930-х гг. повышалась огневая мощь, подвижность и маневренность дальневосточной группировки войск. Она превосходила Квантунскую

²⁰ РГВА. Ф. 30738. Оп. 1. Д. 24. Л. 4–10.

группировку войск по численности и вооруженности, что учитывалось в японском Генштабе при разработке плана нападения на СССР.

Таким образом, с военно-политической и экономической точек зрения Дальний Восток СССР был уязвимой территорией. Являясь зоной геополитической конфликтности, Дальневосточный регион стал оборонительным рубежом с высоким уровнем милитаризации социально-экономического развития, ориентированного, с одной стороны, на военные нужды, с другой — на эксплуатацию природных ресурсов. Военно-оборонные мероприятия проводились исходя из стратегии активной обороны, которая предполагала разгром любых военных формирований в случае начала агрессивных действий; жизнедеятельность дальневосточников определялась идеологической направленностью обеспечения военно-стратегических интересов СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Геополитическая ситуация в Северо-Восточной Азии требовала взвешенных политических решений при защите национальных интересов СССР. Руководящие установки, в которых излагались официальные подходы к организации обороны страны и применению Вооруженных сил СССР, были недостаточно проработаны и согласованы между собой. Реорганизация РККА и ВМФ, подготовка командных кадров, перевооружение, мобилизация резервов не были завершены. Окончательный план обороны СССР был разработан с большим опозданием и доведен до сведения военных округов накануне Великой Отечественной войны без согласования по взаимодействию сухопутных, воздушных и морских сил.

*Татьяна Ивановна
Тарасенкова*

К. и. н., доцент, директор Государственного архива новейшей истории Смоленской области

Документы партизанских формирований о трагедии мирного населения в период оккупации Смоленской области, 1941–1943 гг.

Жизнь мирного населения на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны — тема, которой в последние годы уделяется много внимания. Это вполне обоснованно, так как на протяжении долгого времени ее изучение сложно назвать удовлетворительным. В первую очередь исследователи изучали ход боевых действий на территории Смоленской области, деятельность партизанских отрядов¹. Одним из первых к вопросу о жизни смолян в условиях оккупации обратился историк Д. Е. Комаров. Он рассматривал экономическое положение населения: налоги, повинности, уровень цен, возможность заниматься сельским хозяйством. Затрагивал проблему

¹ Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943 гг. Документы и материалы. Смоленск, 1962. 520 с.; Смоленская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Смоленск, 1977. 448 с.; *Щеров И. П.* Партизаны: организация, методы и последствия борьбы (1941–1945). Смоленск, 2006. 455 с.

коллорационизма, анализировал количество потерь среди мирного населения².

Значительный вклад в изучение проблемы насилия в отношении мирного населения, оказавшегося на оккупированной в годы войны территории, внесла реализация проекта «Без срока давности». Его цель — обращение к теме массовой гибели мирного населения в годы войны для сохранения исторической памяти об этих событиях и предоставление достоверной исторической информации о преступлениях нацистов и коллаборационистов на оккупированных территориях.

В рамках проекта Государственный архив новейшей истории Смоленской области принимал участие в подготовке к изданию сборника документов о трагедии мирного населения области — жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны. Документы для сборника выявлялись в фондах Смоленского обкома и райкомов КПСС, в фонде Западного штаба партизанского движения.

Авторы значительной части документов — командиры и комиссары партизанских формирований Смоленской области, которые до войны возглавляли райкомы и горкомы ВКП(б), а в период оккупации становились секретарями подпольных райкомов партии. Они поддерживали связь с первым секретарем Смоленского обкома ВКП(б), начальником Западного штаба партизанского движения Д. М. Поповым, местом пребывания которого был г. Кондрово Калужской области.

Их переписка содержит актуальную информацию о положении на оккупированной территории области. Имеются докладные записки и справки, датированные 1942 и 1943 гг. из оккупированных или только что освобожденных районов: Андреевского, Батурина, Глинковского, Кардымовского, Касплянского, Руднянского, Са-

² Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной войны, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2017. С. 192–236.

фоновского, из г. Смоленска. Ценность материалов в том, что они фиксировали информацию о только что произошедших событиях, а не основывались на воспоминаниях и впечатлениях, записанных спустя годы.

В документах освещался, как правило, широкий круг вопросов: экономическая политика нацистов, размеры собираемых налогов, виды повинностей, масштабы разрушений. Сведения о насилии по отношению к местному населению являлись лишь небольшой частью информации. Фиксировались факты массового уничтожения мирных жителей. Единичные факты расстрелов и повешений конкретных лиц описывались как примеры наиболее жестоких злодеяний оккупантов.

В отчете секретаря Глинковского подпольного райкома ВКП(б) П. С. Куковенкова от 13 октября 1942 г. зафиксированы факты бесчеловечной жестокости и насилия в отношении жителей района в период оккупации: «70% сел и деревень района немцами полностью или частично сожжены. Около 50% населения немцы уничтожили — сожгли, повесили, замучили, расстреляли и увезли... В д. Ляхово живьем сожжено 480 стариков, женщин, детей. Пожаром уничтожены все жилые и хозяйственные постройки. В д. Мончино повешено, сожжено, расстреляно 280 граждан всех возрастов. В д. Шилово немцы всем взрослым жителям рубили головы, а детей перерубили пополам и разложили по дороге, ведущей в д. Митронино. 65 человек (апрель 1942 г.)»³.

Комиссар партизанского отряда Черненко С. А. Свиридов, занимавший в предвоенное время должность председателя Краснинского райисполкома, в информационном письме от 23 сентября 1942 г. сообщал о расправах карателей над еврейским населением района: «В марте 1942 г. в местечке Монастырщина немецкими карателями убито около 800 человек евреев. В Гусино Краснинского

³ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 91. Л. 1.

района — 280 человек. В Красном около 200 человек. При этом были случаи исключительного зверства, когда детей разрывали и бросали живыми в яму. Подобных фактов зверской расправы фашистов над мирным населением можно было привести больше, но всего не опишешь»⁴.

В докладной записке первого секретаря Каспьянского райкома ВКП(б), командира партизанского отряда в Каспьянском районе Г. Н. Волкова, составленной не ранее 2 июля 1942 г., приведены факты жестокой расправы в Каспле над мирным населением: «Фашистские изверги 2.7 и 4.7 [19]42 г. расстреляли 235 человек, из них 42 человека членов и кандидатов ВКП(б) и их детей, и 13 членов ВЛКСМ, а остальные — беспартийные. Расстрел производился группами, раздев их догола. Часть подлежащих расстрелу бросили в яму живыми, облили бензином и сожгли. Детей расстреливали на руках матерей. Одним словом, произошел кошмар. Оставшийся в районах народ идет в партизанский отряд»⁵.

Важный момент в этой цитате — отношение местного населения к партизанам. В документах более раннего периода, первых месяцев оккупации, отмечалось нейтральное отношение к оккупационным властям и отсутствие значительной поддержки начинавших формироваться партизанских отрядов. Но по мере увеличения масштабов экономического и физического насилия отношение к партизанам начало меняться и все больше жителей готовы были оказывать им посильную помощь. В свою очередь, поддержка партизан населением еще больше ожесточала нацистов и усиливала жестокость по отношению к мирным гражданам.

Секретарь Руднянского подпольного райкома ВКП(б), комиссар партизанской бригады Понизовского района А. А. Елисеев, погибший в июне 1943 г. при выполнении боевого задания, указывал на существование связи между

⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 150. Л. 35.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 151. Л. 8.

уничтожением нацистами населенных пунктов и оказанием населением помощи партизанам. В отчете о положении в районе он писал, что в июне 1942 г. «карательный отряд сжег д. Олыша за содержание партизан и бросил в огонь горящих хат 12 детей»⁶. Вместе с тем при организации карательных операций наличие такой связи было совершенно необязательно. А. А. Елисеев особо подчеркивал, что в Руднянском районе полностью сожжено 15 деревень и частично 10, «причем не в ходе боев, а специально»⁷.

Связь между успешными действиями партизан и усилением волны насилия отмечал П. Д. Куркин, член бюро Андреевского подпольного райкома ВКП(б), комиссар партизанского отряда «Народный мститель», действовавшего в Андреевском районе. В докладной записке от 1 февраля 1943 г. он писал: «В декабре месяце 1942 г., после разгрома партизанами немецкого гарнизона ... и разгрома карательного отряда ... немецким командованием было брошено две дивизии и три карательных отряда для блокады партизан в лесу. 3 января 1943 г. ...после неудачного боя и разгрома карательного отряда и гарнизона немецко-фашистские войска в бешеной злобе зверски сожгли 20 деревень вокруг леса, в том числе сожгли 26 женщин и детей, и 5 человек расстреляли в д. Аксенино Тишинского сельсовета»⁸.

Аналогичный факт приводит секретарь Сафоновского подпольного райкома ВКП(б), комиссар партизанского отряда И. К. Антошин: «В поселке Гута Дедовского с/совета, где был наш районный штаб партизанских отрядов, всех жителей согнали в одно помещение, раздели их догола, затем выгнали, а поселок весь сожгли»⁹.

В каждом без исключения документе отмечается, что в первую очередь оккупанты уничтожали наиболее активных граждан, коммунистов, комсомольцев и тех, кто

⁶ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 150. Л. 38.

⁷ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 150. Л. 39.

⁸ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 150. Л. 45–46.

⁹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 91. Л. 11.

до оккупации занимал ответственные должности в партийном, советском, хозяйственном аппаратах.

Организатор подпольной и партизанской борьбы в Кардымовском районе, секретарь Кардымовского подпольного райкома ВКП(б) А. Е. Гребнев, погибший в 1942 г., сообщал, что «много убито и замучено партийного и советского актива»¹⁰. Причем к активу относились не только работники парторганизаций, исполкомов, но и врач районной больницы, учитель-историк местной школы. В Андреевском и Батурином районах первыми жертвами становились председатели колхозов, бригадиры, рядовые коммунисты и комсомольцы¹¹.

Весной 1942 г. Смоленский обком ВКП(б) направил в район г. Смоленска оперативную группу во главе с секретарем Смоленского горкома партии И. П. Мозиным. Группа обосновалась вблизи города, наладила связь с подпольем и создала Смоленский городской партизанский отряд. В 1942 г. руководство отряда составило справку для начальника ЗШПД Д. М. Попова о положении в городе. В ней охарактеризован оккупационный режим в Смоленске, построенный «исключительно на произволе, бесчинствах и зверском обращении с населением»¹².

В документе указано, что для городского населения введены многочисленные ограничения в пользовании жильем, коммунальными и бытовыми услугами, лечебными учреждениями, в передвижении по городу. Смоляне регулярно привлекались к выполнению принудительных работ по восстановлению жилой и транспортной инфраструктуры. Уклонявшиеся от мобилизации на восстановительные работы и вообще на любые другие работы «подвергались избиению и порке»¹³.

И. П. Мозин информировал начальника ЗШПД об угрозе мирных жителей в Германию, о создании в г. Смо-

¹⁰ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 150. Л. 32.

¹¹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 150. Л. 35, 45.

¹² ГАНИСО. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹³ ГАНИСО. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

ленске еврейских гетто и уничтожении еврейского населения, о невероятно тяжелом положении с продовольствием, когда горожане вынуждены обменивать последние оставшиеся у них вещи на продукты питания: «Жителям в гор. Смоленск время от времени выдают по 150 г хлеба в день, а работающим дополнительно дают горячий обед и 4,5 марки в неделю. Рабочим выдают 400 г хлеба в день... На получаемые деньги ничего приобрести нельзя. Хлеб в гор. Смоленск стоит 5 марок 800 г. Соли, керосина, спичек и мыла нет. Население употребляет в пищу соли минеральных удобрений»¹⁴.

Наряду с составлением докладных записок, отчетов и справок, руководство партизанских отрядов считало необходимым фиксировать факты массового насилия нацистов над мирным населением в актах. Примером такого документа является сохранившийся в фонде Смоленского обкома КПСС акт от 28 октября 1942 г. о зверствах над мирными жителями в Духовщинском районе области. Он подписан командованием и партизанами отряда «Буревестник» совместно с уполномоченными райкома ВКП(б) и райисполкома.

В нем запечатлены факты сожжения двух деревень с жителями: «24 октября [1942 г.] отряд фашистов в 12 час[ов] дня ворвался в дер. Снорки Духовщинского района Смоленской области. Деревню в количестве 16 домов сожгли и население в количестве 70 человек женщин, детей и стариков закрыли в домах и живыми сожгли»¹⁵. Людей, пытавшихся бежать, либо расстреливали, либо ловили и «бросали в огонь». Из всех жителей деревни смогли убежать и спастись только четверо. «В 16 часов дня 24 октября этот же отряд фашистских зверей ворвался в дер. Головицы Духовщинского района Смоленской области. Собрали 86 человек женщин, детей и стариков. Закрыли в доме б[ывшей] МТС и зажгли»¹⁶. Девять человек:

¹⁴ ГАНИСО. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1055а. Л. 63.

¹⁶ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1055а. Л. 63 об.

женщин с детьми, пытавшихся бежать, расстреляли. Спаслись от расправы лишь шесть человек.

Важность данного акта в том, что он написан через несколько дней после произошедших событий, поэтому сохраняет остроту переживаний и глубину ненависти к врагу авторов документа, ставших очевидцами злодеяний. Это принципиально отличает его от актов, составленных Чрезвычайной государственной комиссией после освобождения области от оккупации. К сожалению, такие документы в фондах архива единичны.

Информация о злодеяниях на оккупированной территории Смоленской области имеется также непосредственно в материалах о деятельности партизанских формирований. Это доклады, отчеты, дневники боевых действий партизанских отрядов за определенные периоды времени. Авторы этих документов — не бывшие партийные работники, не члены подпольных райкомов ВКП(б), а в первую очередь партизаны, которые анализируют свою боевую деятельность. Их задача — описать столкновения с противником, подсчитать потери сторон, количество захваченного оружия, отметить успешные операции, разобрать тактические ошибки. Характеристика насилия нацистов над мирным населением встречается в очень ограниченном количестве документов.

В разведывательной сводке командира особого Смоленского партизанского полка И. Ф. Садчикова за июнь — август 1942 г. имеется информация о еврейских гетто в г. Смоленске и о нечеловеческих условиях существования в них евреев: «Питания им не дают. Многие из них ходят без нижней и верхней одежды, а прикрыты только одеялами. Одежду свою они променяли на продукты питания. Среди евреев, вследствие такого дикого положения, были бунты, во время которых они убивали охрану и пытались бежать, но задерживались и расстреливались. Пьяные офицеры по разрешению коменданта Смоленска могут неограниченно расстреливать евреев без всякой последующей ответ-

ственности»¹⁷. Аналогичные сведения содержались в справке Смоленского городского партизанского отряда И. П. Мозина за 1942 г..¹⁸

Командир партизанского отряда № 3 М. В. Антоненков в сентябре 1941 г. сообщал, что в населенных пунктах Пречистенского района жители рассказывали партизанам о своем совершенно бесправном положении. Бойцы отряда становились свидетелями грабежей, насилия, убийств: «В дер. Верякино 70-летняя старуха Ефимьева Агриппина жаловалась, что ее изнасиловал немецкий солдат. В дер. Ново-Тишкино арестованы и повешены без всякой причины, для устрашения других, колхозники Курченко, Дороненко, Борнев и комсомолец Хомченко»¹⁹.

Рядовым явлением стало проведение нацистами обысков в домах крестьян, в ходе которых забиралось почти все имущество. Целью грабежей становилась нажива: «...награбленное продают за бесценок, чтобы затем через несколько часов снова отобрать и продать в другом месте. Мерзость, о которой и вспоминать жутко»²⁰. Так эмоционально резко и негативно оценивал поведение оккупантов, обещавших населению лучшую жизнь, М. В. Антоненков.

В отчете о партийно-политической работе крупного партизанского соединения «13» с апреля 1942 г. по июнь 1944 г. приводятся факты жестоких расправ над населением в соседних со Смоленщиной белорусских деревнях в первой половине 1944 г.

«26.2.44 г. — французский легион, выходивший на борьбу с партизанами, зажег дом лесничего Марка Антоновича Сафончика 70 лет от роду, и бросили его вместе с женой старухой живыми в огонь (поселок Леспромхоз Эсьмонского с/с Бельничского р-на)...

В начале марта немцы сожгли д. Барсуки и 12 жителей, не успевших убежать в лес, расстреляли и сожгли.

¹⁷ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 151. Л. 52.

¹⁸ ГАНИСО. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹⁹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 421. Л. 14.

²⁰ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 421. Л. 15.

2 и 3 марта 1944 г. немцы сожгли д. Александрово, Роги, Подстружье, Точище, Межное и ряд других деревень Кричевского р-на. В октябре и ноябре 1943 г. немцы сожгли много деревень (Добужа, Бовки и др.), Пропойского р-на (Железинка, Лесная, Улуки). В ноябре 1943 г. немцы расстреляли и сожгли в Железинском болоте 1500 мирных жителей, спрятавшихся в болоте от немецкой оккупации. Много сожженных трупов найдено в золе сгоревших домов деревень Добужа, Смолица»²¹.

Комиссар партизанского соединения «13» И. А. Стрелков писал, что жестокость французских легионеров превосходила жестокость немецких солдат. Он объяснял это тем, что после поражения на Орловско-Курской дуге немецкая тактика изменилась. К проведению карательных операций немцы старались привлекать не свои военные подразделения, а полицейских. В то же время французские легионеры как раз «потеряли вкус к борьбе на фронте, они больше шли в полицейские, забрасывались как шпионы, высылались против партизан»²².

В фонде Западного штаба партизанского движения имеется несколько дел преимущественно с копиями документов под общим названием «Материалы о зверствах немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Смоленской области». Сведения о преступлениях нацистов представлены в докладных записках руководителей политотдела 5-й общевойсковой армии и оперативной группы партизанского движения при Военном совете 49-й общевойсковой армии, участвовавших в освобождении области.

Начальник 8-го отделения политотдела 5-й общевойсковой армии старший батальонный комиссар Дорофеев включал в свои информационные материалы сведения о зверствах нацистов на территориях, частично освобожденных партизанами в 1942 г.²³

²¹ ГАНИСО. Ф. 1737. Оп. 1. Д. 41а. Л. 14.

²² ГАНИСО. Ф. 1737. Оп. 1. Д. 50. Л. 42.

²³ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 150. Л. 67–68, 76.

Об уgone населения на принудительные работы в Германию, о заключении в концлагеря, о бесчинствах карательных отрядов в Знаменском, Восточном и Семлевском районах, об изменении отношения населения к партизанам сообщал начальник опергруппы партизанского движения при военном совете 49-й армии старший батальонный комиссар Кожин: «В декабре 1941 г. и январе 1942 г. в Семлевском, Знаменском и Восточном районах был ужасный произвол карательных отрядов. Они избивали население, сжигали школы, деревни, госпиталь с ранеными (в дер. Реброво был сожжен госпиталь с 60 ранеными), убивали всех мужчин в возрасте 18–50 лет. Этот произвол чинили под видом борьбы с партизанами и за связь с ними. Это запугивало население, и оно боялось помогать партизанам. В ответ на это партизаны провели массовый террор по истреблению местных предателей и немцев, что сразу изменило к лучшему отношение населения к партизанам. Террор немцев способствует уходу населения в леса и присоединению его к партизанам»²⁴.

Важной частью документального наследия являются воспоминания партизан, ставших очевидцами злодеяний или переживших трагедию потери родственников, друзей, односельчан.

В воспоминаниях разведчицы партизанского полка имени 24 годовщины РККА, действовавшего на территории Ельнинского района Смоленской области, З. Д. Коняшкиной, написанных в 1943 г., основная часть текста посвящена описанию тяжелого материального положения местного населения. Автор также отмечает особую жестокость нацистов по отношению к жителям, оказывавшим любую помощь партизанам. Если в деревне у кого-нибудь побывали партизаны и об этом стало известно людям, сотрудничавшим с оккупантами, то в деревню приезжали немцы, выгоняли население на улицу, деревню сжигали, а хозяев дома, приютивших

²⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 151. Л. 16–19.

партизан, расстреливали²⁵. В этих строках затрагивается очень сложная проблема — коллаборационизма. Если информацию о гибели немецких солдат скрыть от оккупационных властей было невозможно, то о посещении деревни партизанами они могли узнавать в большинстве случаев только от самих жителей, старост, или тех, кто служил в полиции.

Поводом для расстрела мирных жителей часто становилось любое незначительное действие, считавшееся оккупационной властью опасным: поднять советскую листовку, отправиться из одной деревни в другую без разрешения, не выполнить распоряжение о сдаче продуктов или имущества, — все это являлось основанием для расправы²⁶.

Осуществление физического насилия в отношении местного населения дополнялось созданием невероятно тяжелых условий повседневной жизни. В воспоминаниях З. Д. Коняшкиной приводится рассказ жительницы Всходского района о сдаче натурального налога: «В августе месяце [1942 г.] был издан приказ о сдаче шерсти немцам, с каждого дома — по 500 г, несмотря, есть ли она. За несдачу будет расстрел. И вот она говорит, что стригли шубы и тулупы, чтобы собрать 500 г шерсти. Двое из деревни не сдали, так их тут же выгнали за деревню и расстреляли»²⁷.

Авторами воспоминаний становились уже упоминавшиеся выше участники партизанского движения — секретари подпольных райкомов ВКП(б).

Комиссар партизанской бригады им. Ворошилова, секретарь Батуринского подпольного райкома ВКП(б) С. И. Куксенков вел дневник в течение всего времени пребывания в бригаде. Ежедневно он записывал наиболее важные события боевой деятельности партизан и не мог

²⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1304. Л. 18.

²⁶ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1304. Л. 18–21.

²⁷ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1304. Л. 18.

остаться равнодушным свидетелем насилия, которое творилось нацистами. В июле 1942 г. он неоднократно описывал военное противостояние партизан и оккупантов, закономерным результатом которого становилось ужесточение карательных акций против мирного населения: сожжение деревень, угон жителей, казни. Партизаны пытались защитить сельских жителей. Например, 18 июля в Марковском и Климовских лесах они убили «одинадцать немцев, оставшихся поджигать с. Львово и д. Красницу», 19 июля отбили у немецкого конвоя колонну женщин, угонявшихся из деревень в г. Ярцево²⁸.

С командованием партизанских отрядов беседовали представители Комиссии по истории Великой Отечественной войны, созданной при Академии наук СССР. В мае 1942 г. состоялась беседа с командиром отряда Слободского района М. Н. Шульцем, секретарем Слободского подпольного райкома ВКП(б). Он рассказывал о различиях в поведении военнослужащих передовых и тыловых немецких частей: «Когда шли передовые немецкие части, то особого зверства и мародерства не было. Только что они делали? Когда они вступали в деревню, они прежде всего раскрывали магазины, брали, что им нужно, а населению говорили: берите, а то большевики вам не давали... Когда проходили передовые ударные части, шли тыловые, тут уже начинались грабеж, мародерство, издевательство над населением»²⁹.

В стенограмме беседы описана расправа нацистов над жильцами Демидовского дома инвалидов. Около 75 инвалидов, проживавших в нем, остались после оккупации района без продуктов питания. «Один или два инвалида пошли в немецкий штаб с просьбой или жалобой, что есть нечего. „Хорошо, говорят, мы вас накормим“. Назавтра пришли, взяли всех этих инвалидов, яму вырыли и в эту яму всех живьем закопали»³⁰.

²⁸ ГАНИСО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.

²⁹ ГАНИСО. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

³⁰ ГАНИСО. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

Командир группы в партизанском отряде М. Н. Шульца, секретарь Понизовского подпольного райкома ВКП(б) М. Ф. Еремеев в июле 1942 г. тоже, предположительно, беседовал с представителем Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В его рассказе описаны факты расправы над жителями населенных пунктов района: «В Понизовье в первые дни было повешено из населения 32 человека. Устроена была виселица около больницы... Вешали совершенно безвинных людей»³¹. В деревне Кольшики было уничтожено все еврейское население, включая детей³². Особое внимание М. Ф. Еремеев обращал на исполнителей казней — это были полицейские из числа местных жителей, действовавшие под руководством немцев.

Документы партизанских формирований, рассказывающие о насилии в отношении мирного населения в период оккупации Смоленской области 1941–1943 гг., разнообразны по видовому составу, целям и времени составления. Но все их объединяет содержание: они очень ярко показывают глубину и масштаб трагедии, с которой столкнулись жители области в годы Великой Отечественной войны. Политика насилия, создание невыносимых условий жизни, проведение карательных операций, угон на принудительные работы — все это привело к значительному увеличению людских потерь. Эта сложная тема, оставаясь долгое время в тени других, не менее важных исследований, требует глубокого и тщательно изучения.

³¹ ГАНИСО. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

³² ГАНИСО. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

*Константин Владимирович
Купченко*

К. и. н., Смоленский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

*Наталья Владимировна
Никитина*

К. и. н., доцент, Смоленский государственный университет

Нацистская политика уничтожения в отношении жителей Дорогобужского района Смоленской области в период оккупации 1941–1943 гг.

Попав под оккупацию (с июля 1941 года по сентябрь 1943 года) Смоленская область была включена в состав военной области Митте (включала также Орловскую, Витебскую, частично районы Могилевской и Минской областей).

Регион являлся удобным плацдармом для наступления на Москву. Здесь были сконцентрированы основные силы группы армий «Центр» (к весне 1943 года здесь

дислоцировалось 57 германских дивизий, 65 различных штабов, 32 крупных воинских склада с запасами горючего, продовольствия, боеприпасов, имущества вермахта. Сосредоточение таких сил противника требовало и огромных ресурсов на обеспечение.

Смоленская область, в период оккупации являвшаяся и прифронтовой, стала своеобразным полигоном для формирования коллаборационистских военизированных формирований. В частности, на территории рассматриваемого Дорогобужского района действовала т. н. Русская народная национальная армия (РННА; или по немецкой классификации «подразделение абвера 203», «русский батальон специального назначения», либо по месту дислокации штаба — «Осинторфская бригада», по названию поселка Осинторф, под Оршей). Формирование было сформировано к концу весны 1942 г. преимущественно из пленных красноармейцев; офицерский состав состоял в основном из белоэмигрантов и кураторов из вермахта¹. Основными задачами бригады являлись: антипартизанская борьба, подготовка диверсантов и разведчиков для работы в советском тылу, антисоветская пропаганда.

Но уже в первых прямых боях с действовавшим в районе Вязьмы и Дорогобужа кавалерийским корпусом генерала П. А. Белова, служащие РННА стали массово сдаваться в плен. После других неудачных боевых операций руководство Осинторфской бригады было смещено, а подразделение отправлено в тыл для борьбы с партизанами, действовавшими в западных районах Смоленской, Брянской областей и соседних областях Белоруссии. Здесь единственным успехом можно назвать убийство коман-

¹ См.: Карпенкова А. Ю., Вербицкая С. И., Купченко К. В. Военизированные коллаборационистские формирования на территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны // Отечественные войны в социально-политической истории России: к 70-летию Великой Победы: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений международной научно-практической конференции (24–25 апреля 2015 г.). Смоленск: Универсум, 2015. С. 122–126.

дующего всеми партизанскими соединениями оршанской зоны Константина Заслонова. После сдачи партизанам очередной группы военнослужащих РННА была расформирована².

Согласно сообщению начальника УНКГБ Смоленской области П. П. Кондакова наркому госбезопасности СССР В. Н. Меркулову, заняв Дорогобужский район, немецко-фашистские захватчики приступили к установлению здесь фактически рабско-крепостнического режима³.

Все население района подлежало регистрации. По территории района запрещалось всякое передвижение без разрешения немецких властей. Жители деревень Бородино, Лебедево, Хатычка и других были обязаны носить на шее бирки. Все население от 12 до 70 лет объединялось в рабочие колонны и посылались под наблюдением вооруженных конвоиров на строительство блиндажей, рытье траншей, строительство дорог и т. п. Рабочие, которые не могли работать, избивались плетками. Уклонявшиеся от работы расстреливались или угонялись в концентрационные лагеря⁴.

В июле 1942 года в совхоз «Алексино» прибыл немецкий юнкер-офицер Губерт, который собрал всех рабочих и крестьян окрестных деревень и объявил им, что «приказом фюрера „Алексино“ отныне пожаловано ему в безвозмездное вечное пользование за особые перед германской империей заслуги»⁵.

Губерт велел отобрать у окружающего населения 44 коровы, 309 лошадей, 60 овец и заставил рабочих совхоза ухаживать за скотом. Сам Губерт с плетью выходил на скотный двор и следил за доением коров. Если корова давала молока мало, виновата была доярка, которую избивали. Крестьяне работали на Губерта по 20 часов в сутки. Были отменены все воскресные и праздничные дни.

² Там же.

³ ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–73.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

За малейшую «провинность» Губерт приказывал сечь рабочих плетью. Продуктов питания рабочим не выдавалось, за исключением пол-литра подгонного молока в сутки. Вследствие чего рабочие пухли от голода, питались желудями, древесной корой, клеверным цветом⁶.

Обострение ситуации в тылу повлекли жестокие расправы оккупационных властей, а также их пособников по отношению к местным жителям. Город в период т. н. вторичной оккупации, т. е. после того, как район в течение нескольких месяцев с февраля по июнь 1942 года был в руках партизан, был превращен немцами в жандармский карательный центр.

В составленном в сентябре 1943 года акте о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников в Дорогобуже и Дорогобужском районе отмечается, что пребывание немцев в районе сопровождалось систематическим и массовым истреблением советских мирных граждан и военнопленных. Речь идет о преступлениях, совершенных на территории Дорогобужа и Дорогобужского района, сведения о которых сохранены в фондах Государственного архива Смоленской области, в частности в фонде Р-1630: «Смоленская областная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям» (создана 12 марта 1943 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.; прекратила деятельность в 1945 г.). Здесь хранится составленный в сентябре 1943 года акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников в Дорогобуже и Дорогобужском районе), материалы уголовного дела в отношении карателей, в том числе участников «Военной команды охотников Востока» (Zerstörungskommando «Bischler») (из архива ФСБ, иных архивов).

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–73.

К моменту освобождения Дорогобужа частями Красной армии (сентябрь 1943 года) оказалось, что жители, которые немцами не были бы истреблены или не погибли от болезни и голода, частично угнаны в немецкое рабство. Незначительная часть населения в марте 1943 года была выгнана из города и ютилась в окрестных деревнях, лесах и оврагах. При выселении жителей под страхом смерти было запрещено брать с собой какое-либо имущество, которое после разграблялось немецкими разбойниками.

В документах отмечается, что до начала военных действий в Дорогобуже было две тысячи зданий (из них свыше 1,5 тысячи жилых домов), население города составляло до 10–12 тысяч человек. Когда населенный пункт был освобожден советскими войсками в сентябре 1943 года, в нем осталось около 100 требующих восстановления деревянных домов на окраинах и всего 500 жителей⁷.

Во время пребывания немецко-фашистских захватчиков на территории Дорогобужского района осуществлялось намеренное планомерное истребление жителей, проживавших на оккупированной территории.

Массовые казни мирных жителей проводились в полутора километрах севернее Дорогобужа. Обреченные почти ежедневно вывозились на расстрелы из города и окрестных деревень связанными и независимо от времени года — босыми и раздетыми до белья... Советских граждан убивали группами по 30–40 и более человек, и каждая из этих групп засыпалась землей в одной общей яме. Трупы расстрелянных сначала сваливались в ямы около кладбища, а когда последние были заполнены, трупами заваливали расположенный рядом противотанковый ров. Установлено, что советские граждане расстреливались наверху рва, а затем в беспорядке сваливались в ров и зарывались.

В акте военно-медицинской комиссии, составленном в сентябре 1943 года, указывается, что в ходе раскопок

⁷ Там же.

после освобождения города в месте расправ было найдено более 2,5 тысячи трупов, включая стариков, женщин и детей.

Освидетельствование трупов показало, что все они имеют следы жестокой расправы: проломы и раздробления черепов тупыми предметами, переломы костей, множество ножевых ран, признаки резкого истощения.

Зверски истреблялись и военнопленные, содержащиеся в окрестных лагерях, где их избивали, морили голодом и заставляли истощенных выполнять непосильные работы. Обессиленных военнопленных, не способных передвигаться, работать и отстающих в дороге, немцы убивали. Так, жители Дорогобужа в один день подобрали 95 трупов застреленных военнопленных во время прохождения в колонне по улице Дорогобужа. Эти трупы зарыты во дворе здания на улице Карла Маркса, где раньше помещался штаб военного городка⁸. У противотанкового рва в Дорогобуже гитлеровцами были расстреляны 79 тяжело раненных красноармейцев, привезенных из совхоза «Алексино».

В Дорогобуже и районе гитлеровцами было уничтожено абсолютно все еврейское и цыганское население⁹.

Областной чрезвычайной комиссией были приняты меры расследования и документально засвидетельствованных преступлений, совершенных немецкими оккупантами на территории Дорогобужского района Смоленской области. Были установлены главные организаторы всех преступлений в отношении местного населения в Дорогобужском районе. Это командиры 327-й немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Шонеман, по приказанию которого осуществлялось ограбление и истребление мирных жителей Дорогобужского района и их использование на военных каторжных работах; командир 688-го немецкого пехотного полка полков-

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–73.

⁹ Там же.

ник Ульрих, который отдавал приказания своим солдатам и офицерам о беспощадной расправе над мирными советскими гражданами и об угоне их в германскую каторгу, и ряд других лиц из представителей немецкого командования. А также коллаборационисты, сотрудничавшие с оккупантами: бургомистр Дорогобужа и его района, впоследствии работавший в гестапо, Капранов Яков Яковлевич (ушел с немцами), бургомистр Дорогобужской районной управы Гончаров Григорий Иванович (ушел с немцами), голова Дорогобужской городской управы Н. О. Морозов (задержан советскими правоохранительными органами)¹⁰.

Особую жестокость в отношении гражданского населения проявлял каратели т. н. *Zerstörungskommando «Bischler»*, также известного как *Armee Jagdmannschaft des Ostens* — буквально «Военная команда охотников Востока» (или 695-й дивизион полевой жандармерии восточных войск группы армий «Центр»).

Команда была сформирована в июне 1942 года, ее возглавил капитан немецкой военной разведки Владимир (Вольдемар) Августович Бишлер, бывший подданный Российской империи, эмигрировавший в 1918 году в Германию и после нападения на Советский Союз добровольно предложивший свои услуги захватчикам. Заместитель Бишлера — бывший Дорогобужский учитель Домбровский Иван Эдуардович. К отряду Бишлера по указанию шефа Дорогобужского СД Тони Гирила был прикомандирован представитель СД Алекс Шталь, возглавлявший контрразведку «команды»¹¹.

Формирование команды началось в июне 1942 г., как только немцы во второй раз захватили город. К середине июля 1942 г. в его команде насчитывалось около 600 человек.

¹⁰ Там же.

¹¹ Смоленская область. Книга Памяти мирных жителей. Т. 6. Смоленск, 2005. С. 391.

Подразделение вполне соответствовало штатному расписанию зондеркоманд и отрядов германской тайной полевой жандармерии: в ее составе было 8 стрелковых рот (из них первая рота предназначалась для подготовки диверсантов для действий в советском тылу, вторая рота несла охрану штаба батальона и состояла из этнических немцев, третья рота — специального назначения (антипартизанская), выполнявшая в основном функции ягдкоманды), отдельная пулеметная рота, кавалерийский эскадрон, оружейная мастерская, артиллерийский дивизион, подразделение контрразведки, взвод — личная охрана Бишлера (25 человек)¹².

Как коменданту Дорогобужа, Бишлеру также подчинялись гражданская администрация и органы охраны порядка: городская и сельская полиция (45 и 829 человек соответственно), состоявшая из старших и рядовых полицейских соответственно, постоянно привлекавшихся к «зачисткам». За счет членов вспомогательной полиции команда, терявшая людей в боях с партизанами и рейдирующими подразделениями РККА и НКВД, пополнялась личным составом¹³.

Кроме того, Бишлеру подчинялась городская полиция (45 человек) и сельская полиция, куда входили 829 человек. К весне 1943 г. «Военная команда Востока» пополнилась бывшими партизанами и военнослужащими частей упомянутого выше корпуса генерала П. А. Белова, перешедших на сторону немцев в период ликвидации Дорогобужского партизанского края летом 1942 г.¹⁴

Выходящие из рейда в сторону линии фронта воинские части забрала с собой лишь часть находящихся-

¹² Смоленская область. Книга Памяти мирных жителей. Т. 6. Смоленск, 2005. С. 391.

¹³ Прохоров В. А., Шорин Ю. Н. Дорогобужане в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Исторический очерк // Солдаты Победы. Смоленск, 2007. С. 159–160.

¹⁴ Ильюхов А. «Военная команда охотников Востока». (Тяжелые страницы войны) // Край Смоленский. 1997. № 5–6. С. 14–32.

ся в военно-хирургических госпиталях на территории Дорогобужского района больных и раненых солдат, оставив тяжелораненых, судьба которых была трагической. К примеру, солдаты из Кузинского госпиталя были вывезены в лес и там брошены. По сообщению местных жителей, каратели, придя в Кузино, сожгли в сарае группу военных примерно в 40 человек. В октябре 1942 г. каратели из команды Бишлера отправили из Алексинского госпиталя в Дорогобуж 80 (по другим источникам — 189) больных и раненых военнослужащих, где их и расстреляли. Всего же количество расстрелянных плененных раненых военных и партизан составило примерно в 500 человек¹⁵.

Помимо раненых и больных, на оккупированной территории осталось немало попавших в окружение или отставших от своих частей бойцов регулярной армии, а также партизаны, прикрывавшие отход рейдовых частей к линии фронта. Попавшие в плен расстреливались на месте или отправлялись в Дорогобуж, в камеры-лагеря (в расположении Бишлера имелись две камеры: № 1 и 2. Арестованные из камеры № 1 обычно почти все расстреливались. Из камеры № 2 часть направлялась в лагерь, расположенный за Днепром, другая часть назначалась в полицию и третья часть выпускалась на свободу под разным предлогом со специальными заданиями гестапо¹⁶). Многие партизаны и окруженцы посещали деревни или укрывались в них, но при поимке их ждала та же участь¹⁷.

Бишлеровцы осуществляла плановую систему истребления мирных жителей в Дорогобуже и районе. В городе и деревнях ежедневно устраивались специальные облавы и засады. Для истребления советских граждан карателями

¹⁵ Прохоров В. А., Шорин Ю. Н. Дорогобужане в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Исторический очерк // Солдаты Победы. Смоленск, 2007. С. 159–160.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–73.

¹⁷ Прохоров В. А., Шорин Ю. Н. Дорогобужане в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Исторический очерк // Солдаты Победы. Смоленск, 2007. С. 159–160.

вырабатывались самые провокационные методы. За голову партизана и за поимку советского активиста назначалось Бишлером вознаграждение до 25 тыс. рублей¹⁸.

На западе Дорогобужского района, в Быковском и Кузинском сельсоветах карательная команда Бишлера провела в июне — августе 1942 г. сплошные «зачистки» отдельных деревень. Так, 21 июня 1942 года отряд карателей Бишлера налетел на д. Шульгино Дорогобужского района, оцепил последнюю, арестовал 32 мирных жителя, которые были отвезены в д. Михайловку, где они были загнаны в траншеи и из трех пулеметов перекрестным огнем расстреляны. Такая же участь постигла 16 мирных жителей д. Терешкино, которых каратели зверски уничтожили 27 июня 1942 года¹⁹. Партизаны и все, кто по возрасту мог держать оружие, снабжавшие и укрывавшие партизан, расстреливались на месте или отправлялись в Михайловку. В этой деревне было уничтожено не менее 500 человек, в том числе около 400 в августе 1942 г. из соседних деревень смежного, Кардымовского района²⁰.

Бишлер каждую неделю по пятницам созывал на заседание всех своих приближенных подчиненных (старшин, полицейских и доверенных старост), с которыми обсуждал планы действий в отношении советского населения.

Он под страхом смерти принуждал русских девушек к сожительству с собой и приближенными ему офицерами. Всем офицерам своего отряда было отдано приказание подыскать себе невест и сообщить ему фамилии девушек, на кого пал выбор. После этого Бишлер вызывал девушек и объявлял им решение немедленно выйти замуж. Свадьба устраивалась один раз в неделю, по субботам. В роли

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–73.

¹⁹ Там же.

²⁰ Прохоров В.А., Шорин Ю.Н. Дорогобужане в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Исторический очерк // Солдаты Победы. Смоленск, 2007. С. 159–160.

священника Бишлер выступал сам. Если девушки отказывались, их подвергали порке розгами, отправляли в лагерь и расстреливали.

Среди зверски убитых бишлеровцами в годы Великой Отечественной войны в Дорогобуже жителей были и пациенты местного дома инвалидов.

В соответствии с архивными документами в городе многие годы функционировал дом инвалидов, в нем находилось 70 нетрудоспособных граждан. В первые месяцы оккупации Дорогобужа учреждение существовало благодаря имевшемуся земельному участку с огородом и скотному двору²¹.

Из акта о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников в Дорогобуже и Дорогобужском районе известно, что в июле 1942 года немецкие захватчики разорили и разграбили все имущество и хозяйство дома инвалидов, отобрали принадлежавшие ему птицу и скот, а инвалидов под предлогом отправки их в Смоленский дом презрения перегнали в лагерь-камеру № 1 при штабе Бишлера²². По свидетельству очевидцев, беспомощных больных, среди которых были глухонемые, слепые и престарелые инвалиды, тащили под руки, гнали по улицам, подталкивая в спину оружием, заставляя быстрее идти²³. В тот же день к камере № 1 подъехала «черная машина» (так прозвали местные жители машину-душегубку, в которой отвозили обреченных на казнь), в которую втокнули 38 инвалидов (по свидетельствам очевидцев, немощных людей волочили за руки и за ноги и бросали в кузов грузового автомобиля, словно дрова²⁴), отвезли их к противотанковому рву и расстреляли. На второй день снова вывезли в «черной машине» вторую партию инвалидов

²¹ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее — ГАНИСО). Ф. Р-44. Оп. 2. Д. 30. Л. 45.

²² ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–73; ГАНИСО. Ф. Р-44. Оп. 2. Д. 30. Л. 45.

²³ ГАНИСО. Ф. Р-44. Оп. 2. Д. 30. Л. 45.

²⁴ Уничтожим врага: газ. 1943. 5 сент. № 265.

и так же расстреляли у противотанкового рва²⁵. За два дня было расстреляно 70 человек²⁶. Вещи инвалидов каратели присвоили себе.

В сентябре 1942 года оккупационным властям потребовалось здание дома инвалидов под размещение районной управы²⁷. Для этого бишлеровцы приступили к окончательной расправе над постояльцами, которые оставались еще в доме инвалидов. До 100 человек, включая обслуживающий персонал и инвалидов из этого дома были отвезены к противотанковому рву, куда были сброшены живыми, а затем расстреляны²⁸.

Деятельность карательной команды Бишлера, насчитывавшей к тому времени в своем составе уже 1500 человек, продолжилась в Дорогобужском районе до марта 1943 года, когда под натиском наступающих частей Красной армии вместе с откупающими германскими частями отступили на территорию БССР, где и находились по август 1944 года²⁹. В марте же месяце 1943 года Бишлер сложил с себя полномочия и его сменил на посту командующего подразделением офицер немецкой армии Циммерман.

В начале сентября 1944 года полк Бишлера был передислоцирован в Германию, где и был расформирован. Судьба самого бывшего командующего карателей до сих пор не ясна: по одной версии, в том же году он выехал в Германию и там скончался вследствие хронических болезней, по другой — был убит своими подчиненными или немцами, позарившимися на награбленные ценности³⁰.

²⁵ Государственный архив Смоленской области (далее — ГАСО). Ф. Р-1630. Оп. 1. Д. 349. Л. 5.

²⁶ ГАНИСО. Ф. Р-44. Оп. 2. Д. 30. Л. 45.

²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–73; ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 1. Д. 349. Л. 5.

²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–73.

²⁹ *Илюхов А.* «Военная команда охотников Востока». (Тяжелые страницы войны) // Край Смоленский. 1997. № 5–6. С. 14–32.

³⁰ Там же.

Судьба самих бывших бишлеровцев также неоднозначна. Большая их часть воевала против партизан в Италии, где многие погибли. После Победы часть бывших служащих «Команды охотников Востока» были интернированы в СССР, где и понесли заслуженное наказание: были приговорены к различным срокам заключения или высшей мере наказания. Преследование карателей батальона Бишлера продолжалось до середины 1980-х годов.

В результате совместной работы органов безопасности СССР и ГДР были изобличены и наказаны служившие у Бишлера граждане Германии. Бишлеровцы, скрывшиеся на территории США, Австралии и других западных стран, смогли избежать наказания.

В октябре 2020 года СУ СК России по Смоленской области было возбуждено уголовное дело по факту обнаружения в бывшем противотанковом рве в Дорогобуже останков как минимум семи человек с зафиксированными на них повреждениями, включая огнестрельные ранения. Даже в наше время обнаруживаются новые факты преступлений карателей Бишлера. Подобные преступления не имеют сроков давности. Печальное эхо войны на Дорогобужской земле продолжает напоминать о себе.

Вадим Васильевич Беспояско

Полковник в отставке

Народная война на оккупированных территориях: население в партизанском движении

Народная война — Священная война!

«Двадцать второе июня 1941 года — одна из самых трагических дат в нашей истории. Враг напал на нашу страну, пришел на нашу землю, чтобы убивать, сеять смерть и боль, ужас и несметные страдания. Он хотел не только свергнуть политический строй, советскую систему, а уничтожить нас как государство, как нацию, стереть с лица земли наши народы» (В. В. Путин)¹.

О серьезной опасности для страны и вере в советский народ — носитель исторических традиций говорил т. В. М. Молотов в полдень первого дня начавшейся войны: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны, Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу»².

¹ Речь Верховного Главнокомандующего ВС РФ на параде в честь Великой Победы 9 мая 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/65544>.

² Выступление по радио Зам. Председателя СНК СССР и НКВД тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 г. // Красная Звезда. 24 июня 1941 г. № 148 (4901).

В первые дни нападения фашистской Германии на нашу страну в первой же с началом Великой Отечественной войны песне А. Александрова на стихи В. Лебедева-Кумача, торжественно мобилизующей, сочетающей щемящую сердце тревогу и убежденность в необходимости в едином порыве встать на защиту Отечества и победить, объявлялось: «Идет война Народная — Священная война!» Словом «народная» выражалась твердая уверенность в том, что в защите страны от внешнего врага будет участвовать весь народ. Мы знаем, что так и было в действительности, с учетом определенной погрешности.

А 3 июля 1941 г. по радио прозвучало знаменитое обращение т. И. В. Сталина «Братья и сестры!» ко всем народам страны и не допускающие сомнений слова: «Наше дело правое, враг будет разбит»³.

И уверенность эта подтвердилась через 1418 дней войны в его речи как Верховного главнокомандующего ВС страны на параде Победы 24 июня 1945 г.: «Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом»⁴.

В такой привычной формулировке подтверждено единство фронта и тыла. Это верно, но неполно. Здесь не определена роль части народа — того населения, которое находилось длительное время в период острой фазы борьбы на временно оккупированной части территории страны.

Понятие «народ» употребляется здесь как «историческая общность людей», характеризующаяся наличием

³ Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны т. Сталина И. В. 3 июля 1941 г. // Правда. 3 июля 1941 г. № 132 (8590).

⁴ Речь Верховного Главнокомандующего ВС СССР на параде в честь Великой Победы 24 июня 1945 г. // 25 июня 1945 г. № 151 (9922).

устоявшихся «исторических, культурных и практических связей» в многонациональном государстве. А понятие «население» означает совокупность людей, проживающих в данный период на определенной территории, местности, в данном районе, регионе.

На оккупированной врагом территории

К сентябрю 1942 г. враг продвинулся вглубь страны по территории, на которой проживало, без эвакуированных восточнее, 70 млн советских граждан — более одной трети ($70/198 = 0,354$), 35,4% от 198 млн предвоенной численности населения страны.

Расчеты статистическим методом показали, что кроме естественной убыли-прибыли населения за время войны страна потеряла около 27 млн человек. Многолетние расчеты безвозвратных потерь военнослужащих Красной армии, проведенные «по донесениям в ГШ РККА штабов в/соединений», далеко не полным, коллективом под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева⁵, выводят на результат: 13 705 тыс. чел., из них уцелело в плену 3 039,2 тыс. чел., из которых 180 тыс. чел. эмигрировали, находясь за рубежом. Если принять демографические потери военнослужащих в итоге: $13\,705 - (3\,039,2 - 180) = 10\,845,8$ тыс. чел., или 10,9 млн чел., тогда гражданское население положило на алтарь Победы $27,0 - 10,9 = 16,1$ млн жизней, в 1,48 раза больше, чем воины.

На главном направлении боевых действий за Москву, в Смоленской области, в послевоенных границах регионов доля населения области в населении страны — 2 млн до войны: $2 \times 100/198 = 1,010\%$, и только 1 млн после войны: $1 \times 100/171 = 0,585\%$.

Справедливо утверждение, что война коснулась всех и что в ней принял участие весь народ страны: не только население с территорий фронта и тыла, но и та треть на-

⁵ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.

селения, которая оказалась на временно оккупированной врагом территории.

Дальнейшее расширение оккупированной территории существенно снизило бы боевой и трудовой потенциал страны, даже могло свести до минимума вероятность ее освобождения. Вот тогда и прозвучало, в кратком изложении: «Ни шагу назад!»

Из приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 г. «Ни шагу назад!»: «Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги... Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год... Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем шагу Родину.

Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину... Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования».

Уточнение существенное: ни шагу назад «без приказа высшего командования»! Новые оперативно-тактические приемы врага, нацеленные на окружение и расчленение крупных воинских соединений, порой требовали своевременного отвода тех частей, которые прочно сдерживали врага на линии фронта, прорванной в других местах. А отводить войска тоже надо уметь. Еще Л. Н. Толстой писал, что этому войска надо учить, иначе они не отступают, они бегут.

В силу различных объективных и субъективных причин, горячо обсуждаемых военными историками и учеными более трех четвертей века, Красная армия,

отступая, оставила треть населения страны на произвол судьбы. Хуже того: на произвол захватчика, с его четко выраженной еще до вторжения установкой относительно судеб поверженных стран и населения разных национальностей. Официально уничтожались все евреи и большевики, не афишируя — все цыгане, а всем русским, славянским народам была уготована перспектива вымирания: снижение рождаемости и оздоровления, культурного и образовательного уровня, — и немисливых форм умерщвления.

Одно из подтверждений этому — директива фюрера министру по делам восточных территорий А. Розенбергу: «Славяне должны работать на нас, а в случае, если они нам больше не нужны, пусть умирают... Славянская плодovitость нежелательна... образование опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста... Говоря по-военному, мы должны убивать от трех до четырех миллионов русских в год».

У фашистов — планы на умерщвление. А у населения Руси — традиция: бить врага, изгонять захватчиков. Так было в 1612-м, в 1812-м. Так и в этот раз — в 1941–1944 годах.

Население на временно оккупированной территории не смирилось с судьбой безропотных агнцев, оставленных на заклятие, и сразу включилось в борьбу с врагом всеми доступными ему способами: участие в партизанском движении, помощь фронту и помощь тылу.

В последние предвоенные годы подготовка кадров к партизанской войне была в забвении. Но уже в первые дни войны, когда враг, уничтожив наши самолеты на аэродромах и господствуя в воздухе, механизированными кулаками прорвал оборону и устремился вглубь территории страны, наши воины, оказавшись в тылу боевых частей противника, вынуждены были перейти на партизанские методы борьбы с врагом.

Организация партизанского движения

В выступлениях руководителей страны, в постановлениях партии и правительства прозвучал призыв «развернуть партизанскую войну», готовиться к партизанским действиям на прифронтовых территориях, куда может прорваться враг.

На благодатную почву легли также указания директив СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29.06.1941 г., постановления ЦК партии от 18 июля 1941 г.

После этого в организации партизанской и подпольной борьбы приняли участие партийные, военные и государственные органы, министерства и ведомства: ЦК ВКП(б), наркомат обороны, штабы фронтов и армий, Главное политуправление РККА и НКВД СССР, республиканские и местные органы.

По линии Генерального штаба (ГШ) РККА и ГРУ было направлено требование «немедленно приступить к формированию и заброске на территорию, занятую противником, большого количества мелких диверсионно-разведывательных групп и отрядов из преданных людей л/с войск и гражданского населения».

Активно и целенаправленно в создании партизанских сил действовали органы внутренних дел и госбезопасности. К январю 1942 г. на учете в созданном в центральном аппарате НКВД специальном управлении состояло 1 798 партизанских отрядов (70 796 бойцов и командиров) и 1 153 мелкие, в среднем по 6 человек, разведывательно-диверсионные группы (7 143 разведчика и подрывника).

В РГАСПИ в архиве Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) интересно было наткнуться на грандиозный проект создания Первой конной партизанской армии в составе шести-семи сводных кавалерийских дивизий общей численностью 33 008 чел. Армия должна была формироваться на Дону, Кубани и Тереке, а затем пробиваться на территорию, захваченную противником. А Первую стрелковую партизанскую армию (26 465 чел.) в составе 5 дивизий предлагалось создать

в Московском военном округе. Этот проект был решительно отвергнут Ставкой ВГК.

Партийно-административное руководство западных регионов страны готовило население, не эвакуированное с предприятиями, к активному противодействию врагу в его тылу.

В партизанском движении (ПД) участвовали организованные и стихийные партизанские отряды (ПО) из местного населения и ПО с участием раненых военнослужащих и иных «окруженцев», оказавшихся на временно оккупированной врагом территории и стремившихся использовать любые условия для продолжения борьбы с врагом в его тылу партизанскими методами.

Местное население, являясь непосредственным участником ПД, обеспечивало удобную, надежную «среду обитания» для остальных участников ПД: и для их жизнедеятельности, питания например, и для получения информации, и для маневра, и для боевых действий, и для хранения, и для лечения. Оно же являлось важным поставщиком личного состава подвижным участникам ПД.

«Мы помним и тех, кто давал кров, поддерживал всех, кто оказался в эвакуации, был вынужден покинуть свой родной дом»⁶.

Так вот, кров предоставляли не только на территориях за Волгой, но и, подвергаясь опасности, на оккупированной территории: тем, кто не успел эвакуироваться далеко, а также «зятькам» (окруженцам, раненым и больным, и пленным, сбежавшим или выручаемым из этаплируемых на запад колонн военнопленных).

Устойчивое ПД немыслимо без должной организации, без четкого руководства, без взаимодействия со штабами фронтов, без активной социальной поддержки и помощи всего населения. По сути, широкий размах

⁶ Речь Верховного Главнокомандующего ВС РФ на параде в честь Великой Победы 9 мая 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/65544>.

партизанского движения и представлял собой типичное состояние подавляющей части населения на оккупированной врагом территории. Гнетущая обстановка едва скрываемого противодействия захватчикам автору помнится с малых лет.

Речь идет о поддержке партизан со стороны местных жителей, той основной массы населения (около 80%), которая не участвовала непосредственно в партизанских отрядах, но и не входила в число тех, кто по разным причинам (часто принудительно) сотрудничал с захватчиками.

Причины поддержки населением подпольных организаций и партизанских отрядов:

- практически в каждой семье отец и/или братья, многие родственники сражались с врагом в рядах РККА;
- неприятие захватчиков большинством населения в силу приверженности своей власти или защитной реакции от покушения на свободу Отчизны, ее будущее, а значит, будущее потомков;
- противодействие насаждаемому «новому порядку» оккупационных властей и проявляемым при этом, вопреки пропагандистским приемам, немыслимым доселе зверствам.

Партизаны устанавливали связь со штабами фронтов и армий РККА, передавали им разведданные, конкретизировали задания, вели боевые действия на вражеских коммуникациях, в тылу врага воссоздавали систему социального обеспечения, создавали медпункты и госпитали, переправляли детей-сирот за пределы оккупированной территории, ликвидировали оккупационные органы власти, боролись с ложными ПО, спасали молодежь от угона в Германию, вели боевую и хозяйственную деятельность (Смоленщина: ремонт в 70 мастерских и ввод в строй военной и с/х техники, уничтожение вражеских подразделений и организация весеннего сева).

Война народная: единство фронта, тыла и зафронтовых действий

В публикациях о партизанском движении мы утверждаем, что Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов достигнута благодаря патриотизму и единению народов страны: участием страны в войне единым фронтом. Победа достигнута единством боевого фронта, трудового фронта и зафронтовых действий.

Зафронтовыми являются эффективные боевые действия истребительных батальонов, диверсионно-разведывательных групп, партизанских отрядов и соединений, подпольных организаций и содействующего им местного населения, которое противодействовало врагу доступными ему способами, а также спецоперации войск на временно оккупированной врагом территории.

На чем зиждится сила зафронтового воздействия на врага? На патриотизме народных мстителей, партизан и подпольщиков, и подготовке их кадров, на профессионализме истребительных батальонов и разведывательно-диверсионных групп, на их действиях по единому замыслу Генерального штаба и командования фронтами, их обеспечении спецсредствами, на взаимопонимании и взаимодействии с местным населением.

От позиции населения временно оккупированной территории зависит успех ПД и зафронтовых действий. Известно, что на территории с враждебно настроенным населением невозможно, например, избежать поимки при побеге из концлагеря, как это было в Австрии в Маутхаузене, когда из 300 восставших и разбежавшихся смертников — узников 20-го блока — местным населением выданы были на расправу все, кроме двоих; невозможно, даже пытаясь спрятаться, сохранить свою жизнь, как еврейским жителям в Польше в начале Второй мировой войны; продолжать партизанскую или разведывательную деятельность, как Кузнецову в Карпатах.

Позже (1958 г.) был пример Кубы: партизанские отряды под командованием Рауля Кастро, Камило Сьенфуэго-са и Эрнесто Че Гевары, пройдя с боями несколько сот километров, распространили восстание на всю территорию Кубы, что вскоре привело к падению режима Батисты. А перенести партизанское движение в другие страны Латинской Америки Эрнесто Че Геваре в 1967 г. не удалось: в Ла Игера (Боливия) его выдал крестьянин за 30 сотен долларов.

К зафронтовым относятся также дипломатические действия, действия разведслужб, подпольщиков и партизан, подразделений Движения сопротивления на территориях других стран, подвластных захватчику. Там тоже, кстати, отличились вяземские окруженцы и московские ополченцы.

Постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 30 мая 1942 г. был создан подчиняющийся Ставке ВГК Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). В практической деятельности ЦШПД должен был исходить из того, что основной задачей ПД является дезорганизация тыла противника. Дезорганизация тыла противника достигается следующими мероприятиями и боевыми действиями:

- а) разрушение коммуникационных линий противника: подрыв мостов, порча ж/д путей, нападение на автомобильный и гужевого транспорт противника; устройство крушений поездов («Танк страшен в бою, но небольшая группа в 2–3 чел. может вывести из строя танковый батальон при его перевозке ж/д транспортом»);
- б) разрушение линий связи (телефон, телеграф, радиостанции);
- в) уничтожение складов боеприпасов, снаряжения, горючего и продовольствия;
- г) нападение на штабы и другие войсковые учреждения противника;
- д) уничтожение материальной части на аэродромах противника;

е) осведомление частей Красной армии о расположении, численности и передвижении войск противника⁷.

При этом участие населения, не состоящего в ПО, заключалось в срыве поставок продовольствия оккупационным властям, срыве сбора налогов, саботаже на ж/д, домашних лазаретах для окруженцев и партизан, передаче информации в ПО, сдаче скота партизанам, а не немцам. Каждая семья противостояла врагу доступными ей способами.

Правда, насчет продовольствия из ЦШПД поступила команда: ПО не должны накладывать тяжелую дань на местное население, продовольствие надо отбирать у врага, не уничтожать, а увозить для собственного использования и для населения.

В условиях жестокого оккупационного режима решиться на открытую борьбу с озверевшими фашистами и стать участником ПД — смелый патриотический шаг ответственного гражданина. Для этого требовались и личная смелость, и гражданское мужество. И тем не менее ПД ширилось. Некоторое состояние подавленности и растерянности было преодолено гневом при виде массовых бесчинств и злодеяний оккупантов. А после победы под Москвой население на временно оккупированных территориях не оставалось в стороне от всеобщей борьбы с врагом.

Примеры участия в ПД различных групп населения:

— взрослое, в основном мужское население: ПО, партизанские соединения и подпольные группы; выполнение боевых задач по дезорганизации тыла противника: нарушение транспортного сообщения и связи; помощь соединениям РККА, пополнение ПО и рейдирующих подразделений РККА; участие в создании партизанских зон и краев;

⁷ История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Историографическое исследование партизанского движения на временно оккупированных территориях РФ во время ВОВ 1941–1945 годов / под общ. ред. генерал-полковника Б. Т. Шумилина. М., 2001. С. 30.

- активные женщины: ПО и подполье; подпольные госпитали и домашние лазареты;
- юноши: ПО и подполье; распространение информационных материалов, добыча оружия и боеприпасов, уход от угона в Германию. В Дорогобуже в интересах партизан действовала подпольная комсомольско-молодежная организация «Юная Гвардия» (командир Н. Пчелин). В феврале 1942 г. фашисты схватили 6 участников «Юной Гвардии», пытали, а затем расстреляли;
- окруженцы: ПО, подполье, диверсионные группы; ремонт боевой и с/х техники в партизанских краях, пополнение разведывательно-диверсионных отрядов, выход к частям РККА, препровождение подразделений РККА партизанскими тропами;
- домохозяйства: ведение приусадебного хозяйства и выполнение с/х работ для обеспечения ПО и соединений РККА; предоставление крова для беженцев; сбор средств на покупку боевой техники для РККА и на госзаем.

К весне 1942 г. партизаны столкнулись с проблемой обеспечения продовольствием. Ограбленные оккупантами советские люди делились с ПО чем могли. Так, население нескольких деревень Екимовичского района Смоленской области отогнало партизанам 30 коров и лошадей, затребованных для себя немецкими оккупационными властями; то же в Ельнинском районе: скот отогнан в лес для ПО имени С. Лазо.

Всего же на территории партизанских краев Смоленщины в 1942 г. было заготовлено и передано десантникам, другим частям Красной армии и партизанским отрядам около 6 000 т хлеба, свыше 5 000 т картофеля, 3 000 т мяса, 2 т масла и т. п.

В Ленинградской области, в Дедовичском районе, с ноября 1941 г. по июнь 1942 г. передано 2-й партизанской бригаде (ПБр) 873 т различной с/х продукции, 200 тыс. л молока, 30 тыс. яиц. Трогательно: голодающие

новгородские партизаны не зашли в деревню, чтобы не подвергать жителей опасности со стороны карателей, и 22-летняя девушка вынесла в лес и «отдала из последних запасов, что имела: немного соли и сухарей»⁸.

В Орловской области, на Брянщине: в Суземском р-не передано партизанам 1500 пудов хлеба (1 пуд = 16 кг), около 2000 пудов картофеля и другие продукты, что обеспечило продовольствием 48 ПО (9776 партизан) на 2 месяца. В Трубецком р-не в мае 1942 г. для партизан было собрано хлеба 4500 пудов, картофеля — 6000 пудов, яиц — 45 тысяч штук, сливочного масла — около тонны⁹.

Простые советские женщины помогли всем активистам — борцам против захватчиков. Вот воспоминания командира 1-й ПБр имени Ворошилова на Брянщине А. Ф. Князева: «В середине 1942 г. вместе с дочерью в отряд пришла тетя Нюра (Анна Ивановна Седова), ее определили няней и поваром в госпиталь. Она не убила ни одного фашиста, не взорвала ни одного моста, но партизаны всегда незримо чувствовали рядом с собой в боевых операциях эту добрую сердечную женщину. Тетя Нюра стала дорогим человеком для раненых. Несмотря на свои уже немолодые годы, она не знала усталости. Все успевала: и приготовить обед, и постирать, и убрать землянку и уж обязательно находила время посидеть у койки раненого, больного»¹⁰.

Наибольшее психологическое воздействие размаха ПД на врага было в ноябре — апреле 1941/42 гг., когда на территориях Северо-Западного, Западного и Брянского фронтов партизанами были освобождены от врага в его тылу наибольшие площади, образовав партизанские края и восстановив советскую власть, а также в 1943 г., когда партизанами были парализованы ж/д и автомагистрали, срезаны линии телефонной и телеграфной связи, нанесен большой материальный и военный ущерб.

⁸ Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества / ред. — сост. К. А. Пахалюк. М.: Яуза-каталог, 2021. С. 541.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 139.

Партизанские края

Осенью 1941 г. на прежней территории Ленинградской и частично Калининской областей (сейчас это территории в Псковской и Новгородской областях) в тылу врага южнее оз. Ильмень был образован Ашевско-Белебёлковский партизанский край площадью 9600 кв. км с 400 населенными пунктами и около 3000 партизан.

В исторической литературе под партизанским краем времен ВОВ принято понимать значительную территорию в тылу фашистских войск, освобожденную и длительное время удерживаемую партизанскими формированиями. На этой территории восстанавливались законы и система государственной власти СССР, привычный уклад общественной жизни с поправкой на боевые действия¹¹. Образование партизанских краев («партизанских республик») — закономерный результат нарастающего размаха народной борьбы с захватчиками, убедительное свидетельство единства целей партизан и населения. Фактически партизаны и население стали единой народной армией в тылу врага: одни — с оружием в руках, а другие делают все возможное для боевого, материального и иного обеспечения формирований народных мстителей.

На территории Смоленской области действовали 32 подпольных райкома партии. Во вражеском тылу были восстановлены советские органы власти в 26 районах, в 319 сельских советах, в 700 населенных пунктах.

Зимой — весной 1942 г. были образованы обширные партизанские края: Дорогобужский с Южным Ельнинским, Вадинский, Северо-Западный, с суммарной освобожденной площадью 17800 кв. км и 21500 партизанами.

Партизанские отряды южной части Брянских лесов к весне 1942 г. освободили от фашистов и удерживали в своих руках 346 населенных пунктов¹².

¹¹ Там же. С. 174.

¹² Там же. С. 63.

На Брянщине были образованы Южный Брянский и Дятьковский партизанские края с суммарной освобожденной площадью 14 500 кв. км и 10 000 партизан.

Осенью 1942 г. на западе Калининской области (на территории нынешней Псковской области) был образован Невельско-Себежский партизанский край с нечеткими границами и численностью свыше 5 600 партизан.

На прежней территории Ленинградской области имелись также партизанские края: Центральный (500 населенных пунктов, в которых проживало 150 тыс. человек), Северо-Западный (400 населенных пунктов, 50 тыс. жителей) и Юго-Западный (не менее 400 населенных пунктов, в которых проживало 100 тыс. человек).

Если мы хотим сохранить память о местах, которые население вместе с ПО прославил своим участием в ПД, то их надо выбирать среди партизанских краев, где к тому же высокие показатели боевых действий партизан и разведывательно-диверсионных групп.

Централизация управления ПД

Для борьбы с партизанами фашисты вынуждены были отвлекать боевые дивизии с фронтов, в частности, 5-ю и 11-ю танковые дивизии на главном направлении. Разрозненные партизанские отряды и подразделения понесли существенный урон в результате применения противником боевых дивизий вермахта против партизан. Так, в Ленинградской области к 1.01.1942 г. численность ПО в сравнении с осенью 1941 г. сократилась более чем в 7 раз.

Таким образом, треть населения страны, пребывавшая на временно оккупированной территории, находилась в не меньшем трудовом напряжении, чем труженики тыла, и в не меньшей зоне риска, чем фронтовики.

Практика боевых действий ПО, не согласованных между собой и со штабами фронтов, отсутствие координационного и организационного центра ПД в условиях при-

менения против партизан боевых дивизий вермахта стали очевидны Ставке ВГК.

Дальнейшая судьба ПД решалась на заседании ГКО 30 мая 1942 г. Материалы к заседанию ГКО от наркомата обороны готовил генерал-полковник Н. Н. Воронов, называя борьбу в тылу врага «Партизанским фронтом» и предлагая ввести должность Главкома фронта. С докладом выступал Берия, пытаясь сохранить за НКВД преимущественное руководство партизанским движением.

Решение Сталина было таковым: «Партизанское движение, партизанская борьба — это народное движение, народная борьба. И руководить этим движением, этой борьбой должна и будет партия».

Тогда же был создан Центральный штаб ПД и утвержден его состав. Начальником ЦШПД был назначен секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, неоднократно предлагавший программы развития ПД. Были созданы также штабы ПД в союзных и автономных республиках западной части СССР и при штабах фронтов. Централизация управления и организация взаимодействия не изменили народного характера ПД.

В сентябре — ноябре 1942 г. маршал К. Е. Ворошилов, назначенный на этот период Главкомом ПД, ввел твердое управление ПД, подготовку кадров, организовал необходимые виды обеспечения и связи, авиасообщение. ЦШПД провел совещание командиров крупных партизанских соединений с приемом их в Кремле. Тексты выступлений участников имеются в архиве ЦШПД.

Налажена передача информации радиосвязью: приказов в ПО и докладов в штабы ПД, в том числе по учету кадров.

До сих пор остаются неизвестными судьбы десятков тысяч «окруженцев», в их числе московских ополченцев, составлявших, по аналогичным примерам, первичные партизанские группы в октябре — ноябре 1941 г. К сожалению, в ПО долго не велось должного пофамильного учета партизан, в основном ради предотвращения случайного попадания списков к врагу.

Учет личного состава партизанских отрядов по установленной форме был заведен с 1.01.1943 г. С этой даты имеется возможность проанализировать перемещение партизан, убытие их из-за гибели и пропажи без вести.

Обработаны данные по трем Вадинским партизанским бригадам (1-я Вадинская ПБр: штаб и 3 ПБ; 2-я: штаб и 6 ПО; 3-я: штаб и 5 ПО)¹³.

Суммарная численность трех партизанских бригад на 1.01.1943 г.: $902 + 695 + 509 = 2106$.

Погибших и пропавших без вести за 2,5–3 месяца: $336 + 312 + 157 = 805$.

В госпиталь, санбат 158 сд и в тыл по ранению: $83 + 0^* + 74 = 157$.

Сбежали (перешедшие из РОА; побоялись проверки) — 10; дезертиры и расстрелянные — 8.

Передано в 20 азсп 30А: $251 + 0^* + 195 = 446$; в распоряжение Западного штаба партизанского движения: $30 + 0^* + 26 = 56$; в ОК Западного фронта — 8; в ОК Калинин. фронта — 2; в НКВД — 1; в распоряжение райисполкомов — 32; в другие ПО — 16; в 202 зсп — 6.

* Нет данных.

В среднем в трех партизанских бригадах за 3 месяца доля погибших и пропавших без вести составила: $805/2106 = 0,382$ (38,2%)!

А безучетный период на территории РФ: ноябрь — декабрь 1941 г. и с перерывами весь 1942 г. — составляет 14 месяцев. За это время личный состав ПО мог смениться дважды.

Из архивных документов ЦШПД видно, что, оставив командирам ПО самостоятельность в смене мест обитания, в способах выполнения поставленных конкретных задач, ЦШПД взял на себя подготовку командного состава (сборы и семинары), обучение радистов, подрывников

¹³ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. Р-8. оп. 6. Д.16. Д.47, Д.24.

и доставку их вместе с оборудованием в ПО с помощью авиации, снабжение дефицитными продовольственными (махорка, соль), военными (карты местности, чертежи и тактико-технических характеристик конкретных мостов) товарами и вооружением (ПТР, мины, взрывчатка). Летом 1942 г., разукрупнившись, уцелевшим ПО удалось не только выжить, но и продолжить выводить из строя узлы и линии связи, склады и мосты, ж/д и автомагистрали, пускать под откос эшелоны с живой силой и техникой.

Чтобы больше не слышать о партизанах, фюрер 25.08.42 г. запретил впредь употреблять слово «партизан».

Согласно докладом по партийной линии, осенью — зимой 1941/42 гг. ПО на 12–60% состояли из окруженцев. А в доступных списках партизанских отрядов и соединений 1943 г. их только единицы.

Получается, что в 1943–1944 годах личный состав партизанских бригад и отрядов пополнялся, за исключением некоторых командированных в ПД командиров, почти полностью патриотами из местного населения (районные ПО).

Рассмотрим состав ПО на примере районов, отошедших в Калужскую область. Обработаны данные по 22 ПО и 3 подпольным организациям из списков Калужского партийного архива¹⁴. Вот результаты:

личный состав, всего: 1 183 чел. (100%), в том числе 1 136 партизан и 47 подпольщиков.

Партийный состав, всего:

члены ВКП(б): 593 (50,1%); кандидаты в члены ВКП(б): 81 (6,9%);

члены ВЛКСМ: 186 (15,7%); беспартийные: 322 (27,2%).

Возрастной состав*:

до 18 лет: 86 (7,3%); 18–25 лет: 128 (10,8%);

26–45 лет: 689 (58,2%); более 45 лет: 64 (5,4%).

¹⁴ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 8.

Социальный состав*:
 рабочие: 167 (14,1%);
 колхозники: 107 (9,0%);
 интеллигенция: 721 (61,0%), в т. ч. учителя: 37 (3,1%),
 врачи: 21 (1,8%), служащие: 602 (50,9%);
 другие: 61 (5,2%), в т. ч. учащиеся: 59 (5,0%), пенсионеры: 2 (0,2%);
 женщины: 97 (8,2%);
 военнослужащие: 48 (4,1%);
 погибшие: 77 (6,5%) (период не указан).

Национальный состав*: в основном — русские, есть украинцы, белорусы; единично — евреи, поляки, латыши.

Образовательный уровень*: большинство — с начальным образованием, с высшим — единицы.

* В некоторых ПО заполнены не все графы.

Вклад зафронтовых действий в освобождение временно оккупированной территории и в общую Победу

Известно высказывание Г. К. Жукова: «Согласовывая свои действия с военными советами фронтов, развернули борьбу с врагом партизаны. Их действия серьезно осложнили обстановку для немцев».

Сложилась эффективная схема: боевые действия ведет Красная армия, страна — тыл нашей армии — усиливает ее, обеспечивая всем необходимым, в то время как ПД всемерно ослабляет противника, нанося потери, и затрудняет ему действия, дезорганизуя его тыл.

«Вы наш Второй фронт», — так определил роль ПД Сталин на совещании с командирами партизанских соединений в Кремле в сентябре 1942 г.¹⁵

Действительно, до открытия Второго фронта союзниками на Западе, до изгнания врага с территории нашей страны роль Второго фронта выполняла многомиллионная «армия» всенародного ПД.

¹⁵ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 8. С. 54.

По данным начальника ЦШПД генерал-лейтенанта П. К. Пономаренко, в партизанском движении, без учета населения, приняло участие более одного миллиона человек¹⁶. За время войны советские партизаны и подпольщики уничтожили, ранили и пленили свыше 1,6 млн солдат, офицеров и немецких чиновников оккупационной администрации, уничтожили 67 генералов, взяли в плен и передали в РККА 5 генералов и 45 000 германских солдат и офицеров. Задача «дезорганизации тыла противника» постоянно выполнялась во взаимодействии со штабами ПД фронтов. Дополнительный эффект от всенародного ПД — падение морального духа солдат и офицеров фашистской армии, потеря ею боеспособности и ударной мощи, замедление маневренности войск и ресурсов; вынужденное отвлечение с передовой на фронтах значительных сил противника на борьбу против партизанских отрядов и соединений, подпольных организаций; массовый саботаж военных, политических и экономических мероприятий врага (в октябре 1943 г. — около 30 дивизий). Кроме них, использовались немцами в тылу еще 20 вспомогательных соединений.

Периодического усиления борьбы с ПД оказалось мало: приказ Главного командования вермахта 10.08.1942 г.: «Проведение борьбы с партизанами и охранение оперативного района тоже относится к боевым действиям»¹⁷. Злодеяния фашистов в ходе таких «боевых действий» зафиксированы в актах чрезвычайных комиссий и исследуются отдельно.

Но и после усиления борьбы вермахта партизанское движение повысило результативность своих боевых действий, кульминацией которых стали операции «Рельсовая война» и «Концерт» в 1943 г. За июль — октябрь на временно оккупированной территории страны в тылу врага партизанами было подорвано 363 262 рельса.

¹⁶ Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. Москва, 1986. С. 371.

¹⁷ Там же. С. 361.

Города, районы партизанской славы

«По своим масштабам, политическим и военным результатам партизанская и подпольная борьба, а также массовое сопротивление населения всем мероприятиям фашистских оккупантов в их тылу приобрели стратегическое значение и превратились в один из решающих факторов разгрома фашистского нашествия» (П. К. Пономаренко).

Победа в ВОВ достигнута всем народом в единстве фронта, тыла и зафронтовых действий.

Родина провозгласила: никто не забыт и ничто не забыто. Велик размах Поискового движения России. Впечатляют результаты работы Российского военно-исторического общества (РВИО). Чувствуется их эффективное взаимодействие с Управлением Министерства обороны РФ по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества.

«По достоинству оценивая ратный подвиг советских солдат в годы Великой Отечественной войны, мы не должны забывать, что Победа — результат не только героизма фронтовиков, что она ковалась и в тылу», — отмечал депутат Госдумы РФ О. Смолин, автор законопроекта о внесении изменений в Федеральный закон от 9 мая 2006 г. № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации „Город воинской славы“», дополнившего его почетным званием РФ «Город трудовой славы».

Принимая во внимание, что самоотверженный подвиг населения, участвовавшего в партизанском движении в тылу врага, так же значим, как подвиг фронтовиков и тружеников тыла, пришел черед установить, наряду с федеральными почетными званиями «Город воинской славы» и «Город трудовой славы», федеральное почетное звание «Город партизанской славы», со всеми атрибутами города с федеральным почетным званием.

Победа ковалась согласованно, триедино на боевом фронте, партизанском и трудовом фронтах.

Предложение: в целях патриотического воспитания нынешних и грядущих поколений и увековечивания

Памяти стойкости местного населения и подвигов всех участников партизанского движения ввести на федеральном уровне почетное звание «Город (район) партизанской славы», рассматривая в первую очередь кандидатуры партизанских краев и иных мест выдающихся достижений партизанского движения.

*Виктория Алексеевна
Пискотина*

Специалист по музейно-образовательной деятельности
Музея-заповедника «Сталинградская битва»

Мир и война: настольные игры в СССР в 1941 году

Война — самое страшное, что может произойти в жизни человечества. Это показали события прошлого столетия. 22 июня 1941 года... Трагическая дата в истории нашей страны. И в этом году мы вспоминаем об этих событиях с особым трепетом, ведь прошло уже 80 лет со дня нападения Германии на Советский Союз. Сегодня мы видим, что тематика Великой Отечественной войны является довольно актуальной для многих исследователей, этому способствовало введение в научный оборот ранее не опубликованных материалов.

Одним из важных аспектов стала тема человека на войне, психология поведения, фронтовой быт и все, что с этим связано. Изучением данной проблематики занимается Е. С. Сенявская, которая в работе «Психология войны в XX веке» исследует особое явление «комбатант — человек воюющий»¹. Война диктовала свои законы гражданскому и военному населению нашей страны, под которые приходилось подстраиваться. Несмотря на тягость времени, неуверенность в завтрашнем дне, бойцы не забывали про досуг — неотъемлемую часть фронтовой жизни. Это

¹ Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. М., 1999.

позволяло, с одной стороны, отвлечься от происходящего, переключиться после тяжелого боя, с другой стороны, помогало выжить в трудные минуты. Организацией досуговой деятельности в Красной армии занимались политработники, внося свой вклад в жизнь военнослужащих. Одним из видов времяпрепровождения являлись игры.

Настольные игры всегда были и остаются неотъемлемой частью жизни общества наряду с другими видами досуга. Большая часть известных нам сегодня игр возникла в начале тысячелетия, некоторые же появились только в XVIII веке. Среди последних можно назвать детские настольные игры, например, пазлы².

В предвоенные и военные годы игры служили одновременно средством обучения, воспитания и ознакомления с мировой обстановкой. В этом ряду можно упомянуть одну из популярнейших игр 1930-х годов, созданную простым советским рабочим Александром Станиславовичем Юргелевичем, «Шах-бой». Автор заложил следующий смысл в создание военно-шахматной игры: «Если обыкновенная шахматная игра есть отражение древнего боя, то «Шах-бой» — отражение современного боя со значительно большим количеством комбинаций и позиционных возможностей»³. Создатель преследовал цель развить военно-тактические навыки у играющих, познакомиться с элементами техники и тактикой боя различных родов войск. По сравнению с шахматами игровое поле было увеличено в два раза до 144 квадратов, где только 128 задействованы в игре, 4 квадрата с каждого угла не использовались. Таким образом, поле из прямоугольного превратилось в крестообразное. Фигуры отождествляли войсковые соединения. Например, «конь» — «конница», «танк» — «танковый отряд», «боец» — «стрелковое

² Костюхина М. Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 656 с.

³ Новая шахматная игра «Шах-бой» [Текст] / А. С. Юргелевич. М.: Моск. обл. совет Осоавиахима, 1934 (Центр. тип. им. К. Ворошилова). С. 3.

отделение»⁴. А. С. Юргелевич следил за развитием игры, собирая отзывы как от командиров частей Красной армии, так и от обычных игроков. Приведу один из них, который принадлежит начальнику II отделения Политотдела: «Как настольная военная игра — „Шах-бой“ вполне приемлем для ленинских уголков военных частей. Опыт проведенных сеансов говорит о простоте игры и доступности ее не только для начсостава, но и для красноармейцев. Игра способствует выработке элементарных тактических навыков и сообразительности при решении тактических задач»⁵.

В ноябре 1933 года в московском Центральном парке культуры и отдыха впервые открылась и ежедневно функционировала секция по обучению «Шах-бою», вызвавшему большой интерес у посетителей. Уже после первого сеанса игрокам удавалось разобраться в правилах. Разработчики предусмотрели возможность игры по переписке, для этого все желающие могли отправить свои заявки на определенный адрес. Как итог, «Шах-бой» получил большое распространение в военных кругах. Практика показала, что игра оказалась увлекательной, развивала находчивость, сообразительность, учила быстро оценивать «боевую» обстановку и взвешенно принимать решения. Данная военно-шахматная игра настолько показательна в плане отражения обстановки, что не привести ее в качестве примера было просто невозможно.

Собственно, свое начало «Шах-бой» ведет от классических шахмат, которые также были популярны среди населения нашей страны. Это не удивительно, ведь они воспитывали самоконтроль, развивали дисциплину, учили думать и грамотно размышлять. Шахматы появились в VI веке в Индии под названием «Чатуранга». Наибольшую популярность приобрели уже в начале XX столетия,

⁴ Новая шахматная игра «Шах-бой» [Текст] / А. С. Юргелевич. М.: Моск. обл. совет Осоавиахима, 1934 (Центр. тип. им. К. Ворошилова). С. 8.

⁵ Там же. С. 37.

когда стали проводиться первые чемпионаты в нашей стране.

Тринадцатый из них был запланирован на осень 1941 года, но перед тем, как выявить абсолютного чемпиона СССР по шахматам, должны были пройти четыре отборочных полуфинала⁶. Проведение первого было запланировано на 22 июня 1941 года в г. Ростове-на-Дону. Во время его проведения участникам стало известно о нападении Германии на Советский Союз. Эта новость довольно быстро распространилась среди участников. Из них были и те, кто жил вблизи западной границы, так что они покинули соревнования, хотя из Москвы пришло указание их продолжать.

В стране была объявлена всеобщая мобилизация, в связи с этим многие выдающиеся шахматисты заменили свои игровые поля на реальные работы в тылу. Например, Ю. Л. Авербах — известный шахматист, автор книги «О чем молчат фигуры», в это время оказался задействованным в качестве слесаря на бронетанковой ремонтной базе. Уже в сентябре, как отмечает автор, «когда фронт стал приближаться к столице, нас вернули в институт. И хотя обстановка была тревожной, началась обычная студенческая жизнь — лекции, семинары, лабораторные работы»⁷. Одновременно проходила организация показательного турнира мастеров и кандидатов в мастера — таким образом был сделан акцент на том, что советская столица продолжает жить мирной жизнью. Аналогичная ситуация происходила в блокадном Ленинграде, где в ноябре — декабре 1941 состоялся первый блокадный чемпионат.

Вскоре шахматы получили распространение и в госпиталях среди раненых советских бойцов. Отдельное место в этом отношении стоит уделить периодической

⁶ Авербах Ю. Л. О чем молчат фигуры. М., 2007. С. 91.

⁷ Там же. С. 92.

печати, посвященной игре в шахматы. В этом ряду следует назвать журнал «Шахматы в СССР» и газета «64», которые с началом войны перестали выпускаться. На дворах редакции висело объявление: «Редакция закрыта. Все ушли на фронт»⁸.

Зато еще один не менее популярный литературно-художественный иллюстрированный журнал «Огонек» продолжал готовить выпуски для читателей и выходил три раза в месяц. Одной из постоянных рубрик в номерах за 1941 год являлся «Дневник войны». Наряду с событиями, связанными с боевыми действиями, практически в каждом номере до начала Великой Отечественной войны за 1941 год можно встретить на последней странице изображения шахматных партий с описанием под редакцией А. А. Котова — одного из известных отечественных гроссмейстеров⁹. Интересно, что описание носит аналитический характер. На мой взгляд, это позволяло более широко кругу читателей разобраться в сути состоявшейся шахматной партии.

Выпуск № 18 «Огонька» вышел 25 июня 1941 года. В самом начале читатель встречает текст выступления по радио В. М. Молотова о начале войны¹⁰. Также присутствуют карикатурные изображения на тему нападения Германии. С началом боевых действий информация о шахматах отсутствует и появляется лишь в январском выпуске за 1943 год, что вполне логично¹¹.

Среди не менее популярных настольных игр этого периода было домино. На первый взгляд этот факт может вызвать удивление, поскольку внешне игра кажет-

⁸ Авербах Ю. Л. Указ. соч. С. 93.

⁹ Огонек: жур. 1941, № 3 (726). URL: [http://file.magzdb.org/magz/Огонек/1941/Огонек%201941,%20№%2003%20\(726\).pdf](http://file.magzdb.org/magz/Огонек/1941/Огонек%201941,%20№%2003%20(726).pdf) (дата обращения: 16.06.2021).

¹⁰ Огонек: жур. 1941, № 18 (740). URL: [http://file.magzdb.org/magz/Огонек/1941/Огонек%201941,%20№%2018%20\(740\).pdf](http://file.magzdb.org/magz/Огонек/1941/Огонек%201941,%20№%2018%20(740).pdf) (дата обращения: 16.06.2021).

¹¹ Огонек: жур. 1943, № 3 (816). URL: <http://file.magzdb.org/magz/Огонек/1943/Огонек%201943-03.pdf>.

ся довольно простой, но на деле таит немало комбинаций и схем. Так, среди красноармейцев было распространено играть в домино пара на пару, таким образом необходимо продумывать и свой ход, и шаг партнера. Все это превращало домино в сложную стратегию. Игра позволяла развить не только стратегическое мышление, но и пространственное, а также скорость реакции и, конечно же, память. Интересен тот факт, что сегодня в процессе проведения раскопок при обнаружении останков советских бойцов иногда находят одну костяшку домино. По одной из версий, красноармейцы хранили костяшку как талисман, символизирующий не доигранную партию, «дающий надежду и веру» в то, что после окончания боя солдат сможет вернуться и доиграть.

Выше уже был отмечен факт того, что в военных госпиталях игры также имели место быть. Кроме шахмат можно упомянуть и бильярд. Правда, в отличие от шахмат он являлся частью рекомендаций, которые давались медиками раненым советским бойцам для восстановления. Вообще, бильярд — такая же древняя игра, как и многие другие. Он распространился в рядах Красной армии далеко не сразу, так как после революции считался контрреволюционным и буржуазным. Ситуация изменилась только во второй половине 1920-х годов, когда в домах Красной армии стали открываться бильярдные залы. 23 февраля 1928 года состоялось торжественное открытие Центрального дома Красной армии, его залы, в числе которых была и бильярдная комната, посетили известные военачальники: А. С. Бубнов, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов. Но война наложила свой отпечаток на развитие бильярда, в связи с чем из уютных комнат отдыха бильярдные столы переместились в военные госпитали. К слову, С. М. Буденный был большим поклонником и сторонником бильярда и лично поощрял внедрение бильярдных тренировок в спортивные занятия кавалеристов. Это было связано с тем, что в годы Первой мировой и Гражданской войн военачальник получил ранения. Средством восстановления

его правой руки стал бильярд, о чем С. М. Будённый писал следующее: «Моей правой руке не повезло: она была ранена, потом сломана. Если бы не бильярд, который исподволь упражняет мышцы, остался бы без руки. И лечащий врач рекомендовал: „Тренируйте руку на бильярде!“»¹²

Если перечисленные игры развивали стратегические и тактические навыки, то игральные карты в годы Великой Отечественной стали инструментом пропаганды¹³. Связано это непосредственно с Ленинградом. Как известно, наступление немецко-фашистских войск на город началось 10 июля 1941 года. Город сжимался под натиском врага, 31 августа была перерезана дорожное сообщение с Москвой, 8 сентября Ленинград был окружен. В кольце оказалось более 2,5 млн гражданского населения, войска Ленинградского фронта¹⁴. В числе мирных жителей оказались и художники, нескольким из которых в конце 1941 года было поручено создать эскизы игровых карт с карикатурными изображениями фашистских лидеров и атрибутики. Лучшие наброски были выполнены Василием Адриановичем Власовым. Далее ему поручили работу по созданию оригиналов. От Политуправления Ленинградского фронта он получил все необходимые материалы для создания карт. Всего нужно было сделать 17 рисунков акварелью. Художник очень ответственно подошел к выполнению боевого приказа. Его задание осложнялось несколькими факторами: с одной стороны, Василий Власов никогда не рисовал игральные карты, поэтому не владел спецификой их производства, с другой стороны, он был истощен из-за недоедания. Чтобы познакомиться с технологией изготовления карт, художнику надо было побывать во 2-й литографии, где до войны вы-

¹² Ратозий Н. В., Иванов Е. Б. Россия. Неизвестный бильярд. 2011. URL: <http://rusbilliard.ru/node/790> (дата обращения: 17.06.2021).

¹³ Захарова О., Нестеренко Е. URL: <https://arzamas.academy/micro/koloda/8> (дата обращения: 17.06.2021).

¹⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. М.: ОЛМА-Пресс Образование, 2005. С. 313.

пускались игральные карты. Там он получил консультацию от директора Сергея Васильевича Родионова. События происходили в первой половине декабря 1941 года. Художник серьезно и кропотливо подошел к изготовлению «антифашистских» карт. Именно так и стала называться созданная им колода в начале 1942 года. Далее, после проведенных испытаний, карты при помощи партизан распространяли в немецком тылу, подрывая боевой дух солдат противника.

Хотелось бы отметить тот факт, что представленная тема довольно интересна и многогранна. С одной стороны, игры можно рассмотреть как один из видов досуговой деятельности, с другой же — необходимо понимать, что все они являлись частью общей направленности в обучении военному делу. Не обошли стороной и детскую возрастную категорию. Настольные игры для детей занимают отдельное, весьма важное место в игровом мире. Детская игра — не только развлекательное занятие, объединявшее за одним столом и детей и взрослых, но и просветительское, воспитательное «оружие». Например, таким способом детей обучали азбуке. Первая половина XX века поставила новую задачу для разработчиков детских игр. В этот период настольная игра стала средством пропаганды и ориентира детей в мировой политической ситуации. Хотя детские настольно-печатные игры изготавливались из картона, они были достаточно дорогие, поэтому не все семьи могли позволить себе их приобрести. Чаще использовались самодельные настольные игры, в связи с этим в детских журналах печатались инструкции по самостоятельному изготовлению. Проблему обеспечения настольными играми советских детей должны были решать пионерские игротеки¹⁵. В списке настольных игр, рекомендуемых для летней площадки пионеров, назывались шахматы, шашки, различные вариации домино, лото

¹⁵ Костюхина М. Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 60.

(например, арифметическое или топографическое)¹⁶. В тематике детских игр делался упор на конкретный вид вооружения. Пользовались популярностью такие игры, как: «Химическая война», «Воздушная борьба», «Воздушный бой». Если перечисленные игры устанавливали определенный ход, то настольная игра «Красная Армия», разработанная в 1930-е годы специально для детей, предоставляла ребятам дошкольного и школьного возрастов свободу действия, таким образом, происходила некая импровизация в сюжете игры. Например, ребенок мог разыграть военную баталию или устроить парад войск. Также была предусмотрена возможность вести игру как на одном листочке, так и отдельно вырезанными фигурками¹⁷. Конечно, цель разработчиков заключалась в том, чтобы объяснить детям, что мирная жизнь скоро станет далеко не мирной.

Подводя итоги, хотелось бы акцентировать внимание на специфике настольных игр исследуемого периода. Безусловно, все перечисленные игры приобрели так называемый «военный характер». Их распространение происходило как в военных кругах, так и среди гражданского населения. Все это являлось частью общей задачи по обучению военному делу. Изучая данную проблематику, мы также обращались к аудиовизуальным источникам, в частности к фотоматериалам. Государственный каталог Российской Федерации содержит кадры — подтверждения бытования ранее упомянутых игр среди военных. Также есть фотография воспитанников сталинградского детского сада, которые выполняют некое творческое задание в униформе (вторая половина 1930-х годов). Ребята изображают разные военные профессии: кто-то выстроен

¹⁶ Костюхина М. Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 58.

¹⁷ Инструкция к детской военной штемпельной игре «Красная Армия». URL: <https://www.dvaveka.ru/podarki/podarki-k-23-fevralya/nastolnaya-igra-dlya-detey-krasnaya-armiya-shtempelno-gravernaya-fabrika-leningrad-1930-e/> (дата обращения: 17.06.2021).

в виде самолетика, кто-то исполняет роли разведчиков¹⁸. Довольно большое количество материалов связано с игрой в шахматы. В целом отмечаем, что Великая Отечественная война — это не только про боевые действия, но также и про жизнь. Одним из показателей того, что «обычная жизнь» продолжается, являются выше перечисленные настольные игры.

¹⁸ Фотография. ГК РФ. МЗСБ НВФ 3380/20.

*Иван Борисович
Полужков*

Заведующий архивом Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, член Российского военно-исторического общества

*Светлана Николаевна
Юсуfoва*

К. и. н., заместитель первого проректора АНОВО Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», член Российского военно-исторического общества

Возрождение Куйбышевского государственного медицинского института (сентябрь 1942 года)

Краткая характеристика системы медицинского образования перед началом Великой Отечественной войны

В годы первых пятилеток подготовка врачебных кадров в СССР была значительно расширена, при этом особое внимание уделялось развертыванию сети выс-

ших медицинских учебных заведений в союзных республиках Средней Азии, в ряде автономных республик РСФСР, в бурно развивающихся в экономическом отношении районах. Так, в 1930 г. открываются медицинские институты в Самаре, Самарканде, Донецке, Хабаровске и Иваново; в 1931 г. — в Алма-Ате; в 1932 г. — в Ашхабаде, Уфе, Махачкале и Виннице, а в 1933 г. — в Ижевске. В 1930–1931 гг. вновь начали функционировать закрытые в 1924 г. медицинские факультеты в Свердловске, Симферополе, Нижнем Новгороде. В целом к 1934 г. в стране насчитывалось 49 действующих медицинских институтов, в которых обучалось порядка 48 тысяч студентов¹.

К 1940 г. в Советском Союзе действовали уже 72 медицинских и фармацевтических института, а численность врачей (на конец 1940 г.) достигла 155,3 тыс. чел. и стала в 5,5 раза больше, чем в дореволюционной России².

Великая Отечественная война явилась серьезным и тяжелым испытанием не только для советских Вооруженных сил, но и для всех сфер жизнедеятельности страны, в том числе и для системы высшего образования. С территорий, подвергшихся оккупации, и из прифронтовой зоны в тыловые районы Советского Союза было эвакуировано 147 высших учебных заведений. Ряд учреждений высшей школы прекратил свою деятельность либо был реорганизован или объединен: на март 1942 г. насчитывалось 196 временно закрытых и 87 объединенных на временной основе вузов³.

Суровые испытания Великой Отечественной войны не могли пройти мимо высшей медицинской школы. Война потребовала ускоренной подготовки врачей. Интересы обороны Родины заставили коренным образом перестроить учебную и научную работу вузов. Наконец,

¹ Исаков Ю. Ф. Медицинские институты // Большая медицинская энциклопедия. Под ред. Б. В. Петровского. 3-е изд. Т. 14. М., 1980. С. 27.

² Там же.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014. С. 475.

обстановка первого этапа боевых действий привела к эвакуации некоторых институтов из городов, временно оккупированных неприятелем или находившихся под угрозой захвата вражескими войсками. Некоторые вузы временно прекратили свою работу (в том числе Ростовский, Ставропольский, Курский).

В этих условиях сократилось и число медицинских институтов: их стало 56; некоторые из них были эвакуированы из районов военных действий вглубь страны: 1-й Московский медицинский институт функционировал в Уфе, 1-й Ленинградский — в Красноярске, Киевский — в Челябинске, Витебский — в Ярославле, Воронежский — в Ульяновске и т. д. Удалось сохранить не только кадры большинства эвакуированных вузов, но даже их ценнейшее оборудование и научные библиотеки. Профессорско-преподавательский состав эвакуированных институтов принимал активное участие в оказании медпомощи раненым и больным воинам Красной армии, гражданскому населению⁴.

Благодаря неимоверной самоотверженности всего советского народа, гигантским усилиям Государственного Комитета Оборона, полководческому искусству Ставки Верховного главнокомандования, воинскому мастерству, мужеству и героизму командиров и бойцов Красной армии, гитлеровские планы «молниеносной войны» против СССР были сорваны.

В это нелегкое время показала свою устойчивость и советская высшая школа, что позволило руководству Советского государства уже в 1942 г. приступить к планомерному восстановлению системы подготовки высококвалифицированных гражданских специалистов с высшим образованием. В 1943 г., после освобождения оккупированных врагом территорий, большинство вузов были реэвакуированы. С января 1944 г. начали работать Курский, Смоленский и Крымский медицинские институты.

⁴ Исаков Ю. Ф. Указ. соч.

В Красноярске, Челябинске, Ярославле и ряде других городов, где до войны не было медицинских институтов, на созданной во время войны базе были организованы новые высшие медицинские учебные заведения.

Одним из ярких проявлений указанной деятельности стало открытие осенью 1942 г. Куйбышевского государственного медицинского института — первого из 8 медицинских вузов, образованных в СССР в 1942–1944 гг.

Обзор истории высшего медицинского образования в Среднем Поволжье

При этом вновь созданный мединститут не являлся первенцем в деле организации и развития системы подготовки медицинских кадров с высшим образованием на территории Среднего Поволжья.

История высшего медицинского образования в Самарской губернии начинается с 1919 г., когда во вновь организованном Самарском университете был открыт медицинский факультет. В 1927 г. из-за материальных трудностей факультет был закрыт. Уже в 1930 г., в связи с острой необходимостью обеспечения здравоохранения квалифицированными врачебными кадрами, создается Самарский медицинский институт, переименованный в 1935 г. в Куйбышевский медицинский институт⁵.

В апреле 1939 г., на фоне обостряющейся международной обстановки и резкого увеличения численности Красной армии, Куйбышевский медицинский институт был реорганизован в Куйбышевскую Военно-медицинскую академию РККА (КВМА)⁶. Студенты мединститута,

⁵ История Самарского государственного медицинского университета / О. Д. Столяров, С. Ю. Заводюк, С. В. Занин. Самара, 2019. 337 с.

⁶ Сформирована совместным приказом народного комиссара обороны Союза ССР, народного комиссара здравоохранения СССР и председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совнаркомом Союза ССР № 035 от 3 апреля 1939 г. на основании Постановления СНК СССР от 1 февраля 1939 г. № 148/15/с. Данным приказом на базе Куйбышевского медицинского института предусматривалось создать военно-медицинскую

не принятые в КВМА, приказом народного комиссара здравоохранения Союза ССР распределялись по другим медицинским вузам. Их перевозка к месту нового назначения возлагалась на Наркомздрав СССР, которому вменялось осуществить это мероприятие в каникулярный период, снабдив студентов проездными билетами, суточными на время пути и подъемными в размере месячной стипендии. При этом освободить помещения и общежития Куйбышевского мединститута предписывалось к 15 июля 1939 г. Содержание же профессорско-преподавательского, учебно-вспомогательного и административно-хозяйственного состава, а также все расходы по содержанию и обучению студентов до 1 июля 1939 г. должны были производиться за счет Наркомздрава РСФСР.

Расформирование КВМА и воссоздание Куйбышевского государственного медицинского института

27 августа 1942 г. вышел приказ народного комиссара обороны СССР № 0660, подписанный замнаркомом обороны армейским комиссаром I ранга Е. Щаденко⁷.

Данным документом предусматривалось «в целях улучшения обучения слушателей академий» в том числе:

«4. Расформировать к 1 октября 1942 года куйбышевскую военно-медицинскую академию.

академию в составе 5 курсов с общим числом 1500 слушателей. Комплектование 2, 3, 4 и 5-го курсов Академии намечалось произвести из студентов гражданских медицинских институтов, «по указанию Народного Комиссара Здравоохранения Союза ССР», закончив их отбор к 20 мая 1939 г. с последующим зачислением слушателями с 1 августа 1939 г. В распоряжение Академии были переданы: административное здание (ул. Куйбышева, д. 135), здание института журналистики (ул. Некрасовская, д. 20), здание педагогического техникума (ул. Красноармейская, д. 12), учебные корпуса по адресам: ул. Ульяновская, д. 18 и ул. Чапаевская, д. 227, а также клиники мединститута. Под общежитие для слушателей предназначался дом № 171 по ул. Арцыбушевской.

⁷ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 4. Оп. 11. Ед. хр. 72. Л. 201–203.

5. Проверить к 15 сентября слушателей Куйбышевской и Ленинградской военно-медицинских академий и всех неуспевающих обратить на доукомплектование военно-медицинских училищ по указанию Начальника Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии, а недисциплинированных — откомандировать в войска по указанию штабов соответственно Приволжского и Средне-Азиатского военных округов.

Остающихся после проверки слушателей 1, 2 и 3 курсов Куйбышевской военно-медицинской академии обратиться распоряжением Начальника Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии на доукомплектование Ленинградской военно-медицинской академии.

Слушателей 4-го (выпускного) курса Куйбышевской академии для окончания обучения перевести на военные факультеты при Саратовском и 2-м Московском медицинском институтах и до окончания обучения содержать сверх штатной численности этих факультетов в общем количестве 375 человек. ...

7. Высвобождаемый после расформирования и сокращения академий и училищ (пункты ... и 4 приказа) преподавательский и другой постоянный состав использовать на укомплектование стрелковых дивизий и бригад распоряжением соответствующих (по специальности) Начальников Главных Управлений НКО, а рядовой и младший начсостав распоряжением соответствующего штаба округа.

8. Исполнение донести ... по Куйбышевской военно-медицинской академии — 5 октября 1942 года. ...»⁸.

Уже 17 сентября 1942 года читатели «органа Куйбышевского Обкома и Горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся» — газеты «Волжская коммуна» — могли ознакомиться со следующим сообщением: «Новый медицинский институт. Постановлением правительства Куйбышевская Военно-Медицинская академия расформирована. На базе академии открывается

⁸ Там же.

медицинский институт с пятилетним сроком обучения»⁹. Исполняющим обязанности директора назначался профессор А. Н. Зенин, деканом лечебно-профилактического факультета — профессор И. Жордания¹⁰.

Было объявлено о наборе студентов на 1 курс по адресу: г. Куйбышев, ул. Красноармейская, 12.

Первый директор воссозданного КГМИ — военврач 1-го ранга Василий Иванович Савельев

Через некоторое время, по ходатайству бюро Куйбышевского обкома ВКП(б), приказом председателя Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанова директором Куйбышевского мединститута и одновременно начальником кафедры военно-медицинской подготовки КГМИ был назначен бывший начальник учебного отдела расформированной Куйбышевской военно-медицинской академии военврач 1-го ранга Василий Иванович Савельев.

Василий Иванович родился 21 января 1901 г. в деревне Толпухово¹¹ Ставропольской волости Владимирского уезда Владимирской губернии в семье крестьянина-середняка.

С 1909 по 1918 г. учился в начальной школе, затем в высшем начальном училище, после окончания которого в 1918 г. поступил в техникум по общему машиностроению в г. Владимире.

В 1920–1923 гг. проходил службу в Красной армии на должностях рядового и политического состава.

В сентябре 1923 г. зачислен слушателем Военно-медицинской академии¹², которую и окончил в 1928 г.

⁹ Волжская Коммуна. 1942. 17 сентября. № 220 (7089). С. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ В настоящее время — деревня в Собинском районе Владимирской области, административный центр Толпуховского сельского поселения.

¹² С 1 сентября 2015 года — федеральное государственное бюджетное военное образовательное учреждение высшего образования «Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова» Министерства обороны Российской Федерации.

После окончания Военно-медицинской академии служил в различных частях Красной армии, занимая должности: младшего и старшего врача стрелковых полков, начальника медико-санитарной службы стрелковой дивизии (в течение 6 лет), начальника медико-санитарной службы стрелкового корпуса, начальника медико-санитарного отдела Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В июле — сентябре 1938 г. исполнял обязанности начальника медико-санитарного Управления Дальневосточного Краснознаменного фронта.

В этой должности в августе 1938 г. Василий Иванович принял непосредственное участие в боях в районе озера Хасан, за что был награжден нагрудным знаком «Участнику Хасанских боев»¹³.

Проявленные Василием Ивановичем качества организатора медицинского обеспечения боевых действий войск, полученный опыт современной войны способствовали его назначению начальником учебного отдела вновь созданной Куйбышевской военно-медицинской академии, в которой он прослужил вплоть до ее расформирования.

Возможно, указанные обстоятельства, в том числе нарабатанный опыт по организации учебного процесса в высшем учебном заведении в военное время, и легли в основу решения о назначении Василия Ивановича директором вновь созданного Куйбышевского государственного медицинского института.

¹³ Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 июня 1939 года «Об увековечении памяти героев Хасана». Постановлением Совета народных комиссаров СССР № 1173 от 8 августа 1939 года было утверждено Положение о знаке (значке) и его описание. Значком награждался весь личный состав РККА, РККФ, войск пограничной охраны, принимавший непосредственное участие в боях у озера Хасан, а также все другие лица, находившиеся в районе боевых действий и принимавшие участие в обеспечении боевых операций с 29 июля по 11 августа 1938 года. Награждение производилось военным советом 1-й Отдельной Краснознаменной армии. Знаком награжден 3481 человек.

Во время войны в боях за родину погибли три брата Василия Ивановича, о чем он позднее напишет в самом начале автобиографии¹⁴. Его линией фронта стала работа по организации подготовки врачей. Он пытается вернуть здание, реквизированное у института после реорганизации академии, организует работу по повышению дисциплины студентов, анализирует причины снижения успеваемости и разрабатывает меры по ее повышению, занимается кадровой работой, ведет научную деятельность, участвует в деятельности общественных организаций.

**Организационная деятельность дирекции
Куйбышевского государственного
медицинского института (КГМИ)
по возрождению гражданского медицинского
образования на территории Куйбышевской
области**

Одной из проблем, вставших перед руководством вновь созданного вуза, явился недостаток помещений под учебные и административно-хозяйственные нужды, а также общежития студентов и профессорско-преподавательского состава.

На момент своего восстановления КГМИ располагал одним учебным корпусом (общей площадью 2707 м²), одним корпусом, занятым под общежитие студентов и, частично, под учебные цели (7099 м²), двумя корпусами (3361 м²), выделенными для общежития профессорско-преподавательского состава, а также тремя корпусами (12334 м²) для 12 клиник, предназначенными для размещения больных и клинических лабораторий и яв-

¹⁴ Архив Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Ф. Р-1230. Опись дел по личному составу за 1947 год. Д. 28 «Савельев». Л. 6.

лявшимися как лечебной, так и учебно-научной базой института¹⁵.

Вместе с тем еще в 1941 г. один из самых крупных учебных корпусов института (общая площадь — 6909 м²), построенный в 1937 г. и специально приспособленный для размещения теоретических кафедр и, частично, квартир профессорско-преподавательского состава, оборудованный двумя аудиториями на 500 и 350 мест, был изъят особой комиссией и занят под размещение рабочих эвакуированных заводов. Позднее, в 1943 г., в это здание решением Наркомата авиационной промышленности СССР были переведены авиационный техникум и ряд подразделений Куйбышевского авиационного института с общежитием для студентов этих учебных заведений. Таким образом, КГМИ лишился основной теоретической базы, специально построенной и оборудованной для медицинского преподавания¹⁶. При этом, несмотря на поддержку председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтanova¹⁷, апеллировавшего к решению правительства¹⁸, здание так и не было возвращено по принадлежности.

Данные обстоятельства, в том числе, привели к тому, что учебный процесс в вузе был организован в две смены. Лекции проводились в трех аудиториях: двух вместимостью по 400 человек каждая и одной на 150 слушателей¹⁹.

¹⁵ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 5.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 31–32.

¹⁷ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 12.

¹⁸ Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 1 декабря 1943 г. № 1337 «О порядке возвращения зданий высших учебных заведений и техникумов, используемых не по назначению» определялось, что «здания высших учебных заведений и техникумов, освобождаемые военными частями, госпиталями, предприятиями, учреждениями и др. организациями, должны возвращаться в обязательном порядке учебным заведениям, у которых они были временно изъяты, для использования по прямому назначению» // СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 12.

¹⁹ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 32.

Иногородние студенты численностью до 850 человек размещались в общежитии по 3–6 человек в комнатах, переоборудованных из камер бывшей тюрьмы. Еще 150 студентов проживали на частных квартирах из-за отсутствия мест в общежитии²⁰.

Структурно мединститут состоял из одного факультета и 15 кафедр. Профессорско-преподавательский состав объединял в 1942 г. 26 профессоров, 17 доцентов, 49 ассистентов, 17 преподавателей. В 1945 г. количество преподавателей выросло (в основном за счет сотрудников Ростовского, Сталинградского и Астраханского медицинских институтов, эвакуированных в Куйбышев) и составило: 28 профессоров, 23 доцентов, 91 ассистент, 22 преподавателя. В целом личный состав кафедр был укомплектован представителями восьми институтов страны. Тем не менее это составляло только 80% от необходимого количества. Обслуживающий и административно-хозяйственный состав был укомплектован на 72% и 71% соответственно²¹.

Несмотря на то, что в КГМИ было сосредоточено немало для регионального вуза количество высококвалифицированных научных работников (в том числе докторов и кандидатов наук), их материально-бытовое положение оставляло желать лучшего: отсутствовало лимитное снабжение промтоварами, отмечалось плохое обеспечение специальной литературой и газетами, часть сотрудников указанной категории вплоть до 1945 г. не была обеспечена квартирами²².

Крайне нуждался КГМИ в материально-техническом снабжении для обеспечения учебного процесса и научной деятельности, так как при расформировании КВМА все наиболее ценное оборудование было вывезено в Самарканд и передано Ленинградской военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. В этой связи институту

²⁰ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 39.

²¹ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 6.

²² СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 41.

требовалось пополнение микроскопами, электроприборами, лабораторным имуществом, химическими посудой и реактивами, а также заграничной литературой для библиотечного фонда²³.

Обучавшиеся в течение первого учебного года 1150 студентов были набраны из 33 вузов. При этом подавляющее большинство студентов наборов военных лет составляли девушки: так, в 1945 г. из общего числа 2117 студентов (из них 1160 — иногородних) мужчин было только 77 человек. По социальному происхождению: рабочих — 447, колхозников — 343, служащих — 1227 человек. По партийности: членов и кандидатов в члены ВКП(б) — 41 человек, комсомольцев — 902 человека²⁴.

Дирекция института вынуждена была перестраивать работу института в связи со спецификой военного времени. Одной из важнейших черт была милитаризация гражданских вузов, которые были призваны готовить специалистов, способных выполнять свои обязанности как в тылу, так и на фронте.

Как отмечалось в «органе Народного комиссариата здравоохранения СССР» — газете «Медицинский работник»: «Сейчас, как никогда, преподавание в вузе должно быть целенаправленным, насыщенным практическим духом. Никакой схоластики, отвлеченной книжности не должно быть места. Если студент, сдавая экзамен по инфекционным болезням, на вопрос о профилактике сыпного тифа отвечает общими фразами о санитарной пропаганде и обнаруживает незнание элементарных методов борьбы с насекомыми, если студент имеет только смутное представление об обязанностях врача войсковой части — то виноваты в этом и студент, и преподаватели»²⁵.

На всех факультетах медицинских вузов преподавание проводилось по единой программе, подчиненной

²³ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 40.

²⁴ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 7.

²⁵ Медицинский работник. 1942. 14 января. № 2 (426). С. 1.

подготовке врачей для службы в армии, уделялось особое внимание военно-полевой хирургии, военной гигиене, а также инфекционным болезням и эпидемиологии, поскольку «война породила реальную угрозу развития инфекционных заболеваний, сыпного тифа. Все силы органов здравоохранения в центре и на местах мобилизованы, чтобы отвести эту угрозу. Медицинские институты не могут остаться в стороне. Академическая отрешенность от окружающей жизни неуместна, когда дело касается жизненно важного вопроса — эпидемического благополучия фронта и тыла»²⁶.

В КГМИ была создана кафедра военно-медицинской подготовки, а также организованы военные курсы при ряде кафедр. Учебный процесс проводился в две смены. Институт перешел на новый учебный план, рассчитанный на ускоренную подготовку врачей.

1 июля 1943 г., через 8 месяцев после возрождения, КГМИ осуществил первый выпуск врачей. Было выпущено 112 молодых специалистов: 50% из них было направлено в действующую армию, 35% — в лечебные учреждения Куйбышевской области, 1% — в Наркомат водного транспорта, 5% — в учреждения Наркомата внутренних дел²⁷.

На 1 октября 1943 г. количество студентов института составляло 1736 человек. За 1943–1944 гг. было отчислено по разным причинам (академическая неуспеваемость, нарушение дисциплины и др.) 357 человек²⁸.

Всего в 1943–1945 гг. КГМИ было подготовлено 456 врачей (1943 г. — 120; 1944 г. — 210; 1945 г. — 126), из которых 150 человек направлены непосредственно в действующую Красную армию²⁹.

По состоянию на 1 августа 1945 г. в вузе числилось 1990 студентов. Профессорско-преподавательский состав включал 25 профессоров, 27 доцентов, 91 ассистента,

²⁶ Медицинский работник. 1942. 14 января. № 2 (426). С. 1.

²⁷ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 28, 29.

8 старших преподавателей и 22 преподавателей (в их числе — 24 доктора медицинских наук, 40 кандидатов медицинских и биологических наук)³⁰.

Весь профессорско-преподавательский состав КГМИ принимал самое активное участие в лечении раненых и больных воинов Красной армии как непосредственно в эвакогоспиталях, так и в клиниках вуза. Только профессора института в эвакогоспиталях г. Куйбышева и Куйбышевской области прооперировали около 300 раненых³¹, провели более трех тысяч консультаций. Более тысячи больных, прибывших из районов области, находились на излечении в клинической больнице вуза и, в большинстве, были выписаны с хорошими результатами. Многие профессора и преподаватели осуществляли мероприятия по медико-санитарному обслуживанию рабочих оборонных заводов г. Куйбышева, над двумя из которых мединститут взял шефство, оказывали им регулярную высококвалифицированную медицинскую помощь. Под руководством квалифицированных специалистов прошли специальный стационарный курс лечения около 6 тысяч работников названных промышленных предприятий и жителей г. Куйбышева³².

Все профессора-клиницисты, часть профессорско-теоретиков, наиболее квалифицированные преподаватели вуза были задействованы в работе по повышению квалификации врачей и среднего медперсонала госпиталей, в том числе путем проведения курсов повышения квалификации по хирургии, нейрохирургии, терапии, физиотерапии. Заведующий кафедрой преподавания терапии профессор Н. Е. Кавецкий с 1942 г. являлся главным терапевтом отдела эвакогоспиталей Куйбышевского облздрава, заведующий кафедрой болезней уха, горла, носа профессор Б. Н. Луков одновременно занимал должность главного ларинголога указанного отдела³³.

³⁰ Там же. Л. 29.

³¹ Там же. Л. 36.

³² Там же.

³³ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 10.

В рамках работы по предупреждению эпидемических заболеваний и борьбе с ними под непосредственным руководством В. И. Савельева в 1944–1945 гг. несколько десятков профессоров и преподавателей КГМИ в составе двух бригад были задействованы в мероприятиях по противодействию эпидемии септической ангины в сельских районах Куйбышевской области³⁴. Кроме того, в течение полутора месяцев к данной деятельности привлекались 150 студентов 3-го курса и, в порядке производственной практики, 40 дней работали 130 студентов 4-го курса; профессора и ассистенты совершили 111 выездов в районы с целью оказания врачебной помощи на месте и проведения высококвалифицированных консультаций³⁵.

Также институт оказывал помощь области и городу путем выделения людей на полевые работы (принимали участие 600 человек в течение месяца в 1943 г. и 650 — в 1944 г.) и на заготовку дров (были задействованы на 15 дней 600 человек в 1943 г. и 200 — в 1944 г.)³⁶.

Кроме того, в годы войны представителями профессорско-преподавательского состава на постоянной основе велась научно-исследовательская деятельность. С момента возрождения КГМИ на его базе было защищено 12 докторских и 44 кандидатских диссертаций, ряд которых посвящен изучению опыта советских медиков в годы войны, в том числе новым методам излечения раненых и больных. Определенный итог научной работы сотрудников КГМИ в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы подведен в «Трудах Куй-

³⁴ Полуэктов И. Б., Юсупова С. Н. Санитарно-эпидемиологическое обслуживание населения Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Память о прошлом — 2020: сборник докладов и сообщений IX историко-архивного форума (Самара, 23–24 апреля 2020 г.) / сост. О. Н. Солдатова, Г. С. Пашковская. Самара 2020. С. 159.

³⁵ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 36.

³⁶ Там же. Ф. 656. Оп. 36. Д. 326. Л. 11.

бышевского государственного медицинского института» под редакцией В. И. Савельева³⁷.

Директор института В. И. Савельев также внес свой вклад в развитие медицинской науки, защитив 10 декабря 1946 г. кандидатскую диссертацию «Клиническая больница Куйбышевского медицинского института в годы Великой Отечественной войны». Официальными оппонентами на защите выступили профессор, доктор медицинских наук А. И. Германов и профессор, кандидат медицинских наук И. М. Булаев.

В. И. Савельев неоднократно с благодарностью отмечал, что большую помощь в написании работы и предоставлении весьма ценного материала, послужившего основой диссертации, ему оказал коллектив профессоров Клинической больницы.

В прениях по результатам защиты профессор А. Г. Бржозовский скажет: «Многоуважаемый Василий Иванович! С большим интересом читал вашу диссертационную работу. Ведь это кусочек истории КГМИ, а вместе с тем и истории высшей медицинской школы в СССР... Ваша диссертация естественно должна поступить в фундаментальную библиотеку института и будет служить научным материалом для будущего историка КГМИ»³⁸.

Формирование научно-педагогических школ теоретического и клинического профиля

Именно первые, самые нелегкие годы деятельности возрожденного медвуза, пришедшиеся на период Великой Отечественной войны, тем не менее способствовали

³⁷ Труды Куйбышевского государственного медицинского института. Т. I. Диссертации в кратком изложении. 1942–1947 гг. Куйбышев, 1948. 312 с.

³⁸ Архив Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Ф. Р-1230. Описание дел по личному составу за 1947 год. Д. 28 «Савельев». Л. 27 об.

формированию в медицинском вузовском сообществе научно-педагогических школ теоретического и клинического профиля. Первая такая школа в Куйбышевском медицинском институте, получившая всесоюзную известность, была создана заведующим кафедрой нормальной физиологии М. В. Сергиевским. Затем возникли научно-педагогические школы хирурга-колопроктолога А. М. Аминова и офтальмолога Т. И. Ерошевского, сменившего в 1949 г. на посту директора института В. И. Савельева.

Творческий союз сотрудников вуза с работниками практического здравоохранения способствовал эффективному внедрению современных достижений науки в лечебно-диагностический процесс и совершенствованию методов профилактики.

Выводы

Созданный в преддверии великой Сталинградской победы Куйбышевский государственный медицинский институт с первого дня своей деятельности включился в подготовку медицинских кадров, так необходимых в то время воюющей стране. Несмотря на объективные и субъективные трудности, вызванные условиями войны и периодом становления, КГМИ внес значительный вклад в обучение будущих специалистов с высшим медицинским образованием.

Тяжелые условия возрождения сформировали ту основу, которая позволила в последующие годы не только сохранить высшему медицинскому образованию в Среднем Поволжье, но и преобразовать заурядный медицинский вуз в многопрофильный государственный университет.

И хотелось бы завершить данную работу проникновенными словами, сказанными в грозном январе 1942 г., когда до Великой Победы оставалось еще три с лишним нелегких года:

«...Громы и потрясения великой войны не подорвали нашу высшую школу, не ослабили забот о ней со стороны советского государства. ...

— Учите и учитесь, — говорит страна профессорам, преподавателям и студентам. — Но, обучая и учась, помните о нуждах народа, жертвующего всем для вашего благополучия, для процветания науки, для счастья своих сыновей. Обучая и учась, помогайте крепить фронт и тыл борющейся Родины!»³⁹

³⁹ Медицинский работник. 1942. 14 января. № 2 (426). С. 1.

*Александр Михайлович
Ермаков*

Д. и. н., декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета

*Михаил Дмитриевич
Керби́ков*

К. и. н., заведующий отделом военной истории Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Немецкие военнопленные в Ярославской области: жизнь, труд и смерть в лагерях НКВД/МВД (1944–1949 гг.)

Изучение различных аспектов пребывания немецких военнопленных в СССР является актуальным не только для региональной, но и для отечественной истории по целому ряду причин. Во-первых, в 1990–2000-е гг. опубликовано значительное количество источников актового характера, что позволяет довольно точно оперировать достоверными статистическими данными. Во-вторых, в 2000-е гг. началась публикация на русском языке нарративных источников — воспоминаний как самих военнопленных, так и персонала лагерей, спецгоспиталей,

детей войны, вспомиавших пленных на улицах советских городов. В-третьих, конституировались несколько ключевых мифов о военнопленных: о катастрофических масштабах голода, необыкновенно тяжелых бытовых условиях жизни, незаслуженных страданиях, строительстве особых «немецких» домов, более качественных, нежели другие, «советские». В ряде научных и публицистических статей о плене, на наш взгляд, мало места уделялось его конкретике — материально-бытовым аспектам (одежда, обувь, питание), логистике в организации внутрилагерной жизни, инфраструктуре, больничному режиму, методам лечения больных, смертности с точки зрения не общей статистики, а конкретных диагнозов и обстоятельств. Кроме того, приходится констатировать, что, особенно в публицистике, существует сильный крен в сторону морально-дидактического освещения проблемы военного плена, исключению из повествования того, кем были эти пленные и почему они попали в лагерь. Последнее вовсе не означает, что само явление плена перестает быть гуманитарной проблемой. Наоборот, военные конфликты как предельно крайняя мера решения социально-экономических и политико-идеологических противоречий современности никуда, увы, не исчезли. А значит, изучение плена, его условий, правового отношения к пленным, ментальных аспектов плена, по-прежнему представляет интерес для исторической науки.

С начала 1990-х гг. российские и немецкие историки сотрудничают в изучении истории военного плена. Проводятся международные конференции, публикуются совместные сборники статей, осуществляются переводы на другие языки исследований и источников. Научное сотрудничество обогащает обе стороны, позволяет использовать преимущества разных подходов и трактовок, нивелировать их недостатки и находить точки соприкосновения.

Однако современная историографическая и информационная ситуация характеризуется не только этим.

Сохранение исторической памяти становится критически важным фактором защиты национального суверенитета, традиционной системы ценностей, самоидентификации народов нашей страны и их мотивации к дальнейшему общественному развитию в условиях информационной войны против России, важной частью которой являются фальсификации мировой и отечественной истории, особенно истории Второй мировой и Великой Отечественной войн¹. Не избежала искажения со стороны зарубежных, прежде всего немецких, авторов и история военного плена. В 1980 г. немецкие журналисты Пауль Карель и Гюнтер Бёддекер опубликовали популярную книгу о немецких военнопленных, которая представляла собой краткий пересказ многотомного исследования научной комиссии Эриха Машке. В интерпретации бывшего эсэсовского офицера Кареля и Бёддекера пленные солдаты и офицеры гитлеровского вермахта представлялись мучениками. Авторы ссылались на заявления бывших пленников о «голодном психозе», «невыносимых условиях работы», «массовом доносительстве», «повальной смертности»². Машке и его коллеги (1962–1974 гг.) основывались, главным образом, на воспоминаниях бывших немецких военнопленных, которые давали отнюдь не лестные отзывы о Советском Союзе. По оценке современного немецкого историка Эльке Шерстяной, претендовать на научность могут только некоторые части этого многотомного исследования³. Показательно, что одновременно увидела свет и другая книга Бёддекера, лейтмотивом которой является описание фактов насилия и произвола со стороны советских военнослужащих в ходе депортаций немецкого населения с Вос-

¹ Воронова О. Е., Трушин А. С. Глобальная информационная война против России: монография. М., 2019. С. 111.

² Böddecker G., Carell P. Die Gefangenen. Leben und Überleben deutscher Soldaten hinter Stacheldraht. Berlin, 1980.

³ Шерстяной Э. Пленение на Востоке (1941–1945). Воспоминания и опыт немецких солдат. Воронеж, 2016. С. 13.

тока на Запад⁴. В середине 1990-х гг. директор военно-исторического исследовательского ведомства бундесвера И. Хоффман доказывал, что преступления вермахта против пленных советских военнослужащих совершались «в ответ» на действия красноармейцев по отношению к попавшим в плен германским солдатам, что СССР проводил политику целенаправленного уничтожения военнопленных⁵. В это же время попытки представить немецких военнопленных жертвами держав-победительниц предпринимались и другими немецкими историками⁶. Тот факт, что выжило только 5% немецких солдат, попавших в советский плен в 1941–1942 гг.,⁷ использовался для поддержания легенды о «чистом вермахте». Известный немецкий политолог и публицист Вальтер Пост объявил эту цифру результатом пропаганды ненависти, которую вели политические комиссары РККА. Именно комиссары якобы «во многих случаях были ответственными за убийство немецких военнопленных»⁸. Сборник «Солдаты вермахта», в котором напечатана статья Поста, был издан для опровержения концепции организаторов выставки «Преступления вермахта».

Книги Хоффмана, Кареля и Бёддекера неоднократно переиздавались в Германии, однако в современной ФРГ их взгляды поддерживают разве что неонацистские группы⁹. Но в 2000-е гг. эти книги были изданы в нашей стране¹⁰. Дважды опубликована в России и книга британско-

⁴ Böddecker G. Die Flüchtlinge. Die Vertreibung der Deutschen im Osten. 1980.

⁵ Hoffmann J. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1995.

⁶ Peters L. Das Schicksal der deutschen Kriegsgefangenen. Tübingen, 1995.

⁷ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz. München, 1966. S. 149–150.

⁸ Post W. Die Proportion der sogenannten «Täter» in der Millionennarmer // Poeppel H. von, Prinz v. Preußen W.-K., Hase G., von (Hrsg.). Die Soldaten der Wehrmacht. München, 1998. S. 507.

⁹ Шерстяной Э. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Гофман И. Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. М., 2006; Карель П., Бёддекер Г. Немецкие

го историка Э. Бивора, который утверждает, что условия содержания немецких военнопленных были «ужасными» и что им «ничего другого не оставалось, кроме как подышать с голоду или... поедать себе подобных»¹¹. Настоящая статья призвана внести вклад в противостояние трактовке истории немецких военнопленных в СССР с позиций тоталитаристской парадигмы, возлагающей на коммунистический режим ответственность за преступления против человечности в годы Второй мировой войны.

* * *

Первые научные работы отечественных историков о немецких военнопленных в СССР появились еще в 1970-е гг.¹², а с начала 1990-х гг. изучение темы военного плена ведется российскими исследователями очень активно. Защищено немало кандидатских и несколько докторских диссертаций, в том числе на региональных материалах: Вологодская область, Кузбасс, Сталинградская область, Удмуртия. Опубликованы исследования о бытовых условиях в лагерях и труде военнопленных, об их репатриации и ресоциализации, не привязанные к конкретному региону¹³. Пионером изучения истории немецких военнопленных в Ярославской области был известный историк-германист М. Е. Ерин, его дело продолжали Н. В. Баранова и С. Н. Мудров.

Диссертационные работы и научные публикации, выполненные на региональном материале, посвящены, как правило, условиям жизни (расквартирование, материальное и продовольственное обеспечение, медицинское

военнопленные Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 2004; *Бёддер Г. Горе побежденным! Беженцы III Рейха. 1944–1945 гг. М., 2006.*

¹¹ Бивор Э. Сталинград. Смоленск, 1999. С. 423.

¹² *Иваницкий Г. М.* Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10. С. 76–82; *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln, 1979.

¹³ См., напр.: *Образцова Е. В.* Ресоциализация немецких военнопленных после возвращения из СССР (1945–1955): дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2017.

обслуживание) и трудоиспользованию немецких военнопленных. Эти темы возможно изучать на основе документов, к которым есть доступ у российских историков, и именно эти проблемы вызывают споры исследователей. Одни считают труд военнопленных эффективным, другие доказывают, что лагеря ГУПВИ были нерентабельными. Одни утверждают, что продовольственное снабжение военнопленных было недостаточным, другие пишут о случаях каннибализма и несоблюдении лагерной администрацией норм продовольственного снабжения. Острая дискуссия ведется и по главному, принципиальному вопросу — о количественных показателях смертности военнопленных. Ответ на него связан с трактовкой массовой гибели пленных как результата целенаправленной политики или следствия объективных обстоятельств. В настоящей статье на материалах фонда Р-2826 «Управление концлагерей Ярославской области» Государственного архива Ярославской области (ГАЯО) рассматриваются появление, устройство и структура лагерей военнопленных, организация питания, распорядок дня и использование труда немецких пленников, выявляются наиболее распространенные заболевания, характеризуются условия лечения заболевших, выявляются причины и показатели смертности.

* * *

В годы Второй мировой войны попавшие в плен немецкие военнослужащие оказались разбросанными по всей территории СССР: для их размещения в системе НКВД было создано 267 лагерей с 2 112 отделениями, кроме того, имелось 392 особых рабочих батальона и 178 специальных лазаретов¹⁴. Содержались военнопленные и на территории Ярославского края, в годы войны

¹⁴ *Gorbunov I.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion: Unterbringung und medizinische Versorgung // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und der Sowjetunion 1941–1956. Hrsg. von K.-D. Müller, K. Nikischkin, G. Wagenlehner. Köln, Weimar, Wien, 1998. S. 44.

бывшего сначала в прифронтовой полосе, а потом ставшего тыловой областью. Из лагерей-распределителей они доставлялись по железной дороге. В области было организовано 5 крупных лагерей и 23 лагерных отделения, входивших в единую систему Управления по делам военнопленных и интернированных лиц (УПВИ НКВД — МВД СССР). Первый лагерь военнопленных № 259 появился в городе Рыбинске в октябре 1944 г. Кроме него были созданы лагерь № 221 в Угличе, № 276 в Ярославле, № 282 в Переславле-Залесском и № 452 в поселке Переборы Рыбинского района¹⁵. Для лечения военнопленных были развернуты два спецгоспиталя — № 1401 в городе Галиче (ныне Костромской области, до 1944 г. входившей в состав Ярославской области) и № 5365 на станции Чебаково в одноименном селе Тутаевского района Ярославской области. Первый госпиталь был перепрофилирован из советского, второй был открыт в здании школы. Кроме того, при лагерях и лагерных отделениях работали лазареты, амбулатории и аптеки. Управлением по делам военнопленных и интернированных по Ярославской области, созданным в феврале 1945 г., руководил капитан (позднее — майор) Т. Н. Сотников¹⁶. Лагерь в Ярославской области были постепенно закрыты в 1948–1949 гг. в связи с репатриацией военнопленных и их переводом в другие лагеря на территории СССР. Последние немецкие пленные покинули территорию области в июне 1949 г.

Вопрос о количестве военнопленных в Ярославской области требует дальнейшей проработки. По подсчетам М. Е. Ерина, в общей сложности в лагерях области содержалось 25 100 немецких военнопленных. К сожалению, исследователь не сделал ссылку на источник и не указал

¹⁵ Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / сост. М. М. Загорюлько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загорюлько. М., 2000. С. 1009–1012.

¹⁶ Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену (по архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история. 1995. № 6. С. 135.

месяц и год, к которым относится эта цифра¹⁷. В другой публикации М. Е. Ерин и Н. В. Баранова пишут о сохранившихся в ГАЯО 20 733 личных карточках военнопленных, предполагая, что «многие карточки» были утеряны и «общее число пленных было значительно больше»¹⁸. В докладной записке наркома внутренних дел С. Н. Круглова председателю совнаркома СССР В. М. Молотову о количественном составе военнопленных немецкой армии и распределению их для работы по министерствам по состоянию на 20 февраля 1946 г. указывалось, что в лагерях Ярославской области находится 15 167 немецких военнопленных¹⁹. Количество немецких военнопленных в СССР достигло максимума в середине 1946 г. Вероятно, это верно и для Ярославской области. В отчете об осмотре военнопленных на вшивость в первой декаде января 1948 г. указано количество 21 471 человек²⁰. Насколько позволяют судить найденные исследователями архивные документы, подавляющее большинство немецких военнопленных в Ярославской области относилось к рядовому и унтер-офицерскому составу, но в документах о захоронениях встречаются указания на умерших офицеров²¹, а в воспоминаниях пленного Карла Хайнца Люлинга фигурирует кавалер Рыцарского креста капитан Бер²².

* * *

По периметру территория лагеря обносилась более чем двухметровым забором, обтягивалась колючей

¹⁷ См. Ерин М. Е. Судьбы военнопленных немцев // Северный рабочий. 1991. 12 ноября. С. 3; Ерин М. Е., Бубнова Н. В. Курс ВКП(б) по программе ГУЛАГа // Северный край. 1993. 6 апреля. С. 3.

¹⁸ Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену. С. 134.

¹⁹ Военнопленные в СССР. С. 662.

²⁰ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 3. Д. 318. Л. 17 об.

²¹ Мудров С. Н. Иностранцы воинские захоронения в Ярославской области // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 352.

²² Ерин М. Е. Воспоминания немецкого военнопленного о пребывании в плену в Ярославской области // «Век нынешний, век минувший...». Исторический альманах. Ярославль, 1999. С. 85.

провоолокой, а также оборудовалась несколькими наблюдательными вышками. В структуру охраны лагерей входили вахтенные команды, в каждом лагерном отделении по 3–4 человека. Кроме обеспечения охраны в их задачи входил ежедневный обыск пленных. Во время обыска изымались ножи, ножницы и другие металлические предметы. Кроме того, в соответствии с приказом НКВД от 31 октября 1945 г. для конвоирования пленных к месту работы в лагерях создавались вспомогательные команды численностью 15 человек.

До 1946 г. пленные жили в палатках, землянках, гаражах, сараях. Со временем были построены бараки с нарами, часто недостаточные по кубатуре. Так, в лагере № 452 в 1947 г. на человека полагалось 2 кв. м площади²³. При этом проблем с отоплением не было. Температуры не опускались ниже 18 градусов. При лагерях имелись баня, кухня, дезкамера, прачечная, складские помещения, лазарет. Централизованного санузла не было, канализация была примитивной, с выгребной ямой. Как отмечалось в многочисленных документах о медико-санитарных и бытовых условиях лагерей, в 1946 г. все помещения находились «в удовлетворительном состоянии», то есть были оштукатурены и побелены. Кроме того, лагерь располагали своим парком техники и приусадебными хозяйствами размером до нескольких десятков гектаров земли.

Подробные сведения об инфраструктуре лагеря содержит акт приема-передачи отдела снабжения в лагере № 452 (отделение № 2) от 30 ноября 1946 г. В лагере имелся пищеблок с пропускной способностью 1000 человек (примерно столько пленных находилось в лагерном отделении), кухня с 6 котлами емкостью на тысячу литров и 3 походные кухни, «что вполне обеспечивает питанием контингент лагеря. Кухня и столовая отремонтированы, оштукатурены и побелены и находятся в удовлетворительном состоянии». По состоянию на 20 ноября

²³ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 6. Д. 2. Л. 35.

1946 г. лагерь был обеспечен следующими основными продуктами питания: мука ржаная на 11 дней, крупа разная — на 115 дней, мясопродукты — на 75 дней, рыба — на 36 дней, сахар — на 175 дней, мыло хозяйственное — на 42 дня, картофель и овощи — на 234 дня. Кроме того, по централизованному плану на 1 декабря 1946 г. пленные были заготовлены 170 т овощей и 293 т картофеля. Подсобное хозяйство лагеря было размещено на двух основных участках площадью около 50 га. Заготовленный картофель и овощи хранились в трех овощехранилищах: 140 т картофеля и 38 т капусты в городе Угличе, в овощехранилище базы № 5 министерства вооруженных сил; 38 т картофеля в подсобном хозяйстве «Михали» в 20 км от лагеря (пленные произвели его переборку и заготовили 1 т квашеной капусты); около 21 т картофеля в подсобном хозяйстве «Ордино» (из них 11 т было развезено на скупку по колхозникам и 10 т находилось в овощехранилище). Лагерь владел 9 лошадьми, 3 коровами, 6 свињьями. Сельхозинвентаря, за исключением 6 плугов, лагерь не имел. Повозки и сбруя требовали ремонта. В лагере имелось пять автомашин ГАЗ АА-1 (на ходу были только три из них) и четыре машины «иностранный марки». При лагере имелась сапожная и портновская мастерская с 14 рабочими²⁴.

На лесных участках, в подсобных хозяйствах военнопленные жили в сараях и деревенских избах со сплошными нарами. На протяжении 1946–1947 гг. в документах постоянно фиксируется отсутствие некоторых необходимых бытовых вещей. Например, в лагере № 452 и лагерном отделении одно время не было умывальников, военнопленные умывались на улице, что было одной из причин простудных заболеваний²⁵. Обмундирование и обувь сушить было негде, так как не было ни отдельных сушилок, ни сушилок при бараках.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 35–36.

²⁵ Там же. Оп. 6. Д. 1. Л. 129.

Наряду с жильем важным фактором в жизни пленного было обеспечение одеждой и бельем, особенно в зимний период. Кроме того, что пленные донашивали ту форму, в которой оказались в лагере, одежда поступала к ним через отделы снабжения. Согласно ведомости о наличии вещевого имущества в лагере № 452 на 1946 год, пленные были «обеспечены полностью» шинелями, телогрейками, шароварами ватными, шапками-ушанками, рукавицами, полотенцами, сапогами кирзовыми, ботинками, френчами и гимнастерками, кальсонами нательными, наволочками для тюфяков, наволочками для подушек, простынями. В список предметов, занявший два листа, входит также писчая бумага, сани и швейные машины²⁶.

* * *

Анализ логистики питания в лагере предполагает ответы на несколько вопросов. Во-первых, каковы были источники получения лагерями продовольствия. Во-вторых, как продукты попадали в лагерь и на кухню, возникали ли здесь сложности, срывы, эксцессы. В-третьих, как военнопленный получал пищу, где ел, хватало ли столовых приборов. Наконец, какие продукты входили в рацион военнопленного.

Кроме подсобного хозяйства, бывшего источником зерновых, овощей и очень небольшого количества мяса и молока, лагеря закупали еду на те средства, которые зарабатывались трудом военнопленных. Поставщик или экспедитор по наряду доставлял продукты в лаготделение. Здесь их принимал представитель — начальник службы вещевого и хозяйственного довольствия (ВХД) — с передачей по весу кладовщику. Выдача продуктов осуществлялась на основании меню-раскладки, строевой записки и процентовки планово-производственного отдела несколько раз в день. Меню с раскладкой составлялось один раз в день начальником продснабжения, начальником са-

²⁶ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 2. Д. 18. Л. 37–38.

нитарного отделения с привлечением военнопленного повара и утверждалось начальником лагеря. Продукты получал заведующий столовой по котловому ордеру (накладной) в присутствии дежурного по пищеблоку из военнопленных. Продукты распределялись и развешивались по варкам и хранились в ларе под замком. Картофель в котел закладывался меркой. При закладке продуктов в котел присутствовал дежурный офицер. Составлялись акты закладки продуктов. Хлеб выписывался дифференцировано с учетом условий труда и физического состояния каждого военнопленного. Пробы приготавливаемой пищи периодически снимались дежурным врачом, а качество пищи фиксировалось в специальной тетради.

Длинный маршрут продуктов от склада до конкретно-го пленного способствовал злоупотреблениям. Лагерная администрация вела с хищениями борьбу. Так, проверка лагерного отделения № 2 лагеря № 452 выявила, что в декабре 1946 г. при транспортировке из Углича по железной дороге ответственный вахтер Тарасов списал сахару «за счет влажности 23 кг, рыбы трески — 12,8 кг на сумму 405 рублей 50 копеек». В ноябре заведующий продскладом Ермаков списал: 6,755 кг печенья, муки — 4,850 кг, папирос — 825 штук, крупы овсяной — 21,617 кг, масла сливочного — 0,890 г, мяса — 5,625 кг, перцу — 0,808 г, спичек — 24 коробки, соли — 375,230 кг, горчицы — 0,168 г на сумму 1071 рубль 49 копеек. За это он был снят с работы и должен был возместить стоимость продуктов по среднерыночным ценам в сумме 2433 рубля 35 копеек. В том же месяце при транспортировке из Углича машиной экспедитор Козлов присвоил мяса 30,4 кг на сумму 212 рублей 80 копеек, за что с него было произведено удержание в 12,5-кратном размере²⁷.

Кроме списаний и хищений в ходе проверок выявлялись и другие недочеты, такие как неправильное ведение документации, прием пищи в бараке, перерасход

²⁷ Там же. Л. 27 об.

продуктов. В лагерном отделении лагеря № 452 в поселке Хмельники при Сильницком карьере еда для кадрового состава отделения готовилась на одной кухне с военнопленными, что неизбежно вело к незаконному расходованию части продуктов за счет военнопленных. А в лагерном отделении в Угличе не было постоянного медработника, ответственного за санитарное состояние пищеблока, и наблюдение за санитарным состоянием возложили на дежурного по санчасти. Разделка продуктов производилась в специальном помещении, которое одновременно было и помещением для мойки посуды. Мясо и рыба разделялись на одном деревянном столе, доски для разделки продуктов не были обозначены надписями по их назначению и хранились в одном шкафу с грязным обмундированием. Помещение для разделки овощей было захламлено. Проба пищи хранилась открытой, хлорной воды для дезинфекции рук пищеблок на начало 1947 г. не имел. Наблюдались и перебои в поставках, неправильно работающие весы, не хватало посуды²⁸.

В феврале 1947 г. политотделом ГУПВИ была проведена выборочная проверка работы политотделов лагерей по «борьбе с хищениями и разбазариванием продовольствия». Ярославская область оказалась одной из шести, подвергшихся этой проверке. В то время как в некоторых регионах политотделы лагерей «конкретную партийно-политическую работу по борьбе и предупреждению хищений подменили агитационными призывами и общими резолюциями», Ярославская область была на хорошем счету: здесь «руководство лагерями, политотделы, политаппараты и партийные организации» усилили борьбу «за улучшение физического состояния, труд[ового] использования и снижение смертности военнопленных, стали более решительно и активно реагировать на случаи хищений и разбазаривания продовольствия»²⁹.

²⁸ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 2. Д. 18. Л. 28.

²⁹ Военнопленные в СССР. С. 372.

Нормы питания военнопленных от 1-й до 5-й зависели от здоровья и транспортировки. В Ярославских лагерях, согласно документам, питание осуществлялось по нормам 2 (3 100 калорий), 3 (2 600 калорий) и 5 (2 800 калорий). Количество выдававшегося хлеба зависело от выполнения военнопленным нормы выработки. По приказу НКВД от 18 октября 1944 г. пленные, выполнявшие норму менее чем на 50%, получали 650 г хлеба, до 80% — 700 г, до 100% — 750 г, свыше 100% — 800 г. Кроме того, для выполняющих и перевыполняющих норму были предусмотрены дополнительные продукты: крупа — 50 г, мясо — 25 г, рыба — 25 г, жир — 10 г.³⁰

В лагере № 452 сахар выдавался ежедневно, табак — раз в 10 дней или раз в месяц. Разрыв в приеме пищи не должен был превышать шесть часов. В первом лагерном отделении на завтрак пленный получал одно блюдо, на обед два, на ужин одно. Во втором отделении, соответственно, два блюда на завтрак, одно на обед, два на ужин. Чай или кофе можно было получить два раза в день. В лагерном отделении в Хмельниках завтрак был в 6.00 часов, обед в 12.00, ужин в 18.00. Так как работа была организована в три смены, то работающей смене пища доставлялась на место работы, вторая смена ужинала в 20 часов, а третья принимала пищу 4 часа утра. Для выполняющих и перевыполняющих нормы готовилось дополнительное овощекартофельное блюдо в одном котле и выдавалось мерками в зависимости от процента выполнения в объеме от 250 до 400 г. Военнопленным оздоровительной команды (ОК) выдавалось по 570 г хлеба, по 750 г супа и по 500 г второго блюда. Особо нуждающимся в дополнительном питании выдавали дополнительную пищу в конце дня из остатков раздачи. Особо указывалось, что «отходы мясопродуктов (кости) для варки супов

³⁰ *Kuzmin S. Die Unterbringung der deutschen Kriegsgefangenen auf sowjetischem Territorium // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und der Sowjetunion 1941–1956. Hrsg. von K.-D. Müller, K. Nikischkin, G. Wagenlehner. Köln, Weimar, Wien, 1998. S. 94.*

не используются»³¹. Проведенная в 1947 г. проверка обеспеченности лагеря продуктами показала, что за исключением картофеля, портившегося из-за неверного хранения, качество продуктов было вполне удовлетворительным. При перераспределении со склада по лагерным отделениям повара получали довольно разнообразный ассортимент продуктов питания. В список почти из трех десятков наименований входили мука разная, крупы, макароны, мясо, рыба, консервы, яичный порошок, крупа кукурузная, горох, сало маргариновое, масло растительное, сахар, кофе натуральный суррогатный, овощи свежие, сушеные, квашеные, горчица. Кроме того, выдавали стиральный порошок, мыло, папиросы и табак. Рыба, мясо и дополнительные дрова поступали из Ярославля³². В докладной записке о санитарном состоянии лагеря № 452 за апрель 1947 г. сообщается, что пленные на свои деньги приобрели дополнительно продукты «на 834 рубля, из них молока на 500 рублей»³³.

Об удовлетворительных условиях содержания военнопленных, количестве и качестве пищи косвенно свидетельствует тот факт, что случаи побегов были крайне редки. Авторам удалось обнаружить только два документальных свидетельства о побегах или попытке их совершить. В частности, в записке о движении спецконтингента лагеря № 452 за октябрь 1946 г. отмечено, что «убыло из лаготделения Сильницы 2 человека (побег)»³⁴. А в записке о физическом состоянии военнопленных 313-го отдельного рабочего батальона (ОРБ) лагеря № 276 за 1 августа 1947 г. указано, что один военнопленный «умер от проникающего ранения в брюшную полость при попытке бегства из карцера»³⁵. Как показывают источники, дислокация лагеря в глубине советской территории

³¹ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 2. Д. 18. Л. 25.

³² Там же. Л. 3.

³³ Там же. Оп. 6. Д. 2. Л. 61.

³⁴ Там же. Д. 1. Л. 150.

³⁵ Там же. Д.5. Л. 36 об.

и связанная с этим невозможность добраться до Германии не удерживали от побега военнопленных, находившихся в отчаянном положении»³⁶.

* * *

Подъем в лагерях, как правило, производился в 6 часов утра, разрешались 30-минутные утренние процедуры. Рабочий день длился восемь часов, случались и сверхурочные работы, за которые полагалась надбавка к обеду. Нередко расстояние от лагеря до места работы составляло несколько километров, и чаще всего военнопленные преодолевали его пешком. Как указывается в документах по лагерному отделению в Сильницком карьере (лагерь № 452) в январе 1947 г., несмотря на наличие продуктов и хорошее питание, произошло ухудшение здоровья пленных. «Деграция военнопленных по лаготделению произошла в связи с неправильным трудоустройством в зимних условиях, допущением пешеходных переходов свыше 5 километров, неправильной расстановкой рабочей силы в Сильницком карьере ГУШСДОРа, а также высокими нормами по добыче гравия, в силу чего все военнопленные не выполняют норм»³⁷.

Транспортировка пленных до места работы автотранспортом также была далека от комфортной. Так, из рапорта начальника медицинского отделения лагеря № 276 Сарафанова начальнику областного управления майору Сотникову от 27 октября 1948 г. следует, что «перевозка военнопленных на машине от лагеря на Московскую улицу и обратно производится с нарушением правил перевозок людей в автомашинах: машины не оборудованы скамейками для сидения, на каждую автомашину сажают более 30 человек, военнопленные стоят». Начальник медотделения просил во избежание несчастных случаев

³⁶ Чубинский В. В. Моя оккупация Германии. Русский офицер в Берлине и окрест. 1946–1950 гг. СПб., 2004. С. 66–67.

³⁷ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 6. Д. 2. Л. 19.

запретить возить военнопленных стоя: «Дать указание дежурному офицеру не выводить из зоны военнопленных тем хозорганам, машины которых не приспособлены к перевозкам людей и сажать в трехтонную машину марки „ЗИС“ не более 18–20 человек»³⁸.

Места трудоустройства военнопленных были самые разнообразные. Пленные из лагеря № 259 в Рыбинске трудились на заводе «Дормашина», где изготавливались детали для дорожных машин и строительное оборудование; на заготовке леса; на фарфоровой фабрике в селе Песочном; на Шестихинском кирпичном заводе (ныне Некоузский район Ярославской области); добывали торф на предприятии «Солодиха»; в совхозе «Свобода»; на заводе № 36 (ныне ПАО «ОДК-Сатурн»), занимавшемся выпуском авиационных двигателей. В лагере № 452 пленные работали при военно-дорожном заводе Главного управления железных дорог (ГУЖДора) № 34, производившем машины и механизмы для содержания шоссе и грунтовых дорог, на заводе № 837 (завод точных камней, эвакуированный из Петергофа).

Ярославский лагерь № 276 заключал договоры на работу пленных с трестом «Ярославльстрой». Их силами строились по типовым проектам советских архитекторов дома на улицах им. Карла Либкнехта и им. Розы Люксембург. Кроме того, пленные работали при Ярославском шинном заводе, автозаводе, мостобазе (завод № 50), на станции Урочь, на Яргорсвете, ОСМУ-3 (ныне фирма «Ярстрой»). С их участием в 1948 г. возведен первый в областном центре Верхневолжья планетарий. В сооружении Ярославской филармонии также есть доля труда военнопленных. Немцы вели реконструкцию Московского проспекта и Волжской набережной³⁹. Отделения лагеря № 276 размещались в Гаврилов-Яме, где пленные работали на льнокомбинате «Заря социализма». Кроме того,

³⁸ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 3. Д. 318. Л. 53.

³⁹ Баранова Н. В. Вермахт на улицах Ярославля // Золотое кольцо. 1997. 9 мая.

они трудились в селе Семибратово при Ярославской железной дороге (Главлесснаб) и в городе Тутаеве при кирпичном заводе.

В Переславле-Залесском (лагерь № 282) находилось 3500 пленных, которые работали на фабрике киноплёнки № 5, в селе Берендеево на торфопредприятии, на ткацкой фабрике «Красное эхо». Военнопленными было возведено здание Дома культуры фабрики киноплёнки в центре города. По просьбе Переславского музея-заповедника ему были выделены квалифицированные специалисты из числа пленных: два художника и один скульптор. В художественной лаборатории при музее ими были созданы живописные портреты героев-переславцев, выдающихся людей города, схемы, карты, диаграммы. До сих пор «свыше 300 копий и живописных работ, выполненных военнопленными художниками Алоизом Хандлером, Рудольфо Браунером и Францем Криппендорфом, хранится Переславль-Залесском музее-заповеднике»⁴⁰. Кроме того, имеется схема реконструкции древней Красной площади с памятником князю Александру Невскому. Начатое изготовление самого памятника князю было прекращено в связи с расформированием лагеря. Некоторое время в 1960-е гг. творения пленных располагались в музейной экспозиции Успенского собора Горицкого монастыря в виде наглядных пособий по архитектуре Переславля.

Очевидцы оставили противоположные свидетельства об отношении немецких военнопленных к труду. На этих свидетельствах отразилось как субъективное восприятие, так и реальные различия, зависевшие от времени, места и конкретного пленного или группы пленных. По сообщениям одних очевидцев, «трудились военнопленные вяло»⁴¹, а другие отмечают, что «дисциплина была строгая,

⁴⁰ Никитина Ю. Я. Военнопленные в Переславле (1945–1949) // IX Золотаревские чтения. Материалы научной конференции (29–30 октября 2002 г.) / под ред. А. М. Селиванова. Рыбинск, 2002. С. 184–186.

⁴¹ Ерин М. Судьба военнопленных немцев // Северный рабочий. 1991. 21 ноября. С. 3.

работали хорошо»⁴². Для активизации их трудовой активности применялись меры морального и материального стимулирования. Помимо увеличения продовольственного пайка часть хорошо работающих военнопленных могла рассчитывать на скорое возвращение домой. По приказу МВД СССР № 00535 от 20 мая 1947 г. об освобождении и отправке на родину 100 тысяч военнопленных немцев 1 000 человек должна была набираться из «лучших отличников производства». Из них для Ярославской области была выделена квота в 10 человек⁴³.

Среди военнопленных имелись не только передовики производства, но и саботажники. Так, «по сообщению УНКВД Ярославской обл. в лагере № 259 выявлен военнопленный Пойкерт, который ведет среди военнопленных враждебную работу, призывая их к саботажу. Пойкерт подошел на производстве к нашему агенту, работающему у двигателя, стал упрекать его в том, что он добросовестно относится к производству и предложил агенту совершить вредительский акт: „Нужно перерезать ремень или порвать его, тогда машина остановится; русские лучшего не заслужили“. УНКВД по Ярославской обл. ограничилось только фиксацией этого факта, не приняв мер к перепроверке полученного агентурного донесения», — говорилось в «Ориентировке о фактах саботажа, осуществляемого на производстве враждебно настроенными военнопленными и интернированными», составленной 18 марта 1946 г.⁴⁴

Трудоиспользование немецких военнопленных сопровождалось конфликтами между администрацией лагерей и заказчиками работ. Так, в начале 1947 г. управляющий трестом «Ярославстрой» С. П. Белоруков потребовал от лагеря № 276 оплатить убытки, понесенные трестом «в связи с невыделением рабсилы». В январе этого года из 800 военнопленных, находившихся в лагере, на работы

⁴² Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену. С. 139.

⁴³ Военнопленные в СССР. С. 807.

⁴⁴ Там же. С. 659.

были отправлены только 320 человек, а с 1 февраля командирование «спецконтингента» на объекты треста совершенно прекратилось. В результате план был не выполнен и трест понес «большие убытки», «так как с работой военнопленных связана и работа основных рабочих треста». Начальник лагерного отделения объяснил сокращение работающих военнопленных тем, что трест не обеспечил их нормальными жилищно-бытовыми, санитарными и коммунальными условиями: вместо 2 кв. м жилой площади на человека реально было предоставлено только 1,3 кв. м; кухня не обеспечивала качественного и своевременного приготовления пищи; отсутствовали столовая, баня и прачечная; в жилых бараках были расположены объекты лагерной инфраструктуры — амбулатория, дезокамера, изолятор, парикмахерская, сапожно-портновские мастерские, умывальник и сушилка; овощехранилище и продовольственный склад были расположены на расстоянии 2,5 км от лагеря, запасы топлива отсутствовали⁴⁵.

Вклад военнопленных немцев в восстановление и развитие народного хозяйства СССР был существенным. По данным Центрального финансового отдела министерства внутренних дел СССР, за период с 1943 г. по 1 января 1950 г. военнопленные отработали 1 077 564 200 человеко-дней, заработали 16 723 628 000 рублей и выполнили работу в строительстве промышленности общей стоимостью примерно 50 млрд рублей⁴⁶.

Как указывает Н. В. Баранова, пленные в Ярославской области в 1947 г. выполнили работы на сумму 59,214 млн рублей, а в 1948 г. — на сумму 27,342 млн рублей в ценах тех лет. Ярославская и Костромская области меньше других, сходных по расположению, пострадали от войны. Прямые разрушения здесь причинила в основном гитлеровская авиация. Поэтому суммарный объем работ,

⁴⁵ ГАЯО. Ф. Р-2329. Оп. 4. Д. 4. Л. 1–35.

⁴⁶ Цит. по. Сквозь плен. Немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1941–1956: [фотоальбом] / Мемориальный музей немецких антифашистов. М., 2011. С. 46.

выполненный немецкими военнопленными и оцененный в рублях, по сравнению с другими областями и регионами страны, где они трудились, может быть даже несколько выше. Это объясняется более целенаправленным использованием пленных в Верхнем Поволжье прежде всего в производительном труде, привлечением их к выпуску товарной продукции. Тем не менее, переводя расчёты в долларовое выражение, Н. В. Баранова делает вывод, что военнопленные выполнили работ на сумму примерно 15 млрд долларов, или немногим более трех процентов от суммы причиненного ущерба⁴⁷.

* * *

Медицинская помощь пленным оказывалась в лазаретах при лагерях, а в более серьезных случаях (туберкулез, тиф, дистрофия и т. д.) больной поступал в один из госпиталей. Механизм поступления был следующим: сначала он проходил санобработку, помещался в отдельную палату на карантин, потом проходил сортировку по роду заболевания и отправлялся в соответствующее отделение, при признаках выздоровления переводился на трудотерапию, потом проходил комиссию, и если его призвали вылечившимся, то выписывали и возвращали в лагерь. Госпитали и некоторые лазареты также имели свою инфраструктуру: палаты, кабинеты, кухню, складские помещения, подсобные хозяйства. Медосмотр военнопленных производился ежедневно. Записи велись как на русском, так и на немецком языке. Среди персонала госпиталей было немало врачей из числа военнопленных.

В директиве МВД СССР № 9 об улучшении работы спецгоспиталей для военнопленных, написанной в янва-

⁴⁷ Баранова Н. В. Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны, и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных, 1941–1949 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998 // URL: <https://www.disserscat.com/content/materialnyi-ushcherb-nanesennyi-promyshlennosti-verkhnegopovolzhya-v-gody-velikoi-otechestv> (дата обращения: 01.06.2021).

ре 1948 г., было сказано, что в Ярославской области «постановка лечебного дела в спецгоспиталях и уход за больными находятся не на должной высоте»⁴⁸. Вероятно, этой директивой была вызвана проверка госпиталя № 5365, проведенная в феврале 1948 г. комиссией во главе с доцентом Ярославского медицинского института О. Г. Броуном. Акт комиссии дает представление о госпитале, его функционировании и тех проблемах, которые приходилось решать лагерной администрации. Госпиталь имел три лечебных отделения и отделение для выздоравливающих. В первом отделении лечились хирургические и кожные больные, была палата для дистрофиков. Во время проверки здесь было 300 коек, на которых размещались 456 человек. Начальником отделения была врач Кузнецова, по специальности хирург, в качестве помощников использовались военнопленные врачи: Вольф (врач общей практики), Вернер (рентгенолог) и Вессель (хирург). Начальником второго отделения, где от дистрофии лечились 60 человек, был военнопленный Лай, единственный врач отделения. В третьем отделении были госпитализированы туберкулезные больные. Начальником отделения была врач Платонова (стоматолог), а ее помощником — военнопленный Штайнгауэр (терапевт). Госпиталь имел свою лабораторию, производившую все клинические анализы. Заведовала лабораторией медсестра Робиневич, прошедшая одномесячные курсы, ей помогал военнопленный Зальцман (бактериолог). В госпитале № 5365 был оборудован зубохирургический кабинет, что встречалось в подобных учреждениях нечасто. Почти всю документацию вели немецкие врачи, записи их советских коллег встречаются крайне редко⁴⁹.

На 456 больных имелось лишь 11 туберкулезных с открытой формой и не более 5–6 человек с серьезными хирургическими заболеваниями. Остальной состав

⁴⁸ Военнопленные в СССР. С. 472.

⁴⁹ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 3. Д. 318. Л. 23.

больных — дистрофики в стадии выздоровления, легкие хирургические и 23 человека с закрытой формой туберкулеза легких. За январь 1948 г. в госпиталь поступило 25 больных, выписано 32, один пациент умер. Комиссия О. Г. Броуна указала и на дефекты работы, которые следовало быстро устранить. Например, неправильно велось лечение больных с костными переломами и костными заболеваниями. «Так, больной Кайзер с тяжелым открытым несросшимся переломом голени лежит в мягкой гипсовой лонгете с резкой атрофией мускулатуры второй ноги. Костные отломки, торчащие из раны, омертвели, больному требуется операция». В хирургических палатах лежали больные, которых можно было давно выписать (Шпее, Гетвиг, Карге и др.).

Четырехкратное питание для больных в госпитале № 5365 было организовано по 2-й и 3-й нормам. Кроме того, два раза в день выдавались пекарские дрожжи. Пища готовилась согласно перечню лечебных столов. Стол № 1 — общерационный, который назначается большинству больных, столы № 1-б и № 2 — химически и механически щадящие, стол № 3 — для желудочных больных, стол № 4 — для больных с гепатитами. Для некоторых тяжелых больных назначалось индивидуальное питание. Слабые больные и «поносники» получали диетическое питание и белый хлеб. Меню-раскладка составлялась на 1–2 дня. Продукты со склада отпускались три раза в сутки. Получение продуктов со склада и закладка их в котел происходили в присутствии административного дежурного по госпиталю и двух военнопленных: дежурного и повара. Акты закладки продуктов составлялись очень аккуратно. Пробы приготавливаемой пищи снимались периодически дежурным врачом, качество пищи фиксировалось в специальной тетради. В это время средняя калорийность суточного рациона по норме 2 составляла 3424 калорий, по норме 3–2816 калорий. На складе имелся весь ассортимент продуктов хорошего качества. Военнопленные заявляли проверяющим, что «пища приготавлива-

ется вкусно». Температура в помещениях была не ниже 20 градусов. Часть палат была оборудована одноярусными железными койками, часть — деревянными топчанами, а в одной палате стояли двухъярусные койки⁵⁰.

С августа 1947 г. до мая 1948 г. в этом госпитале № 5365 работала медсестра Людмила Микрюкова, которую вместе с девятью другими выпускницами двухгодичной школы медсестер направили сюда по распределению. Она вспоминает, что в каждом из отделений работали советские и немецкие врачи. Они вместе вели истории болезни, осматривали больных. «В хирургическом отделении лежали военнопленные с переломами рук, ног, ребер, а один был с гангреней и вскоре умер... Госпиталь был обнесен колючей проволокой в два ряда, между ними — песок, на котором никогда не было следов. Все, в том числе военнопленные, ходили через проходную будку. Попыток побега не было. Военнопленные ходили по поселку свободно. А немецких врачей (они тоже были из числа пленных, получали, как и медсестры, по 70 рублей в месяц) отпускали в Ярославль, и они всегда возвращались в госпиталь. В спецгоспитале было две кухни: для военнопленных готовили немецкие повара, для русского медперсонала — русские. Время было голодное. Везде давали по карточкам по 400 г хлеба, а пленных кормили хорошо. У госпиталя было подсобное хозяйство на нескольких гектарах земли возле деревни Аксенково. Там работали выздоравливающие военнопленные, а в уборочную страду и все сотрудники госпиталя. Сажали много картофеля, сеяли овес для лошадей, заготавливали капусту, сами возили ее с поля на лошадях и квасили в больших чанах»⁵¹.

Отдельным пунктом в документах всегда упоминаются тяжелые больные с дистрофией и туберкулезом. Так, в мае 1948 г. обследование лаготделения № 13 лагеря № 276 в городе Щербакове (Рыбинске) показало, что

⁵⁰ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 3. Д. 318. Л. 23.

⁵¹ Цит. по: *Смирнова Г.* Здесь лечили пленных немцев // Золотое кольцо. 2001. 5 декабря.

в лазарете находилось 48 человек, в том числе 16 с дистрофией и 11 с туберкулезом. Каждому туберкулезному больному с открытой формой была выдана карманная плевательница. Посуда у туберкулезных была отдельная и дезинфицировалась 4 раза в день раствором хлорной извести. При лечении больных по показаниям «применяются современные методы лечения: сульфидино-терапия, витамин-терапия, кальцевая-терапия, глюкозо-терапия, дрожже-терапия и высококалорийное питание»⁵².

Доступные методы диагностики, лаборатория и рентгенокабинет применялись через местные органы здравоохранения в Щербакове. В госпитали отправляли военнопленных с тяжелыми заболеваниями, иногда это происходило слишком поздно. В отчете спецгоспиталя № 5365 за июль 1947 г. указывалось, что основная масса поступивших — дистрофики второй и третьей степени, а также больные туберкулезом легких. Из лагеря № 276 поступали тяжелые больные, которые иногда умирали, не пробыв в госпитале и суток. Например, «больной Тауб Георг поступил в тяжелом состоянии с резкими отеками конечностей. При вскрытии оказалась закупорка ветви легочной артерии и нагноившийся тромб задней берцовой вены. Военнопленный Тауб поступил 6 июня в 0 часов утра и умер в 2 часа. Больной Фогт Альберт прибыл в крайне тяжелом состоянии с двухсторонней крупозной пневмонией. Больной поступил 10 числа вечером и умер 11 числа в 8 утра»⁵³. Всего в июле 1947 г. в госпитале умерло 9 человек. Причиной смерти стала тяжелейшая форма туберкулеза и поздняя доставка больных из лагеря № 276. Один больной умер в течение одних суток от кровоизлияния в мозг, другой — от цереброспинального менингита.

В справках и объяснительных записках по лазаретам и спецгоспиталю указывалась не только причина смерти, но и процентное соотношение умерших от всех лечив-

⁵² ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 3. Д. 318. Л. 36.

⁵³ Там же. Оп. 6. Д. 4. Л. 2.

шихся, а также доля выздоровевших. И здесь в период 1946–1948 гг. видно, что доля умерших за месяц от общего числа пациентов никогда не превышала 2%. Так, в медико-санитарном отчете лагеря № 452 за сентябрь 1946 г. указано, что «смертности в сентябре не было». В эвакогоспитале № 1401 в июне на коечном лечении находилось 384 человека, было выписано 86 и умерло 9 человек, или 1,8% лечившихся. Из числа умерших пять военнопленных страдали активным туберкулезом легких и других органов, осложненных истощением, два человека — дистрофией третьей степени, один — хроническим нефрозонофризом, осложнившимся уремией, один — заворотом кишок трехдневной давности с общей интоксикацией (он умер после срочной операции в госпитале, проведенной сразу же по поступлении). В июле 1947 г. на лечении в эвакогоспитале находилось 378 человек, поступило 82, а выписано было 83 человека, или 18%. Умерли 4 человека, или 0,9% к числу лечившихся. Трое из них страдали активным диссеминированным туберкулезом легких и мезентериальных желез, один — алиментарной дистрофией второй степени, осложненной тяжелой анемией. Кроме того, на анатомической секции были обнаружены гипертрофия сердца и отеки легких. В августе в том же госпитале лечилось 373 пациента, поступило 132, были выписаны 84, умерло 3 человека, или 0,5%. Из числа умерших за август двое страдали тяжелой формой алиментарной дистрофии с осложнениями в одном случае энтероколитом, а в другом — полисерозитом; один пациент умер от милиарного туберкулеза легких. Все были подвергнуты анатомическим секциям, подтвердившим диагноз. В сентябре в госпитале лечились 418 человек, поступило 88 и было выписано 60, или 12%. Умерло 7 человек, или 1,3%⁵⁴.

Случались и чрезвычайные происшествия. Например, летом 1947 г. в лагере № 276 внезапно произошли две смерти. Один военнопленный умер на рабочем

⁵⁴ Там же. Д. 3. Л. 4, 15, 25, 31.

месте от солнечного удара, второй «ушел в лес, заблудился и на вторые сутки нашли труп без телесных повреждений с ягодами во рту. Причина смертности точно не выяснена», — говорилось в официальном донесении⁵⁵. Таким образом, главными причинами смертей военнопленных были туберкулез и дистрофия. Чаще всего умирали те, кого, по мнению врачей, доставили в госпиталь слишком поздно. Учитывая разное отношение военнопленных к труду, можно предположить, что направление военнопленных в госпитали производилось только тогда, когда лагерное начальство было уверено, что имеет дело действительно с болезнью, а не с симуляцией.

Количество немецких военнопленных, умерших в Ярославской области, подсчитать сложно. По данным, полученным М. Е. Ериным и Н. В. Барановой, в 1945–1947 гг. в лагерях военнопленных и спецгоспиталях умерло 2259 человек⁵⁶. Эти данные, как сообщают исследователи, являются неполными. Если принять контингент военнопленных за 25 100 человек, то смертность составила 9% от контингента. В справке министра внутренних дел М. С. Кривенко от 2 марта 1945 г. к неблагополучным лагерям был отнесен лагерь № 221, в котором при 2 200 человек контингента в январе 1945 г. умерли 152 военнопленных, а за 20 дней февраля — еще 92, то есть за 51 день — 11,1%⁵⁷. М. Е. Ерин и Н. В. Баранова констатируют, что после 1946 г. показатели смертности военнопленных снижались. Добавим к этому, что в ярославские лагеря и госпитали прибывали заболевшие военнопленные из лагерей других областей⁵⁸. Следовательно, доля умерших военнопленных была менее 11,1% и смерть не всегда была вызвана условиями жизни и труда в лагерях области.

Одной из мер борьбы с болезнями и смертностью было усиление питания: повышение калорийности, от-

⁵⁵ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 3. Д. 5. Л. 19 об.

⁵⁶ Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену. С. 139.

⁵⁷ Военнопленные в СССР. С. 372.

⁵⁸ ГАЯО. Ф. Р-2329. Оп. 4. Д. 4. Л. 17.

пуск глюкозы и рыбьего жира дистрофикам. Кроме того, широко использовались солнечные ванны, ванночки, лечение сапропелевыми грязями, утренняя гигиеническая гимнастика. Военнопленным давали американские мультивитамины в таблетках, дрожжи, зелень, хвойный настой. Для больных несколько раз в неделю проводились беседы на различные темы, включая медицинские.

Можно констатировать, что в лагерях успешно справились со вшами и угрозой эпидемии тифа. В январе 1948 г. в лагере № 276 была создана чрезвычайная комиссия по проведению противоэпидемических мероприятий против паразитарных тифов⁵⁹. На городских рынках и базарах появились патрули из вахтерского состава лагеря с целью недопущения туда военнопленных. В мастерской ширпотреба были разработаны чертежи и заготовливался материал для двух передвижных дезинфекционных камер для обслуживания военнопленных, занятых на строительстве дороги Ярославль — Вологда. Был создан эпидфонд: 325 комплектов белья, 65 комплектов постельных принадлежностей, 150 кг хозяйственного мыла, 200 кг хлорной извести, 30 кг мыла «К», 15 кг сольвента. Кроме того, в ОУВС Вологодского военного округа был отправлен запрос на недостающее нательное белье и инструменты для парикмахерских. Введены ежедневные осмотры военнопленных на вшивость. За первую декаду января 1948 г. педикулез выявлен у 10 человек, что составляло 0,04% к числу осмотренных. В каждом лагерном отделении разработан был график комплексных санобработок из расчета 4 раза в месяц. Срывов в их выполнении не было. Все лагерные отделения были обеспечены термометрами из расчета один на 75 человек. С контингентом военнопленных были проведены беседы на тему «Как предохранить себя от заболевания паразитарными тифами». Частично такие беседы проводились и с личным составом лагерных отделений. Все военнопленные были

⁵⁹ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 3. Д. 318. Л. 1–2.

вакцинированы против сыпного тифа вакциной Кронтовской. Прибывшие из командировок проходили санобработку. От хозяйственных органов тех учреждений, где работали военнопленные, потребовали их изоляции от гражданского населения на объектах работ. Из записки Сотникову от начальника лаготделения в Сильницах лейтенанта Данилова видно, что в отделениях была проведена большая работа по предотвращению эпидемии. Во всех рабочих корпусах военнопленных провели генеральную уборку помещений, изъяли все ненужные предметы, провели дезинфекцию, всех обеспечили нательным бельем и постельными принадлежностями. Для бань и дезокамер были выделены дополнительные дрова. Санчасть отделения осуществляла «строгий контроль» над стиркой нательного белья и его проглаживанием. Была произведена стрижка волос всем военнопленным, проводились ежедневные осмотры на вшивость. Лейтенант Данилов сообщал, что баня требует ремонта, но все военнопленные моются регулярно. «Завшивленности нет!» — завершает он свой рапорт⁶⁰. Схожая картина была в других лагерях и отделениях. Например, в лагере № 452 в январе 1947 г. вшивых было только 0,92% от общего числа военнопленных. Больше было простудных и кожных заболеваний, мелких травм, абсцессов и фурункулов. Летом от тифа было привито 1 387 человек из 1 412⁶¹.

В 1947 г. началась репатриация пленных из лагерей и госпиталей Ярославской области. Так, в сентябре 1947 г. из госпиталя № 1401 «для репатриации отправлено 119 человек или 25%»⁶². В «Ориентировочном расчете на вывоз нетрудоспособных военнопленных немцев в соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР № 3545–1167сс от 11 октября 1947 г.» подлежали вывозу из Ярославской области 1 000 человек, в том чи-

⁶⁰ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 3. Д. 318. Л. 17 об.

⁶¹ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 6. Д. 2. Л. 20, 86, 62, 82.

⁶² Там же. Д. 3. Л. 31.

сле 600 военнопленных из лагерей, 90 — из ОРБ и 310 — из спецгоспиталей⁶³.

В апреле 1948 г. из спецгоспиталя № 5365 в связи с репатриацией было выписано 235 человек. В объяснительной записке к медицинскому отчету по госпиталю указаны и причины длительного, до двух месяцев, лечения части пленных: «Основной причиной медленного выздоровления больных является то, что эти больные прибыли в лагерь с тяжелыми формами заболевания (последствия пребывания в окружении и длительного этапирования) и на излечении в госпиталях находились по несколько раз. Отправить этих больных на родину не представляется возможным ввиду наличия на них компроматериалов»⁶⁴.

Таким образом, дальнейшее изучение истории немецких военнопленных Второй мировой войны, в том числе на региональном материале, необходимо как с научной, так и с общественно-политической точки зрения. Новые данные о жизни, труде и смерти пленных помогут аргументированно противостоять растиражированным в популярной литературе мифам о незаслуженных страданиях бывших военнослужащих вермахта в советском плену, голоде и непосильном труде. Не отвергая сравнительных методов анализа положения пленных в разных лагерях на территории СССР, позволим себе усомниться в достоверности широких обобщающих выводов на основе единичных, частных случаев в истории военного плена и выскажемся в пользу тщательного прочтения источников. Исследование документальных материалов по Ярославской области показывает, что здесь органы НКВД/МВД, ответственные за содержание и трудоустройство немецких военнопленных, успешно решали задачи их переселения из палаток, землянок и других мест временного размещения в лагерь барачного типа, оснащенные

⁶³ Военнопленные в СССР. С. 826.

⁶⁴ ГАЯО. Ф. Р-2826. Оп. 6. Д. 3. Л. 105, 115.

инфраструктурой, позволявшей не только эффективно осуществлять охрану, но и сохранять здоровье и работоспособность «спецконтингента». Обеспечение немецких военнопленных одеждой, обувью, предметами быта и питанием показывает положительную динамику, несмотря на пороки советской административно-хозяйственной системы в виде злоупотреблений и хищений, а также на объективные послевоенные трудности. Администрация лагерей была заинтересована в сохранности контингента и по этой причине добивалась от организаций-заказчиков создания приемлемых условий труда и производственного быта. Самыми распространенными заболеваниями военнопленных были дистрофия и туберкулез, лечение которых проводилось в спецгоспиталях с участием бывших врачей германского вермахта. Лагерной администрации удалось с помощью профилактических мер не допустить вспышек эпидемий, в частности тифа. Смерть немецких военнопленных в Ярославской области не являлась результатом целенаправленной политики органов НКВД/МВД.

*Александр Владимирович
Черепанов*

Аспирант Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, участник Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России»

Певец народного подвига С. С. Смирнов у истоков поискового движения

Когда поднимаются вопросы, связанные с историей Великой Отечественной войны, то так или иначе в этом общем тематическом контексте затрагивается и тема поисковой работы на местах бывших сражений.

Несмотря на то, что тема становления поискового движения в нашей стране вполне самодостаточна в плане изучения, ее невозможно оторвать от военного лихолетья сороковых годов прошлого века, отраженного в литературном наследии писателей-фронтовиков. Произведения о войне таких авторов, как И. Ф. Стаднюк, А. М. Адамович, Г. Я. Бакланов, Б. Л. Васильев, Ю. В. Бондарев, составляют целую жанровую линию, получившую название «лейтенантская проза».

Творчество людей, прошедших дорогами Великой Отечественной, не понаслышке знавших, что такое смерть, не только передает читателям атмосферу фронтовых будней, описывает суровые реалии переднего края, но и заставляет задуматься над духовным смыслом крупнейшего военного конфликта в истории человечества.

Следует обратить внимание на тот факт, что тема человека на войне всегда подразумевает крайность, состоящую в выборе «или-или». Примеры стихийной нравственности, имеющие место быть в самопожертвовании, желании помочь даже незнакомому человеку, противопоставлялись аморальным поступкам, таким как предательство, малодушие, корысть.

Важной проблемой, затронутой в литературных произведениях фронтовиков, стала трансляция памяти о войне. Не менее значимым представлялась необходимость сохранения достоверной исторической фактуры, а главное — увековечение памяти павших товарищей. Поэту чаще всего в центре сюжета такого рода произведений стоит именно простой солдат, маленький человек, которого вихрь событий стремительно пронесит через горнило войны.

Отдельный пласт в творчестве фронтовиков составляют «неизвестные герои», без вести павшие солдаты. Не оставившие о себе никакой информации, позволяющей установить их личность, безымянные бойцы Красной армии становятся предметом пристального внимания общественности благодаря творчеству писателей-фронтовиков.

Фактически с помощью литературы, которая стала проводником идеи о необходимости увековечивать память не вернувшихся с войны, началось стремительное развитие поисковой работы. Энтузиасты, получившие прозвище «красных следопытов», занимались поиском останков на полях бывших сражений. Порой сами рискуя своей жизнью, они осуществляли переход от пропагандистских образов к тому, что называют «окопной правдой». Зачастую она оказывалась совершенно неприемлемой, что ставило перед властью вопрос о цензуре и попытках препятствовать поисковому делу на начальных этапах его становления.

Очень хорошо это описал первый председатель Всесоюзного штаба красных следопытов (ВШКС), ветеран и поисковик Ю. М. Иконников: «Оказалось, я даже при-

близительно не представлял масштаба проблемы. Черепа и кости на поверхности, останки на местах боев, забытые и неизвестные захоронения, масса снарядов и мин по лесам и полное спокойствие у власти и в военкоматах»¹.

Поисковая работа активно развивалась, стихийно возникшее движение привлекало в свои ряды все больше людей, находило сочувствие и понимание у населения. Именно стихийность является одним из основных критериев возникновения поисковой деятельности в стране.

Но стоит сказать о том, что дальнейшее развитие этой работы было бы невозможно, если бы не помощь со стороны журналистов, которые публично представили поисковую работу как способ увековечения героизма советских людей в годы Великой Отечественной войны.

Представив «поиск» как общественно полезное дело и усматривая возможность укрепления советской идеологии, историк, сценарист, радио- и телеведущий Сергей Сергеевич Смирнов пригласил в свою телепередачу «Рассказы о неизвестных героях» энтузиаста поискового дела Н. И. Орлова.

Активно заинтересовавшись темой «поиска», С. С. Смирнов начал оказывать поддержку энтузиастам поискового дела, при этом сам собирал материал о судьбах бойцов, которые удалось установить. Больше всего его интересовал начальный период войны и особенно героическая оборона Брестской крепости. Вышедшая в 1957 г. одноименная книга «Брестская крепость»² выдержала несколько переизданий, а ее автор удостоен Ленинской премии.

Благодаря С. С. Смирнову советский читатель узнал о неизвестных для него ранее страницах героической обороны крепости летом 1941-го. Стали известны имена и подвиг реальных героев, таких как майор П. М. Гаврилов,

¹ Петров В. Н., Шкапа Н. А. Методические рекомендации по военной археологии. М.: Азбука-2000, 2014. С. 9.

² Смирнов С. С. Брестская крепость. Краткий очерк героической обороны 1941 года. М.: Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1957.

капитан И. Н. Зубачёв, капитан В. В. Шабловский, лейтенант А. М. Кижеватов, старшина С. М. Матевосян. Был увековечен подвиг полкового комиссара Е. М. Фомина, являвшегося душой героической обороны крепости и расстрелянного оккупантами у ее Холмских ворот.

Завершая книгу о героях Бреста, Сергей Сергеевич указывал на необходимость продолжения работы по выявлению незаслуженно забытого героизма советских людей в годы войны: «Советская Родина никогда не забывает славных патриотических дел своих защитников. Об этом свидетельствует еще раз оценка народом замечательного подвига героев Брестской крепости, подробности которого в силу исторических обстоятельств стали известны нам лишь теперь, спустя пятнадцать лет после тех памятных событий»³.

Писатель и журналист С. С. Смирнов проделал колоссальную работу по отбору необходимого материала для публикаций, встречался с ветеранами и следопытами, сам не раз принимал участие в поисковых мероприятиях. По инициативе Смирнова при поддержке ЦК ВЛКСМ был организован в 1965 г. Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. В отчете первого похода указывалось: «Поход позволил привлечь к военно-патриотической работе с молодежью тысячи ветеранов войны, Героев Советского Союза, которые помогли юношам и девушкам понять величие подвига народа в годы войны»⁴.

Дополнительно стоит отметить активное сотрудничество с краеведческими музеями, военно-спортивными клубами, комитетами ДОСААФ и политорганами воинских частей. Примечательно, что тема героической обо-

³ Смирнов С. С. Брестская крепость. Краткий очерк героической обороны 1941 года. М.: Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1957. С. 166.

⁴ Всесоюзный туристический поход комсомольцев и молодежи по местам революционной боевой и трудовой славы советского народа. М.: Молодая Гвардия, 1966. С. 4.

роны Брестской крепости оказалась не единственной темой, попавшей в поле зрения С. С. Смирнова. Активно общаясь с энтузиастами поискового дела, журналист заинтересовался Любанской операцией и 2-й ударной армией, попавшей в окружение в ходе наступательных боев зимы — весны 1942 г.

В советской историографии события на Волковском фронте практически не упоминались: это была тяжелая и очередная нежелательная тема. Трагедия 2-й ударной армии у многих советских людей ассоциировалась с предательством А. А. Власова, которого обвинили не только в сдаче в плен, пособничестве врагу, но и в неумелом командовании армией, что, с одной стороны, имело место.

Однако в исторических исследованиях, увидевших свет уже после распада СССР, причин провала Любанской наступательной операции и гибели 2-й ударной армии было несколько. Например, военный историк Б. И. Гаврилов усматривал провал операции в ошибках, допущенных еще на стадии ее стратегического планирования, дав весьма нелестную оценку командованию Красной армии: «Невысокий уровень стратегического руководства применительно к Волховскому фронту проявился в приказе Ставки ввести 2-ю ударную армию в узкий коридор, едва пробитый в обороне врага. Глубоко ошибочными оказались и дальнейшие распоряжения Сталина, когда неосмотрительность и поспешность сменилась чрезмерным промедлением с приказом о выводе войск из окружения»⁵. В советское время такая оценка боевых действий представлялась недопустимой, так как содержала негативный посыл в сторону полководческих талантов высшего командного звена Красной армии.

Характерно и то, что изначально советская военная историография, посвященная Великой Отечественной войне, содержала своеобразные историографические

⁵ Гаврилов Б. И. «Долина смерти». Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. М.: Институт российской истории РАН, 1999. С. 130.

клише о большей численности врага и его техническом превосходстве. Местами такие оценки давались правомерно, но позднее ими стали злоупотреблять, чтобы нивелировать тактические шероховатости, особенно в начальный период войны.

И вновь поисковая деятельность и прикованное к ней внимание широкой общественности позволили внести ясность во многие сюжеты военного времени.

Приглашенный на телевидение следопыт Н. И. Орлов вместе с С. С. Смирновым организовал ряд экспедиций по местам сражений 2-й ударной армии.

Приглашая на места боев ветеранов, воевавших на Новгородчине, Смирнов добился реабилитации честного имени бойцов 2-й ударной армии. Из первых рук удалось узнать о том, как оставленная своим командованием на произвол судьбы 2-я ударная армия героически сражалась и прорывалась из окружения.

В первой декаде июля 1942-го единого командования армия уже не имела, экс-командующий генерал А. А. Власов сдался в плен немцам у деревни Туховежи и сразу согласился сотрудничать, в то время как разрозненные группы красноармейцев пытались оврагами и перелесками пробиться к своим, нащупать выход из окружения. С боями отдельные отряды пытались неоднократно прорываться вплоть до глубокой осени 1942 г.

Гибель 2-й ударной армии легла черным пятном на историю Великой Отечественной войны, а С. С. Смирнов и неравнодушные к памяти павших солдат энтузиасты поиска смогли сделать так, чтобы это черное пятно не было позорным.

Воевавший в новгородских лесах писатель Г. И. Геродник, также поддержавший поисковый энтузиазм, высоко оценил проделанную работу по увековечению памяти павших бойцов 2-й ударной армии. Он писал: «В 1978 году мои новгородские друзья написали мне: „Наш облисполком принял решение увековечить подвиг воинов 2-й ударной армии, совершенный ими зимой сорок второго года. Обелиск или

целый мемориал будет установлен в районе прорыва. Сейчас обсуждается место и детали проекта“. Я верю: мы оставшиеся в живых ветераны Любанской операции в недалеком будущем соберемся у этого обелиска, склоним головы»⁶.

Стоит обратить внимание на то, что первые поисковые группы работали по местам окружений и боев начального периода войны. Полная трагизма и слабо освещаемая в советское время тема без вести павших и забытых героев оказалась разработана благодаря деятельности писателей, журналистов, теле- и радиоведущих. Но и эти люди не смогли бы осилить этот пласт, если бы его не наполнили содержанием энтузиасты поискового дела.

Определив своей целью установление судеб погибших солдат, энтузиасты «поиска» одновременно подняли и поставили перед обществом и властью целую совокупность проблем, требующих незамедлительного решения.

Трансляция исторической памяти естественно вытекала из героических поступков советских людей в годы войны, а переход от пропагандистских образов к фронтовым реалиям был бы невозможен без должного внимания к поисковой работе.

Таким образом, можно говорить о том, что поисковая деятельность, начавшаяся стихийно, в определенный момент могла бы так же сойти на нет или остаться уделом следопытов-одиночек, но этого не произошло.

Целый цикл произведений литературы и искусства о войне обеспечил необходимый культурный задел, который взволновал общество. Не желающие мириться с беспомощностью ветераны активно поддержали поисковый энтузиазм и поспособствовали развитию этого поистине народного движения. Именно «инициатива снизу» заставила пересматривать отношение к событиям Великой Отечественной войны в лично-индивидуальном аспекте, а не только в панорамном (общеевропейском).

⁶ Геродник Г. И. Моя фронтовая лыжня. Таллин: Ээсти раамат, 1983. С. 348.

Неизвестный красноармеец, погибший в боях с оккупантами, стал собирательным образом, вдохновившим огромное количество людей на установление имен вполне реальных героев. Многие видели в обнаруженном следопытами неизвестном солдате своих родных, ушедших на фронт и не вернувшихся. Вследствие чего тема поисковой работы была так близка и понятна огромному количеству советских людей.

Конечно, один человек не мог бы справиться с выведением поисковой работы на всесоюзный уровень, но Сергея Сергеевича Смирнова по праву можно назвать певцом народного подвига, который стоял у истоков движения по увековечению памяти павших в годы Великой Отечественной войны. И это движение оказалось способным не только увековечивать память павших, но и транслировать ее, быть на страже общечеловеческих ценностей, которые смогли отстоять советские люди в жестоких боях с захватчиками.

Поисковая работа на полях бывших сражений красноречиво показала, что победа СССР рождалась еще в приграничных боях, где на стенах испещренных осколками дотов и полуразрушенных казарм обнаруживали надписи, оставленные их последними защитниками. Самая известная из таких была обнаружена в Брестской крепости: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20.VII.41», — позднее ее напишут во всех учебниках истории. Эта фраза станет символом стойкости советских людей в годы Великой Отечественной войны.

*Андрей Владимирович
Запорожченко*

К. и. н., доцент, заведующий кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин
ГАУ ДПО НСО НИПКИПРО

*Наталья Григорьевна
Федина*

К. и. н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ГАУ ДПО НСО НИПКИПРО

Битва под Москвой в образовательном пространстве современной России

22 июня 1941 г. началась величайшая война в истории советского государства. В первоначальном варианте плана «Барбаросса» Москва не была приоритетной целью на первом этапе войны, но первые победы заставили руководство рейха пересмотреть первоначальный замысел. По мнению Гитлера, захват Москвы означал бы «решающий успех» как в политическом, так и в экономическом отношении. 30 сентября войска группы армий «Центр» начали операцию «Тайфун» и перешли в наступление на Москву на орловско-брянском направлении, а 2 октября — на ржевском и вяземском направлениях.

Ценой нечеловеческого напряжения и выдающегося героизма советские войска остановили врага буквально у стен Москвы, а 5 декабря начали контрнаступление, завершившиеся разгромом группировки противника.

Вполне естественно, что данная тема очень актуальна в отечественной историографии. По данным Б.И. Невзорова, в Российской государственной библиотеке о Московской битве в 2002 году имелось 8784 отечественных публикаций, в том числе 875 книг¹.

Среди последних работ следует выделить монографию М.Ю. Мягкова «Вермахт у ворот Москвы, 1941–1942»², очерк Б.И. Невзорова «Московская битва 1941–1942»³, статью Н.П. Пархитько «Битва за Москву. Создание антифашистской коалиции»⁴. В этих работах большое внимание уделяется героизму советских воинов и особенно роли московского народного ополчения в критический период Московской битвы. По оценкам современных российских историков, у стен советской столицы решился вопрос о перспективах самого существовании обоих воюющих государств.

Однако, несмотря на солидную историографию в исследовании битвы под Москвой, имеется немало проблем, требующих углубленного анализа. Особенно показательно, что о самой грандиозной битве во всей военной истории не создано пока ни одного капитального труда. Вышедшая в 2001 году коллективная монография сотрудников одного из Главных управлений Генштаба Вооруженных сил РФ не решила эту задачу. Выпущенный труд по существу является сборником извлечений из опе-

¹ Невзоров Б.И. Битва за Москву 70 лет: как ее освещали за эти годы // Вестник МГИМО. 2012. № 1. С. 9

² Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы, 1941–1942 / отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1999.

³ Невзоров Б.И. Московская битва: феномен Второй мировой. М.: СидиПресс, 2001.

⁴ Пархитько Н.П. Битва за Москву. Создание антифашистской коалиции // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки. М.: МГИМО, 2010. С. 303–330.

ративных сводок Генштаба Красной армии, других архивных документов и газет, а также ранее опубликованных изданий справочного характера, т. е. официальных, пропагандистских материалов. По этой причине в монографии не нашлось места ни для вяземской трагедии, ни для эвакуации столицы, введения и действия в Москве осадного положения и многих других фактов⁵.

В анализе Московской битвы западными исследователями можно условно выделить два основных течения. Первое, наиболее многочисленное (Л. Купер, А. Терни, В. Пауль)⁶ и др., отличается консерватизмом, приверженностью к тенденциозным оценкам. Историки этого направления стремятся доказать, что плохая погода стала главным препятствием на пути немецких войск к Москве. Распутица в конце октября 1941 г. и «сорокоградусные морозы» в ноябре-декабре 1941 г. якобы заставили немцев остановиться у самых стен Москвы⁷.

Второму течению присущ более объективный подход к освещению Московской битвы. Английские историки Дж. Джукс и Дж. Эриксон утверждают, что исход битвы обусловили не распутица и морозы, а действия «способных советских военачальников» и «непреклонных, как сама смерть», советских солдат⁸. Эффективность советской обороны отметил и американский историк Г. Солсбери⁹. Особенно веско против версии о влиянии распутицы и «генерала Зимы» выступил западногерманский историк К. Рейнгард, показавший, что период дождливой погоды в 1941 г. был короче и слабее, чем обычно, и что

⁵ Битва под Москвой: Хроника, факты, люди: В 2 кн. / Рук. авт. колл. В. А. Жилин. М.: ОЛМА-пресс, 2001. Кн. 1.: 926 с.; Кн. 2.: 1022 с.

⁶ Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы, 1941–1942 / отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1999. С. 9

⁷ Рычкова О.В. Битва за Москву: взгляд из Америки // Вестник Вятского университета. 2013. № 2–1. С. 46

⁸ Jukes G. The Defence of Moscow. N.Y., 1970. P. 77, 78, 110, 121; Erickson J. The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany. L., 1985. Vol. 1. P. 221–222, 258.

⁹ Salisbury H. The Unknown War. Toronto, 1978. P. 91.

немецкие войска остановились не из-за морозов, а из-за неудовлетворительного материального обеспечения и неослабного сопротивления советских войск¹⁰.

В западной историографии существуют различные точки зрения относительно значения Московской битвы. Некоторые историки ограничивают его только ослаблением группы «Центр», другие называют битву одним из поворотных пунктов войны, но при этом ставят ее в ряд с менее значительными успехами вооруженных сил Великобритании и США в Северной Африке.

Контрастом к таким оценкам является вывод К. Рейнгардта о том, что под Москвой потерпела крах стратегия Гитлера, направленная на завоевание мирового господства¹¹. В труде Военно-исторического исследовательского института в Потсдаме «Вторая мировая война» в ряде глав затрагивается ход битвы под Москвой. Б. Вегнер называет сражение под Сталинградом заключительной стадией коренного перелома, указывая на сражение под Москвой как на одну из ранних стадий этого процесса¹².

Таким образом, выделяется несколько важных историографических тем: причины поражений Красной армии, факторы, обеспечившие победу, значение битвы, по которым ведутся дискуссии, и хотелось бы посмотреть, как они отражаются в учебной вузовской литературе 2000-х годов.

Здесь хочется согласиться с тезисом Т. А. Кебак о том, что для вузовских учебников характерен больший идеологический плюрализм репрезентаций Великой Отечественной войны, по сравнению с школьными учебниками. Однако ее мнение о том, что за последние несколько лет

¹⁰ Рейнгардт К. Поворот под Москвой / пер. с нем. М.: Воениздат, 1980. С. 215.

¹¹ Там же. С. 315.

¹² Вегнер Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: пер. с нем. / под ред. В. Михалки. М., 1996. С. 523.

в учебниках для высшей школы усиливается тенденция к трансляции образа войны как центрального события XX в., способного «объединить всю нацию» и постоянно требующего защиты от фальсификации и развенчивания «черных мифов», что вписывается в современный официальный дискурс¹³, кажется преувеличенно позитивным. По крайней мере, это очевидно в отношении отдельных, хотя и ключевых эпизодов Великой Отечественной войны, к числу которых относится и битва под Москвой, юбилей которой вся страна будет отмечать в декабре 2021 г.

Аналізу было подвергнуто 30 учебных изданий для вузов, изданных в России в 21 веке.

Исследование было осуществлено по следующим позициям:

- 1) причины неудач на первом этапе Московской битвы;
- 2) причины успеха оборонительных и наступательных действий;
- 3) положение в Москве в октябре 1941 года;
- 4) значение битвы под Москвой.

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам. В 50% учебников битва под Москвой практически не освещается, несмотря на то, что это самое многочисленное по количеству участников сражение Второй мировой войны, имеющее ключевое значение для ее итога. Авторы ограничиваются только констатацией переходящих из учебника в учебник положений, многие из которых не подтверждаются или отвергнуты современной историографией.

Так, говоря о причинах тяжелого положения, сложившегося по Московской осенью 1941 года, в 47% указывают перевес в технике и живой силе противника, в 23% на первый план выдвигают субъективный фактор — ошибки

¹³ Кебак Т. А. Великая Отечественная война в отражении современных учебников по истории для вузов // Исторический курьер. 2020 № 3 (11). С. 150. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-14.pdf>.

военных, причем в основном командующего фронтом И. С. Конева. И только в одном учебнике отмечаются системные ошибки со стороны Верховного главнокомандующего и руководства страны. В 30% случаев авторы вообще не считают нужным определять причины неудач.

В качестве факторов, обеспечивших победу советских войск чаще всего называются: героизм советского народа (40%), субъективный фактор — переход командования к Г. К. Жукову (30%), роль народного ополчения г. Москвы (30%) и пресловутый «генерал Мороз» (30%).

К сожалению, мало внимания уделяется роли сибирских и дальневосточных дивизий (27%) и идеологическому фактору (20%). В 8 (27%) из учебных пособий вообще не указаны причины победы советских войск.

Положение в Москве, сложившееся в период 15–16 октября 1941 года, стало объектом исследования только в постперестроечное время, до этого факты, свидетельствующие о растерянности руководства и фактическом коллапсе управления, тщательно замалчивались. Уже в первом фундаментальном труде, посвященном Московской битве, она начиналась с 16 ноября, что позволяло уйти от описания трагических событий первой половины октября, которые были связаны с прорывом нашего стратегического фронта и окружением значительных сил трех фронтов в районах Вязьмы и Брянска; не раскрывать причины эвакуации столицы СССР из Москвы, говорить о ее подоплеке, о введении в городе осадного положения и т. д.¹⁴. Казалось бы, с началом новой эпохи ситуация должна была измениться, но отнюдь. Анализ учебных пособий показывает, что и в 20-е годы XXI века авторы данных изданий придерживаются скорее старой, «советской» трактовки, фактически скрывая истинную тяжесть ситуации, в которой оказалась Москва и нивелируя подвиг советских людей, которые смогли из этой катастрофы выйти победителями. Только

¹⁴ Невзоров Б. И. Битва за Москву 70 лет: как ее освещали за эти годы // Вестник МГИМО. 2012. № 1. С. 10

в 8 учебных пособиях говорится о наличии паники в октябре 1941 года (27%), и ни в одном пособии не отмечена ответственность партийных и советских властей, оказавшихся в коллапсе и практически бросивших население города в неведение и без организующего начала.

В отношении значения Московского сражения и места битвы под Москвой в истории Великой Отечественной войны мнения в историографии расходятся очень сильно. Определение коренного перелома в Великой Отечественной войне и роли Московской битвы в нем принадлежит к числу самых дискутируемых проблем в отечественной науке. Это понятие в оборот ввел Сталин в выступлении на торжественном собрании Московского совета 6 ноября 1943 г. Сталинские установки о «коренном переломе» не пересматривались ни в разгар борьбы со «сталинизмом в исторической науке», ни в период горбачевской перестройки. Они прочно вошли в научные труды и учебники¹⁵. Одни полагают, что коренным переломом произошел в ходе Сталинградского сражения¹⁶, другие относят его начало к разгрому гитлеровцев под Москвой¹⁷. А третьи исходят из того, что перелом в войне — одномоментное действие, приводящее к разгрому главной группировки врага и окончательному захвату инициативы. Они считают, что поражение немецких войск под Сталинградом явилось коренным переломом в ходе войны. После этой победы Красная армия, мол, не выпускала стратегическую инициативу из своих рук вплоть до полной капитуляции фашистской Германии¹⁸. Это подтверждает и анализ учебных пособий.

¹⁵ Московская битва в хронике фактов и событий. М.: Воениздат, 2004. URL: http://militera.lib.ru/h/moskovskaya_bitva_v_hronike_faktov/index.html.

¹⁶ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 15–19.

¹⁷ Тюшкевич С. А., Зимонин В. П. Коренной перелом в годы Второй мировой войны: концептуальный, исторический и геополитический // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 114.

¹⁸ Невзоров Б. И. Оборона Москвы — первый из трех китов коренного перелома в войне // Белые пятна военной истории. М., 1999. С. 176–180.

В 40% случаев битва под Москвой оценивается как конец блицкрига. В 17% учебников говорится о том, что битва под Москвой — это начало коренного переворота в Великой Отечественной войне. 27% авторов трактуют Московское сражение как частную операцию, особое внимание сосредотачивая на контрнаступлении 5 декабря 1941 года. А 13% вообще не видят в данном сражении никакого глобального значения для исхода войны.

Подводя итоги, можно согласиться с В. П. Трутом, автором одной из двух статей, посвященных данной теме, что анализ современных вузовских учебников по истории, в том числе даже предназначенных для студентов-историков, свидетельствует, что большинство проблем Великой Отечественной войны отражено в них... недостаточно, без необходимых обобщений и выводов, либо вовсе не упоминается¹⁹.

Удивительным является тот факт, что даже в последние годы часть учебных пособий продолжает консервативно-тенденциозную линию западной историографии, некритически повторяя устаревшие оценки и не обращая внимания на современные отечественные издания (генерал Мороз!).

По нашему мнению, учебные пособия должны содержать точные, выверенные факты, давать их научно обоснованную, объективную и четкую трактовку. При этом можно отмечать различные точки зрения относительно подходов, конкретного содержания и оценок тех или иных вопросов и проблем, но нельзя привносить методологическую сумятицу и какие-либо дискуссионные, расплывчатые, двусмысленные, недостаточно убедительные выводы, не говоря уже об откровенно ангажированных или спорных.

¹⁹ Трут В. П. Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн в вузовских учебниках истории: состояние и перспективы // Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации: материалы междунар. конф. / под ред. Т. С. Гузенковой, В. Н. Филяновой. М., 2010. С. 301–309.

Роман Ефимович
Жигун

Научный сотрудник научно-просветительского центра
«Холокост»

«Сохрани мои письма...». О сборнике писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны

В июне 2021 года, к 80-летию начала Великой Отечественной войны, российский Научно-просветительский центр «Холокост» (Москва) выпустил сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны — «Сохрани мои письма...»¹. Это уже шестой выпуск в одноименной книжной серии, издаваемой центром «Холокост» с 2007 года. А сама по себе работа по поиску, систематизации и оцифровке таких источников, как письма, дневники, фотографии, рисунки и личные документы 1930–1940-х годов, проводится архивом центра «Холокост» уже на протяжении почти 30 лет².

В шестом сборнике «Сохрани мои письма...» более 340 писем, 4 дневника, свыше 200 иллюстраций. Подавляющее большинство документов относится к периоду с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года. Однако первое письмо датировано августом 1940-го, последнее —

¹ «Сохрани мои письма...». Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 6 / сост.: Р. Е. Жигун, Л. А. Тёрушкин; под ред. И. А. Альтмана. М., 2021.

² URL.: <https://holocf.ru/архив-2/>.

апрелем 1947 года. Изданы в сборнике в том числе дневниковые записи, сделанные на передовой Советско-японской войны (такой дневник — большая редкость в связи со скоротечностью военных действий на Дальнем Востоке летом 1945 года). Работа над шестым сборником «Сохрани пои письма...» шла в течение двух лет.

Опубликованные письма и дневниковые заметки написаны советскими евреями, их родственниками за рубежом, членами смешанных семей, а также людьми разных национальностей, упоминавшими в своих письмах судьбы евреев. Несмотря на сосредоточенность составителей именно на еврейских судьбах, в своей совокупности изданные документы представляют почти полную панораму Великой Отечественной войны: фронт, тыл, эвакуация, блокада Ленинграда, оккупация, принудительные работы, плен, Холокост. Книга делится на 54 подборки. Каждая подборка может состоять как из всего одного письма или дневника, так и из обширной переписки сразу нескольких корреспондентов, дополненной дневниковыми записями кого-то из адресатов.

В сборнике примерно одну пятую из всех подборок составляют письма и дневники в той или иной степени известных советских деятелей (прославившихся как во время, так и уже после Великой Отечественной войны). Оставшиеся четыре пятых — это документы самых простых участников, жертв и современников войны. В обоих случаях более 90% текстов опубликовано впервые. Уникальность научно-популярного издания, однако, состоит не только в оригинальности публикуемых источников, но и в том комплексе задач, который был решен в процессе подготовки и в результате выхода книги.

Задача 1. Сбережение исторических источников

Лишь очень небольшая часть изданных в сборнике документов была передана для публикации организациями и учреждениями. Почти все письма, дневники и иллю-

страции (фотографии, рисунки, личные документы и т. д.) обнаружены сотрудниками архивного отдела центра «Холокост» в семейных (то есть домашних) архивах граждан России и шести других государств. Часто хранителями документов оказывались люди почтенного возраста, которым было некому передать ценные артефакты прошлого. Сохранение их в оригиналах или хотя бы в высококачественных электронных копиях (не всегда «хранитель» готов отдать архивистам оригиналы), дальнейшая систематизация, перепечатка рукописных текстов — это уже самоценная работа, даже безотносительно к изданию сборника. В сборник в итоге отбираются самые интересные, наиболее содержательные и эмоциональные тексты, но в процессе работы оцифровывается, расшифровывается и таким образом сохраняется для потомков гораздо большее количество источников.

Автор этих строк в ноябре 2019 года во время командировки в Мюнхен мчал с ноутбуком и переносным сканером с улицы Карла Маркса на бульвар Фридриха Энгельса, чтобы успеть за один день отсканировать фронтовые письма, которые хранили две пожилые дочери бойцов Красной армии. Одна переписка в итоге вошла в сборник, другая — нет; но для науки в архиве центра «Холокост» сохранены они обе.

Задача 2. Введение в научный оборот

Письма и дневники войны — по-настоящему кладезь мелочей, деталей и свидетельств, которые не были зафиксированы в каких-либо других источниках, попросту прошли незамеченными через слишком крупное сито официальных документов.

В шестом сборнике «Сохрани мои письма...» к числу наиболее информативных относятся впервые публикуемые письма Героя Советского Союза Цезаря Куникова (1909–1943)³. Прежде всего стоит отметить вновь

³ «Сохрани мои письма...». С. 44–63.

открывшуюся сторону этого человека: Куников был не только отважным командиром, чье изображение смонтировано на нас с памятников и мемориальных досок, но и несостоявшимся писателем. Из-за гибели он успел проявить талант очеркиста только в своих письмах с фронта. И лишь в этом году они стали достоянием читателя в сборнике «Сохрани мои письма...».

Отметим следующую деталь. В письме от 31 января 1943 года Цезарь Куников пишет матери о заминированных детских игрушках, которые противник сбрасывал с воздуха — они, по словам автора, взрывались в руках у советских детей⁴.

В 2020 году в России был опубликован акт комиссии по расследованию зверств и злодеяний финских войск в Парголовском районе Ленинградской области от 16 мая 1944 года⁵. В нем также были упомянуты такие игрушки. После публикации документа вышла статья на сайте «РИА Новости»⁶. Она получила гневную отповедь в финской прессе: заминированные игрушки были названы «чем-то невероятным»⁷.

Письмо Цезаря Куникова, безусловно, не ставит точки в споре о том, могла ли упомянутая практика существовать в реальности. Автор письма не поясняет, узнал ли он о начиненных взрывчаткой игрушках из каких-то неизвестных современному исследователю официальных сообщений, или, может, до него дошли какие-то слухи

⁴ «Сохрани мои письма...». С. 61.

⁵ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ленинградская область. М., 2020. С. 189–190.

⁶ Зверства нацистов под Ленинградом: взрывчатка в игрушках и яд для больных // РИА Новости. 28.05.2020. URL: <https://ria.ru/20200528/1572126733.html> (дата обращения: 1.07.2021).

⁷ Venäjältä uusi hurja sadismiväite suomalaisista: «Räjähteillä täytettyjä leluja pudotettiin lentokoneesta — lapsia kuoli ja vammautui» // Iltasanomat. 29.05.2020. URL: <https://www.is.fi/ulkomaat/art-2000006523491.html> (дата обращения: 1.07.2021).

с севера страны (сам Куников воевал на юге). Принципиально важно то, что письмо Куникова было написано и отправлено еще за полтора года до того, как был составлен вызвавший споры акт комиссии по расследованию. А значит, существовал и какой-то другой источник информации, которым воспользовался Цезарь Куников.

Еще один пример, когда письмо не только увлекает своей эпистолярной лирикой, но и обогащает науку: открытка, отправленная Добой Давидовной Альфес (Рабин) (1922–1975) из Винницы в Йоханнесбург⁸. Это как раз последний из публикуемых в сборнике источников, датированный 14 апреля 1947 года. Автор пишет о гибели всей своей семьи в Вильнюсе и мельком упоминает свою женитьбу с «Моней Альфесом, сыном дяди Макса». Именно эта, казалось бы, малозначительная фраза позволила составителям «выйти» на семью Альфес — и в результате установить личность «последних двух евреев города Миоры».

По имевшимся ранее сведениям, в июне 1942 года нацистами было уничтожено все еврейское население белорусского городка Миоры, в живых — еще несколько месяцев — были оставлены только безымянный зубной врач и его помощница⁹. Этим зубным врачом, как выяснили составители сборника, был как раз упомянутый в письме «дядя Макс» — Мордух (Макс) Бенционович Альфес (1873–1942) — бывший революционер, дантист, сын некогда знаменитого раввина и писателя. А его помощницей была супруга — Эстер Йоселевна Альфес (Левинсон) (1888/89–1942).

К слову, факт отправки письма из СССР в Южную Африку не должен удивлять. В шестом сборнике «Сохрани мои письма...» приведена другая переписка, в которой разные корреспонденты из одной большой семьи находятся в СССР, Южной Африке, США и Великобритании.

⁸ «Сохрани мои письма...». С. 372–373.

⁹ Холокост на территории СССР: энциклопедия / гл. ред. И. А. Альтман. М., 2009. С. 602–603.

Последний пример «обогащения науки» через частное письмо (последний — в данной статье, но не в самой книге). Для смоленских краеведов, возможно, самой ценной частью сборника станет короткое письмо лейтенанта-танкиста Вениамина Айзиковича Черткова (1922–1943)¹⁰. В письме от 23 марта 1943 года он пишет о своем участии в боях «за важный город С.» (судя по всему — Сафоново Смоленской области). Офицер сетует: «...немцы проложили подземные ходы, в которых могут проходить лошади и подтаскивать орудия». Эти строки — интересный штрих к краеведческой дискуссии о том, пытались ли оккупанты в годы войны добывать в Сафоновском районе бурый уголь (раньше, чем это стали делать советские специалисты). Возможно, упомянутые подземные ходы — это не что иное, как предполагаемые угольные шахты.

Нельзя не рассказать об истории самого письма. Его в середине 2000-х годов обнаружил при сносе дома в центре Москвы рабочий Алексей Горбаткин. В 2020 году он передал находку в архив центра «Холокост». Личность автора письма (обозначенная на фронтовом треугольничке как «В. Чертков») устанавливалась с большим трудом. Выйти на нужного Черткова помог найденный в каталоге Российской государственной библиотеки учебник по судостроению, написанный Хаимом Чертковым — братом офицера (к нему тот обращается в письме¹¹). Еще большего труда стоило найти потомков авторов письма — поиски в итоге привели в израильский город Нагария.

Задача 3. «Спасение» погибших

Как уже было сказано выше, лишь пятая часть авторов и адресатов писем представлена известными деятелями — увековеченными в литературе или даже в скульптурных формах. Биографии большинства людей устанавливались

¹⁰ «Сохрани мои письма...». С. 259.

¹¹ В письме есть обращение «Фима». «Ефим» — вариант имени «Хаим».

в процессе работы над сборником, причем некоторые восстанавливались по крупицам, по обрывочным данным и косвенным свидетельствам (как, например, биография Вениамина Черткова). Публикации каждого расшифрованного письма сопутствовала тяжелая работа по исследованию судеб всех корреспондентов, а также всех третьих лиц, упомянутых в тексте. Многие авторы, адресаты и даже просто упомянутые в письмах и дневниках люди в каком-то смысле обрекли новую жизнь на страницах книги.

К примеру, составителями была восстановлена военная биография сына полка Виктора Андреевича Краснопевцева. Тринадцатилетнего беспризорника упоминает в письме от 22 сентября 1943 года рядовой Рувим Абрамович Подрабинек (1920–1992)¹². Судьбу предстателя весьма известной семьи Подрабинеков проследить несложно (хотя благодаря сборнику в ней впервые возникает удивительная деталь — роман с немецкой девушкой в Берлине, которая даже смелость написать по-немецки письмо матери Рувима Подрабинека в СССР). Однако благодаря стремлению не оставить в неизвестности ни одного упомянутого в книге человека — из небытия возвращается и еще одна авантюрная «линия жизни».

В 1943–1944 годах юный уроженец Можайска Витя Краснопевцев служит в 566-м артиллерийском полку 304-й стрелковой дивизии. В августе 1944 года командование полка отправляет подростка в тыл — учиться в суворовском училище. В тылу Виктор сбегает, и в январе 1945 года его ловит военная комендатура в Тбилиси. Парень, видимо, очень убедительно отстаивал свое право вернуться на передовую — из Тбилиси его направляют в польский город Сандомир. Именно на Сандомирском плацдарме сражался его родной 566-й артполк. Все эти сведения, почерпнутые из документов Министерства обороны, указаны в отдельной сноске внизу страницы. Более того, составители даже отправляли запрос в архивы

¹² «Сохрани мои письма...». С. 246.

Арользена в надежде установить судьбу матери Вити (правда, безрезультатно). Подчеркнем: все эти усилия были направлены на восстановление биографии не автора и не адресата письма, а лишь единожды упомянутого в третьем лице человека. Интересно, что сразу два обозревателя ВГТРК — независимо друг от друга — сравнили работу составителей шестого сборника «Сохрани мои письма...» с работой поисковиков¹³.

Задача 4. Педагогика и передача «исторической памяти»

Одна из статей на сайте корпорации «Российский учебник» в своем названии содержит фразу, которую, может быть, стоит выучить как поговорку каждому педагогу: «Трагедия множества — не трагедия цифр»¹⁴. Цифры абстрактны: сами по себе числа «27 миллионов погибших в войне», «6 миллионов жертв Холокоста», «2 миллиона 800 тысяч советских жертв Холокоста» — едва ли могут вызвать эмпатию, сострадание, какую-либо эмоциональную реакцию. Это числа. Достаточно абстрактны для современного учащегося и любые другие статистические данные, равно как схемы движения дивизий и фронтов. Отклик вызывает не число и не схема, а судьба человека на войне. Важно понять, что 34 тысячи евреев, расстрелянных в Бабьем Яре 29–30 сентября 1941 года, — это 34 тысячи конкретных человеческих судеб. Равно как в стратегических операциях Красной армии участвовали конкретные живые люди, а не условные сотни тысяч комбатантов. Статистика важна, но осознать ее, понять глобальное по-настоящему можно только через частное.

Важную и очень сложную задачу передачи человеческой памяти о Великой Отечественной войне уже выпол-

¹³ Сергей Шаргунов в программе «Двенадцать» от 25.06.2021 и Евгений Сатановский в программе «От трех до пяти» от 28.05.2021.

¹⁴ Трагедия множества — не трагедия цифр // Корпорация «Российский учебник». 27.01.2021. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/mezhdunarodnyyden-pamyati-zhertv-kholokosta/> (дата обращения: 1.07.2021).

нили за нас сами современники событий — авторы писем и дневников. Они, выжившие и погибшие, рассказывают о масштабных исторических событиях понятным человеческим языком, на понятном каждому человеческом уровне. Остается только издать их письма и дневники, придав им при этом научную огранку.

Одна из жертв Бабьего Яра, пятнадцатилетняя киевлянка Соня Маловицкая, ясно предвидя собственную участь, успевает за десять дней до захвата Киева отправить письмо и навсегда попрощаться в нем со своей эвакуированной подругой. Она ярко описывает обстановку в Киеве в последние дни перед оккупацией, рассказывает о своих личных терзаниях и переживаниях¹⁵. Старший сержант Ефим Лазаревич Френкель (1901–1943), вместо того, чтобы поберечь своих родных, в самых пугающих красках и устрашающих подробностях описывает Курскую битву — так, как видел ее персонально он. Кроме того, он интересуется судьбой евреев в каждом отбитом у противника населенном пункте и фиксирует в письмах рассказы переживших оккупацию¹⁶. Сержант Наум Ефимович Цейтлин (1908–2004), прошедший всю войну, подробно и старательно записывал все лично ему интересное в письмах и в дневнике¹⁷. Пользуясь знанием языков, он также «интервьюировал» иностранцев: как освобожденных узников, так и немецких граждан. Наблюдения и «интервью» он дополнял своими собственными размышлениями и анализом. Так, летом 1942 года в передышке между боями Цейтлин специально обходит отбитые у врага блиндажи и ищет книги, чтобы понять, какую литературу читают нацисты. Результаты «полевого исследования» он записывает и по-своему комментирует. Ничто из перечисленного не входило в служебные обязанности сержанта, воевавшего в разное время артиллеристом, топографом и автоматчиком. Тем ценнее

¹⁵ «Сохрани мои письма...». С. 110–112.

¹⁶ Там же. С. 261–282.

¹⁷ Там же. С. 178–201.

записи, сделанные не для официоза, а для близких и для самого себя (не считая писем, которые Наум Цейтлин прямо из окопа слал писателю Илье Эренбургу). Причем речь идет — здесь и везде — не о воспоминаниях, искаженных послевоенными идеологическими установками и вполне естественными особенностями человеческой памяти, а об источниках, созданных «здесь и сейчас». Интересно, думал ли Наум Цейтлин, посвятивший жизнь педагогике, об огромном педагогическом значении собственных писем и дневника?

В наши дни, желая отдать должное военному поколению, мы зачастую увлекаемся «монументализмом». Мы приписываем людям войны сверхъестественные качества, подчеркиваем их отличия от современного человека, выделяем их даже как отдельных субъектов уголовного права! Правильно ли это? «Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватило противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?» — цитата, которая хорошо смотрится среди бетонных скульптур Евгения Вучетича на Мамаевом кургане. Но она плохо звучит в учебной аудитории.

Не следует, пускай из самых благих побуждений, разрывать связь поколений. Важно показать, что Великая Отечественная война — это отнюдь не мифологический эпос о титанах («не то, что нынешнее племя!»), но реальная и «осязаемая» история про таких же людей, как мы с вами. Такие же простые люди, которым довелось жить и умирать в непростые времена. Тогда школьник или студент сможет соотносить себя с фронтовиком, блокадником, жертвой и спасителем.

Письма и дневники — лучший инструмент для передачи памяти (особенно в условиях, когда живых современников войны становится исчезающе мало). Авторам писем и дневников, несмотря на весь их ореол героев и мучеников, на самом-то деле ничто человеческое не было чуждо. Например, даже в самый разгар войны они по-прежнему вспоминали понравившиеся кинокартины, давали

им оценку, выделяли игру тех или иных артистов — ровно так, как это делаем сейчас мы.

Что будет особенно понятно и близко «нынешнему племени», это «блогерское» начало у многих авторов. Да, многие люди военного времени по натуре были блогерами! Просто вместо социальных сетей они использовали бумагу, которую или отсылали родным и друзьям (письма), или хранили при себе (дневники)¹⁸. Кто-то писал длинные посты, которые сейчас хорошо смотрелись бы в «Фейсбуке». Другие предпочитали лапидарные записи наподобие сегодняшних публикаций в «Твиттере». А вот старший лейтенант Лазарь Элкунович Векслер (1904–1990) был истинным инстаграмером. С осени 1944 года он писал исключительно на красочных открытках с видами польских и немецких городов, и часто содержание послания было комментарием к картинке на лицевой стороне. Офицер оказался большим любителем архитектуры, посредством писем вел своего рода тревел-блог, где больше писал о фризах, чем о фрицах. К 1945 году на груди у Лазаря Векслера было два ордена и три медали; но быть героем — это не значит обязательно отличаться от «обычного человека» с его простым человеческим любопытством. Обычные люди погибали и победили, мы можем и должны сопоставлять себя с ними (а может быть, и узнавать в них самих себя).

Интересно, что трансмиссия памяти — это задача, которую шестой сборник «Сохрани мои письма...» начал выполнять еще задолго до момента выхода. 340 писем и 4 дневника — два составителя и один редактор банально не смогли бы сами перепечатать такой объем тестов (не говоря уже о тех многочисленных текстах, которые были расшифрованы, но в финальную верстку все-таки не вошли). Трудоемкую работу по переводу оригинальных рукописей и их сканов в электронный текст выполняли

¹⁸ Впрочем, дневниковые записи могли отправляться домой в качестве писем.

около трех десятков волонтеров — юношей и девушек. Они и стали первыми читателями собранных архивом центра «Холокост» писем и дневников, они искренне переживали за авторов, часто спрашивали: «А что все-таки случилось с человеком, чьи письма я набирал, выжил ли он?» Они от души плакали и от души смеялись — в те редкие моменты, когда автор источника позволял себе пошутить. Волонтеры стали первыми, кто проникся судьбами из прошлого и ощутил «аромат времени», увидев, как вообще выглядит фронтовой треугольничек или карманная записная книжка.

Педагогический потенциал издания огромен. Не зря в конце книги — в помощь педагогу из любого уголка России — сделан географический указатель. Брянский учитель найдет к уроку самые живые и пронзительные письма и дневниковые записи, где упомянуты топонимы Брянщины. Уральцы и сибиряки запросто найдут в сборнике своих земляков, бывших соседей.

В заключение отдельно отметим иллюстрационную вкладку сборника. Это дополнительные 32 полосы с цветными изображениями: фотографии, документы, рисунки, сканы писем и различные другие источники, которые интересны читателю своим внешним видом. Например, личный жетон узника лагеря Штаумюле, принадлежавший Сергею Березнеру (1900–1960) — зятю сподвижника Ленина Николая Подвойского, еврею, сумевшему в нацистском плену скрыть свою национальность. Это яркая деталь, дополняющая трогательную переписку Серя Березнера с женой Ольгой, которая начинается в первые дни войны, обрывается в июле 1941 года и чудесным образом возобновляется в сентябре 1945 года (четыре года супруги не знали ничего о судьбе друг друга!)¹⁹.

Какие-то изображения во вкладке иллюстрируют те 54 подборки, которые находятся в основной части из-

дания. А какие-то представляют собой уже отдельные истории, «рассказанные» не через текст, но через изображение. Ведь в некоторых семьях не сохранилось писем и дневников, но остались фотографии, документы и вещи, которые говорят сами за себя. Так, например, в сборнике опубликованы два фронтовых снимка старшины Михаила (Моисея) Шмулевича Карповецкого (1921–1981). На них он изображен с однополчанином — будущим заслуженным артистом РСФСР Алексеем Смирновым (механик Макарыч из картины «В бой идут одни „старики“»). Эти фотографии были обнаружены составителями сборника у дочери Михаила Карповецкого, и они никогда ранее не публиковались.

¹⁹ «Сохрани мои письма...». С. 73–76, 349–370 (переписка до и после пленения дана двумя разными подборками).

*Елена Михайловна
Мальшева*

Д. и. н., профессор, профессор кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета (г. Майкоп), член секции по проблемам военной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории, Академик РАЕН по секции теории и истории войны, член Ассоциации историков Второй мировой войны, заслуженный работник высшей школы РФ

Основные тенденции и поиск общих подходов. К освещению роли СССР в отражении японской агрессии и завершении Второй мировой войны на Дальнем Востоке

Для выстраивания новой системы современных международных отношений на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе колоссальное значение имеет анализ оценок роли СССР в отражении японской агрессии и завершении Второй мировой войны.

Вторая мировая война продолжалась 2194 дня. В ней участвовали 72 государства с населением 1,7 млн человек (80% населения земли). Нейтральными оставались всего 6 государств, а боевые действия велись на территории 40 государств. Было мобилизовано 110 млн человек. Погибло более 60 млн человек, среди которых наряду с военнослужащими было много гражданских лиц. Погибло

27 млн советских людей. Большие потери понесли поляки, югославы, китайцы, немцы, другие народы. СССР внес решающий вклад в разгром фашистской Германии. На советско-германском фронте за 1941–1945 гг. было уничтожено свыше 70 тыс. самолетов (более 75% к общим потерям Германии за всю войну), около 50 тыс. танков и штурмовых орудий (до 75%), 167 тыс. артиллерийских орудий (74% общих потерь).

В общей сложности, по официальным данным Министерства обороны Российской Федерации, Советская армия потеряла 8 668 400 человек и уничтожила 6 923 700 солдат и офицеров вермахта и его союзников. На советско-германском фронте воевало наибольшее количество немецких военнослужащих и их союзников. Советские войска освободили огромные территории с населением в сотни миллионов человек¹.

Историческое наследие событий 75-летней давности, завершивших жесточайшее военное противостояние планетарного масштаба, является одной из ключевых проблем современной отечественной и европейской историографии.

За прошедший после завершения Второй мировой и Великой Отечественной войн период в исследовании проблем этого периода произошли качественные изменения. В послевоенные годы получила развитие официальная отечественная концепция Великой Отечественной войны, сформированная традиционной советской историографией, основательно расширилась источниковая база исследований. В постсоветский период наблюдается отказ от однозначной трактовки истории повседневности, отказ от некоторой «плакатности» и мифов, ставших привычными для первых послевоенных лет второй половины XX в.

Значительно расширена и продолжает развиваться источниковая база, расширяющая представления

¹ См. *Фортунатов В.В.* История мировых цивилизаций. СПб.: Питер, 2011. 527 с.

о событиях военного периода, в научный оборот вводятся новые документы и материалы.

Исследованиям истории войны в современной отечественной историографии присуща эволюция: трактовки реалитов войны представляются как сложно-многомерные, зачастую противоречиво-неоднозначные. В 90-х гг., после целенаправленного развала СССР, в результате социально-политических деструктивных трансформаций российского общества неоправданно тотальному и далеко не всегда оправданному пересмотру подвергались устоявшиеся доктрины советской историографии. Открыто лоббировалось нигилистическое отношение к оценке ряда устоявшихся ключевых концептуальных оценок истории войны, предопределявших тенденции развития и анализа важных проблем и аспектов социально-политической и экономической истории военного периода в отечественной историографии. Одновременно наметилась позитивная тенденция расширения спектра тем и жанров исследований, на порядок возросли тенденции развития сотрудничества с зарубежными историками войны.

Тем не менее история войны продолжает оставаться объектом политической борьбы. В «национальных историографиях» самой кровопролитной в мировой истории войны обозначился радикальный пересмотр устоявшихся констант. Противостояние в историографии достигает своего пика в обостряющейся полярности трактовок ряда ключевых событий военного периода. Начиная с оценок советско-германского пакта о ненападении, включая альтернативные, подчас эпатажные гипотезы о соотношении реалистических и идеологических приоритетов внешней политики СССР в канун войны, до непризнания величия подвига советского народа, воевавшего и трудившегося исключительно под давлением тоталитарного режима и НКВД.

В современных условиях, когда документальная база значительно пополняется публикациями оцифрованных документов и материалов, создается новое информаци-

онное пространство для изучения истории войны. Вместе с тем концептуальное осмысление характера Второй мировой, своеобразия Великой Отечественной войны отставало и отстает от источноковедческого и историописательного жанра изучения этой тематики².

1 января 1942 г. в США была подписана декларация по созданию антигитлеровской коалиции, в которую вошли 26 государств, число которых возросло к 1945 г. достигло более чем в два раза и достигло 56 членов союзных государств.

Успехи советских вооруженных сил в противостоянии нацистской Германии на «восточном фронте» изменили ситуацию: из состава союзников нацистской Германии вышли Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия. Получило свое развитие и активизировалось движение Сопrotivления в таких странах, как Югославия, Франция, Италия. В конце 1943 г. состоялась встреча первых лиц руководства СССР, Англии и США в Тегеране, на которой было принято решение о высадке союзных войск в Нормандии Франции. В 1945 г. на Ялтинской и Потсдамской конференциях рассматривались перспективы послевоенного устройства Германии и ряда других европейских стран: наряду с демилитаризацией Германии, воссоставлялись Польша, Чехословакия, Югославия, другие государства. К Советскому Союзу отошла часть Восточной Пруссии вместе с Кенигсбергом; на Дальнем Востоке были возвращены Южный Сахалин и Курильские острова.

Согласно договоренности с союзниками, СССР обязывался вступить в войну против Японии через три месяца после окончания войны в Европе и капитуляции нацистской Германии. СССР рассматривал войну с Японией как задачу приближения окончания Второй мировой

² *Галлямова Л. И.* Финал Второй мировой войны на Дальнем Востоке (дискуссионные вопросы современной отечественной историографии) // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 5–20.

войны. Согласно подписанному в Ялте соглашению Россия возвращала Южный Сахалин, утраченный в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг.³

Монголия получала статус независимого государства; за СССР признавались интересы в отношении военно-морской базы в Порт-Артуре и Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая до 1905 г. принадлежала Российской империи.

После подписания Сан-Францисского мирного договора, официально завершившего Вторую мировую войну, Япония отказалась от своих притязаний на Сахалин и передала остров в распоряжение Советского Союза. 8 августа 1945 г., через два дня после атомной бомбардировки американскими военно-воздушными силами Хиросимы и за день до того, как вторая бомба была сброшена на Нагасаки, СССР объявляет войну Японии. В американской и европейской историографии периода «холодной войны» подчеркивалась роль ядерных бомбардировок, как фактор, вынудивший Японию капитулировать⁴.

Отметим, что в появившихся сравнительно недавно в открытом доступе японских документах особо отмечается, что объявлением войны Японии СССР ускорил ее поражение и окончание Второй мировой войны.

История развития отношений СССР и Японии имеет давнюю традицию. Оценка роли СССР в разгроме милитаристской Японии и окончании Второй мировой войны носит противоречивый характер, трактуясь неоднозначно. Известно, что после окончания военных действий в Европе и капитуляции Германии продолжались боевые действия на Дальнем Востоке с Японией.

³ 7 мая 1875 г. в Санкт-Петербурге был подписан договор с Японией, по которому Россия получила Южный Сахалин, Япония — острова Курильской гряды.

⁴ Мэнкофф Дж. (Mankoff J.). Участие СССР в войне с Японией: значение и последствия // URL: <https://inosmi.ru/russia/741244.html/20150820> (дата обращения: 28 октября 2020).

В соответствии с договоренностью, достигнутой на Ялтинской конференции, 5 апреля 1945 г. СССР денонсировал пакт о нейтралитете с Японией. Причиной этого была политика, проводимая Японией в отношении Советского Союза, превратившаяся в сплошную цепь провокаций и военных приготовлений. В самый сложный для Советского Союза период войны японская разведка снабдила германскую разведку шпионскими данными об экономической и военной мощи Союза. Большой помощью Германии со стороны Японии было сосредоточение в Маньчжурии вдоль границ с СССР почти миллионной Квантунской армии, считавшейся отборной силой японских сухопутных войск.

26 июля 1945 г. СССР, США и Китай потребовали от Японии безоговорочной капитуляции. Требование было отклонено. 6 и 9 августа американцы сбросили две атомные бомбы на японские города, погибло 114 тысяч японцев.

С 9 августа по 2 сентября 1945 г. была разгромлена Квантунская армия, освобождена территория в 1,3 млн кв. км с населением свыше 40 млн человек. Японская делегация на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе 2 сентября подписала акт о безоговорочной капитуляции с участием всех союзных держав. По условиям капитуляции Японию занимали американские войска. К СССР отошла южная часть Сахалина и острова Курильской гряды. Сфера его влияния распространилась на Северную Корею и Китай. Однако мирный договор с Японией подписан не был, причиной же стали острова Уруп, Кунашир, Хабоман и Итуруп. Вторая мировая война закончилась⁵.

21 августа 2010 г. на «Иносми» была опубликована под названием «Историки переосмысливают роль

⁵ Решающая роль СССР в разгроме милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. URL: https://vuzlit.ru/527978/reshayuschaya_rol_rossr_razgrome_militaristskoy_yaponii_okonchanie_vtoroy_mirovoy_voyny. (дата обращения: 20.08.2020).

Советского Союза в поражении Японии» с оговоркой, что материалы содержат оценки исключительно зарубежных СМИ и не отражают позицию редакции.

Публикация содержит сведения о том, что в августе 1945 г., когда американские самолеты сбрасывали атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, 1,6 млн советских солдат атаковали японские силы в Восточной Азии, и за несколько дней миллионная Квантунская армия была разбита. Это событие привело к перелому на Тихоокеанском театре военных действий Второй мировой войны, но в книгах по истории его часто заслоняют сброшенные на той же неделе атомные бомбы.

Однако в последние годы некоторые историки доказывают, что действия Советского Союза «в большей мере, чем атомные бомбардировки, способствовали окончанию войны». В той же публикации отмечено, что профессор истории Калифорнийского университета в Санта-Барбаре поддержал эту точку зрения, заявив, что «страх перед советским вторжением подтолкнул японцев сдать Америке, которая, как они считали, обойдется с ними лучше, чем Советский Союз».

Операция «Августовская буря» началась 9 августа 1945 г., когда на Нагасаки была сброшена бомба. За две недели боев погибли 84 тыс. японских солдат и 12 тыс. советских. Советские войска остановились всего в 50 км. До острова Хоккайдо. Цуеси Хасегава (Tsuoyoshi Hasegawa), недавно издавший монографию «Наперегонки с врагом» (*Racing the Enemy*), посвященную завершению войны на Тихом океане, считает, основываясь на рассекреченных советских архивах, а также на японских и американских документах, что «вступление Советского Союза в войну внесло намного больший вклад в капитуляцию Японии, чем атомные бомбы». Мнение Хасегава разделяет английский историк, сотрудник лондонского Имперского военного музея Второй мировой Терри Чарман (Terry Charman). «Удар, который нанес СССР, все изменил, — говорит Чарман. — Правительство в Токио осознало, что надежды не осталось,

и в этом смысле „Августовская буря“ сильнее подтолкнула Японию к капитуляции, чем атомные бомбы».

В Соединенных Штатах на бомбардировки до сих пор многие смотрят как на крайнее средство, которое пришлось применить, чтобы заставить сдаться врага, намеренного сражаться до последнего. Президент Гарри Трумэн и военное руководство США считали, что вторжение в Японию стоило бы сотен тысяч жизней американских солдат.

По мнению американского историка Ричарда Франка (Richard Frank), работающего над трехтомной «Историей войны на Тихом океане», какими бы ужасными ни были атомные бомбардировки, они спасли жизни сотен тысяч американцев и миллионов японцев, военных и штатских, которые погибли бы, продолжайся война до 1946 г. «Согласно знаменитому высказыванию министра обороны Генри Стимсона (Henry Stimson), альтернативы атомной бомбе не гарантировали скорого окончания войны, зато предполагали больше смертей и страданий».

На страницах сайта «ИноСМИ.ру» периодически появляется информация по рассматриваемой теме, публикуются различные оценки и подходы. Так, несогласие с точкой зрения Хасегава в вопросе о сравнительной важности советского вмешательства и атомной бомбы как факторов, способствовавших капитуляции Японии, выражает Франк, работающий над трехтомной историей войны на Тихом океане. Впрочем, по его словам, они оба согласны в том, что окончательная ответственность за случившееся лежит на японском правительстве и Хирохито, который «решил в июне поставить под ружье почти все население, в том числе большую часть женщин, и драться до конца»⁶.

Об эффекте, который произвело молниеносное продвижение советских войск, свидетельствуют слова японского премьер-министра времен войны Кантаро Судзуки

⁶ Историки переосмысливают роль Советского Союза // URL: inosmi.ru/Россия/./html (дата обращения: 21.08.2020).

(Kantaro Suzuki), убеждавшего свое правительство капитулировать. Он заявил, как об этом пишет в своей книге Хасегава: «Если мы упустим сегодня эту возможность, Советский Союз захватит не только Маньчжурию, Корею и Сахалин, но и Хоккайдо. Мы должны закончить войну, пока мы еще можем иметь дело с Соединенными Штатами». 15 августа Япония прекратила сражаться (в США день победы над ней празднуется 14 августа), а 2 сентября последовала формальная капитуляция.

По оценке профессора российской истории из Лондонской школы экономики Доминика Ливена (Dominic Lieven), антисоветский настрой Запада породил тенденцию к преуменьшению военных достижений Советского Союза. Тем более что «лишь немногие англичане и американцы видели продвижение советских войск на Дальнем Востоке своими глазами, а в советские архивы западных историков не пускали». Историк предполагает, что «в самой России на эту кампанию не обращали большого внимания: 12 тыс. погибших в боях с японцами терялись на фоне войны с нацистской Германией, унесшей жизни 27 млн советских граждан»⁷.

Международный военный трибунал, состоявшийся в Токио, наряду с Нюрнбергским трибуналом в Германии, стал знаковым событием XX в. 2 ноября 1948 г. был объявлен обвинительный приговор 28 японским руководителям. К смертной казни через повешение было приговорено 6 военных и один гражданский чиновник Японии. Токийский трибунал, вынесший наказание за зверства японской армии в Китае, Бирме, на Филиппинах и в других странах, за преступления против человечности, сыграл свою роль, став справедливым возмездием за совершенные в Дальневосточном регионе преступления японской военщины.

⁷ Историки переосмысливают роль Советского Союза в поражении Японии // The Associated Press, США. 21.08.10 (дата обращения: 18.08.2020).

Как отмечает японский писатель-документалист Масаясу Хосака⁸, «можно сказать, что вследствие этого трибунала „чувство ненависти к Японии“ населения стран антигитлеровской коалиции, главным образом США, хотя бы внешне было удовлетворено».

Анализ влияния исторического наследия на выстраивание новой системы международных отношений в Тихоокеанском регионе в послевоенные годы показывает, что в зарубежной историографии, европейской публицистике и СМИ встречаются не подтвержденные историческими источниками оценки роли СССР и его вклада в завершение Второй мировой войны, отрицающие или принижающие роль СССР в этих процессах. Исследования, проведенные с использованием новых материалов из архивов России, США и Японии Ц. Хасегавой, японским исследователем-историком, позволили ему сделать вывод, консолидированный с оценкой советских военных экспертов. Ц. Хасегава пишет: «В принятии Японией решения о капитуляции вступление в войну СССР сыграло существенно большую роль, чем атомные бомбардировки». Подобное же суждение высказывает сотрудник лондонского Имперского музея истории войн Т. Чермэн, который отмечает, что именно «советская атака изменила все... и японские лидеры поняли, что никаких надежд не осталось»⁹.

17 августа 2020 г. «ИноСМИ.ru» опубликовал редакционную статью «Hokkaido Shimbun (Япония): 75 лет со дня окончания войны. Необходимо всемерно уважать ценность человеческой жизни». В ней отмечается, что война только в Японии унесла жизни 3 млн 100 тыс. человек, а во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе погубила более 20 млн человек.

⁸ 70-летия годовщина завершения Токийского процесса. 17.03.2018. Масаясу Хосака. URL: <https://inosmi.ru/history/20180317/241722854.html> (дата обращения: 19.08.2020).

⁹ О роли СССР в завершении Второй мировой войны. Российский институт стратегических исследований. URL: <https://riss.ru/analitics/2269/> (дата обращения: 20.08.2020).

«Уже три четверти века страна живет по мирной Конституции, в которой отрицается война и декларируется принцип необладания военной силой. ... Япония идет по пути, который не позволяет ей стать той страной, которой она была в военное время». Газета «Хоккайдо симбун» обеспокоена «повышением градуса агрессивности» в японской внешней политике.

Люди забывают об ужасах войны, отмечает газета, и о том, что благополучная жизнь возможна только благодаря миру, «однако международную обстановку в мире спокойной никак не назовешь». В публикации выражается сомнение, что удастся удержать мирную обстановку, и в этом контексте вызывает у редакции газеты «большие сомнения» оценка действий японского премьер-министра Синдзо Абэ.

На высказываемые в историографии и зарубежных СМИ некомпетентные суждения и оценки серьезным аналитическим ответом служат квалифицированные исторические исследования отечественных и зарубежных авторов.

В этом контексте необходимо подчеркнуть значение изданной в Москве в издательстве «Вече» книги «Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке». Это исследование, посвященное теме войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и участия в ней СССР, было подготовлено в результате совместного научного труда Комиссии при Президенте России и «Фонда исторической перспективы» под руководством доктора исторических наук Н. А. Нарочницкой.

Итак, мы видим, что наряду со взвешенными и уверенными современными научными подходами к освещению роли СССР в отражении японской агрессии и завершении Второй мировой войны на Дальнем Востоке, высказываются альтернативные точки зрения.

Противоположные суждения, отрицающие значимость Победы над нацизмом, заглушают возможную «перспективу» развития истории мировой цивилизации

в случае реализации варварских преступных идей о мировом господстве агрессивного германского нацизма.

Согласимся, что «обращение к урокам прошлого действительно необходимо и злободневно», как и призыв российской стороны на самом высоком уровне ко всем государствам «активизировать процесс открытия своих архивов, публикацию ранее неизвестных документов предвоенного и военного периодов» и развивать широкое сотрудничество в совместных исследовательских проектах ученых-историков».

Принципиально важно опираться только на архивные материалы, свидетельства современников, исключить любые идеологические и политизированные домысливания». Об этом пишет Президент РФ В. В. Путин в своей статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим»¹⁰.

И в этом контексте остается актуальной задача поиска ответов на многие вопросы, ответы на которые до сегодняшнего дня хранятся в архивах России, США, Европы под грифом «совершенно секретно».

Задача историков лежит в плоскости определения основных взвешенных тенденций развития историографии и поиске общих подходов во имя исторической истины. Вопрос о решающем вкладе СССР в завершение Второй мировой войны, его вкладе в Победу над нацистской Германией и ее сателлитами, признание всемирного исторического значения приобретает научно-практическое значение.

¹⁰ Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России. 2020. 22 июня. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 2 сентября 2020).

*Владимир Георгиевич
Кикнадзе*

Д. и. н., доцент, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук; главный редактор журнала «Наука. Общество. Оборона»; заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала»; член Научного совета РВИО

Нормативно-правовое обеспечение сохранения и защиты памяти о Великой Отечественной войне в России: направления совершенствования

Война немцев против Советского Союза была варварством убийц. Как бы нам тяжело ни было, мы обязаны помнить об этом. Память об этом аде, абсолютной вражде и расчеловечивании других людей — эта память остается долгом для нас, немцев, и предупреждением для всего мира.

Ф.-В. Штанмайер,
президент Германии, 2021 г.

«**В**еликое поколение победителей, к сожалению, уходит, — отметил президент России В.В. Путин в ходе заседания Российского организационного комитета «Победа» 20 мая 2021 года. — Но тем выше наша ответственность за их наследие, особенно сейчас, когда мы все чаще сталкиваемся с попытками обогатить, извратить историю, пересмотреть роль Красной армии в разгроме нацизма, в освобождении народов Европы от коричне-

вой чумы» (курсив наш. — В. К.). По мнению президента, посредством фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн противники России проталкивают идеи пересмотра итогов Второй мировой войны, оправдания нацистских преступников¹.

Фальсификация истории, то есть умышленное подделывание, искажение истории с целью выдать за подлинное, настоящее, осуществляется по различным направлениям и разными способами. И связана она, прежде всего, с явным умышленным нарушением принципов исторической правды. Попытки фальсификации истории Второй мировой войны предпринимаются в том числе и для реабилитации фашизма и нацизма, оправдания вполне конкретных персоналий и организаций за преступления против мира, за военные преступления, за преступления против человечества, за геноцид советского народа, который в 2020 году признан в судебном порядке.

Российское общество едино в понимании того, что фашизм и нацизм как формы проявления политического экстремизма должны преследоваться по закону. Определенная нормативная база для успешного противодействия этому явлению имеется. Основой правовой базы является Конституция Российской Федерации. Гарантируя свободу мысли и слова, Конституция вместе с тем содержит запрет пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Реализация конституционных прав на свободу слова, выражение своего мнения предполагает как беспрепятственное осуществление каждым этой свободы, создание государством необходимых для этого правовых и организационных механизмов, так и решительное пресечение злоупотреблений данной свободой. За нарушение действующих законов виновные подлежат различным видам ответственности — от дисциплинарной до уголовной.

¹ Заседание Российского организационного комитета «Победа» // Президент России: [официальный сайт]. 20.05.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65618>.

В Российской Федерации признается идеологическое многообразие, многопартийность и равенство всех общественных объединений перед законом, при этом запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 13 Конституции)². Вместе с тем идеологическое многообразие в России на протяжении трех десятилетий во многом явилось и той средой, в которой образовались угрозы подрыва традиций защиты Отечества и сплоченности российского народа в результате искажения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Осознание этих угроз национальной безопасности государством и российским обществом привело в 2020 г. к важным поправкам в Конституцию России. Теперь Российская Федерация чтит память о защитниках Отечества, обеспечивает защиту исторической правды и не допускает умаления подвига народа при защите Отечества³.

Появление в России в 2020 году конституционных полномочий на защиту исторической правды вовсе не означает, что этого не делалось раньше. Так, согласно Федеральному закону «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (№ 80-ФЗ от 19.05.1995 г.) важнейшим направлением государственной политики Российской Федерации по увековечению Победы советского народа в Великой Отечественной войне является решительная борьба с проявлениями фашизма. Российская Федерация берет на себя обязательство принимать все необходимые меры по предотвращению создания и деятельности фашистских организаций и движений на своей территории. С 2014 года в Россий-

² Конституция Российской Федерации с изменениями, внесенными на общероссийское голосование. 2020. М.: АСТ, 2020. С. 6.

³ Там же. С. 19–20.

ской Федерации законодательно установлена уголовная ответственность за покушение на реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ), административная ответственность за нарушение порядка использования нацистской символики (ст. 20.3 КоАП РФ), поскольку она оскорбляет многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах.

Нормативно-правовую базу работы на федеральном, региональном и муниципальном уровне также составляют Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» (№ 32-ФЗ от 13.3.1995 г.), заложивший основы системы государственной составляющей противодействия попыткам фальсификации истории, ФЗ «О почетном звании Российской Федерации „Город воинской славы“» (№ 68-ФЗ от 9.5.2006 г.) и Указ Президента РФ «Об условиях и порядке присвоения почетного звания Российской Федерации „Город воинской славы“» (№ 1340 от 01.12.2006 г.), ставшие опорной точкой работы по противодействию попыткам фальсификации истории в регионах страны. Кроме того, это Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (№ 4292–1 от 14.01.1993 г.) и Указ Президента РФ «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» (№ 727 от 16.5.1996 г.) и др.

Однако в последние годы, помимо точечных изменений в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», уточнения в 2019 г. порядка использования нацистской символики и атрибутики, появления в 2020 г. нового почетного звания РФ «Город трудовой доблести», другие изменения российского законодательства являлись во многом мерами запретительного и ограничительного характера (установлена уголовная ответственность за уничтожение или повреждение воинских захоронений и памятников защитникам Отечества — ст. 243.4 УК РФ; усилена уголовная и административная ответственность за реабилитацию нацизма, которая теперь распространяется

на информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет», и юридических лиц; по ст. 354.1 УК РФ введена повышенная ответственность за преступления для группы лиц; установлена уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны, оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны).

Широкою полемику в обществе вызвал внесенный в Госдуму 5 мая 2021 г., принятый 9 июня и подписанный Президентом России 1 июля Федеральный закон «О внесении изменений в ФЗ „Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов“» (№ 278-ФЗ). Он устанавливает запрет публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и стран оси в ходе Второй мировой войны, отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии Союза ССР при освобождении стран Европы. Помимо противников России, критикующих законодательную инициативу Е. А. Ямпольской, поддержанную президентом, законопроект вызвал опасения и в среде российского научного и научно-педагогического сообщества, резонируя на фоне новых законодательных ограничений в просветительской деятельности.

С «перегибами на местах» пошел в массы и Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 ФЗ „Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов“» и статью 1 ФЗ „О противодействии экстремистской деятельности“». Он предусматривает запрет использования, в том числе публичное демонстрирование, являющихся экстремистскими материалами изображений руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором

Нюрнбергского трибунала, как оскорбляющих многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах. Исключение — случаи использования изображений руководителей групп, организаций или движений, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма. Российский книжный союз (РКС) опубликовал обращение к книжным магазинам с просьбой проверить ассортимент книг и в случае нарушений — изъять эти книги и утилизировать. Некоторые торговые сети начали проверку своих залов, и где-то книги стали изымать, например в магазинах Воронежской, Пензенской и др. областей⁴.

Полагая, что основным направлением по снижению информационного воздействия на население, имеющего целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества, противодействию фальсификации истории, является все же образовательная и просветительская деятельность, результатом которой являются знания, понимание, убеждения, память и почитание подвига предков при защите Отечества и освобождении народов иностранных государств, предлагается значительно расширить перечень дней воинской славы и памятных дат России.

На сегодня ФЗ-32 включает 8 дней воинской славы и 3 памятные даты России, связанные с историей Великой Отечественной и Второй мировой войн. При этом вне увековечения памяти воинов и подвига советского народа в 1941–1945 гг. остается подвиг более 2,5 млн советских воинов, отдавших свои жизни при освобождении современных иностранных государств Европы и Азии, а также территорий, вошедших в состав Советского Союза по итогам Второй мировой войны.

⁴ Знаки повсюду. Демонстрация нацистской символики и закон // РБК. «Что это значит», 15.7.2021. URL: <https://tv.rbc.ru/archive/chez/60f067c82ae5965ff490b0ad>.

Несмотря на данные факты массовой жертвенности наших предков на алтарь свободы народов Европы и трехкратное превосходство Красной армии над успехами союзников по антигитлеровской коалиции в количестве разгромленных сил и средств вермахта на территории европейских государств в 1944–1945 гг., по мнению современных европейцев (жители Великобритании, Франции и Германии, опрошенные агентством ICM Research для агентства Sputnik в 2015 г.), ключевую роль в освобождении Европы во Второй мировой войне сыграла американская армия (43%), в то время как армии Великобритании отдано 20% и лишь 13% — Советской армии. Причем наибольшее количество мнений в пользу американской армии выразили французы — 61%. Возможно, такая антироссийская «историческая оценка» французами американцев была вознаграждена размещением изображения флага Франции среди флагов США и Великобритании на памятной медали, выпущенной в США к 75-летию «VE Day 8th 1945 & VJ Day 2nd 1945». Ранее, в 2015 г., на британской монете достоинством одна крона, посвященной 70-й годовщине победы во Второй мировой войне (70th Anniversary Victory WWII), изображались флаги лишь двух государств — Великобритании и США, развернутых вокруг американской статуи Свободы. Здесь стоит напомнить, что, хотя Франция и участвовала в принятии капитуляции Германии в 1945 г., французы массово сражались в составе вермахта против Красной армии. настолько массово, что количество французских добровольцев на Восточном фронте значительно превышало ряды движения Освобождения во Франции. Численность французских добровольцев в советских лагерях для военнопленных составляла в июне 1945 г. более 15 тыс. человек, многие из которых в качестве побежденных в операции «Багратион» прошли по столице СССР 17 июля 1944 года.

Искажающая правду историческая политика США и ведущих государств Европы, безусловно, отражается

и на восприятии граждан других государств. Например, в сравнительном исследовании образов Великой Отечественной войны в исторической памяти российской и белорусской молодежи, проведенном сотрудниками МГУ имени М. В. Ломоносова в 2021 г., установлено, что, хотя пространство общей для России и Беларуси памяти о Великой Отечественной войне сохраняется, происходит ментальное дистанцирование молодых белорусов от культурного единства с Россией. Нарастающая разница связана в том числе с оценкой статуса 9 Мая, преобладанием трагической памяти, акцентированием символов войны и позицией в споре о вкладе в победу СССР и США⁵. Анализ ответов респондентов на вопрос: «Как бы Вы отреагировали на утверждение, что Германию победили США?» — выявил следующее. Большинство российской молодежи считает это утверждение ложью (56%). Аналогичный процент белорусских респондентов выбрали ответ: «США внесли вклад в победу над Германией, но нельзя только их называть победителями». Ложью утверждение, что Германию победили США, определили лишь 28% белорусских студентов.

Как бы Вы отреагировали на утверждение, что «Германию победили США?» (2021 г., МГУ)

Варианты ответов	Россия	Беларусь
Это ложь	56%	28%
США внесли вклад в победу над Германией, но нельзя только их называть победителями	36%	56%
Без США Советский союз не одолел бы Гитлера	4%	12%
Полностью согласен	0%	0%
Никак	4%	12%

Бубнов А. Ю. Савельева М. А. Память о Великой Отечественной войне: сравнительный анализ взглядов российской и белорусской молодежи // Наука. Общество. Оборона. 2021. № 2(27)

⁵ Бубнов А. Ю. Савельева М. А. Память о Великой Отечественной войне: сравнительный анализ взглядов российской и белорусской молодежи // Наука. Общество. Оборона. 2021. № 2(27).

Вопрос был задан, по мнению А. Ю. Бубнова и М. А. Савельевой, исходя из наличия общеевропейского консенсуса в том, что наибольший вклад в освобождение Европы от фашизма внесли США. Этот культурный элемент евроатлантической солидарности, как считают исследователи из МГУ, постоянно поддерживается, в том числе в рамках антироссийской информационной кампании.

Но насколько масштабна и эффективна данная информационная кампания? Кем и какие тезисы продвигаются в российское массовое сознание искажением исторической правды об Освободительной миссии Советского Союза во Второй мировой войне? Некоторые ответы на эти вопросы дают результаты исследования системы «Крибрум. Публичный поиск» на тему «Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа». Предметом исследования стали публикации, распространяемые в русскоязычном сегменте социальных медиа. Объем сообщений составляет более 4,7 млн. В результате с 2014 г. выявлено стабильное увеличение количества сообщений с упоминанием тезисов «СССР — оккупант» и «Россия — оккупант» в СМИ и социальных медиа (к 2019 г. возрастает более чем в 5 раз: с 53 тыс. сообщений в 2014 г. до 305 тыс. сообщений в 2019–2020 гг.). Всего за исследуемый период (до начала 2020 г.) опубликовано более 1 млн 125 тыс. сообщений. Из всего массива сообщений оригинальными являются только 354 тыс. (31%). То есть основная часть публикаций — перепечатки, репосты или ретвиты уже опубликованных сообщений.

Большая часть иностранных авторов является украинскими (22% от общего числа авторов), активность проявляют также аккаунты из Польши (6%), Германии (5%) и Прибалтики (3%). Тезис «СССР/Россия — оккупант» активно используется в антироссийских информационных кампаниях, создавая информационный фон, необходимый для продвижения политических решений. Ярким примером является кампания по сопровождению процес-

са демонтажа памятника И. С. Коневу в Праге в апреле 2020 года.

Несмотря на значительное влияние иностранных авторов на распространение тезиса «СССР/Россия — оккупант», основными «трансляторами» этого тезиса являются российские социальные медиа (61%). На первый взгляд, это является странным, поскольку сам тезис ожидаемо более популярен за рубежом. Вместе с тем в информационной поддержке общественно и политически значимых решений в зарубежных странах активное участие принимают международные рейтинговые СМИ. Это обеспечивает формирование общественного мнения для таких акций, как, к примеру, снос памятников советским героям-освободителям⁶. Полагаю, что знание данных условий современной реальности делает более понятными мотивы законодательных решений власти, направленных на обеспечение информационной безопасности РФ и защиту исторической правды.

Мнение о проблеме искажения истории Освободительной миссии Советского Союза во Второй мировой войне высказал и Президент РФ В. В. Путин в своей статье, опубликованной 22 июня 2021 г. в немецкой

⁶ Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа. М.: Крибрум, 2020. С. 39–43.

еженедельной газете Die Zeit: «Мы гордимся мужеством и стойкостью героев Красной армии и тружеников тыла, которые не только отстояли независимость и достоинство Родины, но и спасли от порабощения Европу и мир. И кто бы ни пытался сейчас переписать страницы прошлого — правда в том, что советский солдат пришел на землю Германии не мстить немцам, а с благородной, великой миссией освободителя. Для нас свята память героев, борющихся с нацизмом» (курсив наш. — В. К.)⁷.

В связи с приведенными выше аргументами, учитывая актуальность проблемы искажения роли советского народа в разгроме фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии, предлагается установить дни воинской славы (памятные даты) России, связанные с Освободительной миссией Советского Союза во Второй мировой войне, которые можно объединить в три группы.

Первая — освобождение войсками Красной армии столиц шести союзных республик (ныне — суверенных государств):

6 ноября — день освобождения советскими войсками города Киева (Украина) от немецко-фашистских войск (1943 год);

3 июля — день освобождения советскими войсками города Минска (Беларусь) от немецко-фашистских войск (1944 год);

13 июля — день освобождения советскими войсками города Вильнюса (Литва) от немецко-фашистских войск (1944 год);

24 августа — день освобождения советскими войсками города Кишинёва (Молдавия) от немецко-фашистских войск (1944 год);

13 октября — день освобождения советскими войсками города Риги (Латвия) от немецко-фашистских войск (1944 год);

⁷ Путин В. В. Быть открытыми, несмотря на прошлое // Президент России, 22.6.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65899>.

22 сентября — день освобождения советскими войсками города Таллина (Эстония) от немецко-фашистских войск (1944 год).

Вторая — освобождение от фашизма войсками Красной армии столиц и территорий девяти государств Европы:

28 августа — день освобождения советскими войсками города Бухареста (Румыния) от немецко-фашистских войск (1944 год);

9 сентября — день освобождения советскими войсками Болгарии от немецко-фашистских войск (1944 год);

20 октября — день освобождения советскими войсками совместно с Народно-освободительной армией Югославии и войсками Болгарии города Белграда (Югославия) от немецко-фашистских войск (1944 год);

25 октября — день освобождения советскими войсками города Киркинес (Норвегия) от немецко-фашистских войск (1944 год);

17 января — день освобождения советскими войсками совместно с Войском Польским города Варшавы (Польша) от немецко-фашистских войск (1945 год);

13 февраля — день освобождения советскими войсками города Будапешта (Венгрия) от немецко-фашистских войск (1945 год);

4 апреля — день освобождения советскими войсками города Братиславы (Словакия) от немецко-фашистских войск (1945 год);

13 апреля — день освобождения советскими войсками города Вены (Австрия) от немецко-фашистских войск (1945 год);

11 мая — день освобождения советскими войсками Чехии от немецко-фашистских войск (1945 год).

Третья — освобождение войсками Красной армии российских земель, государств Азии и территорий, вошедших в состав Советского Союза:

12 мая — день разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Крыму — освобождение Крыма (1944 год);

1 ноября — день разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Советском Заполярье — освобождение Заполярья (1944 год);

9 апреля — день завершения штурма и взятия советскими войсками Кёнигсберга, города-крепости немецко-фашистских войск (1945 год);

2 сентября — день победы советских войск в войне против милитаристской Японии, освобождения Южного Сахалина, Курильских остров, Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи (1945 год).

Кроме того, полагаем целесообразным дополнить общероссийский календарь памятных дат днем, связанным с защитой Отечества молодежью, а именно: 30 сентября — день создания в Краснодоне подпольной антифашистской комсомольской молодежной организации «Молодая гвардия» (1942 год).

Наличие представленных выше дней воинской славы и памятных дат России значительно расширяет возможности государства и общества по увековечению памяти воинов и подвига советского народа при защите Отечества и освобождении стран Европы и Азии, обеспечению защиты исторической правды в соответствии с Конституцией РФ, 80-ФЗ и ФЗ-32, следующими формами:

- публикацией в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» материалов, связанных с днями воинской славы России и памятными датами России, созданием произведений искусства и литературы, посвященных памяти российских воинов, отличившихся в сражениях, связанных с днями воинской славы России и памятными датами России;
- присвоением имен национальных героев, отличившихся в сражениях, связанных с днями воин-

ской славы России и памятными датами России, населенным пунктам, улицам и площадям, физико-географическим объектам, воинским частям, кораблям и судам;

- созданием и сохранением мемориальных музеев, установлением и благоустройством памятников, обелисков, стел, других мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих дни воинской славы России и памятные даты России, организацией выставок (в том числе федерального значения), установлением на местах воинской славы мемориальных знаков;
- пропагандой дней воинской славы России и памятных дат России, которую организует Правительство Российской Федерации (ФЗ-32).

По решению органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления могут осуществляться и другие мероприятия по увековечению памяти российских воинов, отличившихся в сражениях, связанных с днями воинской славы России и памятными датами России (ст. 2 ФЗ-32).

Кроме того, появление дней воинской славы России и памятных дат России, связанных с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Советской-японской войны 1945 г., которые происходили за пределами РФ, делает более полноценными возможности государства (Правительства РФ) по сохранению памяти о советских воинах, погибших за пределами Отечества в смертельной схватке с фашизмом и японским милитаризмом, а именно:

- устанавливать на территориях иностранных государств мемориальные сооружения и объекты, создавать мемориальные музеи и выставки, посвященные дням воинской славы России и памятным датам России (ст. 3 ФЗ-32);

- разрабатывать проекты международных договоров РФ по обеспечению сохранности мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих дни воинской славы России и памятные даты России, которые находятся на территориях иностранных государств, а также участвовать в реализации указанных международных договоров (ст. 3 ФЗ-32);
- согласовывать с соответствующими организациями иностранных государств, на территориях которых находятся указанные мемориальные сооружения и объекты, мероприятия по их сохранению и благоустройству (ст. 3 ФЗ-32).

Поскольку, в соответствии со ст. 5 ФЗ-32, в дни воинской славы России в Вооруженных силах Российской Федерации и других войсках проводятся торжественные мероприятия, а в связи с памятными датами России по инициативе государственных организаций и общественных объединений могут проводиться публичные мероприятия, то появление 20 новых таких дней (18 из которых имеют международное значение), что почти вдвое больше ныне принятых дней воинской славы и памятных дат России, значительно (кратно) увеличивает возможности государства и общества по почитанию памяти о защитниках Отечества, защите исторической правды и недопущению умаления подвига народа при защите Отечества и разгроме фашизма в Европе и Азии в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн. Предложенный подход также приближает мероприятия по увековечиванию памяти воинов и подвига советского народа к окраинным регионам России (Калининградская обл., Сахалинская обл., Арктика; Крым; сейчас на федеральном уровне история Великой Отечественной войны сосредоточена лишь на Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Курске, Кавказе), а также к нашим соотечественникам, находящимся на территориях 18 иностранных государств. Расположение полного перечня действующих и предлагаемых

дней воинской славы и памятных дат России в хронологическом порядке календарного года (см. Приложение), позволяет утверждать, что при положительном законодательном решении история двух десятков актуальных событий Великой Отечественной войны получит основания быть в центре внимания государства и общества не только в юбилейные годы (кратные пяти), а на постоянной основе — ежемесячно, и даже — ежедекадно.

Дополнительные возможности для эффективной реализации просветительского потенциала дней воинской славы и памятных дат истории России создает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. В документе, утвержденном Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г., сохранение культурного и исторического наследия народа России является одним из национальных интересов РФ, а защита исторической памяти отнесена к стратегическим национальным приоритетам. В качестве путей защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти определены в том числе защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившего единства, противодействие фальсификации истории (п. 93.2), а также формирование государственного заказа на проведение научных исследований, публикацию научно-популярных материалов, создание произведений литературы и искусства, кинематографической, театральной, телевизионной, видео- и интернет-продукции, оказание услуг, направленных на защиту исторической правды и сохранение исторической памяти (п. 93.11).

Полагаем, что мероприятия в связи с днями воинской славы и памятных датами России будут проходить красной нитью через всю систему воспитательной работы среди детей и молодежи в образовательных учреждениях среднего и высшего образования, также предусмотренную с 2020 г. российским законодательством.

Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России», по нашему мнению, — это основа годового плана воспитательной работы образовательного учреждения Российской Федерации, поскольку знание истории делает из человека гражданина, а знание военной истории делает из гражданина патриота.

Приложение

Дни воинской славы и памятные даты России, связанные с событиями Великой Отечественной и Второй мировой войн
(проект; * — дни, которыми предлагается дополнить ФЗ-32)

17 января — День освобождения советскими войсками совместно с Войском Польским города Варшавы (Польша) от немецко-фашистских войск (1945 год)*.

27 января — День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 год).

2 февраля — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 год).

13 февраля — День освобождения советскими войсками города Будапешта (Венгрия) от немецко-фашистских войск (1945 год)*.

4 апреля — День освобождения советскими войсками города Братиславы (Словакия) от немецко-фашистских войск (1945 год)*.

9 апреля — День завершения штурма и взятия советскими войсками Кёнигсберга, города-крепости немецко-фашистских войск (1945 год)*.

13 апреля — День освобождения советскими войсками города Вена (Австрия) от немецко-фашистских войск (1945 год)*.

9 мая — День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (1945 год).

11 мая — День освобождения советскими войсками Чехии от немецко-фашистских войск (1945 год)*.

12 мая — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Крыму — освобождение Крыма (1944 год)*.

22 июня — День памяти и скорби — день начала Великой Отечественной войны (1941 год).

29 июня — День партизан и подпольщиков.

3 июля — День освобождения советскими войсками города Минска (Беларусь) от немецко-фашистских войск (1944 год)*.

13 июля — День освобождения советскими войсками города Вильнюса (Литва) от немецко-фашистских войск (1944 год)*.

23 августа — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (1943 год).

28 августа — День освобождения советскими войсками города Бухареста (Румыния) от немецко-фашистских войск (1944 год)*.

24 августа — День освобождения советскими войсками города Кишинёва (Молдавия) от немецко-фашистских войск (1944 год)*.

2 сентября — День победы советских войск в войне против милитаристской Японии, освобождения Южного Сахалина, Курильских остров, Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи (1945 год)*.

3 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год).

9 сентября — День освобождения советскими войсками Болгарии от немецко-фашистских войск (1944 год)*.

22 сентября — День освобождения советскими войсками города Таллина (Эстония) от немецко-фашистских войск (1944 год)*.

30 сентября — День создания в Краснодаре подпольной антифашистской комсомольской молодежной организации «Молодая гвардия» (1942 год)*.

9 октября — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ (1943 год).

13 октября — День освобождения советскими войсками города Риги (Латвия) от немецко-фашистских войск (1944 год)*.

20 октября — День освобождения советскими войсками совместно с Народно-освободительной армией Югославии и войсками Болгарии города Белграда (Югославия) от немецко-фашистских войск (1944 год)*.

25 октября — День освобождения советскими войсками города Киркинес (Норвегия) от немецко-фашистских войск (1944 год)*.

1 ноября — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Советском Заполярье — освобождение Заполярья (1944 год)*.

6 ноября — День освобождения советскими войсками города Киева (Украина) от немецко-фашистских войск (1943 год)*.

7 ноября — День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год).

3 декабря — День Неизвестного Солдата.

5 декабря — День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (1941 год).

Научное издание

1941 ГОД. СТРАНА В ОГНЕ

Сборник статей

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.10.2021. Формат 84×108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 26,46. Тираж 150 экз. Заказ № 2552

Издательство «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

